379.4705
N2324

NARODNOE PROSVESHCHENIIA.

VOPROSY POLITIKI I ORGANIZATSII NARODNOGO PROSVESHCHENIIA.

[1925]

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

379.4705
N2324
c1925

Lacking all but #1

This **BOOK** may be kept out **ONE MONTH** unless a recall notice is sent to you. A book may be renewed only once; it must be brought to the library for renewal.

Form No. 470

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/narodnoeprosvesh1925unse

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

1

январь

Ежемесячный журнал Наркомпроса

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1925

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА.

И. Ходоровский.—Год работы без Ильича 5
А. В. Луначарский.—В. И. Ленин о науке и искусстве 12

ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД

М. Эпштейн.—К итогам съезда 33

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

И. Перель.—На путях к укреплению 3-го фронта 35
Б. Есипов.—Роль инспектуры в деле проведения в жизнь программ ГУС'а . . 58
И. Богданов.—Номинальный и фактический курс обучения в начальной школе. 64

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.

В. Васильева.—Итоги второго Всероссийского съезда по социально-правовой охране несовершеннолетних 75
А. Зорин.—Детдома и детское коммунистическое движение 86
С. Моложавый.—Беспризорный, как объект изучения 97
С. М. Шабалов.—Вопросы труда и производства в детских учреждениях СПОН (К итогам II Всесоюзн. съезда по соц.-прав охране несов-них) 103
Н. Деянова.—Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью. 106
Л. С. Выгодский.—Принципы воспитания физически-дефективных детей . . 112

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД ПО РАБОЧЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Н. К. Крупская.—Общественно-политическое воспитание в школах фабзавуча (Доклад на всесоюзн. съезде по раб. обр.) 121
В. Сенюшкин.—Рабочее профтехническое образование и профсоюзы 125
С. Купидонов.—Новые формы Вечерних Рабочих Техникумов 130
С. Купидонов.—Всесоюзный съезд по рабочему образованию 137

ПРОСВЕЩЕНИЕ НАЦМЕН.

М. Тайтш.—Первый всесоюзный съезд еврейских культработников 147

(Продолжение см. на 3 стр. обложки).

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ВОПРОСЫ
ПОЛИТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

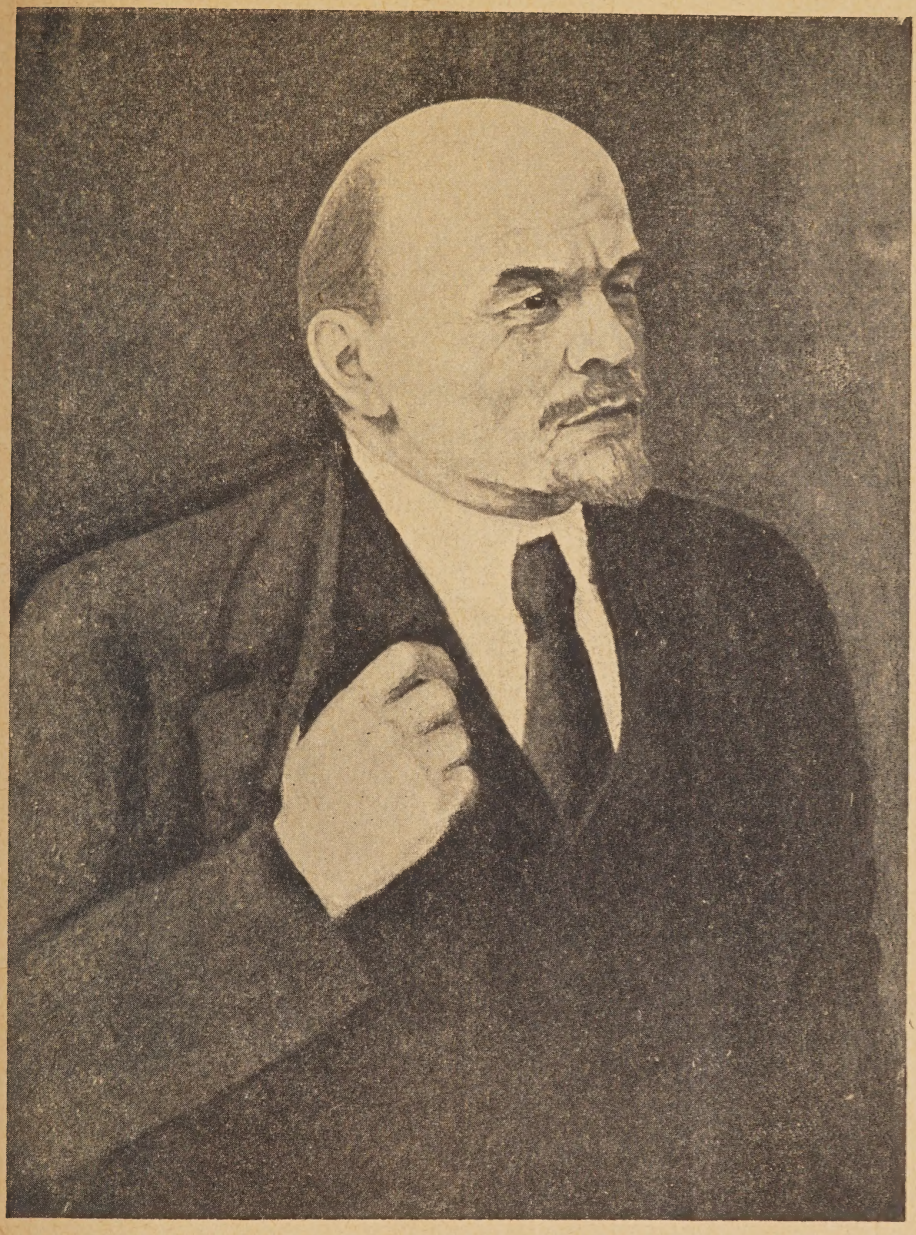
№ 1
Январь.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ◆ 1925

Главлит № 31900. Тираж 5.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий". Пименовская ул., 1/16.



В. И. Ульянов-Ленин.

Н. К. КРУПСКАЯ о В. И. ЛЕНИНЕ.

(Из речи тов. Н. К. Крупской на траурном заседании II Всесоюзного Съезда Советов 27 января 1924 г.).

Товарищи, эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот, что я хотела сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого не говорил он сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую менее торжественную минуту. Но я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно и горячо искать ответа: каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответ на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы, и он нашел там ответы. С этими ответами пошел он к рабочим. Это были девяностые годы. Он не мог говорить тогда на митингах. Пошел он в Петрограде в рабочие кружки. Пошел он рассказывать то, что он узнал у Маркса, рассказывать о тех ответах, которые он там нашел. Но пришел он к рабочим не как надменный учитель. Он пришел как товарищ. Он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорил ему рабочий. А питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабрике, не только об угнетении рабочих, они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке Владимира Ильича. Это—тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семениковского завода, говорил Владимиру Ильичу: тут в городе мне все трудно объяснить, а пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите; я скажу своим родным, скажу и другим крестьянам. Они мне поверят. Я, ведь, свой. И тут никакие жандармы нам не помешают.

Мы, вот, теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной ногой, одной стороной своей—рабочий, а другой стороной—крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся. В том, что он передовой отряд, в том, что за ним идут далее все массы трудящихся, все массы угнетенных, в этом его сила, в этом залог его победы. Только как вождь всех трудящихся, рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он ходил и работал среди питерских рабочих, и эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса, он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся. Он понимал, что историческая задача рабочего класса—освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Вот эта основная идея и наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи представители Советских Республик, республик трудящихся к вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной. Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое для Ленина знамя, знамя коммунизма. Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, знамя коммунизма.

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА.

Год работы без Ильича.

И. Ходоровский.

„Трудящиеся тянутся к званию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования, и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем. Наше дело обеспечено тем, что массы сами взялись за строительство новой социалистической России".

(В. И. Ленин, речь на I Всероссийском съезде по просвещению, 25-го августа 1918 г.)

Если бы можно было разложить по полочкам все то богатство идей, которые в области народного просвещения оставил нам в наследство Владимир Ильич, то этим идеям можно было бы дать примерно следующие формулировки:

1) без знания и культуры не может быть социализма;

2) только в Советской Республике, освободившейся от власти капиталистов и помещиков, имеются налицо все предпосылки для мощного расцвета и действительного роста культуры;

3) социалистическая культура не может возникнуть внезапно, как феникс из пепла. Как и социалистическое хозяйство, так и социалистическая культура могут строиться на базе тех научных и технических завоеваний, которые накоплены при капитализме и оставлены нам в наследство; разумеется, старая схоластика, буквоедство, все, что является действительно хламом, должно быть изгнано; это „наследие" нам не нужно;

4) вот почему голое противопоставление так-называемой „пролетарской культуры" всей той сумме и системе научных знаний, какая оставлена нам капитализмом, как культуре буржуазной, само по себе безсодержательно и только мешает вести действительно нужную для нас культурную работу;

5) как и во всех областях социалистического строительства, так и здесь, в вопросах культуры и просвещения, в каждый данный отрезок времени, надо выделять самое основное и главное; таким главным звеном на ближайший период является развитие среди широких трудовых масс простой элементарной грамотности—массовая школа для детей и подростков, ликвидация неграмотности среди взрослых;

6) основной проводник культурного строительства среди широких масс—учитель, и прежде всего—народный, и прежде всего—деревенский;

7) среди всей массы задач в области культурного строительства первое место должны занимать задачи, связанные с деревней;

8) подготовка новых специалистов из рабочей и крестьянской среды—новых инженеров, новых агрономов, новых учителей, врачей и т. п., которые не за страх, а за совесть, с достаточно ясным сознанием, с энергией и энтузиазмом работали бы над созиданием социалистического общества;

9) привлечение к работе по строительству социализма всей той массы квалифицированных специалистов, какие нам остались в наследство от капитализма—старых врачей, учителей, инженеров, агрономов и т. п., создать для них товарищескую атмосферу, убедить их в необходимости энергичной работы по строительству социализма;

10) необходимейшее и основное условие для успешного разрешения всех перечисленных задач—усиление, и при том—в достаточных размерах, материальной базы народного просвещения.

Разумеется, все эти формулировки и подразделения крайне условны. В действительности мысли и идеи тов. Ленина по вопросам культуры и просвещения гораздо шире, богаче и многообразнее, и не укладываются в начерченные рамки. Но, как исходная точка, они могут быть приняты.

* * *

В речи, произнесенной на совещании политпросветов 3-го ноября 1920 г., В. И. Ленин так характеризовал задачи коммунистической партии в области воспитания и просвещения:

„Задачей коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должна быть помощь в деле воспитания и образования трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс".

В ряде других своих выступлений В. И. Ленин неустанно подчеркивает, что без большого культурного подъема народных масс нам трудно будет построить социалистическое общество. Поэтому воспитание и просвещение масс является основной предпосылкой для строительства социализма. Обращаясь к элементам этого строительства, Владимир Ильич останавливается прежде всего на школе такой, какой она досталась нам от старого строя и дает этой школе уничтожающую характеристику.

„Старая школа—говорит Вл. Ильич—была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих".[1])

Особенно подробно В. И. останавливается на старой школе в речи, произнесенной на 3 Всероссийском съезде Комсомола 4 октября 1920 г.:

„Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплоататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии".

---

[1]) Речь на I Всер. съезде по просвещению 25 августа 1918 г.

„Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов; старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать".

Чем мы должны ее заменить? На это ясный ответ дает программа партии, принятая VIII партийным съездом и составленная в части касающейся просвещения, под непосредственным руководством В. И. Ленина. Соответственные пункты программы говорят, что партия ставит своей задачей „полное осуществление принципов единой трудовой школы, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества", при чем для всех детей обоего пола до 17 лет должно быть обеспечено общее и политехническое образование, знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства, а для лиц от 17-летнего возраста должно быть обеспечено широкое развитие профессионального образования в связи с общими политехническими знаниями.

Наиболее важным для данного момента Вл. Ильич считал школу социального воспитания, общеобразовательную школу или, как она у нас называется в программе партии, политехническую школу, как первичную лабораторию для прививки подрастающему поколению коммунистической идеологии. Школа в том виде, как она нам досталась от царского строя, оказалась не приспособленной к выполнению этой задачи—ни по своему внутреннему укладу, ни по составу педагогического персонала, ни, наконец, (и это самое главное) по своим программам. Дать школе такую программу, которая обеспечила бы подготовку из учащегося сознательного работника—это была основная задача партии и Наркомпроса. Вне этой программы и при том действительно проводимой в жизнь, трудовая школа оставалась фикцией. Еще при жизни тов. Ленина и при помощи его советов начала разрабатываться программа для нашей школы I-й и II-й ступени. Исключительная роль в этом деле выпала на долю Н. К. Крупской. В настоящее время мы имеем новые программы для школ I-й и II й ступени. Эти программы построены на принципах марксизма и воплощают заветы В. И. Ленина—сочетать теорию с практикой. Основными элементами, вокруг которых по этим программам должна вестись учебная работа являются—природа, трудовая деятельность людей, общественный уклад их жизни. Самое расположение учебного материала в этих программах таково, что от близкого и легко воспринимаемого (местность, примитивные трудовые процессы, семья) учащиеся продвигаются к вопросам и темам более общего характера (район, губерния, область, СССР, др. страны как в отношении изучения природы, так и труда, производства, общественного устройства и т. п.), так что к окончанию школы II-й ступени они должны обладать всеми необходимыми сведениями и основными знаниями для того, чтобы ориентироваться в обстановке советского социалистического государства и сознательно участвовать в работе по строительству социализма. С программами в старом смысле слова у наших программ нет ничего общего. Самое преподавание начинает у нас так строиться, что элементы схоластики и мертвой учебы оттуда изгоняются. Комплексная система предподавания, т.-е. увязывание между собой отдельных дисциплин в нечто цельное и законченное, объединение конкретных явлений вокруг определенной центральной темы или идеи завоевало себе признание всех сколько-нибудь передовых педагогов и успешно проводится во многих местах. Рядом с этим, как крупное достижение последнего года, следует отметить необычайное развитие детского пионерского движения. При Владимире Ильиче это движение только зарождалось; теперь оно сделалось важным фактором в системе социального воспитания. Конечно, пионерское движение не может и не должно заменять собою школы, но рядом с школой оно становится необходимым

элементом коммунистического воспитания детского поколения школьного возраста. Вся система обучения и воспитания во всех наших просветительных учреждениях должна быть пропитана общественнополитическим содержанием или, что то же,—Ленинизмом. Линия в этом направлении выдерживается достаточно четко, но сил для ее проведения очень мало и результаты пока-что не совсем утешительны, но задача эта основная, она должна быть и будет разрешена. Итак мы имеем все основания утверждать, что заветы Ильича мы помним и на месте старой школы стараемся строить школу новую, коммунистическую.

*
* *

Самое главное во всей нашей работе по культурному строительству—говорил неоднократно Владимир Ильич—это ясно знать, чего мы хотим. Владимир Ильич называл болтунами и фразерами всех тех, которые считали, что основной задачей нашей партии и советского государства является голый отказ от всех тех культурных ценностей, которые оставлены нам буржуазным обществом и противопоставление им ценностей новых, пролетарских.

„Пролетарская культура—говорил т. Ленин молодежи в 1920 г.—не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все—сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знаний, которое человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества".

И дальше, в той же речи

„Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить". Именно с этой точки зрения Владимир Ильич и подходил к старой школе. Он требовал, чтобы из нашей школы было изгнано все то ненужное, лишнее, мертвое, что было в старой школе и что рассчитано было на подготовку послушных чиновников. В этом смысле он говорил, что „старую школу надо убрать". Но в то же время он требовал от всех нас, чтобы все те действительные знания (в области техники, естествознания, точных наук и т. п.), которые давала старая школа, чтобы мы от них не открешивались, а соответственно перерабатывали бы и сообщали новому, молодому поколению. В. И. Ленин злился, когда видел, что люди выдумывают и вымучивают „новые проблемы" вроде „пролетарской культуры", когда кругом нас море темноты и невежеества. В одной из своих предсмертных статей, „Странички из дневника" касаясь вопроса о состоянии грамотности в нашей стране, Влади мир Ильич писал:

„В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой, дела обстоят у нас очень слабо". Вот об этих элементарных задачах, остававшихся нам в наследство от царизма, о простой грамотности больше всего думал сам тов. Ленин, учил нас об этом думать и заставлял в этом направлении больше всего работать. Важнейшей задачей на ряд ближайших лет Владимир Ильич считал ликвидацию безграмотности. По данным переписи 1920 г. на каждую 1.000 населения Советской Республики приходилось всего 319 грамотных. Отсюда Владимир Ильич делал вывод: всякие разговоры о новой пролетарской культуре—сплошная болтовня, покуда у нас на каждую тысячу жителей—около 700 безграмотных. И ему, В. И., принадлежит идея ликвидации безграмотности среди взрослого населения нашей страны к десятилетию октябрьской революции. Эти заветы тов. Ленина Наркомпрос претворяет в конкретный план, рассчитанный на то,

чтобы всю работу по ликвидации неграмотности среди 17-ти миллионов населения (только по РСФСР; по всему СССР можно считать около 27-ми миллионов неграмотных) выполнить следующим образом: в 1923-24 г. обучить грамоте 2 миллиона человек, в 1924-25—4 миллиона, в 1925-26—8 миллионов, и в 1926-27—3 миллиона. По тем сведениям, которыми мы располагаем, можно судить, что если мы и не выполним к назначенному сроку всю задачу, то на 75% она будет разрешена. Во всяком случае, в программе деятельности Наркомпроса эта задача стоит как одна из первых. Рядом с ней стоит другая задача—ликвидировать неграмотность среди так-называемых переростков, т.-е. среди того детского населения и подростков, которые вышли из школьного возраста, не прошедши через школу, и которые поставляют огромную резервную армию безграмотных для взрослого населения. По приблизительному подсчету количество неграмотных среди детского населения в возрасте от 12-ти до 16-ти лет только по РСФСР достигает почти 3-х миллионов. Наркомпрос поставил себе задачу приступить к ликвидации неграмотности среди этих переростков путем организации краткосрочных (четырехмесячных) курсов. В этом году мы хотели бы пропустить хотя бы 10-15% этого количества, т.-е. около 300-400 тысяч переростков.

Когда Владимир Ильич говорил о наших простейших, но вместе с тем и самых важных задачах по насаждению простой грамотности среди населения, он имел в виду прежде всего сельское население. Это понятно, потому что из 17-ти миллионов безграмотного взрослого населения 13 миллионов с лишним падает на деревню. То же можно сказать и в отношении детского населения. Школы I-й ступени охватывают в среднем только 50% детей школьного возраста (8-11 лет). Если отдельно обратиться к деревне, то там этот % понижается до 40 и даже до 35. Следовательно, и наша работа по строительству массовой школы I-й ступени, также, как и работе по ликвидации неграмотности среди переростков, должна быть и будет, главным образом, работой деревенской. В такой же степени исключительно деревенской являются некоторые части нашей политико-просветительной работы—прежде всего избы-читальни, а затем и библиотеки. В программе деятельности Наркомпроса и особенно в программе работы местных органов по народному образованию все эти перечисленные элементарные задачи занимают главное внимание и место.

И, наконец,—учитель. Об учителе Владимир Ильич писал в своих „Страничках из дневника“:

„Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это истина, не требующая доказательства. К этому положению дел мы должны итти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и главное, главное и главное—над поднятием его материального положения. Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом“.

Владимир Ильич неоднократно говорил, что надо стремиться к тому, чтобы учитель был постоянным пропагандистом и агитатором идей коммунизма в деревне, ибо он по самому своему положению, ближе стоит к крестьянину, лучше знает его, а крестьянин в свою очередь больше ему, учителю, доверяет. Надо отметить, что за истекший год советской властью и коммунистической партией сделаны большие и весьма важные шаги в отношении учителей. Начать хотя бы с материального обеспечения. Еще в прошлом году заработная плата учителя, особенно в деревне, равнялась 10-15 рублям. Уже

в июне 1924 года государство пришло на помощь местным бюджетам, отпустив около 5-ти миллионов рублей на остающиеся 4 месяца до нового бюджетного года для повышения заработной платы учителям. Это дало возможность почти повсюду довести заработную плату учителей в среднем до 20-ти рублей. Вторая сессия ВЦИК (Октябрь 1924 г.) постановила, что средняя заработная плата учителя в школе I-й ступени должна быть не ниже 25 рублей. Для того, чтобы это постановление было проведено действительно в жизнь, правительство отпустило из государственного бюджета местами субвенцию в размере 14 с лишним миллионов рублей на 1924/25 бюджетный год. Недавним постановлением правительства этот субвенционный фонд увеличивается еще на 5 миллионов рублей, что даст возможность среднюю заработную плату учителя I-й ступени повысить еще на несколько рублей. В то же время, за истекший год достигнуты большие результаты в смысле идеологического влияния нашей партии на учительскую массу. Это окончательно установила вся подготовительная кампания к Всесоюзному учительскому съеду, на котором впервые встречаются ответственные представители нашего правительства и партии и всей низовой массой учительства. По всем областям, губерниям и уездам были проведены курсы-конференции по повышению квалификации учительства, как в отношении педагогическом, так и в отношении общественно-политическом. Все эти конференции показали, что прежний забитый, закабаленный помещиками, капиталистами и царем учитель совершенно переродился. Не осталось никаких следов и от упадочно-саботажнических настроений, которые были так свойственны интеллигентской массе вообще, учительской в частности, в первые годы советского режима. Учитель теперь прежде всего хочет быть современным с о в е т с к и м педагогом в полном смысле этого слова. Он отчетливо сознает свои общественные функции и обязанности и хочет быть на высоте требований, какие они предъявляют. Поэтому, среди учительства наблюдается колоссальный интерес, переходящий кое-где прямо в энтузиазм, к новым программам. Эти программы изучаются, прорабатываются, учитель добросовестно и искренно хочет их усвоить и по ним работать. Не меньший интерес обнаруживает учительство и к проблемам политическим. Вопросы, связанные с теорией исторического материализма, с программой нашей партии и историей ее, с историей революционного движения вообще, с религией и т. п. положительно захватывают учителя, и вся беда в том, что нет возможности за недостатком сил этот интерес полностью удовлетворить. Однако, вопрос об учителе не исчерпывается переподготовкой (как принято теперь выражаться) старого учителя. Еще более важной задачей является подготовка нового учителя—и здесь огромная роль выпадает на долю наших педагогических учебных заведений—Пед. ВУЗ'ов и Пед. Техникумов. В истекшем 1924 году Наркомпросом проделана большая работа в области реформы педагогического образования. Совершенно перестроены учебные планы и программы Пед. ВУЗ'ов. Пед. ВУЗ'ы, которые прежде готовили узкого специалиста (напр., по математике, физике, химии и т. п.), теперь в соответствии с новыми программами трудовой школы готовят широкого специалиста по целому циклу наук (физико-математический цикл, цикл „богатства и силы природы", общественный цикл, лингвистический и т. п.). В соответствии с тем, что новые программы трудовой школы пропитаны изучением общественного значения трудовой деятельности людей,—и в работе Пед. ВУЗ'ов этот момент приобретает важное значение. Подготовить учителя, знакомого с общественной и хозяйственной средой и способного с этой средой ознакомить и учащихся—такова цель проведенной реформы педагогического образования. Практически все педагогические учебные заведения получают теперь определенный хозяйственный уклон, либо сельскохозяйственный, либо индустриальный. Реформа эта затрагивает и Пед. Техникумы, хотя в этой части нашего педагогического образования реформа у нас проводится гораздо медленнее.

Огромное значение приобретает также и вопрос о комплектовании Пед. ВУЗ'ов—кто идет и будет итти в эти учебные заведении, из кого мы будем готовить нового учителя. Здесь до сих пор было наше самое слабое место. Социальный состав учащихся в наших Пед. ВУЗ'ах не отличался высокими качествами. В этом году Наркомпросом приняты меры к тому, чтобы уже на самих Рабфаках формировались кадры будущих студентов Пед. ВУЗ'ов. С этой целью при 23 рабочих факультетах организованы педагогические уклоны. Здесь рабфаковцы будут получать предварительную педагогическую закалку с тем, чтобы по окончании Рабфаков автоматически переходить в Пед. ВУЗ'ы.

* * *

И, наконец, наше профессионально-техническое образование. Здесь я хочу коснуться только двух моментов—нашего высшего образования, где готовятся специалисты высокой квалификации и наших низших школ—школ фабрично-заводского ученичества, где воспроизводится квалифицированная рабочая сила. Мы в точности выполняли заветы Владимира Ильича, когда приступили к пересмотру сети высших учебных заведений с целью устранения всего того, без чего, при нашей бедности, можно обойтись. Совет Народных Комиссаров декретировал сокращение сети, и это сокращение сейчас проводится. Наши расходы на такие виды образования, как художественное, сведены до минимума. Точно также мы шли по стопам Ильича, когда неуклонно продолжали проводить политику пролетаризации высшей школы. Прием в ВУЗ'ы в 1924 г. дал чрезвычайно ценный в социальном отношении материал. Рабочие с производства и дети рабочих составили 35,3% всего приема, земледельцы и дети земледельцев—30% всего приема. Такие же чрезвычайно ценные результаты дал нам прием на Рабфаки: здесь рабочие составили 64,15% и крестьяне—28,8%. Эту линию на овладение трудящимися высшей школой мы будем вести и дальше, раскрывая вместе с тем постепенно двери в высшую школу и другим социальным слоям, близко стоящим к советской власти (трудовая интеллигенция).

Совершенно исключительное значение в условиях советского социалистического строительства приобретает школа фабрично-заводского ученичества. Это—особый, чрезвычайно интересный тип учебного заведения, где теоретическое обучение полностью сочетается с производственной практикой. Владимир Ильич имел возможность наблюдать только первые шаги этого интересного и ценного начинания; ему не довелось быть свидетелем того, как школа ФЗУ окрепла и заняла прочное место в системе народного образования. Именно перед этой школой открываются наиболее широкие, перспективы, именно эта школа, больше всякой другой, является по своей идее школой подлинно социалистической.

* * *

Вся политика партии и советского правительства под руководством тов. Ленина направлена была к тому, чтобы не отступая ни на шаг от принципов пролетарской диктатуры, вовлекать в дело строительства социализма все те культурные силы, которые работали прежде на капиталистов и в помощи которых так нуждаются пролетариат и крестьянство. Последний год мы являемся свидетелями чрезвычайно большого роста активности интеллигентских слоев и при том активности весьма желательной для рабочего класса и крестьянства. Учителя, агрономы, врачи, инженеры и даже такая, сравнительно далеко стоящая от пролетариата, группа, как профессора, всюду и

везде, по всякому случаю, по всякому поводу, искренно свидетельствуют свое сближение с советской властью и готовность отдать свои силы и знания на служение трудящимся массам. Совершенно особый подъем наблюдается среди учительства, как об этом свидетельствуют происходящие всюду губернские и уездные учительские съезды или как это видно по данным о последних выборах в сельсоветы, где наиболее активной группой избирателей были учителя. И здесь, следовательно, партия, оставшись без Ильича, верно шла по намеченному им пути.

* * *

Как итог истекшего года можно отметить несомненное усиление наше на культурном фронте. Материальная база народного просвещения, хотя и в недостаточной степени, но заметно усилилась. В области массового начального образования мы имеем несомненный сдвиг. Учительство и вообще трудовая интеллигенция к нам подошла вплотную, работает вместе с нами и является весьма важным фактором культурного роста нашей страны. Высшая школа находится в руках трудящихся. Мы имеем там большие кадры пролетарского студенчества, эту основную нашу базу при проведении реформы высшей школы. Профессура (и вообще преподавательский персонал) новые задачи, стоящие перед ВУЗ'ами поняли и их в жизнь проводят. В области массового профтехнического образования мы имеем такой твердый опорный пункт как школа фабрично-заводского ученичества. Всю нашу работу в области просвещения мы в значительной ее части повернули в сторону деревни. Что сулит нам будущий год? Несомненно, новые достижения и новые завоевания. И порукой нам в этом служат не только заветы Владимира Ильича, которым мы будем следовать, но и громадная тяга к знанию со стороны широких масс трудящихся и огромный культурный подъем, переживаемый всей страной.

„Ленин умер. Но Ленин жив в миллионах сердец. Он живет в могучем прибое человеческих масс. Он живет в великом союзе рабочих и крестьян, пролетариев и угнетенных наций. Он живет в коллективном разуме коммунистических партий. Он живет в рабочей диктатуре, которая грозной твердыней стоит на границах Европы и Азии".

(Из обращения II Съезда Советов СССР ко всем трудящимся).

В. И. ЛЕНИН О НАУКЕ И ИСКУССТВЕ.

А. В. Луначарский.

(Доклад на торжественном заседании Государственного Ученого совета, посвященном годовщине смерти В. И. Ленина 23 января с. г.).

Коммунистическая революция и культура.

Товарищи и граждане, уже многие коммунисты, начиная говорить или писать на ту или иную тему, в освещении ее Владимиром Ильичом, вынуждены были признавать, что всякие попытки рассказать его мысли своими словами, в сущности говоря, не ведут к желанной цели. Владимир Ильич, как публицист, как писатель говорил необыкновенно сжато, точно построенными и в то же время полными внутреннего содержания формулировками, и я поэтому совершенно не считаю нужным извиняться перед вами, что мой сегодняшний доклад будет почти весь составлен из цитат. Я буду только связывать эти цитаты между собой, буду их комментировать, буду делать из них некоторые выводы, которые, может-быть, не сразу бросаются в глаза, а вообще пусть Владимир Ильич говорит о науке и искусстве сам. При этом, конечно, я должен отметить, что внимание Владимира Ильича в области культурных проблем в особенности было привлечено к низовой и массовой культуре. Поэтому о народном образовании, как таковом, он говорил много. В одной из моих брошюр имеется подбор довольно обильного материала из речей и сочинений Владимира Ильича на эту тему, и, так как эти темы связаны тоже с вопросом о науке и искусстве, в особенности с первой, то в некоторой степени мне придется коснуться и этого материала, но, конечно, специально я буду сегодня цитировать те страницы из сочинений, из наследия Владимира Ильича, в которых говорится о науке непосредственно.

Гораздо меньше, чем о науке, говорил Владимир Ильич об искусстве, и в этом отношении оставленные им директивы, заключенные непосредственно в его сочинениях, довольно бедны. Несмотря, однако, на скудость этих страниц, выражения и фразы, которыми Владимир Ильич освещал вопросы культурного значения искусства, они все же создают, так-сказать, детерминанты, из которых не так трудно вывести общее учение Владимира Ильича о месте искусства в жизни человеческого общества, и в России в частности, Вл. Ил. полагал, что культура в самом широком смысле этого слова двояко связана с коммунистической революцией, во-первых, она служит ей естественной п р е д п о с ы л к о й, правда не во времени, а, так-сказать, в общей ее структуре, и, во-вторых, она является ц е л ь ю коммунистической революции.

Вл. Ил. прекрасно сознавал и с особым блеском высказал в своей речи в защиту нашей программы на 8-м съезде партии, что коммунистическая революция в России происходит вообще в обстановке несколько парадоксальной. Тов. Бухарин в своей речи, критиковавшей проект программы, указал на некоторое, так-сказать, внутреннее противоречие нашей революции, вытекающее из того, что она развертывается в рамках страны, чрезвычайно отсталой экономически. Вл. Ил. с большим блеском доказал в своей речи, что в этом ничего социологически неожиданного, невероятного или осуждавшего нашу революцию на непрочность нет, что ничто не заставляет думать, что будто

цепь стран, следующих друг за другом по степени капиталистического развития и капиталистической зрелости, в этом именно порядке и войдет в коммунистическое будущее, что тут могут быть самые значительные перебои, и одна страна может обогнуть другую страну, так как не только капиталистическая зрелость в той или другой стране определяет общую зрелость ее к революции, но и целый ряд других и внутренних обстоятельств, сложных условий и причин.

Но тотчас же после этого Вл. Ил. отмечал, что, само собою разумеется, такая отсталость капиталистическая, предполагающая, естественно, и отсталость культурную, является огромным тормозом в деле коммунистического строительства. Вы знаете, что В. И. много раз развивал мысль о том, что нам легче было сделать революцию политическую и труднее строить коммунизм, чем это будет на Западе. Трудность построения коммунизма заключается у нас в отсталости хозяйственной и культурной; никогда Вл. Ил. этих двух явлений не разграничивал и на культурную отсталость напирал более рельефно, более определенно, более часто, более страстно, потому что непосредственный прогресс хозяйства не достижим без культуры, и самая рациональная сторона, с какой только можно подойти к поднятию хозяйства,—это поднятие культуры, это самый практический подход к развитию хозяйства у нас в России.

На этой точке зрения стоял Вл. Ил., на ней же стоял и покойный проф. Тимирязев. Известен его тезис, что будущее русского хозяйства может развернуться только на почве развития сельского хозяйства, и что единственный правильный путь к повышению сельского хозяйства в России есть развитие школы. Нечто подобное или очень близкое к этому многократно высказывал В. И.

Задачи массового просвещения.

Я беру прежде всего цитату из известной речи на 2-м съезде Политпросветов, где с особой выпуклостью он указывает место культуры и просвещения в общих задачах наших, в развитии нашей страны и тем самым базы для коммунистической перестройки мира. Вот что говорил Вл. Ил.:

> „Относительно безграмотности я могу сказать, что пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика".

Припомним % неграмотности в России и сможем сказать, сколько в России граждан находятся вне политики, в области слухов, сплетен и предрассудков.

> „Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные. Нужно понять, что условия движения вперед теперь не те. Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель, на войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность. Без этих качеств даже приступать к политическому просвещению нельзя. А результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства. Не только нужно, чтобы уничтожили безграмотность, чтобы мы уничтожили взятку, которая держится на почве безграмотности, но надо, чтобы наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры были

восприняты народом на деле, и чтобы результатом этого явилось улучшение народного хозяйства.

„В связи с новой экономической политикой надо неустанно выдвигать мысль, что политическое просвещение требует во что бы то ни стало повышения культуры. Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умеиие читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства".

Я уже сказал, что низовые задачи просвещения интересовали Владимира Ильича в особенности, и здесь мы находим его основную мысль: мы овладели властью, перед нами колоссальная программа осуществления коммунизма, его осуществить без политического просвещения масс нельзя. Политическое же просвещение требует известного уровня культуры. Уже с самого начала это просвещение должно итти вслед за сохой ликвидации неграмотности, а поэтому последняя задача есть первейшая задача.

Но это не значит, чтобы Владимир Ильич, хотя бы на минуту забывал ту естественную связь, которая существует между всеми элементами культуры, напр. простой грамотностью и между культурой высшего порядка.

Связь науки с производством.

В программу партии Владимиром Ильичом была внесена такая очень своеобразная фраза:

„Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и к сближению с производством: создание целой сети новых научных учреждений, прикладных институтов, лабораторий, станций опытного производства по проверке новых технических методов, усовершенствований, изобретений, учета организаций всех научных сил и средств и т. д. Российская Коммунистическая Партия, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий к их связи с поднятием производительных сил страны".

В программу партии была, таким образом, внесена, так-сказать, маленькая похвальба—„вот что мы уже успели сделать". Очень не любил обыкновенно Владимир Ильич такого рода тирад, в которых говорилось—„вот что мы уже успели сделать", тем более, что и сейчас мы успели сделать очень мало в этой области, а к тому времени, когда собирался наш 8-й съезд, было сделано еще меньше, так что это перечисление может показаться преувеличением по сравнению с тем, что на самом деле было прочно сделано. Но чрезвычайно характерно, что в программу была внесена самая эта мысль в такой конкретной форме; вот целый ряд мероприятий, которые мы уже проводим и обязуемся проводить и дальше. Для чего? А для того, чтобы наше хозяйство могло подняться на необходимый уровень, на котором коммунистические планы наши перестают быть историческим всплеском, а приобретают достаточный фундамент, чтобы строиться планомерно—снизу забота об элементарной культуре, сверху забота о науке.

И в другом месте Владимир Ильич говорит: „Без новейшей техники, без новейших научных открытий мы коммунизма не построим".

Таким образом, самое построение коммунизма, самое достижение нашей цели стоит в связи с новейшей техникой, и вы знаете, что пока наша техника далеко не новейшая, и задачей является обновление техники; попутно, еще до того, как мы сможем серьезно говорить об осуществлении коммунизма, мы должны обновить технику, поднять до той высоты и совершенства, какие требуются в пределах нашего строительства. Да мало того, б е з

новых открытий мы коммунизма не построим, Вл. Ил. кажется, что есть время и необходимость к дальнейшему развитию техники, которая бы облегчала переход к коммунизму.

При таких условиях ясно, что практическая наука, да и вся наука вообще, с самыми абстрактными ее методами, подходами, дисциплинами и идеями необходимо привлекается, как величайшей важности элемент строительства. Ведь, вне атмосферы вообще обостренной научной мысли, вне глубины научной жизни никакие научные открытия, как нечто систематическое, а не как случайные проблески или догадки того или другого гения, конечно немыслимы.

Я уже отметил, что Вл. Ил., говоря о науке, всегда очень детально подчеркивал ее практические задачи, то, к чему кульминировали обыкновенно все тенденции В. И., т.-е. поднятие хозяйства. Вл. Ил., не отказывался от марксизма, и здесь он знал, что переходу к коммунизму соответствует высшее развитие техники капиталистического периода, что техника становится сверхкапиталистической и тем самым оказывается хозяйственной базой для коммунизма.

У нас этого нет, но у нас есть другая база для нашего коммунистического строения. У нас оказалась особая комбинация назревшей крестьянской революции и партии рабочего класса. Общий уровень хозяйства у нас низок, но мы наблюдаем противоречия, как чрезвычайно быстрый рост городской промышленности в некоторых областях и необычайная осталость крестьянства, что дало возможность обосновать гегемонию пролетариата и ввести взрыв чисто-крестьянской революции в русло революции коммунистической. Но все это нормальной базой для подлинного коммунистического строительства не служит. Завоевав власть, нужно заполнить пропасть между этими чрезвычайно выгодными политическими конъюнктурами и отсталостью трудящихся для реального коммунистического строительства, нужно использовать эти конъюнктуры для немедленного поднятия нашего хозяйства. Отсюда вопрос о культуре, так как без культуры это неосуществимо. Тут нужна культура низовая и ее вершины. Во-первых, грамотность и все, что отсюда вытекает, во-вторых, наука, новейшая техника, изобретения. С этих двух концов нужно взяться за жизнь. Отсюда жизненный и естественный подход ко всем вопросам о культуре у Ильича.

Наука—элемент быта.

Уже в 23 году, незадолго до смерти, он пишет:

> „Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых,— учиться, во-вторых,— учиться и в-третьих,—учиться, и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом".

Ставит ли Вл. Ил. задачу такого рода, чтобы вдалбливать в голову утонченные познания, чтобы приумножить количество флюгеров на нашем здании, чтобы мы могли прихвастнуть тем или другим изысканным научным достижением, может быть, филигранейшего характера? Этот снобизм, аристократическое хвастовство утонченностью мысли, все это для него не имеет значения, наука, как мертвая буква или модная фраза, не нужна, заботиться нужно о такой науке, которая входила бы в быт, как составной элемент, вполне и настоящим образом.

Это мысль вовсе не такая простая, как может показаться на первый раз, и может служить превосходнейшей темой для большого сочинения, если поставить себе такой вопрос.

Что нужно сделать для того, чтобы наука по возможности вся и целиком как можно скорее превратилась в полне и настоящим образом в быт? Через хозяйство, через гигиену, через целый ряд другого рода путей. Это широчайшая и интереснейшая тема, если ее взять под конкретным углом зрения наших условий. Пока к этой теме, поскольку я знаю, никто не подошел.

Буржуазные специалисты и советское строительство.

Вы знаете все ту страничку из дневника Ильича, где он говорил о народном учителе, и ее повторять не нужно, но она кончается чрезвычайно выразительным положением: „Нельзя построить коммунизма без запаса знаний, техники, культуры, а они находятся в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизма мы не можем". Противоречие представлено самым ясным образом. Владимир Ильич не обманывает себя и в 1923 г. еще говорит, что большинство специалистов не сочувствует Советской власти. Правильна ли оценка Владимира Ильича или неправильна, я не берусь судить, но думаю, что он был дьявольски зорким человеком, как это выявилось во многих случаях.

Какие же доводы он тут делает: обойдемся как-нибудь без специалистов, или другой вывод: заставим специалистов—хочешь не хочешь—служить нашим целям? Нет, он делает совершенно другой вывод:

> „Надо их окружить товарищеской обстановкой, духом коммунистической работы и добиться того, чтобы они шли в шеренге с рабоче-крестьянской властью".

Добиться, но добиться, убедив их признать высоту наших целей, нашей коммунистической товарищеской атмосферы, подманив, купив их, пленив их, не высокими материальными благами, конечно, а купив их товарищеским отношением.

Если порою заветы Владимира Ильича недостаточно выполняются в отношении материальных благ, о которых он тоже говорил,—я буду иметь удовольствие цитировать перед вами фразы Владимира Ильича, сюда относящиеся,—но это можно объяснить тем, что у нас мало денег, но если не удовлетворяется это требование окружить специалистов товарищеской обстановкой, то тут оправдания никакого быть не может, так как недостатка в товарищеском отношении у коммунистов не должно было бы быть, и для этого не надо производить займа за границей. В данном случае никаких оправданий нет, если коммунисты не умеют окружить специалистов товарищеским отношением и тем самым побудить их итти в шеренге с рабоче-крестьянской властью. Это гораздо более глубокий завет, чем можно думать, и он дает прямые указания в десятках вопросов, над которыми мы и сейчас еще бьемся, поскольку в них сказывается противоречие в необходимости в помощи специалиста при осуществлении наших целей и в недостаточном сочувствии этим целям со стороны этих самых специалистов.

Коммунизм и старая культура.

Товарищи и граждане, если бы я цитировал не Ленина, и не по такому громадной важности вопросу, то мне нужно было бы извиниться перед вами за то, что мне придется прочесть довольно много цитат из гениальнейшей речи Владимира Ильича Комсомолу. Но эти слова так мудры, так поучительны, они еще так не полно вошли в жизнь, что их, конечно, нужно повторять вновь и вновь:

„Задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций можно было бы выразить одним словом „учиться". Но чему учиться и как учиться. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом..."

„Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело ученья, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т.-е. коммунистического общества".

И тут завет и основная задача для коммуниста старую культуру переработать.

На вопрос: чему учиться и как учиться, Вл. Ил. дает такой ответ:

„Должны учиться коммунизму. Но этот ответ — „учиться коммунизму" — является слишком общим". И дальше: „Тут нам угрожает целый ряд опасностей".

Когда молодой коммунист или хотя бы старый говорит: я хочу учиться коммунизму, то это в высшей степени почтенная задача, но Вл. Ил. считает, что такому коммунисту угрожает все же ряд опасностей, и он старается из этих опасностей вывести его следующим образом:

„Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно".

О коммунистических начетчиках.

Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует. „Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества,—это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги в большинстве случаев являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Без работы, без борьбы, книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит".

Значит, первое предостережение — от начетчиков, — коммунизму нужно учиться у жизни, нужно учиться в работе, нужно учиться в борьбе. Книга не есть путь к познанию коммунизма, это есть только пособие, хотя и важное, но второстепенное по сравнению с уроками жизни, остающееся почти такой же ложью, как и капиталистическая ложь, если это книжное знание

не связано с творческой работой, в посильной каждому, изучающему коммунизм форме.

Дальше:

„Еще более опасным было бы, если бы мы начали усвоивать коммунистические лозунги. Если бы мы во-время эту опасность не поняли, и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма".

Коммунистическое воспитание и старая школа.

После таких уроков Ленина вряд ли найдутся настолько тупые люди среди коммунистов, чтобы таким образом воспитывать молодежь, ибо если полмиллиона молодых людей будут так обучать коммунизму, то это значит добиваться совершенно противоположного той цели, которую Ленин ставил.

„Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму. Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки".

Это, конечно, коренной вопрос, который всех нас, здесь собравшихся, поскольку мы заняты этой темой, интересует.

„Старая школа заявила, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплоататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии".

... „В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль, и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

„Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать, и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию.

„Говорят, что старая школа была школой учобы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного, нам надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

„Старая школа была школой учобы, она заставляла людей усвоивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали головы и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм.

„Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

„Если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса,— вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучивших законы развития человеческого общества".

Это в высшей степени важное положение, на котором я бы хотел остановиться.

О буржуазной науке.

Мы почти всегда понимаем, что естествознание и технические науки мы должны взять такими, какими передает их нам буржуазное наследие, и в этом отношении мы почти целиком можем принять их выводы. Не то с социологией. Владимир Ильич достаточно подчеркнул, что социологические науки больше всех других отражали тенденцию натаскивать на угодный для буржуазии дух растущую молодежь свого класса и чужого. Отсюда, конечно, можно сделать такой вывод: буржуазная социальная наука вредна и не нужна. Конечно, она вредна и не нужна постольку же, поскольку не нужна и вредна старая школа. Но есть ли в ней что-либо полезное? Да, как же иначе? Из нее вырос марксизм. Если марксизм мог сделаться учением миллионов рабочих, то это потому, что он вырос из буржуазной социальной науки. Тут никаких сомнений быть не может. Опираясь на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучив по ним законы развития человеческого общества, марксизм мог сделаться учением миллионов рабочих.

Но, может-быть, одно дело до Маркса, а другое дело после Маркса. Марксу пришлось построить свою социологическую систему на основе полуфабрикатов, созданных буржуазной наукой. Он брал из этой науки только те элементы, которые были здоровыми и прогрессивными, но, если бы кто-нибудь сказал, что социологическое здание Маркса достроено до конца, он вызвал бы протест со стороны каждого коммуниста. Целый ряд проблем еще не разрешен. Предстоит огромная работа марксистской мысли по довершению здания Маркса, конечно, не в смысле пересмотра его принципов, а в смысле рассмотрения при его свете огромного количества материала. Куда можно было бы двинуться сейчас с нашими проблемами о Западе и Востоке, если бы мы не изучали и новых фаз развития капитализма, и того, что делается на этом Востоке? Ведь теоретическое величие Ленина в том и состоит, что он учитывал новые фазы развития капитализма и новые условия, которые создавались историей.

Если только вы поставите перед собой эту проблему, то увидите, какая масса глубочайшей работы тут должна быть проделана. Если мы—коммунисты—скажем так, что в дальнейшем мы будем строить марксизм только на базе исследований, которые производят ученые марксисты, если мы скажем, что сейчас мы склонны отказаться от всяких социологических работ, статистических, этнографических, экономических, географических, исторических и т. д., которые могла бы делать буржуазная наука вне России и в России, мы, конечно, лишили бы себя необходимой атмосферы, которая науку нашу должна окружать.

Это не значит, что мы провозглашаем буржуазную науку за подлинную истину, мы знаем, что подлинные истины получатся лишь после того, как все это преломится через классовое сознание, только в этом процессе полуфабрикат становится объективной наукой.

О пролетарской культуре.

Но для того, чтобы эта задача была выполнена, нужно опираться на огромную сумму знаний, которые почерпнуть из того сравнительно узкого потока, которым течет пока мысль пролетариата, невозможно. Этот поток чист и целебен, а колоссальная равнина буржуазной науки—социологической науки может быть уподоблена мутному болоту, но в этом болоте водятся не только квакающие лягушки, а тут же заключается огромнейший резервуар знаний, которым пополняется наш поток и без которого он не может катить дальше свои волны и расширять берега.

„Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и создал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли".

Интересно знать, возникли ли бы споры, если бы мы сказали таким образом: все то, что нынешняя капиталистическо-буржуазная наука проделывает в этой области, мы должны критически переработать, проверить на рабочем движении и т. д.?

Неужели правильнее сказать, что нужно... всемерно эту буржуазную науку, за негодностью и ветхостью, похерить?..

„Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, сознанной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру,— без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества".

Тут даны нам самые резко отрицательные определения: наука капиталистическая и культура помещичья, которые носят на себе клеймо чиновничества, и это—корни пролетарской культуры, и никаких других корней у пролетарской культуры нет, из этих самых корней росло все растение. Теперь культура принимает новый характер, проходит через какую-то прививку, через какой-то новый глазок, благодаря которому изменяется характер всей этой культуры. Но питается-то она из тех же корней, и если, понадеявшись на глазок, вы подрежете под ним растение, лишите его корней, то, кроме увядания, высыхания, ровно ничего не получите.

Вот чрезвычайно важная истина, которую должен знать и помнить каждый коммунист.

Отношение В. И. Ленина к буржуазным ученым.

Я прибавлю к этому, поскольку дело идет о науке и ученых специалистах, еще немного. Мне кажется необходимым процитировать одно место, иллюстрирующее эту самую мысль об отношении Ленина к конкретной науке, к конкретным ученым, т.-е. к тем, которых мы имеем, уж на большую половину „буржуазных":

„Вопрос об буржуазных специалистах вызывает немало трений и разногласий. Когда мне пришлось выступить на днях в Петроградском Совете, из тех записок, которые мне подавали, несколько было посвящено вопросу о ставках. Меня спрашивали: разве можно в Социалистической Республике платить до 3.000 руб. Мы в сущности поставили этот вопрос в программу, ибо недовольство на этой почве пошло довольно далеко. Вопрос о буржуазных специалистах стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, стоит везде. Это очень важный вопрос переходного периода от капитализма к коммунизму. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средствами буржуазной науки и техники сделаем его более доступным массам. Иначе построить коммунистического общества нельзя. А чтобы построить его таким образом, надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех этих специалистов. Мы в программе нарочно развили этот вопрос подробно, чтобы он был радикально решен. Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, которая в принципе дала неизмерно более высокую пролетарскую демократию, дала образец этой демократии для всего мира. Мы отлично знаем, как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем доступен. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало, необходима масса воспитательной работы, чего нельзя сделать быстро законами, что требует громадного длительного труда. Этот вопрос о буржуазных специалистах на настоящем съезде должен быть решен с полной определенностью".

И он был решен в том духе, о котором я здесь говорил.

Теперь я прибавлю небольшую цитату из статьи „Успехи и Трудности Советской власти", которая послужит для меня переходом от изложения мыслей Владимира Ильича о науке к изложению его мыслей об искусстве. Эту цитату я приведу, но прежде, чем я перейду ко второй части моего доклада, я прибавлю к тому, что есть в цитатах, еще то, чего нет в них, но что мы все, знавшие Ленина, знаем о нем и об его отношении к науке,—а цитата, о которой я говорил, гласит следующее:

„Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, всю технику, все искусство".

В. И. Ленин — великий ученый.

Товарищи, помимо того, что Ленин сознавал всю огромную роль просвещения и науки в обществе и в нашем коммунистическом строительстве, помимо того, что он без иллюзий подходил к этому, зная, что мы имеем дело с буржуазной, чиновничьей, помещичьей наукой и искусством, и помимо того, что он прекрасно понимал, что из этого материала, из самых блестящих сторон и из негодных шлаков приходится строить, подвергнув все это нашей критике, нашу новую культуру, помимо этого нужно сказать, что Ленин был сам великим ученым. Когда мы говорим „Ленин и наука", то нужно сказать, что это не посторонний человек судит о науке, а настоящий глубокий ученый.

Не всегда и всюду Ленин выступал в своих произведениях, как ученый в собственном смысле слова, но такой труд как —„История капитализма в России", есть конечно ученый труд в самом точном и лучшем значении

этого слова. Большой философский труд Вл. Ил. также является ученым трудом, хотя и популярным, доступным, как он всегда старался писать и писал. Но совсем не только в этом выступал Вл. Ил., как ученый он выступал, как ученый и во всей своей коммунистической тактике, в обосновании этой тактики лежит огромное напряжение мысли, знакомящейся всестороннейшим образом со всеми фактами, составляющими сущность нашей нынешней общественной ткани. Для того, чтобы сделать выводы о сущности империализма, о сущности колониальной политики, о сущности национального вопроса, а отсюда и о сущности взаимоотношений большевистских и меньшевистских течений в рабочем классе, в рабочем движении, с одной стороны, и крестьянских масс об их политических настроениях и устремлениях с другой, чтобы делать эти блистательные выводы, которыми он пополнил и осовременил марксизм,—для этого нужна была огромная научная работа.

Трудно себе представить, когда находил время этот человек даже уже будучи главой Совнаркома, чтобы прочитывать такую массу газет, брошюр, заметок, чтобы с таким удивительным уменьем суметь схватить, выловить цифры, данные, которые как-раз нужны для глубокого диагноза происходящих явлений. Вл. Ил. не упускал ни одного важного момента в многообразной и сложной действительности, котором был важен для ускорения темпа движения истории вперед.

Кроме того огромного материала, на котором В. И. всегда основывал свои выводы, ученым его делает необычайная строгость его методов. Это действительно так сказать безошибочное применение марксистской мысли; это строжайший научный метод до такой степени усвоил себе Вл. Ил., что, мне кажется, сама фигура Ленина-ученого, его логика являются доказательством глубокой естественности марксизма. В самом деле можно научиться играть на скрипке, и даже очень хорошо, но едва ли можно поверить, что человеку присуща скрипка, как его органы, а вот наш голос естественный орган наш. И марксизм у Ильича именно как бы органически присущ ему. Отсюда та легкость и грация, с которой Ленин владеет марксистским методом. Эта легкость естественна, поскольку мы ленинисты склонны думать, что Ленин есть прообраз человека, который должен быть вообще естественным, натуральным, просто человечным во всех проявлениях, а постольку его логика или вернее диалектика должна быть именно марксистской. Марксизм не был насилием над его мыслью с той поры, как он начал мыслить он естественно мыслит по-марксистски, как мы говорим прозой, а вовсе не так как у некоторых, для которых мыслить по-марксистски все равно что писать стихами. Его марксизм был повседневной прозой, ясной, великолепной, выражающей сущность вещей.

И сам, будучи ученым как в сфере индукции, так и в сфере научной диалектической мысли, Вл. Ил. с огромным уважением относился к науке, как к работе по накоплению материалов, так же точно и к выработке из этих материалов ясных выводов. Я приведу предисловие тов. Поповича к его книге „Ленин“, или вернее одну цитату из его предисловия. И я опять-таки не извиняюсь, хотя многие читали эту книгу, но я думаю, что все охотно еще раз это услышат, потому что эта цитата рисует, как живого Ленина в его отношении к науке на совершенно конкретном примере.

„В „Правде и в „Известиях“ появилось сообщение о подготовляемом Госиздатом издании всемирного географического атласа имени Ленина. Заметка в „Правде“ и в „Известиях“ заключает в себе, между прочим, следующие строки: „Методически атлас приготовлен по новейшим данным, с исторически-марксистским освещением. Работы по изданию атласа ведутся с 1922 г. Идею по изданию атласа дал В. И. Ленин“.

„В качестве лица, с которыми т. Ленин уже в мае 1921 г. (т.-е. в разгар гражданской войны, во время голода) вел переговоры об издании упомя-

нутого атласа, должен сказать, что Владимир Ильич дал не только идею атласа, но что он дал и схему самого атласа, принимал живейшее участие в выработке программы последнего и интересовался привлечением к работе по составлению атласа выдающихся специалистов. Всем известна гениальность нашего вождя, но едва ли многие знают, какую всеобъемлящую и поистине изумительную разносторонность проявил тов. Ленин в своей государственной и политической деятельности, как он умел охватывать все стороны жизни и накладывать печать своего гения на разработку всех вопросов, на которые он обращал внимание, как он лично вкладывал свою каплю труда, не щадя своих сил, во все начинания, которые могли содействовать экономическому и культурному возрождению России. Не поразительно ли, что Владимир Ильич, стоя во главе огромнейшей страны, руководя всей внешней и внутренней политикой последней в эпоху коренного переустройства последней и титанической борьбы с окружающим миром, находил время, чтобы подумать об учебном атласе для наших школ. Я отметил, что Владимир Ильич интересовался не только программой атласа, но и тем кто будет работать над осуществлением этой программы. Владимир Ильич лучше чем многие наши выдающиеся члены Цекубу и Кубу, знал имена всех выдающихся наших ученых, этнографов, геологов, географов, ботаников, инженеров, литераторов, их научные труды и т. д. Помню как в 1919 г. во время моего посещения в качестве председателя Главкомгосора т. Ленина, меня и сопровождавшего меня инженера Тартаковского поразила эта разносторнность Ильича. Не было ни одного крупного инженера, имя и деятельность которого не были бы известны Ильичv, не было ни одного крупного проекта, над которым он не задумался бы. Та же черта проявилась и при составлении географичиского атласа. Владимир Ильич указывал на необходимость привлечения к работе по атласу целого ряда специалистов, между прочим покойного академика Анучина и профессора Борзова.

Была сформирована комиссия 26 апреля 1921 г. по инициативе Ильича из выдающихся специалистов. Основанием к сформированию такой комиссии послужила неудовлетворительность самостоятельной работы 1-го Государственного Картографического Заведения, бывшего А. Ильина, по изданию подобного атласа. Владимир Ильич потребовал присылки ему на просмотр пробного экземпляра этого издания и забраковал его, найдя его совершенно неудовлетворительным и несоответствующим тем требованиям, которые следует предъявлять к подобным изданиям с марксистской точки зрения".

Тогда-то и была организована новая комиссия и Владимир Ильич дал подробный план для работы этой новой комиссии. Вот отношение к вещам, в которых Владимир Ильич не был специалистом. Это маленький образчик, чего он ждал от науки, чего он от нее добивался.

В. И. Ленин о союзе рабочих с интеллигенцией.

Об отношении к интеллигенции и ученым Ленина недурно говорит Горький. Правда, источник этот „Воспоминания Горького о Ленине" не всегда точен, но как отмечала уже критика во многом он блестящ и тонок:

Ленин говорил Горькому:

„Союз рабочих с интеллигенцией, да. Это — неплохо, нет. Скажите интеллигенции — пусть она идет к нам. Ведь по-вашему она искренно служит интересам справедливости. В чем же дело. Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения". Он засмеялся и беззаботно сказал:

„За это мне от интеллигенции уже попало по шее".

А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

„Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам. Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента. И не видите что без нас она бессильна, не дойдет к массам, и ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков".

Когда вскоре после этого у Вл. Ил. была беседа с тремя выдающимися академиками, то вот как рисует результаты этого Горький:

„Помню я был у него с тремя членами Академии Наук. Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворительно сказал: „Это я понимаю! Это—умники! Все у них—просто, все оформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают что хотят. С такими работать—одно удовольствие. Особенно понравился мне этот"...

Он назвал одно из крупных имен русской науки, а через день уже говорил мне по телефону:

„Спросите N пойдет он работать с нами?"

Отношение Владимира Ильича к религии.

Я думаю, что мой анализ отношения Ленина к науке был бы неполон если бы я не привел хоть маленькой цитаты, характеризующей отношение Ленина к религии. Лже-наука, правда, очень легко с религией мирится, религия очень удобно может сидеть рядом с естественными науками даже в головах великанов теории которые проклинают попы с амвонов. Вл. Ил. считал, что наука, подлинная, настоящая, революционная противоположна религии. И потому, уважая науку, он ненавидел религию, как ее антипод. Вот что писал Вл. Ил.:

„Наша программа вся построена на научном, и притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма (безбожия). Издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы".

Дальше в письме относительно журнала Ленин писал:

„Журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных „дипломированных лакеев поповщины", все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки, или в качестве вольных стрелков, называющих себя „демократическими левыми или идейно-социалистическими публицистами".

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма (т.-е. безбожия). У нас есть ведомства, или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло".

Вл. Ил. указывает на то, каких именно союзников могут найти марксисты, коммунисты в борьбе против религиозного дурмана, он прямо говорил, что в этой области должен быть заключен самый прочный союз с учеными-естественниками, придерживающимися строго-реалистического подхода к миру.

Товарищи, этим я заканчиваю первую часть и большую часть моего доклада, я предупреждаю вас, что к сожалению имеется меньше данных в области мысли Вл. Ил. об искусстве.

Тем не менее и здесь мы имеем, как я упомянул, весьма определенные указания.

Вл. Ил. и искусство.

Прежде всего, как вы видели, Владимир Ильич, в одной из цитат, которые, я здесь приводил, ставит искусство в данном случае на одну доску с наукой и техникой и говорит, что мы не можем построить новой культуры, не овладев всей старой культурой, т.-е. всей техникой, наукой и искусством. Владимир Ильич,—не знаю лично ли им написан этот параграф или с его одобрения, внесен,—но во всяком случае Владимир Ильич считал необходимым, как и весь 8-й съезд партии, упомянуть о наших задачах в области искусства в программе партии. Я не считаю, чтобы наша программа в отношении художественных задач Советской власти была бы вполне удовлетворительна, в ней не сказано нечто очень важное, а именно, в ней ничего не сказано о пролетарском искусстве, т.-е. как раз о том, что большинство из нас, и я в том числе признает самым важным, об этом в программе не сказано ничего. Но зато в программе сказано о другом, о так называемом академическом искусстве, которое у нас весьма сильно порою заклевывают.

Дореволюционное искусство—достояние народа.

В программе говорится: „Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплоатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплоататоров". Вот что сказано с марксистской беспощадностью определения: искусство возникло на почве эксплоатации труда рабочих, оно служило эксплоататорам, а стало быть приспособлялось, чтобы служить им. Таково было дореволюционное, помещичье, капиталистическое искусство. Что же нужно с ним сделать? Его нужно сделать достоянием народа. Это может показаться противоречием, но это не противоречие, это самая глубина мысли Владимира Ильича. Она вытекает из того, что он считается с искусством, которое у нас есть. Теперь у нас есть уже и кое какое пролетарское искусство, оно может быть, не вышло из стадии кустарника, но это молодые дубки. Оно находится в процессе роста и мы не могли говорить о нем определенно во время составления программы. Тогда у нас было только так называемое левое богемское искусство, которое самым стремительным и решительным образом заявило, что оно-то и есть пролетарское искусство.

Вл. Ил. Ленин и пролетарское искусство.

Владимир Ильич считал это искусство неосновательным, шатким, лишенным особой ценности, сам его не любил, не чувствовал. Поэтому нужно было считаться с искусством, каково оно есть. А это искусство существовало? Еще бы! громадные хранилища этого искусства и выдающиеся учреждения, которые это искусство практиковали, остались налицо. Как же нужно было к этому подходить? Отбросить как не нужное? Владимир Ильич считал, что оно нужно. Он в другом месте говорит, например, так: очень может быть несколько обидно для некоторых теоретиков, которые злы на наш театр за то, что он не сделался пропагандистским. „Театр нам нужен не столько для пропаганды сколько для отдыха рабочих от повседневной работы и наследство буржуазного искусства нам рано еще сдавать в архив" (статья „На повороте").

Таким образом отношение Владимира Ильича с моей точки зрения, я бы сказал не лишено некоторой односторонности. Он быть может слишком не доверял новому искусству, которое появилось после переворота, не имея еще образчика пролетарского искусства, как такового, боялся, чтобы оно не оказалось результатом работы тех лже-специалистов от пролетарского искусства, о которых он упоминает.

Он боялся, как бы это искусство не выскочило неизвестно откуда, как он выражается о пролетарской культуре, и он хотел, чтобы оно выросло из органического роста основного искусства, того, которое было прежде. И потому он подчеркнул в программе, что „это искусство должно сделаться достоянием масс", полагая, что массы сделают из него конечно не то употребление, что делали эксплоататоры.

Вл. Ил. прекрасно понимал, что искусство должно служить именно массам, и в своем знаменитом, много раз цитированнном разговоре с Цеткиной говорит: „Искусство должно служить народу, вести к развитию и подъему масс".

Может ли это сделать„ помещичье" и пр. искусство? Лишь отчасти. Вы увидите. что отчасти может, но лишь отчасти, а отчасти его надо и отвергнуть. То же самое с буржуазной наукой, с буржуазной школой, всюду, Вл. Ил. как будто боялся, как бы из за того, что в этом меду есть ложка дегтя, а на бочку иногда это был довольно высокий %, как бы не отказались от самого меда. Не будем проявлять непонимания, чванства, надо уметь различать плюсы и минусы, надо уметь аналитически, критически разделить полезное от вредного, воспринимать путем критической переработки. Вот прямое указание Ленина по этому поводу.

Верно, что кроме анализа готового материала нам нужно приступать к какому то собственному строительству, но лозунг В. И. остается в силе, и путь сейчас таков, что и сейчас еще было бы рано отвергнуть буржуазное и помещичье искусство, так как все-таки нам придется во многом пользоваться его элементами.

В. И. Ленин и М. Горький.

Тончайшим образом понимал В. И., как мертвое и живое, полезное и вредное сочетаются в искусстве, это видно из его суждений об отдельных писателях, из заключений о Горьком и еще больше о Толстом.

Относительно Горького это еще не так удивительно. Горький очень передовой писатель, друг коммунистов, и вот о Горьком в письме к нему Ленин говорит:

> „Своим талантом художника вы принесли рабочему движению России—да и не одной России—такую громадную пользу. И вы принесете еще больше пользы".

Дальше в письме, в котором он указывает, что Горький сделался членом еретической группы, между прочим группы, к которой я сам принадлежал, он говорит.

> „Горький—безусловно крупнейший представатель пролетарского (курсив Ленина) искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать".

Тут нужно сказать, что Ленин ясно сознавал, что у Горького не все пролетарское, но он считал, что какая то основная важная струя революционно-пролетарская была в нем.

> „В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный плюс, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму".

Той самой идеологии, которую и я тогда разделял.

„Горький авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно,—говорит дальше Владимир Ильич,—пытаться использовать этот авторитет для глубин махизма—это образчик того, как с этим авторитетом обращаться не следует". В другом месте Ленин говорит, что Горький вообще человек очень слабого характера, не умеющий вести выдержанную линию. В личной беседе со мной уже позднее Ленин говорил, что самая артистичность натуры Горького делает для него невозможным выдержанность, что у него слишком обостренные нервы, чтобы быть хорошим политиком, что с такими чуткими нервами, как у Горького, надо жить от политических катастроф подальше, и он сам просил Горького уехать за границу. Но это не мешало тому, что он считал Горького пролетарским писателем. Он только считал, что его пролетарские тенденции засорены мелкобуржуазным влиянием. Горький пролетарский писатель с сильной мелкобуржуазной примесью.

В. И. Ленин и Л. Толстой.

Что касается Толстого, то только один раз Владимир Ильич упоминает, что Толстой помещик, но совсем не для того, чтобы сказать, что Толстой помещичий писатель. Владимира Ильича мало интересовало, что Толстой, будучи помещиком великолепно воспел помещичий быт, его интересовало, как он к нему подошел,—восхвалял ли, благославлял ли он его? А так как Толстой нигде помещичьего быта не восхваляет, то Ленин и не говорит, что Толстой помещичий идеолог. Он говорит, что Толстой идеолог крестьянства и во всем хорошем, и во всем плохом вплоть до непротивленства. В статье „Лев Толстой, как зеркало русской революции" Ленин говорит о Толстом, как о зеркале, отражающем крестьянскую революцию, ее полярность. Эта статья поистине блестяща:

> „Противоречия в произведениях, взглядах, учениях в школе Толстого—действительно кричащие. С одной стороны гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны—замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши; с другой стороны—„толстовец", т.-е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: „Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетами". С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплоатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны — юродивая проповедь „непротивления злу" насилием. С одной стороны — самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны—проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии,—стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.-е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине
>
> Ты и убогая, ты и обильная
> Ты и могучая, ты и бессильная
> Матушка Русь".

И это действительно матушка Русь навеяла на Толстого соответственные противоречия.

И дальше Ленин говорит:

„Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения этого протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, и поэтому совсем мизерны заграничные и русские „толстовцы“, пожелавшие превратить в догму (т.-е. в непререкаемое учение), как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов крестьянства во времена наступления буржуазной революции в России“.—

Он продолжает:

„Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрени,—действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,—это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному „христианскому анархизму“, как оценивают иногда „систему“ его взглядов“.

Положительное в Толстом учитывается, как гениальный вывод из того, что было пройдено многомиллионным крестьянством, поскольку угнетенный крестьянин протестовал.

А противоречия во взглядах Толстого есть действительное зеркало противоречивых условий, в которые было поставлено крестьянство.

„В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась о оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала „ходателей“,—совсем в духе Льва Николаевича Толстого. Как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали в собрания трудовиков, обещали примирить,—пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи это зеркало слабости, недостатки нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и закорузлой трусливости „хозяйственного мужичка“.

И еще пример, блестящий, чисто беллетристический, который рисует эти противоречия в одном факте.

„Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу: его глаза разгорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались, через несколько часов, убив какого нибудь ненавистного начальника, они освобождали из под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались в ярмо,—совсем в духе Льва Николаевича Толстого".

Далее:

„Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной, агитации революционных социал-демократов (так назывались тогда коммунисты-большевики) не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины".

О толстовстве и обломовщине.

Тут не только имеется один из блестящих образцов марксистской литературной критики, но это важно и по некоторым общим выводам. Вот почему можно пользоваться и старым искусством. Потому что, поскольку в России постоянно накоплялись протесты бунтарские силы, поскольку мы имели ряд волнений и революций, через декабристов к людям 40-х годов к народничеству и т. д. постольку и в российской литературе не может не жить дух протеста. Но поскольку носителями его было крестьянство и разночинная интеллигенция, постольку вся литература заражена в большей или меньшей мере духом толстовства и обломовщины, а это два смертных греха, присущих русской интеллигенции и отчасти русскому характеру вообще, в чем Вл. Ил. и упрекает нас всех.

Владимир Ильич несколько раз упоминает, что сидит в нас проклятая толстовщина, проклятая обломовщина, нерешительность, желание по душам сговориться и все это оттого, что выросли мы не на почве революционного класса. У пролетариев таких стремлений нет, пролетарий должен доделать дело до конца, и если ему нужно сделать гайку, то он просверлит ее насквозь, а, если ему нужно сделать революцию, пробуравив толщу буржуазии, то он пробуравит и сделает так эту работу, как хорошо подобную работу делает, даже если она стоит крови, мастер-хирург. Именно такого рода политически-социальных черт, выражающихся в виде органической мудрости, преданности тем идеалам, которые вырастают из самих классовых невзгод, этого ни в каком другом классе, кроме пролетариата, не было. И если Владимир Ильич был чужд толстовщине и обломовщине, то именно потому, что он сам обеими ногами стоит на этом массиве революции, на массиве пролетарском.

В. И. Ленин и левое искусство.

Еще два дополнительных замечания, не основанные на цитатах. Нельзя скрывать того обстоятельства, что Владимир Ильич к так называемому левому искусству относился отрицательно. Я помню кроме целого ряда его отзывов в этом отношении, кроме знаменитого письма ЦК по поводу футуризма, в котором он довольно резко выступает против „потворства" Наркомпроса

этому левому искусству, кроме всего этого я помню такой очень характерный факт. Одна молодая родственница Владимира Ильича поступила в Вхутемас и естественно сделалась футуристкой. Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной поехал однажды к ней в гости, в самые так-сказать недра Лефа. Конечно, когда студенты Вхутемаса, народ молодой, подвижный, узнали, что приехал Владимир Ильич, то они решили обратить его в свою веру. Спор был чрезвычайно горячий и было такое впечатление, как-будто бы куча комаров жалила льва, и Владимиру Ильичу нелегко было отмахиваться. Он говорил: „я не понимаю, не нравится и не нравится, не понимаю, „рассудку вопреки, наперекор стихиям": вот стихи Пушкина люблю, Гончарова люблю, а левых поэтов не понимаю и читать не хочу, скучно, некогда. Лучше возьму старую книгу и прочту".—Но тем не менее после этой беседы Владимир Ильич говорил мне: „А все таки, какие это славные ребята, чудесные ребята; как было бы хорошо, если бы их энергию можно было бы направить на какое-нибудь другое дело, в какое-нибудь другое русло; из них могло бы выйти что нибудь очень хорошее—хорошие инженеры, хорошие врачи, но боюсь, что хороших художников из них не выйдет".—Вот каково было тогда его суждение.

Помню еще один случай, свидетельствующий об отношении Владимира Ильича уже к искусству вообще. Как-то раз, в Петербурге уже, когда дело наше шло довольно скверно в 1906 г. мы вместе с Владимиром Ильичом ночевали у тов. Дм. И. Лещенко. У этого товарища была целая этажерка монографий о художниках издания Кнакфуса. Владимира Ильича положили спать рядом с этой этажеркой. На утро он вышел желтый, осунувшийся. Спрашивают: что такое? Оказывается не спал всю ночь.—Почему? и все всполошились.—Может-быть, неудобно было, клопы, может быть?—Шумел кто-нибудь?—Нет—Ну, значит заботы не давали спать Владимиру Ильичу. Наконец, Владимир Ильич говорит: „Не спал всю ночь, читал эти книжонки. Ужасно интересно. Брал одну за другой, увлекся. Как жаль, что за всем нельзя угнаться, было бы у меня больше времени, я бы хотел основательнейшим образом изучить эту сторону общественной жизни".

И конечно никогда в мысли не было у Вл. Ил. сказать, что так как эта сторона им досканально не изучена, то она второстепенна, и даже он потому мол ее и не изучал, что это второстепенно.

Почему Вл. Ил. мало интересовался искусством? Не потому что не считал это важным, а потому что считал более насущными, более современными другие проблемы. Бывают такие обстоятельства дела, когда даже то, что считаешь самым важным, надо откладывать на задний план. Есть мечтатели, которые любят в самый разгар неприятностей сидеть под дырявым зонтиком на дожде и мечтать о наслаждениях будущего социалистического строя, или задуматься, напр., над вопросом, что будет, если 2 коммуниста влюбятся в одну женщину и т. п. Вл. Ил. считал, что об этом подумают, когда коммунизм будет завоеван. Он не задумывался, как на том берегу, когда мы переплывем реку с дьявольским течением, как мы там расположимся на отдых, и он не растягивался в лодке, бросивши весла, потому, что-де конечная цель плавания — отдых на берегу, так завалюсь-ка я спать. Он прекрасно знал разницу между целью и путями к ней. Точно так же и по отношению к сенитиментальной морали, которая встречается порой в наше время. Вы думаете, что он сомневался в законности заповеди „не убий"? Не сомневался. Убить человека, человеку величайший позор и преступление. Но стоит ли повторять что это есть грех, и нехорошо так делать и в наши дни, потому-де что истина ведь есть вещь вечная, и т. д. Конечно в дни, когда не убивая мы осуждаем на гибель и себя и то будущее, которое действительно прекратит убийства—все это глупая и вредная болтовня.

Вл. Ил. прекрасно понимал лозунги дня после победы, но и то что день борьбы диктует совсем другие задачи и методы, он знал, что в пути мы должны иметь другие цели, другие формы, другие принципы, чем те, которые станут естественными при торжествующем коммунизме, к этому иначе и не может подходить материалист-диалектик.

Знал он и то, что искусство нам нужно и как пропаганда образами, и как отдохновение, потому что как будто иногда трудно бороться и работать и не испытать хоть немного счастья за которое борешься, а в конце-концов только искусство может его дать. Знал он, что искусство дает глубокое и высокое наслаждение, глубокий и хороший отдых. Знал и то, что в смысле роста культуры оно все же менее своевременно и насущно, чем учебник, чем карта, менее важно, чем букварь, хотя в будущем оно станет м. б. превыше всего. И политическая борьба, и хозяйственное строительство, все это существует для человеческого счастья, а человеческое счастья есть прекрасная организованная жизнь, это и есть предмет искусства, такого, которое подобно науке, как говорил Вл. Ил., не должно быть модой или мертвой буквой, а входить в быт, действительно и всемерно.

Сейчас ввести в быт искусство необычайно трудно; это можно сделать только отчасти, это задача завтрашнего дня, но этим не отрицается совершенно его значение, пускай кто может и как может, работает над этим и сегодня. Так думал Ильич. Это нисколько не принижает искусство. Мы имеем 1-й, 2-й, 3-й фронт, может быть искусство будет отнесено к самым далеким шеренгам 3-го фронта. Но в общем Ленин не предполагал, что фронты эти следуют один за другим. Он считал, что они цепью переплетаются, что политическая, хозяйственная и культурная работа составляют одну неразрывную ткань. Только может быть наиболее золотые нити, нить искусства, должна быть отнесена к несколько более позднему времени, как равный всем другим элемент этой ткани.

Наша задача—осуществление ленинизма в области культуры.

Мне незачем даже пытаться резюмировать весь тот материал, который я представил сегодня. Мое дело было взять эти цитаты и расположить их последовательно, так, чтобы из их совокупности получилось целое учение Владимира Ильича о науке и искусстве. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что из приведенных мною цитат получается чрезвычайно ясная и поучительная картина. Уметь проводить ее в жизнь это одна из огромнейших задач в осуществлении ленинизма, о котором мы столько говорим, и не зря говорим, потому что мы действительно конкретно, реально и успешно, как показал год без Ленина, его в жизнь проводим. И совершенно так же как отступление от ленинизма во всякой области чревато огромными опасностями и само по себе, „a priori", должно вызывать тревогу, точно так же и отступления от этих ясных, в высшей степени недвусмысленных, не поддающихся кривотолкам, директив Владимира Ильича в области культуры, которые я вам сейчас изложил. И мы, работники культуры, благоговея перед всем незабываемым величием фигуры Владимира Ильича, даже беря только эту грань его личности, только его отношение к науке и искусству, преклоняемся перед ясностью. практичностью его взглядов, перед его необычайной дальнозоркостью, и не можем представить себе более высокой цели, чем им указанная, не можем считать себя достойными более высокого названия, к которому мы должны стремиться всем сердцем и всеми помыслами, как быть и в этой области учениками Ленина. (Аплодисменты).

ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД.

К итогам съезда[1]).

М. Эпштейн.

Наша революционная эпоха знает много энтузиаизма, демонстраций единства и сплоченности, но сравнительно давно уже, в особенности, за последние годы нашего относительно мирного строительства мы не были свидетелями такого насыщенного революционной экспрессией съезда, каким был недавно закончившийся всесоюзный учительский съезд.

В историю развития российской революции съезд войдет как свидетельство „пленения" рабочим классом одной из наиболее близких ему по социальному происхождению групп интеллигенции — народного учительства На этом съезде учительство решительно и бесповоротно стало под знамена РКП для того чтобы, позабыв все прежние колебания, нога в ногу с рабочим классом и крестьянством строить великую будущность советской страны.

Крепок должен стать союз между компартией и учительством. Крепок потому, что не случаен он. Партия, руководимая Лениным, всегда видела в народном учителе верное звено, которое может служить важнейшей задачей революции — делу смычки рабочего класса с крестьянством. Партия верила и знала, что неминуемо наступит тот момент, когда учительство займет свою естественную позицию организатора советской общественности в деревне. Когда к XIII съезду партии вопросы организации бедняцких и середняцких слоев деревни стали во весь рост, партия приняла специальное решение о созыве всесоюзного учительского съезда, справедливо усматривая в учителе помощника партии и Советской власти в разрешении этой задачи.

Не случаен также поворот учительства к компартии. Не навеян он „минутными", быстро преходящими настроениями. Он выстрадан, как говорил т. Зиновьев в своей речи, на съезде.

Учительство на великих, живых примерах октябрьской революции и всей революционной борьбы, последовавшей за нею, изо дня в день убеждалось в правоте большевизма. Оно поняло, что только Советская власть могла спасти страну от жалкой участи колонии империалистических государств. Оно убедилось, что только компартия в состоянии была мобилизовать все силы страны на отпор всем покушавшимся на нее врагам и спасти страну от стихийного распада в то время, когда одна восьмая часть населения ея корчилась в муках памятного голода 1921 года. Связанное всеми нитями с народом, учительство видит уже сейчас, что в условиях советской государственности перед трудящимися открываются широчайшие перспективы хозяйственного и культурного роста.

В обстановке крупнейшей общественно-политической кампании прошли все учительские конференции, как и всесоюзный учительский съезд. Все что нужно и можно было сказать—уже сказано. Сейчас начинаются революционные будни, конкретное практическое дело.

---

[1]) От редакции: следующий № журнала будет посвящен учительскому съезду.

Накануне учительского съезда мы звали наши отделы народного образования к величайшей чуткости и вниманию к запросам учительства. В свете проведенного съезда, после речей исторического значения, которые на нем раздавались,—это внимание к условиям жизни, к запросам учительства особенно важно. После съезда учительство еще больше чем раньше будет рваться к общественной работе. На нас лежит обязанность максимально облегчить учителю проявить свою общественную активность. Но в тоже время во весь рост встает перед нами другая задача—обеспечить учителя от перегрузки, от такого нерационального использования его сил, которое может физически надломить учителя или зародить у него недоверие к своим силам. Уже на съезде „погоня" всевозможнейших центральных общественных и государственных организаций за учителем, отчетливо выявила эту новую опастность перегрузки. Уже шли на съезде разговоры об обременении общественной деятельностью в ущерб школьной работе учителя. Вместе с партией, комсомолом и профсоюзной организацией учительства ОНО должны содействовать правильному распределению общественных обязанностей среди учительства, всячески прививая ту мысль, что работа в школе—не менее высокая, ценная и почетная общественно-политическая обязанность.

Хотя время, за которое протекли все учительские конференции и съезд сравнительно очень короткое, но в смысле достигнутых результатов — роста политической сознательности учительства оно сделало то, чего не достигнуто было бы в течение многих лет. Это вызовет усиленный спрос со стороны учительства на политическую и педагогическую литературу, на методическое инструктирование. Более чем когда бы то ни было учительство почувствует себя сейчас ответственным за советскую школу, за увязку ее с современностью, с потребностями крестьянского хозяйства. Народный учитель страстно потянется к педагогической книжке, к методическоку совету. Наша обязанность оживить работу методбюро, усилить приток новой литературы в сельскую школу, обеспечить сельского учителя газетой.

Перед лицом всей страны авторитетнейшие представители нашей партии и советского государства заявили о недопустимости какого либо третирования народного учителя.

Облегченно и с величайшей радостью будут приняты эти заявления всем учительством. Отныне оно не будет мириться с теми проявлениями, беззакония, которые имели еще место в взаимоотношениях с учительством. Возможны кое-где и повышенные, не совсем обоснованные требования со стороны отдельных учителей. Задача ОНО и всех работников по народному образованию всем своим поведением доказать, что эти заявления вождей компартии прежде всего усвоены ими.

Максимальной чуткостью к материальному и правовому положению народного учителя, уважением к его профсоюзной организации—вот чем можно сейчас обеспечить нормальные товарищеские и деловые взаимоотношения с учительством.

Всесоюзный учительский съезд—это праздник на нашей просвещенской „улице". Он создал новые, устойчивые предпосылки для дальнейшего роста массового образования в стране и в первую очередь, для культурного строительства в деревне. Со всей энергией примемся за закрепление на практической повседневной работе результатов съезда.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

На путях к укреплению 3-го фронта.

Доклад в Коллегии НКП

О результатах обследования Инспекцией НКП материального и ораганизационного положения ОНО [1])

И. Перель.

В октябре и ноябре месяце 1924 г. Инспекция НКП произвела массовое обследование материального положения, сети, аппарата и организационной работы целого ряда Губоно.

Были обследованы:

1) Архангельский	Губоно
2) Астраханский	„
3) Вятский	„
4) Вотский	Обоно
5) Владимирский	Губоно (спец. обследование матер. базы).
6) Гомельский	„
7) Костромской	„
8) Калмыцкий	Обоно
9) Калужский	Губоно (спец. обслед. матер. базы).
10) Новгородский	„
11) Орловский	„
12) Сев.-Кавказский	Крайоно (округа: Армавирский и Морозовский)
13) Тверской	Губоно
14) Тульский	„
15) Уральский	Обоно (Троицкий и Златоустовский округа).

Общий итог обследования дает картину сдвига и укрепления всей работы местных органов и учреждений по народн. образованию. Нет на местах уже той растерянности, неустойчивости в деле народного просвещения, которые наблюдались в прошлом 1923 году. Просвещенская работа обрела окончательно свое почетное место в системе советского строительства и стала одной из самых важных функций рабоче-крестьянской общественности. Сдвиг выявлен обследованием по всем линиям деятельности ОНО—по линии материального обеспечения просветительных учреждений, по линии укрепления аппаратов по НО, по линии организации методической работы и перевода содержания работы просветительных учреждений на новые рельсы.

1924 год, несомненно, будет переломным в истории нашей просветительной работы.

Но на этом светлом фоне имеются, однако, еще очень много темных пятен.

---

1) В обследовании участвовали инспектора тт. Абрамов, Бойцов, Барчук, Вигдоров, Войцеховская, Заколодкин, Леонтьев, Просвирнин, Федорова, Чаплиев и Цынман (по фин.-части).

В обработке материалов принимали участие тт. Бойцов, Гинзбург, Заколодкин, Енютин, Никитин, Просвирнин, Федорова, Чаплиев и Цынман.

Упорядочение и укрепление 3-го фронта сопровождается целым рядом болезненных явлений. Те фактические данные, которые имеются в НКП относительно положения НО в Республике вообще подтверждают картину, обнаруженную настоящим инспекторским обследованием. Это дает нам возможность анализ и выводы обследования использовать и приложить ко всей текущей организационной работе Наркомпроса и местных ОНО.

Бюджет.

В основу всех наших достижений в текущем учебном году следует, конечно, положить укрепление бюджета ОНО. Что говорят здесь цифры?

1. Прежде всего сравним абсолютные данные о бюджете ОНО 1923—1924 г. и текущего операционного года [1]):

Таблица № 1.

Губернии.	Ориентировочн. бюджет ОНО 23/24 г.	Исполнение за 23/24 г.	В тысячах рубл. Бюджет ОНО на 1924—1925 гг.
Архангельская	724	721	1.514
Астраханская	—	572	1.023
Вятская	2.214	1.950	2.240
Тверская	2.487	1.704	3.236
Орловская	1.873	1.218	2.037
Костромская	1.113	835	1.101
Владимирская	2.925	2.073	3.030
Калужская	1.060	906 [2])	2.250
Гомельская	1.212	—	2.147
Новгородская	965	943	1.184
Тульская	2.701	1.320	2.176
Златоустовск. окр. (Урал)	271	102	446
Троицкий округ	174	88	258
Калмыцкая обл.	211	79	813

За исключением Тульской, все губернии дают внушительное увеличение ассигнования местного бюджета на народное образование.

2. Менее благоприятную картину мы получаем, если сопоставим процентную долю ОНО, в общегубернском бюджете прошлого и текущего года.

Таблица № 2.

	% ассигнований на народное образование. В 1923/24 г.	В 1924/25 г.
Калмыцкая	35	44
Владимирская	26,0	39,0
Златоуст. окр.	37,5	38,9
Тверская	27,5	34,1
Костромская	29,6	33,2
Тульская	34,2	31,0
Гомельская	30,1	30
Новгородская	28,0	27,6
Архангельская	22,4	26,4
Троицкий окр.	27,64	24,45

И здесь имеются серьезные достижения (Тверская, Архангельская и Владимирская). Это еще ярче подчеркивается сопоставлением долей некоторых уездных бюджетов в прошлом и текущем учебном году. Например, Тверская губерния.

---

[1]) Во всех таблицах мы опускаем те губернии, которые представили цифры не достаточно проверенные или противоречивые.

[2]) Цифра спорная.

	23/24 г.	24/25 г.
Бецкий Уоно	29,5%	40%
Ржевский Уоно	29,9%	37,5%

Однако, таблица № 2, менее радужная, чем первая, говорит о том, что в некоторых местах (Тульская, Новгородская, Троицкий округ) руководящие органы еще недостаточно прониклись актуальностью вопросов 3-ьего фронта.

Если некоторым губерниям можно простить то, что они не смогли продвинуться дальше прошлого года в этом отношении, то совершенно недопустимо их попятное движение. Здесь нужно вмешательство центральных органов власти. Отставшие губернии должны хотя бы ко 2-му бюджетному полугодию пересмотреть свои сметы и перераспределить свои средства так, чтобы, по крайней мере, восстановить прошлогоднюю долю ассигнований на дело народного образования.

3. Обследование выявляет еще одну серьезную тенденцию в развитии местного бюджета, а именно, снижение процента ассигнования на нужды губернского значения, а также на нужды губернского города и увеличение % ассигнований, проходящих по низовому уездному и волостному бюджету. Вот цифры:

Таблица № 3.

	Ориентировочный бюджет по губерн. и губ. городу в %% к общему бюджету ОНО.		Ориентир. бюджет по уезду в %% к общему бюджету ОНО.		Тоже по волостн. бюджету.	
	1923/24 г.	1924/25 г.	23/24 г.	24/25 г.	23/24 г.	24/25 г.
Архангельская	48,9	47	51,1	53	—	—
Тверская	26,5	19,8	62,5	60	11	20,2
Костромская	44	41,4	59	58,6	—	—
Тульская	58	35	42	65	—	—
Новгородская	—	16	—	71	—	13
Вятская	—	25,4	—	35,4	—	39,2
Вотская обл.	36,1	38,2	63,9	60,7	—	1,1
Калмыцкая	50	23,5	50	68	—	—

В этой таблице показаны уже результаты нашего призыва—„лицом к деревне".

Кое-какие достижения мы имеем и в деле организации волостного бюджета. Тут мы делаем только первые шаги. Роль и значение волостных расходов в общем бюджете ОНО невелики, да и весь волостной бюджет еще во многих губерниях или совершенно неорганизован, или организован слабо и неправильно. Из таблицы № 3 видно, что из 8 губерний только 4 показывают долю волостного бюджета, при чем Вятская губерния включает в волостной бюджет расходы на содержание личного состава просветительных учреждений, что противоречит существующим законоположениям о волостном бюджете и наносит вред делу нар. образования.

Такие же попытки перенести на низовые бюджеты максимум расходов по нар. обр. намечались в Златоустовском округе Уральской области. Однако заверения, данные руководящими работниками Областного Центра инспектору НКП, дают нам основание предполагать, что это мероприятие не осуществится на Урале.

4. Следующая таблица:

Таблица № 4[1]).

Губернии.	Общий мест. бюджет ОНО.	Получено кроме того из госбюджета.	%
Архангельская	721	142	19,6
Орловская	1.218	243	19,9
Тверская	1.704	174	10,2
Костромская	835	171	20,4
Новгородская	943	229	24,2
Вятская	1.950	491	25,1
Владимирская	2.073	272	13,1
Калужская	906	270	29,8
Астраханская	572	90	15,7
Калмыцкая	79	84	106,3

подчеркивает еще одно важное обстоятельство. Она говорит о том, что удельный вес госбюджета в общем бюджете Губоно очень невелик. Если не считать Калмыцкую область с чрезвычайно слабым местным бюджетом, то участие госбюджета в обеспечении местных просветительных нужд колеблется от 10 до 30% (по отношению к местному бюджету).

5. В отношении распределения средств ОНО между отдельными видами просветительных учреждений приходится констатировать определенное неблагополучие:

Таблица № 5.

	Исполнен. за 23/24 г. %%.				Ориентировочн. бюджет на 24/25 г. в %%.			
	Соцвос.	Профобр.	П/просв.	Проч.	Соцвос.	Профобр.	П/просв.	Проч.
Архангельская	80,7	7,4	8,9	2,8	90	2,6	4,9	2,5
Тверская	74,2	6,1	11,9	7,8	78,2	4,4	15,2	2,2
Орловская	73	6	20	1	76	4	16	4
Новгородская	—	—	—	—	80	6,5	8,9	4,5
Тульская	69	13	18	—	80,7	5,8	11,7	2,3
Вятская	78,8	6,8	13,2	1,1	78,8	6,5	13	1,7
Вотская	—	—	—	—	66,8	10,4	15,5	7,3
Владимирская	—	—	—	—	84,7	2,7	11	1,6
Калужская	77	12	11	—	—	—	—	—
Астраханская	75	5	13	7	75	6,34	12,8	5,8
Златоустовский округ Урал обл.	—	—	—	—	85,6	1,3	11	2,1
Армавирский окр.	83,5	8,9	7,6	3,4	84	5,2	8,5	2,3

Хуже всего обстоит дело с Профобром. Здесь снижение % расходов произошло почти по всем губерниям. Это еще усугубляется тем обстоятельством, что в текущем году целый ряд расходов по профобразованию перешел из государственного на местный бюджет.

Нельзя считать благополучным в этом отношении и положение Политпросвета. Часть губерний в этом году снизили процент ассигнования на политпросвет. работу (Архангельская, Новгородская, Сев.-Кавк. округа), а большинство и в текущем году не довели своих ассигнований на политпросветработу до установленной Наркомпросом нормы—15%. Заметим, что это происходит в 1924 г. после XIII партсъезда, когда мы настолько расширили масштаб и возможности политпросветработы.

Вмешательство центра требуется и здесь.

6. Еще больной вопрос в местном бюджете—это вопрос об учебно-хозяйственных расходах. Места не дали исчерпывающих материалов по этому

[1]) Исполнительный бюджет 1923/24 г.

вопросу, но в общем и целом можно сказать, что до 60% всей сметы Губоно идет на зарплату, 40% на остальные нужды. Но тут, правда, приходится учесть то обстоятельство, что огромная часть средств, ассигнованных на учебно-хозяйственные расходы, уходит на детпитание.— Так, Тула в 3-м квартале 1923/24 года израсходовала на д/дома 44% бюджета. В Златоустовском округе (Урал) 39% всего бюджета съедают детдома. В Вятской губернии д/дома поглощают 58% бюджета Соцвоса. В отношении распределения средств внутри бюджета ОНО нужна серьезная поправка. Конечно, вряд ли удастся еще в текущем году коренным образом изменить создавшееся положение на местах, разве только там, где бюджет будет пересматриваться заново. Но в основном эта проблема должна быть решена в 1925/26 г. К этому вопросу НКП должен уже готовиться, необходимо в связи с задачами, стоящими в настоящее время перед сов. властью в области нар. просвещения, пересмотреть устаревшее уже отчасти процентное распределение местного бюджета ОНО по отдельным видам работы.

В отношении заработной платы школьных работников мы в общем и целом имеем в этом году серьезные достижения. Это уже достаточно рельефно было отмечено на учительском съезде. Но и здесь не без изъянов.

Вот таблица зарплаты, установленной в обследованных губерниях в текущем году для учителей I ступени:

Таблица № 6.

Губернии.	Пояс.	Зарплата по норме причит. вместе с субвенц.	Установлено для I ст.
Тверская	2	27.50	20.—
Архангельская	2	27.50	40
Гомельская	2	27.50	24.32
Новгородская	3	25	22
Костромская	3	25	22.80
Калмыцкая	5	20	40.50
Вятская	3	25	17.50
Архангельская	4	22.50	30.35
Вотская	5	20	23.65 27.95
Златоустовск.	3	25	31.50
Армавирский	1	30	35
Тульская	2	27.50	21.29
Орловская	3	25	25.27 50

Эта таблица показывает, что на-ряду с губерниями, которые пошли дальше установленных центром ставок (Архангельская, Калмыцкая, Астраханская, Златоустовский окр. (Урал), Армавирский (Сев.-Кавк.), имеется ряд губерний, которые не поднялись еще до декретированной скромной нормы (Вятская, Новгородская, Тверская, Костромская). В Новгородской губ. имеются уезды, где школьные работники получают меньше, чем в прошлом году (18 р. вместо 18 р. 80 к.). Это явление не редкое. В записках, поданных т. Луначарскому на учительском съезде в связи с его докладом, было очень много горьких слов по этому поводу.

Тут ждать следующего бюджетного года нельзя, всем отставшим губерниям следует пересмотреть свои сметы и, по крайней мере, довести зарплату просвещенцев до минимальной нормы, установленной Совнаркомом.

9. Несколько слов по вопросу об обеспечении деревенской работы в бюджете ОНО. В общем мы еще очень далеки от 80% бюджета ОНО, установленных Наркомпросом для обеспечения деревенской работы. Максимально здесь приходится считать 60—65% всего бюджета Губоно. Наблюдаются еще и такие явления: в Вотской области город Ижевск обслуживает 94% детей школьного возраста, а деревня—20%. Здесь, между прочим, нужна ясная директива НКП,—какие учреждения следует считать деревенскими (педтехникум, например, тоже, ведь, обслуживает преимущественно деревню).

Обследование отмечает в местном бюджете кроме того еще одно больное место: неимоверную пестроту норм расходов на типовые просветительные учреждения в различных губерниях. Так, например, расходы на массовые однокомплектные школы I ст. колеблются от 271 до 600 рубл. в год; расходы на одного ребенка в дошкольном учреждении колеблются от 15 р. 82 к. до 70 р. в год; стоимость содержания одного ребенка в детдоме от 100 до 352 р. в год; стоимость содержания одной избы-читальни от 274 до 750 р. Здесь безусловно нужен какой-то критерий, в противном случае мы и в дальнейшем будем иметь чрезмерное по данным условиям обеспечение учреждений одного типа и недостаточную—голодную норму в той же губернии или в том же уезде для учреждений другого типа. Здесь первое слово принадлежит Наркомпросу.

10. Серьезным моментом при построении местного бюджета Наркомпрос уже давно считает вопрос о децентрализации средств ОНО, или иначе говоря, вопрос о выделении третьестепенного распределителя кредитов. Этот вопрос был еще поднят на съезде завгубоно в прошлом году и окончательно получил свое выражение в конце мая 1924 г. на совещании Губоно Средне-Волжского района.

Обследование показало, что места недостаточно усвоили этот лозунг. Из всех обследованных губерний одна только Гомельская—фактически децентрализовала местный бюджет по народн. образ., зафиксировав кредиты каждого учреждения постановлением Губисполкома и сделав заведующих учреждениями фактическими хозяевами и распределителями этих кредитов.

Почти все остальные губернии сохранили полностью старые формы финансирования учреждений и тем самым, конечно, старую загруженность аппарата мелкой финансовой и хозяйственной работой. Вряд ли удастся в середине бюджетного года кое-что изменить в этом отношении на местах. Остается только пожелать, чтобы места деятельно стали уже теперь готовиться к такой организации бюджета в следующем году. Кстати, здесь необходимо добиться соответствующей директивы Наркомфина.

В Новгородской губернии в этом отношении обследование установило следующую крайне отрицательную подробность: Губоно перевело свои хозяйственные кредиты Коммунхозу, а последний утилизировал их по своему усмотрению, часть кредитов он даже употребил на нужды, ничего общего с просвещением не имеющие. Здесь половинчатости допускать нельзя.

Платность.

11. Чтобы окончательно завершить круг бюджетных вопросов необходимо еще остановиться на платности. Из всех подсобных источников помощи делу народного просвещения платность остается самой существенной и реальной. Значение ее не следует преувеличивать, но не следует и умалять. Если в общегубернском бюджете платность играет небольшую роль, то в бюджете городов и в особенности губернских, она имеет существенное значение. Так в бюджете школ I и II ст. города Архангельска доход от платности составляет около 45%; в Гомельской губернии платность продолжает играть серьезную роль в городах во всяком случае не меньшую, чем в Архангельске, если не большую. В Костромской губернии из сумм платности израсходовано 10000 рублей на ремонт школьных зданий.

В Тульской губ. получено от платности 56113 руб. По гор. Твери поступило от платности 25620 р. В.-Волочок Тверской губ. собрал 12000 руб. Старорусский уезд Новгородск. губ. собрал за прошлый год 14384 р.—9% бюджета. Но тут приходится констатировать целый ряд ненормальных явлений. Самое главное среди них то, что суммы, поступающие от платности

почти нигде не учитываются не только в губернском масштабе, по часто и в масштабе самого города. Нормы взимания платности чрезвычайно разнообразны. Поступающие суммы распылены и использовываются крайне произвольно. Некоторые губернии включили поступления платности в местный бюджет и даже взимали плату непосредственно через аппарат Финотдела. Некоторые оставляют эти поступления в школе, а иные концентрируют их в ОНО, где они обезличиваются. В это дело необходимо внести ясность. Нам слишком дорога каждая копейка в просвещенском бюджете, чтоб оставить на произвол судьбы пусть даже мизерный источник дохода, тем более, что он и не такой уже мизерный в целом ряде пунктов. Необходимо, кстати, здесь ликвидировать целый ряд вредных уклонов, которые еще имеют место в некоторых губерниях. Так, например, Костромской Губисполком принял в настоящем учебном году постановление о том, чтоб детей неплательщиков исключать из школы.

Правда, одновременно отмечаются и отрадные явления; Гомельская губерния, которая раньше допускала серьезный перегиб в деле взимания платности, в текущем году окончательно отказалась от взимания платы в сельских местностях, рабочих поселках и школах национальных меньшинств.

В общем и целом этот вопрос еще требует серьезной проработки в Наркомпросе.

Вот весь комплекс бюджетных вопросов, охваченных настоящим обследованием.

Как обстоит дело с общественной помощью школе?

а) Комсоды—этот институт на местах развит еще слабо, а там, где он существует его работа почти не учитывается. Только в единичных губерниях инспектора устанавливают „незначительную“ помощь, оказываемую школе комсодом, и одна только Орловская губерния дала Наркомпросу возможность сделать вывод, что „привлечение комсодов к делу помощи школе дало возможность провести капитальный ремонт школьных зданий городских местностей и элементарный ремонт сельской школы“ (из резолюции НКП по докладу т. Войцеховской).

б) Шефство, как серьезный вид помощи просветительным учреждениям, уже почти исчезло.

в) Договора с населением тоже начинают отмирать. Трудно на этот вопрос дать исчерпывающий ответ по материалам обследования (этот вопрос, очевидно, должен был получить свое окончательное разрешение в ноябре когда обследование уже подходило к концу), но отдельные факты говорят за то, что мы массовой договорной кампании в этом году не имеем. Все губернии старались школы, находившиеся в прошлом году на иждивении населения включить в текущем году в местный бюджет. Так Вятская губерния, которая в прошлом году извлекла по договорам 250000 рублей, в этом году совершенно отказалась от договорной кампании.

г) Организации пролетарской общественности еще работают слабо. Так Общество Д. Н. в Новгородской губ. по сообщению инспектора „работает только в городском масштабе,—связи с местами нет, ячейки организационно мало оформлены и работают слабо“. В Гомельской губернии ОДН работает интенсивно в городах и фабрично-заводских районах,—в деревне работа незаметна. Такое же положение и с обществом „Друзья детей“.

Из всего здесь сказанного видно, что общественная помощь просветительным учреждениям еще мало организована. На это соответствующим органам следует обратить особое внимание. Совершенно недопустимо, чтоб в период, когда внимание всей советской общественности, всего трудового населения республики, приковано—как никогда к 3-му фронту, чтоб в это

время сами органы и учреждения народного образования не могли использовать этого внимания и соответствующим образом организовать общественную инициативу. И здесь местам нужны совет и помощь из центра.

Земельные участки.

Материальную помощь просветительной работе, в данном случае школе оказывают еще земельные участки. По существу эта помощь не совсем законная. Земельные участки должны служить педагогической работе школы. Однако, почти всюду они являются подсобными, если можно так выразиться хозяйственными предприятиями школы. Земельными участками в подавляющем большинстве случаев пользуются школьные работники в качестве добавочного средства для улучшения своего материального положения. Примеры: Вотская область—из 450 школ 203 наделены земельными участками—для учебно-педагогических целей они не использовываются.

То же и в Старорусском уезде Новгородской губ., где из 208 школ 129 имеют зем. участки различных размеров: 3 школы имеют по 7 десятин, 100 по $^1/_2$ дес. и 26 по $^1/_4$ дес. В некоторых местах эти зем. участки за отсутствием у школы и шк. работника сельскохозяйственного инвентаря сдаются в аренду соседним крестьянам. Кстати во многих местах на почве наделения школ зем. участками происходят конфликты с местным населением. Земельные участки,—сообщает т. Бойцов—в Вотской области являются „бельмом в глазу у крестьян". Этого, конечно, не было бы при правильном использовании этих участков школой. Таким образом в вопросе о земельных участках центр тяжести лежит не в наделении школ землей, а в рациональном ее использовании.

Подводя итоги анализу материального базиса просветительных учреждений, приходится констатировать с одной стороны несомненный сдвиг по сравнению с прошлым 1923—24 годом, а с другой стороны целый ряд недочетов, промахов и недопустимых уклонов.

Укрепление материальной базы Народного Просвещения сказалось—на топливе, ремонте и закупке учебников, имеющих первостепенное значение в жизни школы.

Ремонт.

С ремонтом дело обстоит еще далеко не благополучно. Некоторое продвижение вперед и здесь имеется. Тов. Чаплиев, обследовавший Тульскую губ. пишет: „ремонт школьных зданий был произведен в количественном отношении в большем размере. По гор. Туле на ремонт затрачено 22089 р. „Тов. Вигдоров в докладе об обследовании Гомельской губ. сообщает, что в обследованных им „12 деревенских школах, в учреждениях гор. Новозыбкова, Режицы и Гомеля школьные помещения находятся в таком состоянии, что нормальные занятия в них вполне возможны. Вид школы производит сейчас благоприятное впечатление. Ремонт произведен не только в школах, но и в политпросветительных учреждениях".

Но в то же время имеются губернии, где к ремонтному вопросу еще вплотную не подошли. В Вотской области произведен только мелкий ремонт зданий. В Тверской губ. капитального ремонта еще не начинали. В Старорусском уезде, Новгородской губ. по смете ОНО на 24/25 год на ремонт ни одной копейки не отпущено.

Там, где ремонт производится в массовом масштабе, средства шли от населения непосредственно.

Вотская область, например, по договорам собрала на ремонт 13681 пуд

хлеба. В Гомельской губ. ремонт произведен самим населением, при чем в городах с тех родителей, которые вносят плату за учение постановлениями родительских собраний, взималась двухмесячная плата специально на ремонт. Договор с населением повсюду является обычным средством организации ремонта школьных зданий.

В общем и целом вопрос о школьных зданиях в связи с наплывом детей в школу теперь стоит острее, чем когда бы то ни было раньше.

Между тем, еще не изжито наследие империалистической и гражданской войны. Масса школьных зданий и по сию пору заняты другими советскими органами и учреждениями. В деревне остро стоит вопрос о школьном строительстве, ибо все наемные помещения, (а их большинство на селе) пришли в полную негодность, угрожая детям остаться совершенно без школы. Старорусская школа, рассказывает т. Абрамов ютится в подвале, ранее приспособленном для телят и кроликов. Площадь в 6 кв. саж.—(2×3) на 42 ученика. В помещении темно, сыро, на стенах плесень, грязь. Еще пример из той же Новгородской губ.: „Ново-Перицкая школа Шотовской волости помещается в крестьянской избе. Площадь 9 кв. саж. (3×3). Картина такая: у порога раскрытый шкаф для книг, которых там, конечно нет, за занавеской помещается хозяин, тут же люлька, баба кормит ребенка, ребенок плачет. Тут же ходит хозяин с цыгаркой во рту. Это все во время урока". Все эти картинки в разных вариантах повторяются во многих губерниях. Вопрос о школьном строительстве один из самых больных, на пути к победе на культурном фронте. Строительство новых школьных зданий—должно стать боевым лозунгом Наркомпроса и его местных органов на ближайший период лет.

Топливо.

С топливом обстоит несколько благополучнее. И здесь конечно имеются отстающие губернии (Новгородская), но в большинстве случаев топливом школы обеспечены. В некоторых районах Вотской области школы обеспечены топливом на 2 года. То же в Гомельской губернии, Вятской и т. д. С помощью населения удалось по выражению инспектора Бойцова „загнать тепло" в школу. Не разрешен еще вопрос с доставкой дров в школу. В некоторых местах дрова заготовлены в большем количестве, а вывезти и доставить их в школу некому.

Учебники.

Вопрос об учебниках в текущем году разрешен в значительной мере благоприятнее, чем в прошлом году.

Если в прошлом году мы имели крайне мизерные ассигнования на учебники (Гомель 17000 руб., Новгород—17862 р., Астрахань—19770 р., Архангельск—3.300, Камобласть—820 р. и только Вятская губ. ассигновала солидную сумму в 40.000 рублей), то в этом году мы имеем картину совершенно иную. Гомельская губ. ассигновала 36000 р., Новгородская—45000, Астраханская—79000 р. Архангельская—38147 р., Калмобласть—25000 р., Костромская—31326 р., Тверская—135000 р., Орловская—91523 р., Вотская область—40000 р., Вятская губерния—50000 рублей.

В итоге кампаний по закупке учебников, по сообщениям инспекторов, мы имеем значительный % (от 25 до 50) удовлетворения учащихся учебниками.

Если мы присмотримся к качеству учебников, то и здесь мы обнаруживаем серьезные достижения. Если в прошлом году превалировал старый учебник, то в этом году сплошь и рядом встречается новый.

В массе списков фигурируют „Смена", „Новый Путь", „Красная Зорька", „Утренние Зори", „В деревне", задачники Ланкова, географии-Иванова, Тимофеева, „Родной язык"—Фридлянд и Шалыт „Наш язык"—Пешковского, Обществоведение-Вольфсона, „Вчера и Завтра"—Коваленского, „В борьбе за лучшую жизнь"—Кравченко и т. д. Значительно освежилась учебная литература и в школах II ступени.

Сметой 24/25 года не забыта и педагогическая литература. По Костромской губ., Астраханской губ., Вотской и Калмыцкой области предусматривается закупка специальной литературы для педагогов. Закуплена также в некотором количестве и национальная литература. Правда, список учебников по нацмен не велик, очень примитивен и отвечает только самым первичным задачам обучения на родном языке, но все же и в этом вопросе в текущем году брешь пробита.

Остается, однако, пожелать, чтобы процент удовлетворения учебниками поднялся до 100, для этого, очевидно придется проделать еще большую работу.

По сообщениям инспекторов, значительным тормозом в благополучном разрешении вопроса о снабжении новым учебником было то, что Госиздат и Издат. Раб. Просвещ., которые были главными поставщиками книг, не смогли своевременно выполнить данные им заказы, вследствие чего некоторые Губоно (Орел) вынуждены были в большом количестве закупить учебную литературу, допущенную ГУС'ом еще в 22/23 учебном году.

С е т ь.

Перейдем к анализу сети просветительных учреждений в обследованном районе. Согласно сообщениям всех без исключения инспекторов сеть просветительных учреждений качественно укрепилась и оформилась. Мы уже говорили выше о безусловном укреплении материальной базы просветительных учреждений, о повышении заработной платы учительского персонала. Сюда необходимо еще прибавить: а) полную, не в пример прежним годам, нагрузку сети (мы констатируем даже перегрузку ее: на 1 учителя приходится до 120 учащихся) и полную ликвидацию фиктивных учреждений,—а ведь это было раньше не последней болезнью нашей сети.

Но на-ряду с этими достижениями мы имеем количественное сужение сети, в некоторых местах довольно—таки чувствительное. Несмотря на распоряжение ВЦИК сохранить во что бы то ни стало в бюджете 1924/25 года сеть на 1/I—24 г. мы имеем в этом отношении в общем и целом серьезное отступление. Места почти повсюду укрепили качественно сеть за счет ее количественного сокращения. При чем шли здесь по линии наименьшего сопротивления. Если возьмем сеть по основным разделам просветительной работы, то получим такую картину:

А. Сеть соцвоса.

Таблица № 7.

1. ШКОЛЫ I СТУПЕНИ.

	Количество учреждений.	Работников.	Учащихся.
По скольким губерн. имеются данные.	10	8	7
Существовало в 23/24	12693	20321	638292
Предположено на 24/25 г.	12799	20117	732870
Вновь открыто	255 (по 6 губ.)	655 (по 5 губ.)	—
Закрыто	149 (по 4 губ.)	859 (по 5 губ.)	—
В общем увеличено	106	—	94578
Снижено.	—	204	—

Массовая школа, как видим, пострадала сравнительно мало. По 6 губерниям сеть ее увеличилась на 255, а по 5 уменьшилась на 149—в итоге по 10 обследованным губерниям мы имеем все же расширение сети школ I ступени. Еще разительнее данные об учащихся школ I ступени. По 7 губерниям мы имеем—увеличение количества учащихся в школах на 94578, эти учащиеся распределяются не только между вновь открытой сетью школ, но прежде всего увеличивают нагрузку каждой школы, каждого учителя. Если средняя нагрузка на одного учителя дает в этом году 45,6 учащихся, вместо прошлогодней цифры 36, то фактическая нагрузка в младших группах несравненно больше,—она доходит, по сообщениям инспекторов,—до 120 человек на одного учителя.

Охват детей школой в текущем году повысился с 43,2 до 50,5%. Но здесь необходимо подчеркнуть одно очень важное обстоятельство. Наряду с увеличением сети массовой школы на 106 единиц по 10 губерниям мы имеем снижение количества комплектов (закрыто 859, а вновь открыто 655). Следовательно, если мы раньше имели в сельских местностях 60—70% одноколлектных школ, то теперь мы их имеем еще больше. При вышеуказанном наплыве в текущем учебном году детей в школы в этом явлении кроется большая опасность.

Хуже обстоит дело в других учреждениях социального воспитания.

Таблица № 8.

2. ШКОЛЫ II СТУПЕНИ.

	Учреждений.	
По скольким губерн. имеются данные .	7	
Существовало в 23/24 г.	178	
Предположено на 24/25 г.	123	
Вновь открыто	4	(по 1 губернии)
Закрыто	59	(по 6 губерн.)
В общем увеличено	—	
Снижено	55	

Здесь мы имеем сокращение по 7 губерниям на 55 школ или на 31%. Впереди в этом отношении идут Тверь и Тула,—здесь II ступень получила наиболее чувствительный удар. И не надо думать, что вместо закрытых школ II ступени мы получили реорганизационный 2-й концентр, — эта работа еще к моменту обследования не начиналась.—Правда, здесь можно внести один коррективъ—школы II ступени, снятые с бдюжета ОНО во многих местах продолжала функционировать, как . . . „хозрасчетные предприятия". Но это ведь означает переход к типу получастной школы.

Таблица № 9.

3. ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.

	Количества учреждений.	
По скольким губерниям имеются данные	8	
Существовало в 23/24 г.	98	
Предположено на 24/25 г.	82	
Вновь открыто	3	(по 3 губерниям)
Закрыто	19	(по 5 губерниям)
В общем увеличено	—	
Снижено	16	

Несмотря на многочисленные директивы и призывы центра не сокращать дошкольных учреждений, сеть их неуклонно понижается,—очевидно, здесь еще не все сделано. Места не прониклись еще важностью дошкольного воспитания, разве только их расшевилил недавно проведенный Всероссийский дошкольный съезд.

Таблица № 10.

4. ДЕТСКИЕ ДОМА.

	Количество учреждений.	Работников.	Детей.
По скольким губерниям имеются данные	7	6	6
Существовало в 23/24 г.	353	1.765	14.244
Предположено на 24/25 г.	293	1.446	13.644
Вновь открыто	0	18 (по 2 губ)	0
Закрыто	60 (по 7 губ.)	337 (по 4 губ)	600 (по 6 губ.)
В общем увеличено	—	—	—
Снижено	60	319	600

Здесь удар наиболее чувствительный—в 7 губерниях сокращено 60 д/домов, в 6 губерниях изъято (куда?) 600 детей. Конечно, д/дома больше всего оттягчают местный бюджет. Но лишение крова и педагогического воздействия 600 детей и ухудшение положения оставшихся детей (ведь 600 детей это не весь контингент закрытых домов—большая часть его переброшена в другие детские дома, где они в значительной степени увеличили нагрузку педагогического персонала) совершенно недопустимы. Успокаиваться на этом нельзя. Если нельзя помощью местного бюджета оградить себя от новой волны беспризорности, то необходимо какое-то большое напряжение общественной инициативы для того, чтобы парализовать это новое бедствие в деле соцвоспитания подрастающего поколения.

Б. Сеть политпросвета.

Таблица № 11

	Избы-читальни.	Ликпункты.	Библиотеки.	Клубы.	Шк. взр.
	Колич. учр.	Кол. учрежд.	Учрежд.	Учр.	Учр.
По ск. губерн. имеются данные	9	10	9	6	6
Существовало в 23/24 г.	2.370	3.736	1.674	595	30
Предположено в 24/25 г.	2.345	5.005	1.159	313	51
Вновь открыто	287 (по 4 губ.)	1.475 (по 7 губ.)	12 (по 2 губ.)	0	21
Закрыто	312 (по 5 губ.)	206 (по 3 губ.)	527 (по 7 губ.)	282 (по 6 губ.)	0
В общем увеличено	—	1.269	—	—	21
Снижено	25	—	515	282	—

В этой таблице приходится остановиться на трех моментах: а) Ликпункты.

В отношении ликпунктов обследование выявило следующее:

1. Сеть ликпунктов безусловно увеличена.

2. Места прониклись серьезностью задачи, стоящей перед ними в области ликвидации неграмотности взрослого населения республики и пошли по пути открытия новых очагов борьбы с этим злом.

3. Увеличение сети ликпунктов далеко еще отстоит от плана, разработанного ВЧКлб и согласованного с НК РКИ.

Таблица № 12

Губернии.	Количество ликпунктов предположенных к открытию ВЧКлб.	Количество ликпунктов, предположенных к открытию местными органами в 1925 году.
Тульская	900	721
Тверская	400	101
Костромская	639	238
Новгородская	434	299
Вятская	812	434
Архангельская	122	251
Астраханская	175	171
Уральская	3.000	1.502
Гомельская	240	436
Орловская	920	852

Эти цифры говорят о том, что Главполитпросвету в деле выполнения плана ликвидации неграмотности в текущем году предстоит еще огромная работа.

б) Избы-читальни.

Здесь недопустимые колебания. 5 губерний из 9 (Тульская, Тверская, Новгородская, Вятская, Орловская) пошли на снижение сети изб-читален, снижение в 1924—25 году после стольких призывов XIII партсъезда и наших руководящих центров поднять политико-просветительную работу в деревне. Тут еще приходится отметить, что нигде почти не выполнена директива партсъезда об открытии одной избы читальни на неукрупненную волость—за редкими исключениями, мы имеем одну избу-читальню на укрупненную волость. Кроме того, отмечается, что контингент избачей крайне неустойчив, случаен и мало квалифицирован. Вопрос о массовой подготовке избача должен быть выдвинут на передний план работы ГПП.

в) Библиотеки.

Еще хуже дело обстоит с библиотеками. Тут снижение почти по всем губерниям. Приведем таблицу.

Здесь некоторый процент ликвидированных библиотек, может-быть следует отнести к клубным библиотекам, а также и библиотекам, переведенным в избы-читальни. Но это нас успокоить все-таки не может. Ослабление работы здесь все-таки налицо:

Губернии.	1924 г.	1925 г.
Тульская	99	45
Тверская	244	109
Костромская	109	91
Новгородская	205	122
Вятская	275	99
Архангельская	177	177
Астраханская	23	33
Уральская	463	402
Орловская	79	81
Итого	1674	1159
Сокращено	515	

Вывод — с политпросветработой на местах неблагополучно. Тут необходимо серьезное вмешательство Главполитпросвета и прежде всего Центрального Комитета Партии.

В. Сеть профобра.

Неблагополучно обстоит и с сетью профобра. Здесь сокращение учреждений произошло по всем видам работы. (См. таб. № 13).

Правда, следует сделать следующую оговорку: большинство видов учреждений профессионального образования (педаг. образ., с.-хозяйственное образ., медицинское образ. индустриальное) на-ряду с сокращением количества учреждений дает увеличение педагогического персонала и учащихся. Здесь, очевидно, произошло не только сокращение, но и уплотнение и упорядочение сети учреждений. Однако в одном месте удар нанесен несомненный,— наибольшему сокращению подверглись профшколы — здесь пошли, очевидно, на полную ликвидацию учреждений, закрыли школы, уволили преподавателей и распустили по домам учащихся. Если к этому вопросу подойти хотя бы с точки зрения необходимости обслужить старших ребят наших детских домов, то и тогда вопиющим будет это сокращение. Если к этим явлениям прибавить жестокое снижение доли профобразования в общем бюджете, то картина положения массового профобразования будет очень безотрадной.

Подводя итоги анализу состояния сети в обследованном районе, приходится сказать: велики издержки укрепления 3-го фронта в 1924/25 году, дорого стоит нам улучшение материального положения просвещенца и некоторое упрочнение хозяйственной базы просветительных учреждений. Характерно в этом отношении положение в Новгородской губернии. В этой губернии заработная плата школьных работников особенно низка, хозяйственное состояние просветительных учреждений тоже из рук вон плохо, зато она не только сохранила прошлогоднюю сеть, но и увеличила ее в настоящем году на 21 школу 1-й ступени, 6 школ крестьянской молодежи и 2 школы фабзавуча.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что в настоящее время вопрос об улучшении материального положения просвещенцев и школы наиболее актуальный, но сокращение нашей и без того маломощной сети — есть удар в спину тому же просвещенцу и той же школе. Упорядочение и количественное укрепление сети просветительных учреждений должно стать нашим боевым лозунгом дня.

Управленческий аппарат.

В губернии.

Перейдем к местному управленческому аппарату по Н. О., прежде всего к Губоно. Здесь обследование выявило 5 чрезвычайно важных момента.

1) Все Губоно озабочены поисками новой организационной структуры, которая в максимальной степени отвечала бы новым условиям просвещенской работы.

2) Большинство Губоно не решаются еще сами производить какие-либо коренные реорганизации без директивы Центра.

3) Окончательно провалилась мысль о слиянии Губоно с другими Отделами Губисполкома и создание общего Отдела. Этот бесславный опыт проделала Гомельская губерния, теперь уже отказавшаяся от него и восстановившая совершенно самостоятельный Губнаробраз.

4) Там, где аппарат работает по старой структуре, наблюдается громоздкость, неподвижность и невероятная разобщенность отдельных частей просветительной работы. „Каждый ведет свою работу автономно, так что Завед.

Таблица № 13.

	Пед. образ.			С.-хоз. обр.			Ф. З. У.			Проф-шк.			Мед. образ.			Худож. обр.			Пром.-экон.			Индустр.		
	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.	Учрежд.	Работ.	Уч—ся	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.	Учрежд.	Работ.	Уч—ся.
По скольким губерниям имеются данные	7	5	5	7	5	5	5	5	5	6	4	4	5	5	5	5	5	5	4	4	4	5	5	5
Существовало в 23/24 г. . .	36	394	3119	28	222	1727	69	573	4443	72	483	3842	10	155	983	13	134	1497	9	153	843	42	468	4739
Предположено в 24/25 г. .	32	524	4470	21	272	1967	68	475	4636	64	376	3173	10	166	1099	9	133	1584	5	68	667	31	527	5294
Увеличение	—	131	1351	—	50	240	—	—	193	—	—	—	—	11	116	—	—	87	—	—	—	—	59	555
Снижено	4	—	—	7	—	—	1	98	—	8	107	669	—	—	—	4	1	—	4	85	174	11	—	—

одним п/отделом не знает, что делает Завед. другим п/отделом" (из инспекторских докладов).

По заявлению многих работников просвещения, заполнивших специальную анкету об управленческом аппарате по Нар. Образованию, Губоно преимущественно административный орган, загружен канцелярской перепиской, при чем административное руководство его часто сводится к перепечатке и рассылке циркуляров центра на места.

5) Одна из обследованных губерний Тула, проделала новый опыт реорганизации Губоно. На последнем следует несколько подробнее остановиться в виду того, что он имеет тенденцию стать исходной точкой для аналогичных попыток других Губоно.

Что же сделала Тула?

1) Она упразднила основные п/отделы Губоно/соцвос, профобр, политпросвет).

2) Аппарат Губоно разделила на 2 основных п/отдела: административно-хозяйственный и учебно-методический и сверх того оставила еще районную инспекцию.

Кроме этого, при Губоно сохраненены отдельно Районная инспекция, Гублит, Комиссия по делам несовершеннолетних, сетевая комиссия, Проверком и Репертуарная комиссия.

Штаты следующие: Административно-хозяйственный п/отд.— 24 человека/канцелярия — 7, бухгалтерия — 5, хозчасть и техн. персонал — 7, делопроизводитель по личному составу — 1, статистик—1, ком. по делам нес—х 2, и, наконец, Зав. п/отделом. Методический п/отдел—2, постоянно работающих и при них 12 комиссий, 6 инспекторов, Гублит—2, Зав. Губоно и секретарь—2, всего 36 человек.

Уже одни эти штаты говорят о гипертрофии в аппарате Губоно хозяйственной работы,— против 2 методистов постоянных работников 24 хозяйственных и канцелярских работников. С другой стороны, совершенно игнорируется необходимость организационно оформить обслуживание отдельных видов просвещенской работы. Нельзя требовать от Зав. Общим п/отделом, чтоб он одинаково ориентировался во всех функциях Губоно и выполнял крайне разнообразные директивы Главков НКП, направляя организационно работу всех учреждений Губоно. Здесь безусловно должна получиться невероятная мешанина.

Во время пребывания инспектора в Туле к реализации этого постановления было только приступлено, так что проверить результаты реорганизации не удалось. Но в момент реорганизации Губоно Адminоргупр НКП указал уже Тульскому Губоно на необходимость включения в его структуру какой-то организационной ячейки, которая обслуживала бы отдельные виды просветительной работы. Эта директива должна быть теперь уточнена, потому что с каждым днем в Адminоргупр поступает все больше и больше проектов и запросов о формах реорганизации Губоно. Нелишним будет здесь сказать, что почти все проекты реорганизации Губоно за исключением Тульского, ориентируются не на административно-хозяйственный подотдел, а на инспекцию, в качестве административно-организационного фактора. В то же время все подчеркивают необходимость упорядочения и укрепления методических органов Губоно.

В общем и целом обследование показало, что вопрос о реорганизации Губоно не будет разрешен силами одного Губоно. Время механических, непродуманных перестроек прошло. Каждый ответственный местный работник сознает, что без коллективной проработки вопроса, без продуманной обобщающей весь местный опыт директивы центра за дело реконструкции управленческого вопроса браться нельзя. Наркомпрос должен это, несомненно, учесть и в ближайшее время директиву по этому вопросу дать.

Что касается наличного кадра руководителей делом народного образования в губернии, то обследование констатирует, что за некоторыми исключениями он в настоящее время значительно вырос в сравнении с прошлыми годами. Авторитет наших Губоно на местах значительно поднялся. Нет уже того отношения к нашим работникам на местах, которое характеризовалось словом „наробразник". Наши Завгубоно в некоторых случаях являются членами Президиума Губисполкома, членами Губкома и т. п. Отсюда и их вес в борьбе за улучшение положения дела народного образования в губернии. В этом году, по сообщению всех без исключения инспекторов, Завгубоно проделали колоссальную работу при составлении местных бюджетов. Бесчисленные доклады в ГИК'е, Губкоме, ГСПС на секциях Горсовета, даже на рабочих собраниях (Тула) сопровождали нынешнюю бюджетную кампанию Губоно. И если эффект этой кампании получился не везде благоприятный, то это объясняется, с одной стороны, общими экономическими затруднениями губернии, недостаточностью их ресурсов вообще, а в некоторых местах, (это, правда, в гораздо меньшей степени и в редких случаях) тем, что народное образование еще не завоевало к себе достаточно внимательного отношения со стороны местных органов власти" (из резолюций НКП по докладу инспектора об обследовании Новгор. губ.).

Материальное положение самого губернского аппарата довольно благоприятное. Перевод его на местный бюджет оказал очевидно в этом отношении очень благотворное влияние. По крайней мере нигде не слышно уже прошлогодних жалоб на задолженность по аппарату, на низкие ставки и т. п. Ставка ответственного работника Губоно от 90 до 120 руб. Ставки технических работников от 10 до 60 руб.

Больным вопросом наших губернских аппаратов является связь с местами. Больше всего приходится в этом отношении пользоваться инспектурой и вызовами местных работников в Губоно. Но так как средства на разъезды у Губоно и Уоно чрезвычайно малы, то эти вызовы использовать в достаточной мере не удается. А остальные пути связи крайне ограничены. Главным препятствием в этом отношений является общий отдел Уисполкома. Общий отдел буквально отрывает Губоно от его периферии. Бывают и такие случаи, когда благодаря этому отрыву Уоно просто не выполняют распоряжений Губнаробраза.

Информационный аппарат Губоно везде чрезвычайно слаб. Исключение составляет Вятский Губоно, где, по сообщению инспектора, он поставлен удовлетворительно. Со статистикой еще хуже. Взаимоотношения с Губстатбюро не урегулированы. Вообще приходится констатировать, что органы ЦСУ на местах, несмотря на то, что они имеют довольно значительный аппарат для обслуживания народного образования (до 6 чел.), почти не дают себя чувствовать в Губоно.

В работе аппарата, руководящего делом народного образования, отмечается заметное укрепление планового начала, при чем целый ряд ОНО совершенно правильно в дальнейшей работе берут курс на усиление инструкторской работы и методического руководства.

В работе аппарата ОНО есть одна очень существенная застарелая болезнь, которую теперь пора уже изжить: Губоно дает слишком большой крен в сторону Соцвоса. Замечается какое-то забвение интересов других отраслей просветительной работы. Это обстоятельство НКП счел необходимым специально отметить в своей резолюции по докладу тов. Леонтьева, обследовавшего Астраханскую губернию. Это же отмечается в резолюции по докладу тов. Войцеховской об обследовании Орловской губернии, где сказано: „НКП находит, что во всей работе Губоно замечается перевес в сторону Соцвоса, отрыв Политпросвета и его учреждений от общей работы Губоно и слабое руководство работой учреждений Губпрофобра".

В аппарате Губоно не изжита также и другая болезнь — загрузка городской работой и все еще недостаточное внимание к нуждам деревни.

Слабо обстоит дело с политпросветами. Вот для примера сообщение инспектора.

Новгород: „Важность Политпросветов в системе Губоно и советского строительства местными организациями учитывается недостаточно. На него мало обращают внимания... Руководящий состав Губполитпросвета часто менялся . . . нет нужной гибкости, достаточного умения руководить работой в губернском масштабе. Таково же положение в УПП. Работники меняются чуть не каждый месяц, в некоторых Уоно они или отсутствуют совершенно или УПП заведует беспартийный товарищ. Связь с Губ. П. П. слабая. Волполитпросвет-организаторов не имеется, волполитпросветкомы не организованы".

Аналогичных сообщений можно было бы привести много.

Больным местом в работе ОНО является также Нацмен. Через некоторое время у нас будет подробный анализ состояния просвещенской работы нацмен на основе специального инспекторского обследования, которое ведется в настоящее время. Но уже в материалах нашего обще-организационного обследования имеются существенные признаки того, что в этом отношении у нас на местах дело обстоит неблагополучно.

Так, резолюция НКП по докладу тов. Заколодкина (Урал) отмечает: „недостаточное внимание в прошлом к культурным нуждам нацмен, в особенности народностей Севера.

Резолюция по докладу тов. Леонтьева (Астрахань), отмечая недостаточную налаженность в работе Совнацмена, предлагает Губоно усилить работу аппарата самого Совнацмена, респределив ее более равномерно среди всех Национальностей.

В Калмыцкой автономной области до сих пор обучение детей с первых же дней ведется на русском языке.

В Гомельской губернии на границе с Советской Белоруссией с одной стороны и с частью Белоруссии, которая стонет под игом белой Польши с другой стороны почти никакой работы не ведется среди белоруссов, несмотря на неоднократны указания в этом отношении со стороны НКП. Совершенно не ведется в Гомельской губернии работа на украинском языке, несмотря на то, что некоторые районы губернии сплошь заселены украинцами. Тот же недочет отмечается в докладе тов. Барчука, обследовавшего Архангельскую губернию.

Словом, обследование показало, что просветительной работе среди нацмен необходимо дать серьезной толчок.

В уезде.

Уездные отделения народного образования попрежнему бьются в тисках общего отдела. Уоно завалены канцелярской работой. Авторитет Завуоно падает; все меньше и меньше становится членов партии возглавляющих Уоно. Вот характерное донесение инспектора о Старорусском Уоно. Слабая работоспособность Отделений Общего Отдела, обслуживающих Уоно, вынуждала Завед. Соцвосом заводить для себя ряд справочников. Завед. Соцвосом имеют у себя дневник, сеть учреждений, ведет список работников просвещения, регистрирует проводимые им назначения и увольнения, имеет расчетную ведомость по снабжению учреждений Соцвоса учебниками, учебными пособиями и ряд других. Пользование канцелярией настолько затруднено, что Завед. Соцвосом вынужден прибегать к устному оглашению ряда циркуляров, имеющих весьма серьезное значение. Зав. учреждениями для прочтения циркуляров, полученных из Гобоно, просто приглашаются в Уоно.

Инспектор Просвирин, обследовавший Нерехтский уезд Тверской губ. пишет: „Слияние Уоно с общим Отделом никаких улучшений не дало, кроме небольшой экономии в средствах. Аппарат Уоно завален канцелярской работой обследование учреждений, их инструктирование, руководство, учет работы на местах крайне затрудняется, вследствие этого обстоятельства. Органическое руководство со стороны общего отдела отсутсвует.

Характерно, что Вятский ГИК, который поставил себе целью урегулировать работу общего отдела, в специально изданную для этой цели инструкцию включил такой пунк:

„Все вопросы служебного и личного характера, возбуждаемые руководителями подведомственны общему отделу учреждениями и сотрудниками, разрешаются непосредственно Заведующими Уотделениями, а в случае разногласия передается на разрешение Зав. Общим Отделом".

Что это, как не устремление к предоставлении автономии Уоно в вопросах руководства делом Нар. Образования?

Целый ряд губерний сами стараются урегулировать этот вопрос дополнительными инструкциями, но ясно, что коренных изменений места без толчка из центра в это дело не внесут. Наркомпросу следует принять все меры к тому, чтобы добиться восстановления самостоятельных Уоно. Тоже должно быть предпринято по отношению к Уральским Окроно (из 15 только 3 самостоятельных). Слабость и неустойчивость уездных Отделений Народного Образования еще усугубляется неустойчивостью контингента руководящих работников. От одного до другого посещения Уралоно инспектором и НКП (за один год) переменились все Завокроно. В Златоустинском округе за 2 года переменилось 25 Завполитпросветами.

В волости.

Не менее актуален вопрос об организации просвещенской работы в волости и в районе. Члены ВИК'ов, которые „между прочим ведают" делом народного образования, не справляются с самой элементарной работой по хозяйственному обслуживанию просветительных учреждений.

Постановление центра о выделении в каждой волости Политпросвет организатора тоже не выполнено, в большинстве случаев. Словом, низовой аппарат по народному образованию совершенно еще не организован.

Районирование.

Анализ местного аппарата по народному образованию будет неполным, если хоть вкратце не коснуться опыта районирования.

Трудно было в этом обследовании выявить достаточно четко результаты районирования Сев. Кавк. Здесь аппарат еще молодой, недостаточно организованный и мало себя проявивший. Лучше в смысле организационном обстоит дело на Урале. Но, если взять не статическое положение вещей, а возможности развития дела народного образования, то приходится констатировать, что на Юго-Востоке организационные предпосылки управления просвещением гораздо более благоприятные чем на Урале. Там во всех округах кроме 3-х вновь присоединенных из состава УССР, имеются самостоятельные аппараты по народному образованию, в то время как на Урале из 15 окроно, только 3 самостоятельных, а все остальные влиты в общий отдел Окрисполкома и болеют всеми болезнями нашего Уоно. Здесь констатируется: „слабая увязка между хозяйственной и педагогической работой просветительных учреждений, ослабление вляния ОНО по линии материального упорядочения

учреждений, задержка со стороны технических аппаратов общих отделов в выполнении текущей работы канцелярии и информационно-статистического характера и в связи с этим неизбежное ослабление связи ОНО с Уралоно и с местами (из резолюции по докладу т. Заколодкина). Не лучше в районах. И здесь Наркомпросу пришлось констатировать, что члены РИК'ов, ведающие на-ряду с другими отраслями работы исполкома, между прочим и делом народного образования „ни в какой мере не справляются с задачами хозяйственного обслуживания просветительной сети. Они часто даже являются тормозом при проведении в жизнь распоряжений руководящих органов или же ввязываются в выполнение функций им не присущих". Комментарии здесь излишни.

Здесь же надо несколько слов сказать относительно опыта районирования, проведенного в масштабе одной губернии. Такой губернией в районе обследования является Тульская—она упразднила у себя уезды и волости и вместо них создала 56 районов, непосредственно подчиненных губернии. Здесь опыт еще недостаточно проявлен. Но можно все-таки уже и теперь констатировать два момента: один положительный—дело народного образования стало ближе к руководящему органу управления и от этого просветительные учреждения выиграли. Но есть и отрицательный момент, то что в РИК'ах нет ни одного самостоятельного работника для руководства делом нар. образования. Зав. культурной частью (он ведает нар. образ., здравоохранением, собезом и закс) конечно, не может справиться с просветительной работой, а инспектор по совместительству с школьной работой, дело направить конечно не может. На район, помимо волполитпросветорганизатора, необходимо иметь одного, свободного от всякой другой работы инспектора по Соцвоспитанию, без этого мы будем иметь в районированной по этому типу губернии явный ущерб для дела нар. образования.

Проверкомы.

В заключение этого раздела несколько слов о проверкомах.

Проверкомы, по общему мнению, обследователей свой век отжили, наделав между прочим много оплошностей. Реальных результатов работы проверкомы не дали, если не считать того, что они взбудоражили учительскую массу. Так, вятские проверкомы определили квалификацию 1936 работников но эта работа, по словам инспектора, осталась только „определением квалификации" никаких серьезных изменений в личном составе учительства эта работа не внесла — уж просто за отсутствием подходящего резерва. Новгородские губпроверкомы и упроверкомы „недостаточно,—указывает инспектор Абрамов,—усвоили свои права и обязанности. Масса жалоб, из коих в момент обследования имелось еще не разрешенными свыше 30 дел.

Ясно, что курс НКП на ликвидацию проверкомов правилен. Необходимо только скорее и полностью эту ликвидацию провести в жизнь.

Инспекция.

При анализе работы аппарата ОНО следует особо остановиться на инспекции. Все обследователи констатируют, что инспекторский аппарат все больше и больше внедряется в систему ОНО и становится одним из главных рычагов руководства делом народного образования на местах. Инспектор, там, где он есть, входит во все поры деятельности ОНО. Он обследователь, он инструктор, он организатор, он контролер, он методист, он и технический работник в аппарате ОНО. Все это было бы не так плохо, если бы вся

эта работа везде и в достаточной мере выполнялась. Но в том-то и дело, что здесь масса изъянов.

Прежде всего количественный состав иинспекции. Он нигде не соответствует тем нормам, которые установлены НКП. Например, Орловская губерния до последнего времени совсем не имела губ. инспектора. Новгородская, Вятская губ., Вотская область вместо 2-х инспекторов, полагающихся им по штату имели по одному и т. д. Только Тульская губерния в штате имеет 5 человек, но это объясняется своеобразной реорганизацией аппарата Губоно с одной стороны, а с другой стороны упразднением уездов в Тульской губернии и вместе с ним и уездной инспекции. В общем и целом мы имеем на местах 50% того количества инспекторов, которые были установлены в центре. Причина здесь кроется главным образом в том, что инспектор Губоно не успел еще достаточно четко выявить свое лицо перед местными руководящими партийными и советскими органами. А не выявил он свое лицо во-первых потому, что его „раздирают на части"—„он, по выражению делегата на Всероссийской инспекторской конференции, и швец, и жнец, и в дуду игрец". Это сказывается также и на материальных условиях инспекторской работы. На разъезды инспекторов отпускаются гроши, некоторые губернии (Костромская, Вятская) в 1923—24 совсем не имели в своей смете кредитов на разъезды инспекторов. Инспектора являются „пешеходами" это в особенности характерно для уездной инспекции.

Отсюда конечно, и трудность привлечения достаточно квалифицированных работников для инспекторской работы.

Вопрос о квалификации инспекторов сейчас чрезвычайно остро стоит в Губоно. Чем по сути дела сейчас должен быть инспектор в первую очередь? Конечно инструктором-методистом в самом широком смысле этого слова. Является он таковым в большинстве случаев? Сдвиг в этом вопросе несомненно обнаружен обследованием. Инспектора принимают в большинстве случаев активное участие в работе метбюро, подчас возглавляют метбюро, инспекция является основным ядром руководителей переподготовки, инспектора ведут довольно широкую работу с учительством на конференциях.

Но при всем этом сдвиге наблюдается одно очень грозное для института инспекции явление,— инспектор не растет, он отстает от требований педагогической мысли.

Причина ясна. Инспектор перегружен всякой административной и технической работой в аппарате, он оторван от педагогических и методических центров у него часто нет даже возможности пользоваться педагогическим журналом (на его долю журнал не выпадает, а покупать не имеет средств). Методической литературы в достаточной степени у него нет, а возможности коллективной работы и коллективного учета опыта тоже очень ограничены. Кое-где практикуются инспекторские методические совещания, семинарии (Астраханская, Вятская губ. Урал, Сев. Кавказ и др.), но они не носят постоянного и систематического характера.

Вопрос о центральных курсах для инспекторов не перестает волновать местную инспекцию,—его необходимо разрешить во что бы то ни стало предстоящим летом.

Нагрузка инспекторов чрезвычайно велика. В среднем на одного инспектора приходится 100 — 150 учреждений. Конечно при таких условиях можно говорить о наскоках на учреждения, но не о систематической инструкторской работе. Это зло еще усугубляется тем, что инспектора до 75% своего времени проводят в губернском городе. Какое же тут может быть обслуживание массовых учреждений и даже низовых аппаратов?

Обследование подводит нас вплотную к вопросу о специализации инспектора, о районированиии и о методах работы губернской инспектуры. Приведенные нами выше данные о штатах инспекторов (большей частью 1—2)

уже сами по себе решают вопрос о характере работы губинспектора. Здесь не может быть и речи о том, что инспектор может замкнуться в рамках одного раздела работы Губоно. Приезжая на места, инспектор должен обслуживать всю работу ОНО во всех ее видах. Это, конечно, не значит, что инспектор не должен специализироваться в одной какой-либо отрасли работы и обслуживать ее преимущественно и методически углубленно. Но при данном положении вещей, конечно недопустимо, чтоб инспектор, обслуживал один только раздел работы.

НКП и Губоно должны этот момент учесть в своей дальнейшей работе и, взять решительный курс на привлечение инспектора к обслуживанию (хотя бы организационному на первых порах) всех отраслей работы ОНО. Это особенно необходимо добиться теперь, когда учитель становится центральной общественно культурной силой в деревне.

Все сказанное выше о губернской инспекции относится к уездной инспекции и, пожалуй, имеет для нее еще более актуальное значение. Здесь штаты не соответствуют директивам центра (вместо нагрузки в 50 школ I ступени, мы имеем нагрузку в 100—150 школ) полное отсутствие разъездных, низкая квалификация, соцвоский уклон, от губернского инспектора его отличает разве то, что уездный инспектор больше сидит в волости, но и его „заедает“ город.

Вопрос об изживании всех этих дефектов лежит между прочим в плоскости реорганизаци Губоно и Уоно. Здесь интересы инспекторской работы должны быть учтены в первую очередь.

Организация методической работы.

Последним стержневым вопросом обследования был вопрос об организации методической работы.

Обследование в общем и целом и здесь констатирует значительное оживление по сравнению с прежними годами. Наши просвещенские аппараты значительно „уклонились“ в сторону методического обслуживания просветительных учреждений.

Но приходится констатировать, что это методическое руководство до низов не доходит. Тут действуют причины внутренние и внешние. Первая причина, конечно, отсутствие достаточного контингента квалифицированных работников в самом аппарате ОНО, в первую очередь инспекторов-методистов. Об этом уже сказано выше.

Вторая причина—недостаточная организованность самой методической работы. Если в губернии или областном аппарате еще можно говорить о руководстве методической работой, то чем ниже по инстанциям, тем в этом отношении дело ухудшается. В Уоно или некоторых районо имеются еще более или менее организованные методические ячейки, но в волости и в большинстве районов мы имеем лишь зачатки методических ячеек, а, как правило, вся методическая работа возлагается на районы и опорные учреждения. Но дело в том, что эти районные учреждения никакой еще фактически методической работы в районе не ведут. Они пока только сами себя организуют, как наиболее крепкие в педагогическом отношении учреждения. Влияния их на массовые учреждения района пока еще очень слабое.

Третья причина—полное отсутствие материальной базы для методической работы. В лучшем случае, в смету внесена оплата секретаря методического совета и некоторые так называемые „учебные расходы“, которые далеко не всегда могут удовлетворить потребности методической работы, ибо предназначены для совершенно других целей. Все это в значительной степени принижает результаты методической работы ОНО.

В работе метбюро приходится, помимо ее слабой организации отметить следующие дефекты:

1. Методическая работа не успела еще втянуть в свою орбиту педтехникумы и опытно-показательные учреждения. Они все стоят в общем и целом в стороне от органической работы метбюро разве только наиболее видные педагоги этих учреждений являются членами метбюро. Учреждения в целом в общ.-методическую работу ОНО не втянуты.

2. Методическое руководство ОНО больше всего охватывает городские учреждения, деревня очень слабо чувствует губернские и даже уездные метбюро. Значительную роль в этом отношении играет и то, что Губоно не имеет возможности свои методические директивы довести до первичных учреждений за отсутствием соответствующих материальных и технических средств. Вопрос о том, как размножать всякие методические циркуляры и инструкции, выходящие из недр местного метбюро, очень волнует все ОНО. Приходится больше всего использовывать для этой цели совещания, конференции и т. п. Но это в деревенских условиях не всегда легко организовать.

Правда, во всех обследованных губерниях, проработаны и изданы методическими бюро программы для школ I ступени.

Некоторыми методическими бюро были изданы программы для школ II ступени.

Есть случаи издания ряда книжек с руководящими материалами. Например, в Тульской губернии были изданы следующие сборники: „Помощь клубной работе“, „Помощь юному пионеру“, „Об экскурсиях“.

В Уральской области имеется педагогический журнал, издаваемый педагогическим факультетом местного ВУЗ'а. Имется журнал также в Твери и кое-где еще.

4-й дефект — консультационная работа метбюро в обследованных губерниях почти нигде еще не поставлена.

Содержание методической работы ОНО определяется программами ГУС'а, которые заполняются местным краеведческим материалом. Материалы обследования в этой области переданы инспекцией в Научно-Педагогическую секцию ГУС'а, где они и разрабатываются в настоящее время.

Выводы из вопросов, затронутых в этом разделе обследования, напрашиваются сами собой. Необходимо из центра детально проработать вопрос об организации методической работы, выработать соответствующие положения, дать конкретные директивы. Места должны еще в текущем году изыскать хоть скромные средства на укрепление методической работы.

Весь изложенный выше материал инспекторского обследования дает нам возможность сделать целый ряд совершенно актуальных выводов и предложений. Частично соответствующие выводы уже сделаны постановлениями Коллегии НКП в связи с докладом о совещании Губоно Центрального района, а также по докладам Главков НКП по поводу реализации постановлений 2-ой сессии ВЦИК.

Обследование дало дополнительный фактический материал, подтверждающий правильность сделанных Наркомпросом до сих пор организационных выводов, но вместе с этим обследование затронуло целый ряд вопросов, которые, если и были известны Наркомпросу, то не были подтверждены достаточным количеством фактического материала и поэтому находились до сих пор несколько в тени. Они должны быть сейчас вынесены на передний план. Упрочение материального положения просветительной работы, усиление вни-

мания со стороны всех руководящих органов советского государства к делу народного просвещения, требует от нас с особою категоричностью правильной организации управления дела народного образования.

Час 3-го фронта уже наступил, в этом теперь не может уж быть никаких сомнений. Мы должны теперь наверстать потерянное за те годы, когда еще вопросы народного просвещения по многим объективным причинам стояли на заднем плане.

Роль инспектуры в деле проведения в жизнь программ ГУС'а.

Б. Есипов.

Важнее всего в этом деле, разумеется, работа инспектора в учительских массах.

И здесь сразу нужно сказать, что курс в этой работе должен быть взят не столько на инспектирование, сколько на инструктирование, на помощь учителям.

Принимая во внимание, что у нас на каждого инспектора приходится слишком большая территория и слишком большое количество школ, мы должны признать, что в своей работе инспектору целесообразнее всего опираться на районные школы, сосредоточить свое внимание на работе в учительских объединениях, создаваемых вокруг этих опорных школ. Принципы организации районных школ и районных коллективов просвещенцев, их задачи, содержание, организационные формы и методы работы определены достаточно подробно, четко и ясно последним инструктивным письмом Главсоцвоса по этому вопросу.

На какие же стороны должно обращать внимание при работе над программами, о чем нужно заботиться тут инспектору?

Работа в школе по новым программам требует подготовки к ней, требует планирования.

В глухой далекой деревушке, в школе, где учительствует один школьный работник или в крайнем случае двое, вести такую работу трудно, особенно в новой работе уверенности при такой обстановке не достает. Естественно, что планирование работы по программам ГУС'а на тот или иной период времени выносится в более широкий коллектив—в районный коллектив (того или иного территориального масштаба). Здесь инспектору представляется очень удобный случай для коллективного инструктирования учительства. Участие инспектора на собрании коллектива при планировании работы по программам ГУС'а есть наиболее благоприятный момент для этого инструктирования, так как при составлении плана работы можно и предотвратить неправильности, нездоровые уклоны и существенно помочь организации и проведению всей работы, договариваясь с коллективом до возможных и нужных деталей. Кстати, здесь нужно иметь в виду, что иногда на районных собраниях в установлении этих деталей предстоящей работы заходят слишком далеко и дают для всего учительства района шаблон, не оставляя места для педагогического творчества в непосредственной работе с детьми в условиях данной школы, данной деревни; инспектор должен предупреждать учитель-

ство от такой шаблонности. Районные собрания педагогических коллективов должны намечать лишь примерные планы работы, разрешать затруднения, какие выносятся на обсуждение отдельными членами коллектива, а не предрешать всех деталей работы вплоть до перечисления всех статей, какие на данную тему нужно с детьми прочесть и вплоть до установления точного для всех одинакового срока для усвоения детально определяемых формальных навыков.

Вместе с тем нужно предостеречь учительство от излишнего увлечения планированием в смысле затраты на эту часть работы колоссального количества времени, как это наблюдалось иногда в практике. Сами же учителя потом жалуются на то, что у них уходит слишком много времени на планирование. Разумеется, это не значит, что к работе с учениками на каждый день надо готовиться спустя рукава. Это лишь значит, что нет надобности в писанном плане непременно намечать каждой шаг, тем более что в процессе самой работы дети будут несомненно вносить много своего и естественно будут сбивать точное выполнение плана.

Весьма существенное значение имеет вовлечение детей в планирование работы. В этом отношении в практике наблюдаются две крайности: или совсем отказываются от этой задачи или дают ребятам непосильные задания, предлагая им планировать на слишком длительные сроки и слишком подробно. Инспектор может содействовать тому, чтобы в этом отношении соблюдалось известное чувство меры [1]). Приведу здесь один конкретный пример, как учащиеся одной школы в г. Рязани принимали участие в планировании своей работы. У них была конкретная задача: изучить, какие культурные учреждения есть на нашей улице и чем они занимаются. Ребята сразу поставили вопрос: а как? ведь на нашей улице много культурных учреждений, если мы в каждое из них пойдем с экскурсией, то мы затратим на это очень много времени? И сами тотчас же ответили на этот вопрос: нужно разделиться на группы, каждая группа посетит и изучит одно учреждение и затем результаты своей работы сделает достоянием всего класса. „А больница ведь тоже культурное учреждение?“—задается вопрос.

— Да.

— А как же идти обследовать больницу—ведь там зараза?

— Моя мама служит в больнице, я знаю, что там не во всех палатах больные заразные, есть и незаразные.

— Поручим Коле переговорить с доктором, пусть он попросит разрешение посетить больницу и расскажет нам, что в ней делается.

Доктор охотно откликнулся на просьбу ребят и провел с ними беседу в больнице.

Ученики других отделений подходили в школе к ученикам, посетившим больницу и спрашивали:

— А вам даром там все показывали?

— Да, даром.

— А я бы деньги заплатил, чтобы посмотреть.

Привожу этот пример потому, что вопрос о формах участия детей в планировании и в организации работы считается одним из наиболее трудных. Данный пример показывает, как легко дети намечают план выполнения ближайших конкретных задач, как легко они справляются с простейшими организационными задачами. В приведенном примере роль учителя совершенно не заметна, учащиеся сами организовывали свою работу. Учитель, конечно, был с ними и в известной мере направлял работу. Если с детьми планируется

---

[1]) Я не могу здесь подробно останавливается на этом моменте. Отсылаю читателя к моей статье „Вопросы учителей по поводу программ ГУС'а“ в журнале „На путях к новой школе“ № 7—8 за 1924 г. пункты: 15, 16, 17, 22, 23, 24, 31.

работа на целый триместр, то в этом случае дети могут принять лишь ограниченное участие и, разумеется, не смогут намечать детали. В планировании же выполнения ближайших задач данной экскурсии, наблюдений по данному вопросу и т. д., дети могут принять самое активное участие и на этой работе учиться организационным навыкам.

Работа планирования на учительских собраниях будет наиболее плодотворна в том случае, если на этом же собрании производится учет опыта работы в школе за предшествовавший период. Нет надобности распространяться, какое значение для инспектора имеет его участие в этом моменте деятельности учительского коллектива. Здесь инспектор не только соберет материал о практике школы, материал так нужный органам народн. образования для опоры в деле руководства школой, но также и сможет вызвать, натолкнуть учителей на наиболее яркое и всестороние выявление их достижений и ошибок с тем, чтобы их учесть в планировании работы на дальнейший период. Иногда обнаруживается, что учителя стремятся следовать букве ГУС'овских программ или программ своего Губернского Методического Бюро, как бы не смея сделать никаких отступлений. Инспектор должен видеть в этом вредную тенденцию и разъяснять учителям следующее: программы ГУС'а гибки, они дают только скелет; облечение этого скелета плотью и кровью живой действительности, конкретным материалом, приспособление их к местным условиям должно продолжаться и в районном учительском объединении и в самой школе. Если какое-либо место программы данные учителя не могут проработать или вследствие того, что они сами не достаточно оказалась подготовленными в данный момент в этом вопросе или потому, что в школе не оказалось необходимейших учебных пособий, без которых нельзя данный вопрос проработать или потому, что в предлагаемом виде данное место программы не посильно для проработки детям данного возраста при том их уровне, какой имеется у них в данной школе, то инспектор должен им сказать, что надо обсудить, как быть в таком случае и самостоятельно разрешит вопрос: изъять, изменить, сократить, сделать перестановку в программе и т. д.

Может оказаться, что ошибка совершена и составителями ГУС'овских программ или программ Губерн. Метод. Бюро, которые могут не всегда достаточно учесть практику школы, подлинные условия жизни и работы массовой школы. Такие места при помощи низовых работников в программах надо обнаруживать и сообщать их затем методическим органам, дабы они вносили в программы соответствующие коррективы и поправки.

Дальше, важно установить, как понимается и как осуществляется на деле принцип комплексности в преподавании. Дело в том, что еще до сих пор встречается среди учителей такое мнение, что „комплексировать" нужно вокруг всякого предмета, берущегося для изучения и комплексировать при этом ежедневно, ежечасно.

Это во-первых искажает самый принцип комплексности, вложенный в программы ГУС'а, а во-вторых делает работу страшно искусственной, надуманной, скучной и вместе с тем сложной, требующей от учителя много времени на предварительное планирование, на поиски увязок, на подбор материала. Для уяснения правильного понимания принципа комплексности надо ставить перед учителями примерно следующие вопросы:

а) достигается ли в действительности объединение изучаемого материала вокруг вопросов стержневой колонки, т.-е, занимает ли изучение трудовой деятельности людей действительно центральное место в школьной работе. Если это не выходит, то почему. Если это достигается, то из каких фактов это видно.

б) В какой мере совершается переход на комплексную систему препо-

давания в группах, работающих по новым программам. Не сбиваются ли в работе на предметную систему. Если да, то в чем именно и почему.

в) Какие берутся комплексные темы для проработки: темы ГУС'овских программ, программ местного Губоно (составленных в порядке приспособления программ ГУС'а к местным условиям) или свои (устанавливаемые своим школьным советом), каков объем этих тем: насколько он широк, обнимают ли комлексные темы собой явления и труда и природы и общества или являются иногда исключительно природоведческими, трудоведческими.

г) В какой мере производится синтезирование материала на комплексные темы; предстает ли каждый данный комплекс в результате его проработки перед учащимися действительно как нечто целое, как совокупность явлений и фактов, объединеных общей идеей, находящихся друг с другом в определенной связи, в определенных взаимоотношениях, во взаимозависимости.

Все эти вопросы важно выяснить, важно поставить перед учителями, важно проработать с ними именно для установления правильного понимания самого нутра программ, самой их сущности.

Важно, чтобы формальному выполнению комплексности, как связыванию фактов и явлений между собою, не приносилось в жертву то содержание школьной работы, которое определяется программами ГУС'а.

С той же целью важно выяснять, в какой мере самый характер проработки изучаемых фактов и явлений дает возможность привыкания учащихся к диалектическому методу мышления, т.-е. добиваться того, чтобы изучение носило не описательный характер, а брало бы явления в их изменчивости, не в статическом состоянии, а в их развитии, в динамике, чтобы не только ставился вопрос, что есть, а также и вопросы, а что было и что может быть с данным явлением и что надо делать человеку по отношению к этому явлению, короче говоря—надо стремиться к тому, чтобы мир изучался не только для того, чтобы его объяснять, но также и для того, чтобы его изменять к лучшему с точки зрения потребностей трудящейся части человечества.

У учителей часто встречается еще боязнь нового. Как же так? до сих пор родной язык и арифметика были теми китами, на которых держалась школа, а теперь они отошли куда-то на второй план. И до сих пор многие учителя не могут отделаться от мысли, что нужно на специальном материале заниматься и родным языком и арифметикой. Поэтому иногда большую долю времени отдают этим занятиям, совершенно независимым от программ ГУС'а и лишь частично берут для проработки некоторые темы из новых программ. И надо выяснять, приобретаются ли формальные знания и навыки в области языка и математики на материале комплексов или привлекаетсяи другой не имеющий отношения к вопросам затрагиваемым в данном комплексе, материал и в какой мере. Если налицо имеется последнее явление, то чем оно вызвано и какой материал тогда привлекается помимо материала, предлагаемого вопросами, входящими в комплексы.

Насколько целесообразно это привлечение постороннего материала, насколько оно вытекает из потребностей и запросов самих детей. Отводятся или нет специальные часы для упражнений в формальных навыках, если да, то регулярно или не регулярно и как часто, т.-е. какой приблизительно % времени отводится специально на усвоение формальных знаний и навыков.

Здесь нужно с одной стороны помочь школьным работникам освободиться от традиций, предостеречь их от раздвоения материала в работе с учащимися, а с другой стороны предостеречь и от излишнего пренебрежения формальными навыками. В объяснительных записках к программам достаточно ясно даны указания в этом вопросе о соотношении формальных навыков и материала комплексов, а также и о месте и значении языка и

математики в современной школе. Инспектору однако надо всегда считаться с тем, насколько реальные условия каждой данной школы позволяют приблизиться к осуществлению тех положений, какие установлены в этом отношении в программах.

Дальше инспектор может и должен играть значительную роль в установлении среди учительства правильной точки зрения на краеведческий принцип, он может также помочь учителям сорганизоваться для изучения своего края, помочь установлению связей учителей данного района с краеведческими организациями, помочь также и в подборе краеведческого материала для школьной работы. Я здесь не буду подробно останавливаться на этом моменте. Этому вопросу будет посвящено специально методическое письмо Главсоцвоса и научно-педагогической секции ГУС'а.

Нужно всегда иметь в виду, что программы ГУС'а определяют собой не одну только учебную работу школы, но все стороны школьной жизни. Поэтому непременно нужно выявлять, как, напр., изменился под влиянием программ ГУС,а характер работы органов детского самоуправления, работы кружков, содержание и характер детских журналов и стенных газет, выбор книг для внеклассного чтения и т. п., какую роль сыграли новые программы в деле установления связей школы с внешним миром, т.-е. как повлияли новые программы на общественно-культурную работу в районе: вызвали ли ее там, где ее раньше не было, углубили, расширили, направили в определенное русло там, где ее зачатки были уже раньше и, наконец, как повлияли новые программы на методы школьной работы, вызвали ли они сдвиг в этих методах в смысле расширения применения активных методов, предоставляющих наибольшую возможность проявлению и развитию самодеятельности учащихся.

В весьма значительной мере положительное влияние программ на эти стороны жизни и работы школы должно ее приблизить к осуществлению трудового принципа.

В своей работе с учителями инспектор не только простой разъяснитель и советчик, но он также и пропагандист, он проводник в среде учительства определенной педагогической идеологии проводник принципиальных директив центра.

Инспектор вместе с учителями пропаганду новых педагогических идей, пропаганду новых программ должен нести также и в население. При этом, если отношение последнего к новому содержанию и новым формам школьной работы отрицательное, надо выяснить причины такого отношения, а затем действовать путем разъяснения, путем показа работы и путем удовлетворения жизненных и целесообразных запросов населения.

Инспектор должен явиться передатчиком запросов населения к школе и запросов учителей, а также и детских запросов в органы народного образования.

Относительно детских запросов, мы еще ничего не говорили. Необходимо выявлять, как работа в школах по новым программам отражается на поведении самих детей, на выявлении их интересов, общественных инстинктов, их инициативы в разных областях работы и жизни вообще, насколько в работе школы по новым программам учитываются запросы, нужды, потребности, желания ребят, а также и их силы.

Инспектор должен быть пропагандистом, даже агитатором за новые программы, но он не должен затушевывать трудности, он должен вскрывать лицо действительности в ее настоящем свете. Он должен вскрывать все обнаружившиеся недочеты в программах, все затруднения и передавать о них руководящим органам.

Должен ли быть инспектор требователеи, в отношении выполнения школами новых программ?

В известной мере--да. Почему в известной мере?

Потому, что условия, в которых работают наши школы очень разнообразны и зачастую чрезвычайно неблагоприятны, чтобы можно было установить общие для всех школ требования в одинаковой мере для всех их обязательные.

Мы еще раз подчеркиваем, что инспектор, каждый раз должен подходить при предъявлении требований к тому или иному учительскому коллективу, к той или иной определенной школе с учетом всех реальных условий, в каких она существует и в каких ей приходится работать. Чувством такта и осторожности инспектор должен обладать в высшей мере. Учителя еще по старой традиции, оставшейся от времен самодержавия, привыкли смотреть на инспектора, как на карающее начальство. И конечно, только своим умением поставить себя в работе с учителями их товарищем, тем агентом, который устанавливает связи между школой и учительскими массами, с одной стороны и руководящими органами народного образования, с другой, можно придти к ликвидации этой традиции.

Если в той или иной школе или даже в школах целого района, нет еще развертывания работы по новым программам, то надо всякий раз тщательно разбираться в причинах такого явления.

Иногда это может происходить просто из-за боязни сойти со старой проторенной дорожки и вступить на путь к некоей неведомой дали, из-за отсутствия инициаторов в данной среде школьных работников, иногда из-за неумения, из-за неподготовленности, иногда из-за того, что в школе не имеется почти ни одной новой книги, не имеется газеты, иногда из-за того, что один шк. работник сразу занимается с 4 группами с сотней детей, а иногда и из-за того, что новые программы порывают определенным образом с аполитичностью и требуют от учителя советского общественного настроения, требуют от него проведения в работе классовой пролетарской точки зрения, требуют проведения материалистического мировоззрения через школу, а у него соответствующих данных нет или даже, быть может (что теперь впрочем невероятно) у него противоположная настроенность.

В каждом конкретном случае инспектор в своих требованиях, в своем отношении к учительству, должен подходить по разному в соответствии с данной обстановкой и реагировать должен тоже, следовательно, по разному.

Теперь несколько слов о работе инспекторов в центрах—уездном, губернском и общереспублуканском.

Здесь инспектор должен освещать реальную школьную действительность и влиять на работу органов народного образования, в данном случае особенно в методической части, в том смысле, чтобы последние своевременно давали на места нужные руководящие указания и материалы и при этом всегда бы считались с существующими реальными условиями, а в нужных случаях, вносили бы коррективы в опубликованные уже раньше директивные материалы.

В своем центре инспектор далее должен знакомиться с новейшими достижениями в практике работы школ по новым программам, знакомиться и с теоретической литературой по данному вопросу с тем, чтобы затем снова стать осведомителем учительских масс об этом новом и проводником новых достижений.

Я здесь не намереваюсь останавливаться особо на характере деятельности губернского инспектора и центрального инспектора в отдельности. По существу у всех инспекторов работа одна и та же.

Разница пожалуй не столько качественная, сколько количественная. Уез. инспектор посещает больше первичных учреждений, он знает, по возможности, все школы своего участка, работает по преимуществу в низах.

Губ. Инспектор в низах работает немного меньше, зато он больше может повлиять на характер и содержание работы Губ. Метод. Бюро и Губоно, причем он, конечно, пользуется материалом и своим и материалом уезд. инспекторов. Инспектор НКП тоже не может обходиться без работы в низах и совершенно правильно, что наши инспектора во время своих поездок не ограничиваются посещением городов, а бывают и в деревенских школах и на районных и волостных учительских собраниях. Через наших инспекторов картина настоящей школьной действительности, голоса учителей доносятся и до Главсоцвоса и до ГУС'а и последние в значительной мере ориентируется в своей руководящей работе на материалы, доставляемые инспекторами. Хорошо, что наши инспекора не заражены казенным оптимизмом. Они всегда отражают действительную картину жизни без прикрас, как бы эта картина подчас и ни была грустна. Но здесь, пожалуй, получается иногда некоторый перегиб палки в другую сторону. Мы, российские люди, как будто с какой то любовью вскрываем в нашей жизни отрицательные стороны, любим бичевать себя, а достижения, положительные моменты выявляем не в достаточной мере. В нашей школьной действительности есть тоже не мало положительных достижений, в том числе и достижений в работе школ по новым программам в самых различных условиях. О них иногда говорят как-то вскользь, но не делают их достоянием широких масс.

Инспектора должны такие достижения выявлять возможно шире и нести их в массы, там рассказывать о них и вдохновлять работников на местах живыми примерами живой новой работы.

Вместе с тем нужно вылавливать побольше материала о таких достижениях и делать их достоянием печати. Наши центральные, да и местные, педагогические журналы все еще уделяют не достаточное место освещению нового педагогического опыта. Это в значительной мере потому, что они мало получают соответствующего материала. Инспектора сделали бы значительной важности дело, если бы они содействовали обогащению в наших журналах отдела педагогической практики.

Номинальный и фактический курс обучения в начальной школе [1]).

И. Богданов.

Мы все еще находимся под тяжким гнетом сознания, что наш народ безграмотен, что наша школа еще не поставлена на надлежащие программные рельсы, что у нас имеется еще непочатый край бесконечно важных организационных задач, перед разрешением которых блекнут и отходят на задний план многие больные стороны школьной действительности. Мы не имеем времени, а часто и склонности, заняться этой действительностью, во всей ее полноте, нам некогда изучить недуги нашего школьного организма так, как хороший врач занимается диагностикой своего больного: спокойно систематически, всесторонне.

---

[1]) В порядке обсуждения.

Однако, такое положение вещей едва ли нужно считать правильным. Оно может быть объяснено указанными мотивами, но не может быть оправдано ими. Мы приступаем к органической работе в школьном деле, к радикальному лечению школьного организма, а при этом лечении нам следует изучить все стороны школьной жизни, выяснять все вопросы школьного неустроения, как бы они ни казались нам малозначительными.

К числу забытых хронических недугов нашей школы, принадлежит и вопрос о посещении школы, вопрос о фактическом курсе ее, на который бы хотелось обратить внимание работников просвещения.

Мы имеем прекрасно задуманные программы, которые вкладываем в определенный 4-летний курс обучения, мы всемерно стремимся к тому, чтобы школа прививала молодому поколению ту сумму знаний и навыков, которые мы считаем минимумом для советского гражданина, но мы далеко не знаем той обстановки, какая создается действительностью при осуществлении наших благих пожеланий. А что, если фактически главная масса детского населения в сельской школе ограничивается двухгодичной школой, не меняет ли это нашего отношения к самой программе, построенной на основе 4-годичного курса школы? И если наше отношение к программе останется неизмененным, то не меняются ли организационные задачи, которые будут стоять на местах, если мы хотим добиться известных программных достижений? И если, наконец, и то и другое останется неизмененным, то не меняются ли в корне все наши расчеты по осуществлению школьных сетей и планов всеобщего обучения, которые мы строим, если вместо 4-годичной школы, мы в действительности имеем 2-годичную школу. Нам думается, что в этом случае все меняется, но в разной степени: и программу школы нужно как то видоизменить и в порядке организационных задач нужно поставить борьбу за повышение продолжительности посещения и содействие малоимущим в получении элементарного образования и наконец, система мероприятий по осуществления всеобщего обучения будет строиться иначе, если мы будем исходить из действительной посещаемости школы.

Поэтому, нам кажется, следует и пора подойти вплотную к вопросу, затрагиваемому настоящей статьей. Едва ли мы впадем в преувеличение, если скажем, что широкие круги работников просвещения не знают действительной, выраженной числом и мерою, продолжительности пребывания детей в школе, как она складывается в городе и деревне, в школах отдаленных окраин и центральной России.

Это побуждает автора настоящих строк изложить на страницах журнала выводы выполненной Центральным Статистическим Управлением специальной работы, напечатанной в Бюллетене ЦСУ № 92, которая впервые в литературе революционного времени освещает вопрос о движении учащихся и о продолжительности курса.

Результаты этого исследования позволяют нам составить представление о движении учащихся по отделениям школ 1-й ст. по 54-м территориальным единицам: 40 губ. Европейской России и по 10 областям и автономным республикам и 4 губ. Сибири для периода 20—22 г.

Ниже мы отметим территориальные особенности изучаемого явления, а первоначально обратим внимание на те основные тенденции, на те общие суммарные выводы, которые представляется возможность сделать в отношении всей территории.

Здесь прежде всего мы должны подчеркнуть ту чрезвычайно большую разницу, которая имеется между посещаемостью школы в городе и в деревне.

Нижеследующие ряды цыфр распределения учащихся обоего пола по отделениям, где учащиеся 1-го отделения приняты за 100, ярко отражают это различие:

Годы обучения.	I.	II.	III.	IV.
Учащиеся в город. шк.	100	83,0	69,0	52,9
„ в сельск. „	100	67,2	41,3	18,7

В то время, когда в городе до четвертого года обучения доходит более половины учащихся (52,9%), в деревнях до 4-го года доходит — менее одной пятой (18,7). При этом процесс „утечки" из сельской школы учащихся идет следующим темпом: до второго года остается две трети учащихся (67,2%), остальная треть выбывает, до третьяго года доходит значительно менее половины учеников (41,3%), так как вновь выбывает 25,9% (67,2—41,3) и, наконец, на третьем году выбывает еще 22,6% (41,3—18,7) и кончает школу, как указывалось, около пятой части (18,7%) поступивших учеников. Таким образом мы можем сказать, что из каждой сотни поступивших в школу, третья часть оставляет школу, вынося из нее самые элементарные навыки письма и счета, эта категория малограмотных, а может быть и совершенно неграмотных людей, будущих клиентов ВЧКЛБ. Четвертая часть (25,9) вынесет после двухгодичного пребывания, вероятно довольно прочные навыки грамотности, примерно такая же часть (22,6%) вынесет кой какие школьные знания кроме навыков грамотности, и только пятая часть войдет в жизнь с тем минимумом подготовки, который установлен для школ 1-й ступени.

Если мы попытаемся проследить картину движения учащихся в сельских школах отдельно мальчиков и девочек, то приведенный средний для обоего пола процент оканчивающих несколько изменится в сторону повышения для мальчиков и понижения для девочек. Оказывается, мальчиков, заканчивающих четырехгодичное образование в сельских школах, будет 22,8%, т.-е. несколько более пятой, но девочек зато 15%, т.-е. менее шестой части всего количества поступивших. Это будут те „избранные среди детского населения деревни, которым судьба дает счастливую возможность в полной мере пожать плоды педагогических реформ, связанных с программой ГУС'а.

В городах, как мы видели выше, оканчивают 4-годичный курс большинство детей, при чем изучая положение вещей в отношении мальчиков и девочек отдельно, мы найдем обратное явление, чем в сельских школах: процент оканчивающих девочек выше, чем процент оканчивающих мальчиков: первых на 4-м году обучения было 54,5%, вторых 51,9% к числу учащихся первого отделения.

Чем объяснить эти две противоречивые тенденции деревни и города. Надо думать, что в деревне действует в качестве главной причины давно сложившийся взгляд крестьянской семьи на большую необходимость образования для мальчиков, чем для девочек. В свое время этому много способствовала система льгот по отбыванию воинской повинности для окончивших школу. Если этот стимул теперь отпал, но традиция осталась в силе, то остались в силе и экономические причины: деревенский мальчик будущий глава хозяйства, будущий кандидат в городской отхожий промысел, где грамота может открыть ему более широкие возможности. Нужно заметить, что разница между мальчиками и девочками в отношении посещения школы имеет тенденцию сглаживаться. Это можно было наблюдать тогда, когда школьное дело в деревне достигало высокого развития, как это имело место в некоторых земских губерниях центрального промышленного района. Однако, пока этих условий нет, там как будто наблюдается обратная тенденция, что мы увидим ниже. В условиях нарастания потребности в обучении, сельское население в первую очередь стремится обучать мальчиков, увеличивая тем разницу в положении в их пользу.

Теперь как объяснить обратную тенденцию в городе. Здесь, конечно действуют те же экономические причины, что и в деревне, но в более сложной ситуации. Мы склонны дать такое объяснение этому явлению: В жизненном трудовом состязании для мальчиков в городах всегда были открыты более широкие возможности профессионального образования, как организованного в школах, так и неорганизованного, на выучке в мастерских, в торговых предприятиях и т. д. Для девочек же эти пути несколько ограничены, поэтому их утечка из школ всегда была менее значительна. С другой стороны, бытовые условия вызывают стремление дать девочкам более повышенное общее образование, так как на этом пути, кроме возможности более легкого жизненного устроения, ей открываются перспективы службы в разного рода канцеляриях и конторах, не требующей на первых порах никакой специальной подготовки.

Наиболее доступный для женщин специальный вид труда педагогическая работа, также требует повышенного общего образования.

В результате различной группировки учащихся по годам обучения, различной продолжительности пребывания каждаго ученика в школе мы можем получить известную среднюю продолжительность пребывания, как она выражается для всех учащихся данного района или даже отдельной школы.

Эта типичная для данной массы средняя фактическая продолжительность пребывания в школе и может быть названа тем фактическим курсом школы, который мы имеем в жизни.

Мы можем сказать, что для наших школ номинально установлен 4-годичный курс, но он фактически проведен для одной пятой части детей деревни. Для трети детей он фактически равняется одному году, для четверти двум годам и т. д.

Метод выведения средней продолжительности обучения для всех учащихся до известной степени есть фикция, он нам не дает того реального представления, которое выражено приведенными выше данными о прохождении учащимися по отдельным годам обучения. Средняя величина затушевывает все те крайности, из которых мы получили равнодействующую. Но за всеми этими оговорками мы должны признать, что для общего выражения изучаемого явления средняя величина является наиболее показательной. Она сжато и ярко обобщает все тенденции и дает возможность делать необходимое сопоставление.

В рассматриваемом исследовании даны средние величины продолжительности курса обучения для тех же 54-х территориальных единиц.

Для всей территории в целом фактическая средняя продолжительность обучения отдельно по городам и сельским местностям, для мальчиков и девочек выражается следующими цифрами: (округлены до 0,1):

Средняя фактическая продолжительность обучения на 1-й ст.	В городах.	В сельских.	Вообще.
А. Для мальчиков . .	3,0 г.	2,4 г.	2,5 г.
Б. Для девочек . . .	3,1 г.	3,1 г.	2,3 г.
Для обоего пола. . .	3,1 г.	2,3 г.	2,4 г.

Что говорят эти цифры? В общем и целом мы еще не имеем даже 3-годичного курса обучения на 1-й ст.. Для города и деревни, для детей обоего пола мы имеем среднюю продолжительность равную 2,4 г. Для городов эта средняя для детей обоего пола повышается до 3-х и следовательно, здесь мы уже делаем некоторые шаги по направлению к установленной норме [1]), особенно в отношении девочек. Но зато в деревне мы имеем снижение до 2,3 г., при чем продолжительность обучения мальчиков равняется 2,4 г., а девочек—2,1 г. На крайних полюсах стоят девочки, имея самую высокую среднюю продолжительность в городах и самую низкую в деревнях.

Итак на пути к достижению 4-летнего курса обучения предстоит еще длительная и большая работа. Наше сельское население в значительной своей части на школу еще смотрит как на средство получения грамотности и удерживает в ней детей ровно столько, сколько нужно для ее полного усвоения. Запросы высшего порядка к школе, если и не чужды массе населения, то они еще далеки от своей реализации. Препятствия этому нужно искать как в условиях самой сельской школы, которая в своей большей части еще не развернулась до установленного 4-летняго курса, так и в условиях экономического быта деревни, которые не позволяют задерживать детей в школе на столько лет, сколько это необходимо для ее окончания.

От приведенных общих выводов для всей территории республики, охваченной исследованием, перейдем к характеристике отдельных ее частей. Чтобы более ясно представить себе соотношение отдельных административных единиц между собою, мы расположим их по убывающей степени средней продолжительности обучения, взяв таковую безотносительно к полу, по городам и сельским местностям в совокупности. По этому показателю обследование территории будет группироваться следующим образом:

В довольно пестрой череде губерний мы имеем на первом месте ряд губерний—Центрально Промышленного и Северо-Западного районов, с Ленинградской губернией во главе, где средняя продолжительность составляет 3 года или немного менее, и на последнем месте по преимуществу сибирские губернии и губернии черноземной земледельческой полосы, где средняя продолжительность обучения состовляет два года и менее, опускаясь до 1,9 в Алтайской и до 1,8 в Воронежской губерниях.

Таким образом, от общей средней продолжительности в 2,4 г. мы имеем в обоих направлениях отклонения на 0,6 г. т.-е. на 25%. В общем выше средней, т.-е. от 2—5 до 3,0 л. средней продолжительности обучения мы имеем в 22-х губ., считая и столицы, и ниже средней от 2,4 до 1,8 л. в 16 губерниях, на уровне средней—(2,4 л.) 6 губерний. Пределы этих колебаний достаточно ярко рисуют все разнообразие условий развития школьного дела и его состояние, которое мы имеем по территории нашей необъятной республики. Школьное дело пестрит также разнообразием своей постановки, как все эти территории пестрят своими историческими, экономическими и бытовыми особенностями. И говорить в этих условиях о каком то единстве системы народного образования, единстве типов школьных учреждений едва ли приходится.

---

[1]) На факт повышения средней продолжительности обучения в городах значительное влияние имеет то обстоятельство, что во многих случаях город имеет, как общее правило, школу I ст. пятигодичного курса. В пятых отделениях городских школ по данным этого обследования, имеется до 39,6% учащихся, а по отдельным губерниям даже до 50—60% детей младшего отделения.

Настоящая статья имеет целью выяснить вопрос о продолжительности обучения в пределах установленного минимума курса школ I ст., именно школы четырехлетки.

Губернии, области и республики.	Средняя продолжительность обуч.	Губернии, области и республики.	Средняя продолжительность обуч.	Губернии, области и республики.	Средняя продолжительность обуч.
1. Ленинградская. . .	3,0	20. Северо-Двинская. .	2,5	39. Орловская. . . .	2,1
2. Г. Ленинград . . .	3,0	21. Смоленская	2,5	40. Саратовская . . .	2,1
3. Рыбинская.	3,0	22. Крымская ССР. . .	2,5	41. Уфимская	2,1
4. Тверская	3,0	23. Гомельская.	2,4	42. Башкирская Республика.	2,1
5. Ив.-Вознесенская. .	2,9	24. Калужская.	2,4		
6. Ярославская. . . .	2,9	25. Пермская.	2,4	43. Оренбургская . .	2,1
7. Зырянская Автон.		26. Псковская.	2,4	44. Енисейская . . .	2,1
область.	2,9	27. Марийская	2,4	45. Ново-Николаевская	2,1
8. Московская	2,8	28. Немцев Повол.			
9. Г. Москва	2,8	Ком.	2,4	46. Донская.	2,0
10. Владимирская . . .	2,8	29. Астраханская. . . .	2,3	47. Курская.	2,0
11. Архангельская. . .	2,8	30. Рязанская.	2,3	48. Ульяновская. . .	2,0
12. Новгородская . . .	2,7	31. Тульская.	2,3	49. Тамбовская. . . .	2,0
13. Витебская.	2,6	32. Татарская Респ. . .	2,3	50. Челябинская. . .	2,0
14. Вологодская. . . .	2,6	33. Вятская.	2,2	51. Уральская. . . .	2,0
15. Олонецкая	2,6	34. Екатеринбургск. . .	2,2	52. Тюменская . . .	2,0
16. Череповецкая . . .	2,6	35. Пензенская. . . .	2,2	53. Алтайская	1,9
17. Карельская Тр		36. Самарская	2,2	54. Воронежская. . .	1,8
Комм.	2,6	37. Кубано-Черноморская.	2,2	Среднее по 54 губ. .	2,4
18. Костромская. . . .	2,5				
19. Нижегородская. . .	2,5	38. Брянская	2,1		

Этот общий фон территориальных различий еще более подчеркивается, если мы перейдем к изучению тех особенностей, которые мы найдем в этих губерниях, в отношении прохождения школ мальчиками и девочками в городах и селениях отдельно.

Здесь в основу характеристики мы положим не среднюю продолжительность обучения, а процент детей, учащихся в 4-м отделении, по отношению к ученикам первого отделения.

Займемся первоначально группировкой материалов по сельским школам. Расположив губернии также в нисходящем порядке по проценту уча-

щихся в 4-м отделении мальчиков, мы параллельно приведем процент оканчивающихся девочек и далее выведем разницу между этими рядами. Получаем следующую таблицу:

Губернии здесь несколько изменяют свои места по сравнению с предыдущей таблицей, но в общем и целом мы наблюдаем одну и ту же картину, так как между средней продолжительностью обучения и процентом обучающихся в 4-м отделении существует, конечно, прямая связь. Но пестрота условий увеличивается до крайних пределов. Так, при среднем проценте мальчиков 4-го отделения для всей территории в 22,8 мы имеем необычайную амплитуду колебаний, именно 51,6. С одной стороны, мы имеем на первом месте Тверскую губернию, где в 4-м отделении сельских школ имеется 47,3% мальчиков, с другой стороны, Алтайскую губ.. где этот процент падает до 5,5 и Уральскую, где он равняется всего 0,6%. В одном случае этот процент, примерно, в два раза увеличивается, в другом он в пять раз, а по Уральской даже в 40 раз уменьшается. Выше общей средней мы имеем процент мальчиков 4-го отделения в 23-х губерниях [1]), а ниже средней в 27 губерниях.

Приглядываясь к разнице процента между мальчиками и девочками, в соответствии со сделанным выше общим выводом, мы видим почти везде превышение в пользу мальчиков, за исключением Н. Николаевской и Алтайской губ., каковое исключение можно объяснить тем обстоятельством, что при слабо развитой сети школ здесь обслуживаются его более культурные слои деревни, а отчасти и тем, что здесь девочек вообще несколько больше, чем мальчиков.

Сопоставляя размеры разницы процента между мальчиками и девочками, мы наблюдаем довольно своеобразное положение: величина разницы тем меньше, чем ниже процент учащихся в 4-м отделении, или иначе сказать, чем выше процент учащихся мальчиков в 4-м отделении, тем больше отстают от них в продолжительности обучения девочки. Таким образом посещаемость школы детьми обоего пола, близка друг к другу в отсталых губерниях, в губерниях, достигших более высокой продолжительности пребывания в школе, расходится вследствии усиленного стремления сельского населения, обучать в первую очередь мальчиков. „Ножницы“ между посещаемостью мальчиков и девочек, следовательно, раздвигаются.

В этом общем правиле мы имеем ряд исключений: так, например, среди сельского населения немцев Поволжья, при сравнительно высокой посещаемости мальчиков, девочки почти не отстают от них. Очевидно там установлен совершенно одинаковый взгляд на обучение мальчиков и девочек. Наоборот, в ряде губерний—Калужская, Костромская, Орловская и др., — мы видим наиболее резкое расхождение между процентом учащихся мальчиков и девочек.

Перейдем теперь к изучению особенностей положения дела в городах в отношении обучения мальчиков и девочек. В следующей таблице приведен процент учащихся в четвертых отделениях городских школ отдельно мальчиков и девочек. Губернии также расположены в нисходящем порядке по проценту учащихся мальчиков, при чем также параллельно приведены данные о девочках и в дополнительных графах выведена разница между этими рядами.

Как видно из таблицы, процент учащихся девочек выше по городским школам 36 губерний, считая и две столицы, и только в 17 губерниях мы видим обратное явление.

Самый процент учащихся в 4-м отделении довольно резко колеблется.

---

[1]) Области, автоном. республики в том числе.

Губернии, области и республики.	% учащ. в 4 отд. к 1-му отдел.		Разница в пользу.		Губернии, области республики.	% учащ. в 4 отд. к 1-му отдел.		Разница в пользу.	
	Мальч.	Девоч.	Мальч.	Девоч.		Мальч.	Девоч.	Мальч.	Девоч.
1. Тверская	47,3	29,6	17,7		27. Орловская	21,0	10,2	10,8	
2. Ленинградская	42,3	32,8	9,5		28. Брянская	18,9	10,7	8,2	
3. Иван.-Вознесенск.	38,5	26,4	12,1		29. Самарская	18,0	13,2	4,8	
4. Ярославская	36,5	17,6	18,9		30. Новгородская	17,2	15,1	2,1	
5. Северо-Двинская.	35,7	17,5	18,2		31. Саратовская	17,2	14,1	3,1	
6. Московская	35,5	25,0	10,5		32. Пензенская	16,3	12,3	4,0	
7. Рыбинская	35,5	19,4	16,1		33. Екатеринбургская.	16,2	13,4	2,8	
8. Смоленская	35,1	18,8	16,3		34. Тюменская	15,8	11,2	4'6	
9. Архангельская	34,8	19,2	15,6		35. Башкирская Респ.	15,7	12,3	3,4	
10. Владимирская	34,4	19,3	15,1		36. Куб.-Черноморск.	15,3	13,9	1,4	
11. Калужская	31,5	14,0	17,5		37. Курская	14,0	7,9	6,1	
12. Череповецкая	31.2	18,3	12,9		38. Астраханская	13,4	11,5	1,9	
13. Вологодская	30,3	18,5	11,8		39. Оренбургская	13,3	13,0	0,3	
14. Немцев Поволожья Ком.	30,0	28,7	1,3		40. Уфимская	13,2	10,8	2,4	
15. Гомельская	29,0	16,7	12,3		41. Псковская	12,5	9,1	3,4	
16. Олонецкая	27,8	17,1	10,7		42. Ульяновская	12,0	8,5	3,5	
17. Нижегородская	26,7	17,1	9,6		43. Воронежская	11,8	7,9	3,9	
18. Рязанская	26,3	16,4	9,9		44. Тамбовская	11,7	9,3	2,4	
19. Карельская Комм	25,6	16,7	8,9		45. Енисейская	11,1	8,1	3,0	
20. Костромская	24,4	11,8	12,6		46. Челябинская	8,7	7,7	1,0	
21. Витебская	24,2	19,4	4,8		47. Донецкая	8,0	7,6	0.4	
22. Пермская	24,0	15,7	8,3		48. Ново-Николаевск.	5,6	6,5		0,9
23. Татарск. Республ.	23,8	14,5	9,3		49. Алтайекая	5,5	5,7		0,2
24. Тульская	22,3	13,7	8,6		50. Уральская	0,6	0,6		
25. Крымская ССР	21,9	16,9	5,0		Средн. по кажд. ряду	22,8	15,0		
26. Вятская	21.0	12,5	8,5		Амплитуда колебания.	46,7	31,5		

Мы имеем амплитуду колебания между максимальным и минимальным процентом равную 64,3 для мальчиков и 51,2 для девочек. Таким образом в отношении учащихся мальчиков мы имеем менее устойчивости, чем в отношении девочек.

Чем определяется различная высота процента учащихся девочек и величины отклонений. Приводимые цифры не дают ответа на этот вопрос. Его можно получить путем специального анализа, в который надо ввести ряд дополнительных факторов, освещающих особенности постановки школьного дела, местных бытовых и национальных признаков и условия промышленной и сел.-хоз. деятельности каждого района.

Несомненно также, что и некоторые перебои в развитии школьного дела отдельных губерний за революционный период оставили свой след на отмеченных различиях.

Мы не можем получить с необходимой доказательностью ответа и по другому вопросу, отмеченному таблицей: чем объясняется то обстоятельство, что по 17 губерниям из 54-х процент учащихся мальчиков в 4-м отделении городских школ выше, чем процент девочек.

Такое положение вещей, как общее правило, имеет место в сельских местностях. Надо предполагать, что мелкие города и городские поселения, приближаясь по характеру своих занятий, быту к сельским местностям, должны иметь однородную с ними тенденцию. И действительно, в ряде губерний с преобладающим процентом учащихся в 4-м отделении мальчиков, мы видим северные губернии с небольшими городами—Архангельскую, Северо-Двинскую Вологодскую, Карельскую Коммуну и др. Но вместе с тем в этом же ряду стоят такие губернии, как Ивано-Вознесенская, Тульская, Московская.

В отношении этих губерний можно делать следующую вероятную догадку. В городах этих губерний имеются крупные промышленные предприятия, в которых занята значительная часть населения. Фабрики не пользуются трудом детей школьного возраста, и таким образом, мальчики имеют безусловную возможность кончить начальную школу. Получение законченного образования открывает лучшие перспективы к приложению труда мальчиков на фабриках и заводах и служит стимулом к удержанию их в школе. Женский труд ниже квалифицируется на фабриках, к тому же имеется ряд домашних промыслов (например кружевное дело в Белевском уезде), где девочки могут найти приложение своих сил с более раннего школьного возраста.

Для некоторых губерний и областей этого ряда, как например Зырянская, Башкирская, Дон, Крым, Кубано-Черноморская,—мы должны искать объяснения причин более продолжительного обучения мальчиков по сравнению с девочками еще и в национальных особенностях населения и взглядах его на значение обучения для детей обоего пола. Таковы, надо думать, главнейшие причины, влияющие на особенное положение губерний национальных меньшинств в приведенной таблице.

Заканчивая на этом изложение важнейших итогов из исследования Центрального Статистического Управления о фактическом курсе начальной школы и движении учащихся в ней, мы задаем себе вопрос, какие же выводы следует сделать из них ведомственным органам, руководящим делом народного образования.

1. Первый, и нам кажется, самый главный вывод, гласит следующее: та совершенная школа, которую мы создаем и надеемся создать в ближайшее будущее при активной поддержке учительства, школа с 4-летней программой, с богатым запасом жизненных знаний, даваемых по программам и методам ГУС'а еще недоступна подавляющему большинству детского насе-

Губернии, области и республики.	% учащихся в 4-м отделен. городских школ к 1-му отдел.		Разница в пользу.		Губернии, области и республики.	% учащихся в 4-м отделен. городских школ к 1-му отдел.		Разница в пользу.	
	Мальчики.	Девочки.	Мальчики.	Девочки.		Мальчики.	Девочки.	Мальчики.	Девочки.
1. Сев.-Двинская. .	87,5	79,2	8,3	—	30. Ленинградская .	46,7	53,6	—	6,9
2. Вологодская . .	83,9	82,2	1,7	—	31. Екатеринбургск.	45,5	52,1	—	6,6
3. Владимирская . .	81,1	81,3	—	0,2	32. Калужская . . .	44,7	47,7	—	3,0
4. Череповецкая . .	77,6	76,3	1,3	—	33. Донская	44,6	41,8	2,8	—
5. Новгородская. .	76,0	72,0	4,0	—	34. Тюменская . . .	44,6	45,4	—	0,8
6. Костромская . .	73,9	78,9	—	5,0	35. Воронежская . .	43,5	47,2	—	3,7
7. Тверская	72,3	73,9	—	1,6	36. Г. Ленинград. .	42,1	50,0	—	7,9
8. Олонецкая . . .	71,5	78,5	—	7,0	37. Г. Москва . . .	41,1	44,6	—	3,5
9. Архангельская .	71,0	67,4	3,6	—	38. Брянская	41,0	42,4	—	1,4
10. Ярославская . .	70,3	71,2	—	0,9	39. Н.-Николаевск. .	41,0	47,8	—	6,8
11. Карельская коммуна	69,0	60,5	8,5	—	40. Башкирск. Респ.	40,0	39,2	0,8	—
12. Смоленская . . .	64,1	70,6	—	6,5	41. Самарская . . .	38,4	41,9	—	3,5
13. Псковская . . .	64,0	73,3	—	9,3	42. Саратовская . .	36,9	37,7	—	0,8
14. Ив.-Вознесенск .	63,7	58,6	5,1	—	43. Крымская ССР.	36,3	36,2	0,1	—
15. Гомельская . . .	62,8	61,5	1,3	—	44. Куб.-Черномор .	36,1	30,7	5,4	—
16. Рыбинская . . .	61,6	65,1	—	3,5	45. Ульяновская . .	35,8	39,4	—	3,6
17. Вятская	59,2	62,7	—	3,5	46. Уфимская . . .	35,1	36,4	—	1,3
18. Московская. . .	59,2	56,6	2,6	—	47. Алтайская . . .	34,7	43,2	—	8,5
19. Пермская . . .	59,0	62,1	—	3,1	48. Челябинская . .	32,3	37,4	—	5,1
20. Нижегородская .	56,9	66,2	—	9,3	49. Енисейская. . .	29,6	43,0	—	13,4
21. Витебская . . .	55,0	53,6	1,4	—	50. Оренбургская . .	26,2	28,3	—	2,1
22. Зырянская . . .	55,0	49,5	5,5	—	51. Немцев Пов. Ком.	24,8	27,6	—	2,8
23. Тамбовская . . .	54,8	61,6	—	6,8	52. Астраханская . .	24,4	43,2	—	18,8
24. Тульская	54,2	43,3	10,9	—	53. Уральская . . .	23,2	28,0	—	4,8
25. Курская	52.7	51,0	1,7	—					
26. Рязанская . . .	51,1	53,6	—	2,5	Среднее по каждому ряду	51,9	54,5	3,8	5,2
27. Татарская респ .	51,1	60,0	—	8,9					
28. Орловская . . .	50,9	56,2	—	5,3	Среднее отклонение.	13,6	12,6	—	—
29. Пензенския . . .	50,6	57,9	—	7,3	Амплитуда колебан.	64,3	51,2	8,1	18,6

ления русской деревни. Суровая экономическая действительность, а может быть, нужда и некультурность их родителей, вынуждает ребенка бросать школу на полпути и часто тогда когда он, преодолев трудности первых навыков грамотности и счета, только подходит к познанию вещей и явлений безусловно ценных и нужных в его будущем жизненном обиходе. Мы должны решительно бороться с этой печальной действительностью, поставить своей целью сделать сельскую школу действительно массовой образовательной школой, а не только школой элементарной грамотности.

2. Период этой борьбы, вероятно, будет довольно длительным. Поэтому нам нужно программу сельской школы как-то приспособить так, чтобы она в этот переходный период была ориентирована на массового ученика, имеющего возможность уделить школьному обучению в среднем 2 и редко 3 года. В этот срок начальная школа должна дать максимум того, что нужно для деревни из того, что можно ей дать. Очевидно, в процессе приспособления программ к местным особенностям нужно учитывать и существующее разнообразие продолжительности курса обучения по территории Республики и делать все необходимые при этом и вытекающие из данных особенностей поправки к программам ГУС'а.

3. Кроме количественной разницы в степени обслуживания школой города и деревни, мы должны учитывать и отмеченные качественные недочеты сельской школы, связанные с краткой продолжительностью пребывания в ней детей. И выдвинутый лозунг: „больше внимания деревенской школе", мы должны углубить и вместе с работами о развитии сети сельских школ, должно поставить на видное место заботы о развитии системы мероприятий, способствующих увеличению ее посещаемости детьми, повышению того производственного эффекта, который способна и должна дать современная школа.

4. Едва ли следует ставить вопрос о необходимости сокращения номинального курса школы для местностей отсталых в деле народного образования, и там, где имеются трудно преодолимые препятствия к насаждению правильно организованной 4-годичной школы (разбросанность селений, их малочисленность, национальные особенности, условия промысла и т. д.). Но во всяком случае при развитии сети школ мы должны учесть эти препятствия и открыто признать возможность и целесообразность существования хороших школ-примитивов с 3-летней и даже 2-летней продолжительностью (отдаленные места в Сибири, Туркестане и пр.) вместо плохих с 4-летним курсом, используя в дальнейшем всякую возможность повышения продолжительности курса обучения до нормы.

„Все кто сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит".

(В. Ленин. Из речи на 1-ом Всероссийском Съезде по просвещению).

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.

Итоги второго Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних

(с 26 ноября по 1 декабря 1924).

В. Васильева.

Программа съезда охватывала три огромных раздела работы СПОН: 1) борьба с детской беспризорностью и работа детучреждений для беспризорных детей и подростков; 2) вопросы правовой защиты детского населения и 3) вопросы—доселе наиболее забытые—воспитания физически-дефективных и умственно-отсталых детей.

Размах работы был слишком велик и возникало естественное опасение, что не удастся достаточно глубоко проработать намеченные вопросы по всем трем направлениям, несмотря на серьезную предварительную работу ГУС'а и Главсоцвоса над теми же вопросами в течении целого года.

Но работа съезда все же оказалась очень продуктивной и, главным образом, потому, что основные положения и теоретические предпосылки, которые выдвигались центром, нашли блестящее подтверждение в практике мест, вступивших уже на новые пути работы под давлением требований самой жизни, самих ребят.

К разрешению всех вопросов своей программы, Съезд подходил с точки зрения анализа и пересмотра системы и методов прежней работы, обосновывая вслед за этим, новые подходы, новые формы и методы, научными предпосылками и практическими данными.

Вся работа съезда прошла единодушно, под знаком основного лозунга—„Детская беспризорность и охрана детства—есть социальные проблемы и разрешение их возможно только в неразрывной связи с разрешением общих задач хозяйственного строительства Республики и только через широкоорганизованную советскую общественность и детско-юношеское коммунистическое движение".

Итоги прежней работы в области борьбы с беспризорностью.

Октябрьская Революция выдвинула в области социально-правовой охраны детства, в частности, в области борьбы с детской беспризорностью—борьбы за право ребенка на нормальные условия существования и на социальное воспитание—широкие задачи.

Но поставленные задачи не находились в соответствии с экономическими возможностями государства. Детская беспризорность возрастала, как есте-

ственное последствие капиталистического строя, империалистической и гражданской войн, голода и разрушенного хозяйства советской республики и как результат распада старых общественных и семейных отношений и связей.

Перед государством — неотступно стояла задача — спасать этих детей беспризорных, безнадзорных, голодных, раздетых, одичавших в острой борьбе за существование, давая им кров, пищу, одежду и воспитательный надзор.

С поразительной быстротой разросталась в первые годы—1919—1922— сеть детских учреждений. Громадные средства и силы были брошены советской властью на борьбу с детской беспризорностью. Но и эти средства оказались недостаточными для того, чтобы обеспечить всем детям нормальные условия существования и правильно-поставленное воспитание даже детям, взятым в учреждениях.

С момента же установления твердого бюджета, стало ясно, что содержание созданного количества детучреждений совершенно непосильно для республики и нужно искать другие выходы, другие пути для разрешения вопроса борьбы с детской беспризорностью.

Это был первый повод пересмотреть существующую систему и формы работы. Но потребность в пересмотре росла и с другой стороны, его требовала практика педагогической работы с беспризорными детьми, так как организация этой работы не удовлетворяла ни ребят, ни работников и не разрешала основной задачи—коммунистического воспитания беспризорных ребят и возвращения их в ряды трудовых масс приспособленными к общественно-полезной трудовой деятельности.

Детучреждения не давали ребятам трудовой и общественной подготовки. Ребята—активные, практичные, знающие жизнь, не мирясь с неопределенностью своего положения и отсутствием реальных перспектив в будущем— бежали из детучреждения, а если выростали в обстановке массового детского дома, то чаще всего выходили из него неподготовленными к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь и быстро впадали вновь в беспризорность.

Начавшийся пересмотр принципов работы, показал, что, помимо объективных тяжелых условий, имеющих, конечно, большое значение, правильной организации борьбы с детской беспризорностью мешал неправильный подход к пониманию причин детской беспризорности, определяющий и самые методы работы с беспризорными детьми.

Взращенная в буржуазных странах теория, переносящая первопричину детской беспризорности и трудности воспитания беспризорных детей на психо-физические особенности этих детей, определяемые как моральная дефективность, была положена в основу всей работы с беспризорными детьми и первый всероссийский съезд по детской беспризорности и дефективности в 1921 г., закрепив эту теорию, дал тем самым определенное направление всей практической работе: все внимание сосредоточилось на изыскании специальных методов для перевоспитания беспризорных ребят, при чем руководящими являлись указания психологических лабораторий, устанавливающих различные степени и оттенки детской дефективности. Все больше возрастал спрос на специальные учреждения для „морально-дефективных" детей, потому что туда направлялись не только дети-правонарушители, но и все дети, по тем или иным причинам не подходящие под условия режима нормального детского дома или протестующие против этого режима. Система воспитания в этих специальных учреждениях строилась на принципе принудительной изоляции ребят от окружающей среды в целях перевоспитания их в четырех стенах. Это были самые дорогие учреждения, так как они требовали особых приспособлений и огромного штата, необходимого для предупреждения побегов ребят. Но ребята все-таки бежали, бежали из-за решеток, вновь по-

полняли кадры беспризорных, двигались по железным дорогам, стекались в крупные центры, увеличивали клиентуру комиссий по делам о несовершеннолетних и оттуда вновь направлялись в те же учреждения, а иногда в Нарсуд, откуда дорога нередко вела и в тюрьму.

Пути разрешения проблемы детской беспризорности, как проблемы социальной.

Второй всероссийский съезд в двух основных докладах. тов. Бема и тов. Лившиц подъитожил результаты пересмотра этой системы, установил факторы, обусловливающие детскую беспризорность и определил линию дальнейшей работы в этой области.

Рост детской беспризорности обусловлен причинами социально-экономического характера. С цифрами в руках т. Бем доказал, что детская беспризорность есть результат обострения капиталистических противоречий и результат тех тяжелых экономических условий, в которые попадают ребята, почти исключительно дети наименее обеспеченных слоев трудящихся, вынужденные очень рано вступать на путь борьбы за собственное существование.

В этом факте раннего, вынужденного вступления детей и подростков в труд (с 10-летнего и даже более раннего возраста), для обеспечения самостоятельным заработком своего существования, в необеспеченности и неустойчивости этого заработка и в детской безработице—вот где надо искать причины детских правонарушений. Отсюда ясно, что перед нами в массе не „дефективный“ беспризорный, правонарушитель, а полноценный ребенок, со своеобразными особенностями, выработанными социальными условиями его жизни.

Следующий вывод говорит о том, что разрешение проблемы детской беспризорности стоит в общей связи с задачами восстановления народного хозяйства и мыслимо лишь в порядке полной увязки со всеми партийными, советскими и профессиональными организациями и органами советского хозяйства. Ближайшая задача органов народного образования, на основе этой увязки, итти по пути широкой организации труда подростков, по пути уничтожения случайности их заработка и неустойчивости той трудовой базы, на которой строит свое существование подросток. Для этого надо дать подросткам такую квалификацию, которая нашла бы себе спрос и применение на рынке труда. Если мы эту квалификацию дать подросткам не сумеем, то мы, конечно, не найдем для них места в нашем хозяйстве и мы заранее обрекаем себя на невозможность вести борьбу с детской беспризорностью.

Необходимо, прежде всего, учесть перспективы развития нашего хозяйства, наши возможности. Тов. Бем указал, что темп развития нашего хозяйства, по вычислениям Госплана, дает право предполагать потребность в увеличении числа рабочих к концу ближайшего пятилетия на 40,5% (приблизительно 578.500 чел. квалифицированных и полуквалифицированных рабочих). Биржа труда этой потребности, оказывается, удовлетворить не сможет, особенно в некоторых отраслях промышленности, напр., в текстильной. И вот наша задача—дать эту квалифицированную рабочую силу из кадра подростков, занявшись сейчас же необходимой их подготовкой в определенных отраслях труда. Расчет здесь верный: промышленность несомненно предпочтет брать более квалифицированных рабочих и именно подростков, потому что подросток имеет тенденцию к повышению своей квалификации.

Намечая пути, которыми возможно осуществить эту задачу трудовой подготовки подростков, т. Бем указывает, что броня подростков промышленности не покроет той естественной убыли рабочих, которая потребует пополнения и не удовлетворит потребности развивающейся промышленности

в рабочей силе и поэтому надо пойти по другому пути, по пути ориентации на профтехнические школы, на непосредственную подготовку подростков в производстве, через организацию районных мастерских, охватывающих ряд детских учреждениий, трудовых ремесленных и сельско-хозяйственных артелей, коммун и т. д. При этом необходимо, изучая рынок труда, его потребности в данном районе, организовать труд подростков соответственно этим потребностям, связывая его с хозяйственными и плановыми органами данного района. Надо также учесть, что еще на долгие годы кустарная промышленность будет занимать большое место в экономике нашего союза, надо проследить потребности этого рынка и повести подготовку подростков и в этой области, при чем эту подготовку вне производства, через кустарные мастерские надо организовать так, чтобы в минимальной степени было обеспечено развитие у подростков общественно-коллективистических установок и навыков. Благоприятным объективным фактором, способствующим обеспечению молодежи работой и быстрому уменьшению подростковой безработицы является численное уменьшение молодежи, которое для возрастов с 14—15 лет начнется с 1926 года, для возраста 16—17 лет с 1928 года.

Таким образом, только изучая перспективы детского и подросткового труда, изучая рынок труда и, на основе этих данных, организуя труд подростков, организуя нормальное трудовое воспитание их, можно расчитывать на действительную ликвидацию беспризорности, которая при этом подходе будет изживаться параллельно с ростом народного хозяйства.

Вот этот подход к вопросу детской беспризорности с точки зрения экономики, встретивший на съезде серьезное внимание и сочувствие со стороны практических работников с мест, и определяет в значительной мере постановку и разрешение отдельных вопросов в области борьбы с детской беспризорностью.

Тов. Лившиц в своем докладе—„Пересмотр принципиальной линии работы учреждений СПОН"—подчеркнула еще раз значение социальных факторов беспризорности и правонарушений, выявила ненаучность теории моральной дефективности и остановилась дальше на значении среды в деле организации воспитания беспризорных ребят. Только та система воспитания, которая будет отвечать интересам и установке беспризорных ребят даст возможность использовать их положительные черты—активность, гибкость, приспобляемость, коллективистические навыки и т. д., использовать все положительные воздействия окружающей среды, сможет вернуть этих ребят—ребят деклассированных в условиях своего беспризорного существования—в нормальную среду трудящихся, куда тяготеют в своих стремлениях эти ребята. Этот вывод является далеко не теоретическим: он основан на той практике, которую за последний год выявила Москва и другие губернии. Многочисленные выступления на съезде делегатов с мест подтвердили, что проделанный опыт работы с беспризорными ребятами и ребятами правонарушителями, основанный на принципе самоорганизации их в рабочие коллективы вокруг производственного труда, на основе широкой связи с общественностью, с рабочей средой—опыт трудовых коммун дает право утверждать правильность именно этого подхода к беспризорным ребятам и не только с педагогической точки зрения, но и с экономической, так как эта работа опирается на самих ребят, организует их вокруг реального дела—производительного труда, быстро приводящего их к самостоятельному заработку. Хотя в начале этот заработок и минимальный, но он заинтересовывает ребят, втягивает их в русло нормальной трудовой и общественной жизни. В современных условиях это даст возможность наиболее экономно осуществить коммунистическое воспитание беспризорных.

Съезд признал эту новую линию работы правильной. В резолюции по докладам т. Бема, т. Лившиц и т. Тизанова он подчеркнул, что в дальней-

шем признает, во первых, недопустимым деление ребят на нормальных и морально-дефективных, этически-дефективных, этически-отсталых и т. д., во-вторых, считает, что преодоление педагогических трудностей, связанных с воспитанием и образованием беспризорных, лежит не в создании замкнутых изолированных от жизни учреждений, не в применении мер принудительного воспитания, а в создании такой обстановки, которая ставила бы ребят в условия величайшей активности и самодеятельности, в условия трудовой жизни и связи с рабочей средой, которая только одна может исправить выбитого из колеи беспризорного ребенка.

Новые подходы к работе с беспризорными.

Доклады тов. Залкинда—О так называемых трудных детях и работе с ними и тов. Моложавого—Беспризорный, как объект изучения,—сделанные на этом съезде, намечают вехи пересмотра научных основ работы с беспризорными и являются ценным исходным материалом для построения педагогической методики.

Вся проблема так называемого трудного детства делится на два неравные и неравнозначащие части: первая—дети, представляющие трудность для воспитания вследствие врожденных или благоприобретенных органических, биологических причин (идиоты, имбециллы, действительные эпилептики, неизлечимые, наследственные психопаты и т. д.). Процент таких детей чрезвычайно незначителен; вторая часть—дети, представляющие трудность для воспитания преимущественно вследствие неблагоприятно для них сложившихся условий воспитавшей их среды, изуродовавшей вполне здоровые врожденные их свойства. Это—дети, социально выбитые из колеи и трудность не в них, а в больной среде, которая и подлежит оздоровлению.

Это основное положение и определяет всю методику воспитательной работы с беспризорными, в массе принадлежащими именно ко второй группе.

Тов. Залкинд в своем докладе произвел анализ состояния таких социально-выбитых из колеи детей как находящихся в условиях уличной жизни, т.-е беспризорных, так и находящихся в семье; выявил то основное положительное и отрицательное, что характеризует этих ребят и дальше подошел к вопросу разрешения проблемы их воспитания.

Проблема детства, социально выбитого из колеи—говорит т. Залкинд—в основе, является проблемой среды, выбившей этих детей из колеи. Среда породила изъяны этих детей,—она же в ряде моментов, наоборот, способствовала укреплению и развитию в них ценных свойств.

В правильно организованной среде, в хорошей педагогической среде лежит и ключ к борьбе с этими изъянами, лежит путь к дальнейшему укреплению и развитию того ценного, что было создано до нее.

А ценного в этих детях очень много. На ряду с отрицательными качествами, выработанными ненормальными условиями воспитывающей их среды, та же среда создала в них ряд ценных установок: жизненную гибкость, закалку, смелость, точность восприятий, активность, товарищескую солидарность, классовую ненависть к имущим. Кроме того, эти дети обладают чрезвычайно богатой эмоциональностью, источником творческого богатства. В скверных условиях среды эта богатая творческими возможностями эмоциональность часто отклоняется от социально-полезных целей и переключается на вредные пути.

Если бы среда, возбуждая детей к активности, в то же время создала полезные цели для этой активности и способствовала бы организации детских проявлений при осуществлении этой активности,—для вредных переключений

в детском организме не останется тогда энергии и так называемая детская недостаточность исчезнет сама собой.

В создании такой среды и заключается основная задача воспитания и перевоспитания детей, выбитых из колеи.

Образцом такой среды должна быть воспитательная производительная трудкоммуна, возбуждающая и организующая детские интересы, детскую активность, использующая максимум коллективистических возможностей со стороны ребят, развертывающая перед ними социально-героические, классовые горизонты, (детско-юношеское коммунистическое движение).

Новые возможности в воспитательной работе с беспризорными основываются на новых методах изучения беспризорного, (см. доклад тов. Моложавого).

Беспризорность требует для своего изучения особо тонкого социального анализа и учета экономических и идеологических условий среды.

Вскрыть биосоциальный фонд беспризорного, выявляющий его поведение, его поступки, его подлинные жизненные установки, невозможно имеющими место в нашей практике приемами искусственного характера (методы Бинэ и Симона, Россолимо и друг.) и подведения отдельных функций ребенка под нормы, выработанные условиями буржуазно-классового уклада.

Подойти к беспризорному нужно в первую очередь через анализ социальных условий, через изучение того своеобразного детского сообщества, которое создает себе беспризорный взамен вытолкнувшей его социальной среды и через наблюдение беспризорного в жизни и работе дет. учреждения.

Прежняя установка научной мысли, перенося центр тяжести в изучении ребенка в психологические лаборатории лишала педагогов, непосредственно работающих с детьми, возможности подойти близко к изучению и пониманию поведения ребенка и вместе с тем как бы перекладывала всю ответственность за это поведение с окружающей среды и с педагога на самого ребенка.

Теперь же с указанием на значение среды, особенно среды социальной, как основного фактора в деле воспитания, с указанием новых методов изучения личности беспризорного в процессе его жизни и работы в детучреждении, в процессе воспитательной работы с ним, на основе анализа той среды, в условиях которой ему пришлось вести ожесточенную борьбу за существование, у педагогов-практиков, что называется, развязываются руки и открываются значительные возможности строить свою практическую работу на реальных основах, добытых непосредственно из жизни.

Этот момент нашел очень живой отклик среди участников съезда практических работников-педагогов и встретил естественно скептическое, хотя и слабо выраженное, отношение со стороны представителей дефектологии.

Съезд закончил свою работу в этой части призывом к наиболее тесной связи научных работников с практической работой по детской беспризорности и высказал пожелание о созыве ряда научно-педагогических совещаний и съездов, посвященных углубленной научной работе в области педологического пересмотра основных вопросов социально-правовой охраны детства.

Профилактика в деле борьбы с беспризорностью и роль организованной рабоче-крестьянской общественности.

Углубляясь в обсуждение конкретных форм и методов борьбы с детской беспризорностью, Съезд признал, что в настоящих условиях центр тяжести в борьбе с детской беспризорностью должен быть перенесен на профилактическую работу. На содержание детских учреждений тратится 30—40% общего бюджета по народному образованию. Дальнейшее расширение сети

Пионердвижение и школа.

Примерную общую схему этой работы я как-будто бы начертил. Необходимо, чтобы школа—образовательный элемент—объясняла и осмысливала общественно-трудовую и общественно-политическую деятельность детей. Главный стержень всей воспитательной работы пионердома,—это общественная и политическая работа вокруг этой детской организации в массах детей и взрослых трудящихся. Тогда это будет пионерский дом, куда войдет пионерское ядро детей и то в же время это будет государственное учреждение. По существу мы здесь начинаем проводить слияние государственного аппарата и политической организации. Нам легче всего провести это среди детей. Тогда не будет двух параллельно действующих организаций, общественных и государственных, выполняющих одну и ту же задачу, тогда будет единая организация, выполняющая функции подготовки нового революционного коммунистического поколения.

Дальнейший переход — это переход пионеров к коммуне, пристройка детских домов к предприятию, включение туда нового элемента—ребят, связанных с предприятиями, и через эту связь вовлечение ребят в трудовую, производственную обстановку данного предприятия. Тогда труд будет казаться ребятам не насильственным трудом, а трудом, который (будут чувствовать ребята) нужен для них и для государства.

Мне задали на конференции пионеров один конкретный вопрос: „скажите, конкретно, чем пионеры могут помочь СССР?“ Ребята требуют на этот вопрос ответа. И если в детдоме им говорят: „вы маленькие, что вы можете сделать?“ то такой ответ убивает ребят, отбивает всякую охоту к труду, к какой-либо деятельности. Надо им сказать: „вы можете начинать практическую работу среди остальных ребят, начинайте помогать школе, начинайте помогать в работе среди уличных ребят, взрослым организациям совету, кооперативу, рабочему клубу и этим вы будете помогать СССР. Ничего нет в этом страшного и ничего нет сомнительного. По этому пути должны пойти все детские учреждения.

Заключение.

В заключение я хочу отметить, что на своем пути в завоевании всех детдомов, в новой их организации, мы будем встречать множество препятствий, и первое препятствие, которое мы встретим,—это непонимание дела. Большинство товарищей (не в укор им будет это сказано) не могут уяснить себе детского движения, видят его только по параду, по барабанному бою. Надо же подойти к кусочкам работы детей, чтобы потом уже войти во всю их работу и стать понимающим общественным работником целиком. Мы не можем ручаться, что наши местные организации пойдут по здесь намеченному пути, следуя каждой букве наших положений, мы никаких директив в этом смысле давать не будем, потому что большинство работников в детских домах, работают вместе с нами. Надо только уметь подойти, не бояться, не быть до известной степени косными, как бывают иногда и наши руководители, не подпуская ни на один шаг руководителей педагогов детдомом к детдвижению. Мы, однако, уверены, что чем дальше будет расти детское движение, тем быстрее будет происходить сближение работников детского движения и детдомов. Из нашей среды вырастут, вырастают уже новые педагоги. Эти новые педагоги из рабоче-крестьянской молодежи скорее поймут пролетарскую детвору, потому что они вместе с ней живут, они знают, чем она интересуется, они недавно еще сами были детворой. Поэтому с этими работниками надо вам иметь самую тесную смычку. Но все же некоторые товарищи будут говорить:

сомнения: как же быть? Какую роль будут играть педагоги? Но ребята сами ответят вам: „вот когда мы едем в лагерь, едем с вожатым отряда, идем с помощником вожатого, то мы иногда берем несколько товарищей, которые будут нам помогать организовывать общественную, образовательную работу, ведь ничего особенного с нами не случается. Почему же мы эту лагерную самостоятельную жизнь не создадим в детдомах?“ Мы должны ребятам давать на это ответ. Опыт показывает, что практическую работу во всех домах нужно организовывать таким образом, чтобы педагог, вообще взрослый, стал бы помощником в организации жизни детей. Как к этому должен подойти каждый педагог? Он должен понять, что вожатый отряда будет действительно вожатым ребят, что задача его (педагога), как более опытного и передового помочь детям в организации их жизни, помочь вожатому в налаживании всей работы. Мы пришли к выводу, что вместо детского самоуправления, в большинстве случаев построенного сверху, должна быть самодеятельная детская организация,—совет вожатых. Такой совет вожатых ставится во главу детского дома. Когда половина детей находится в этой организации, организации пионеров, мы всех детей не пионеров, можем вовлекать в общественную жизнь, вовлекать совместно с отрядом в исполнение практических заданий пионерорганизаций, согласовывая эти задания с образовательной работой. Теперь план нашей работы строится не по кампаниям. Те организации, которые живут кампаниями, в особенности организации молодые, в настоящее время переходят к систематической работе с длительными общественными заданиями. Но, конечно, это не всюду. Организации, которые, как, напр., Уральская организация, выросли в 14 раз за 6 месяцев, не могут, конечно, перейти к плановой работе, еще долго будут жить текущими событиями, не углубляя их проработки.

Но наш общий курс на то, чтобы поставить практическую работу в течение этого года в плановом порядке, поставить серьезно государственную работу по организации детской жизни, школы, детдома, приемники по организации быта детей, по работе в домах-коммунах, по организации детских столовых и по работе: в семье, вокруг фабрики, в деревне, вокруг избы-читальни и т. д. Поэтому мы считаем, что и в план ваших работ должна будет войти помощь нам, поставить практическую, общественную работу ребят.

Сейчас Московский совет предложил сократить количество руководителей в детдомах и уменьшить вообще расходы по детдомам. МОНО приходится перебрасывать тысячи детей из одного дома в другой, чтобы создавать новые коллективы, чтобы поставить работу педагогов, согласно новому отношению: не один руководитель на 5 детей, а один на 8 детей. Мы считаем, что 1 на 8 это не так уже хорошо, а если будет 1 на 5, то это будет просто каторга для детей. Подумайте только, на 8 человек детей будет один взрослый человек и он будет постоянно наблюдать за детьми. Как это скверно действует на ребят. Мы считаем, что было бы еще лучше, если бы эта пропорция была 1 на 20. Я не знаю, что указывает в этом смысле ваша практика, мы не выставляем это как предложение, но мы говорим, что 1 на 8 это лучше, чем 1 на 5 и когда московский отдел перейдет на большую пропорцию, тогда на помощь ему прийдут детские организации. Мы уже и теперь договорились с МОНО—пионерскими организациями брать на себя эту работу в детских домах, работу по организации жизни детей, и, несомненно, за эту работу, с полной ответственностью за нее, ребята и возьмутся очень охотно. Нам думается, что при такой постановке дела вообще можно будет достичь нового уклона в детских домах. Поменьше надо бояться самостоятельной работы ребят, надо побольше доверять их силам, чтобы они могли сами организовать свою жизнь, а при помощи пионерской организации эту жизнь можно организовать. Дальнейший путь—это путь увязки со школой.

делая игрушки, чиня белья, гуляя с детьми, наблюдая за изготовлением молока, его выдачи и т. д.

Столовую может украсить плакатами с важнейшими известиями, наблюдать в ней за порядком и гигиеной (соблюдение тишины и чистоты).

Работа шефской комиссии над деревней даст возможность организовать пионерские отряды в деревне, помогать крестьянским пионерам в устройстве клуба, достать литературу, устроить уголки, переплетать книги, проводить спектакли и вечера. Шефствуя над Красной армией, пионеры связываются с ней, знакомятся с ее бытом и, в свою очередь, знакомят со своим бытом и работой.

В кооперативе можно для пионера получить работу, как вербовка индивидуальных членов, возможное оборудование кооператива, вывешивание плакатов, лозунгов и пр., и пр.

Я не буду говорить обо всех конкретных примерах такой помощи, практического участия ребят в той или иной организации. Многим, может быть, покажется вначале, что детские организации будут иметь техническо-вспомогательную работу. Но сейчас мы пришли к такому убеждению, что ребята, вошедшие во вкус этой работы, когда например целое звено работает в библиотеке, когда фактически организовывается ими вся жизнь библиотеки, когда они приходят на завод и исполняют задания фабзавкома, они непосредственно вовлекаются в жизнь фабрики. Ясное дело, что 12-летний мальчуган не может работать на заводе, но он может участвовать в общественно-политической работе этого предприятия. Ребята не будут пассивными наблюдателями, они станут активными участниками, они получат очень много фактических данных, разработкой которых должны заняться вместе с педагогами в обще-образовательных учреждениях. Вот, как нам кажется, по какой линии надо искать новых путей,—в смысле подбора общественного материала для учебных занятий. Детдомам внепроизводственного окружения нужно, конечно, искать материала в работе Советов, профсоюзов, кооперации, нужно вовлекать ребят в общественную работу по строительству городского хозяйства.

В деревне центр внимания будет сосредоточен вокруг избы-читальни, агропункта и других организаций, ведущих работу, культурную и по сельскому хозяйству. Мы не предлагаем полной схемы программы учебных занятий по общественным заданиям, ибо, если бы мы это предложили, мы бы были Наркомпросом, но мы считаем, что по этому пути нужно сейчас итти. Сейчас по этому пути идет программа ГУС-а и у нас есть возможность по этому пути итти, искать общественных заданий, которые будут давать стимул, толчок для образовательной работы, и мы, совместно с вами, найдем новую педагогику, сделаем образование не особой областью работы, а органической составной частью общественного воспитания детей.

Работа по плану.

Перейду к тому, как нужно организационно перестраивать жизнь внутри детских домов. Здесь придется перестроить по пионерскому образцу — хотите вы этого или не хотите, а ребята этого потребуют. Практические работники, которые съехались сейчас, скажут, что в детдомах, где больше половины пионеров, советы отрядов являются руководящими органами, фактически довлеют над всеми организациями. Эти советы отрядов поставят вопрос: „зачем нам существование всех остальных комиссий, отдельного детского самоуправления?“

Когда стоит вопрос о полном переходе на пионердома и когда у нас на ряду с вожатыми отрядов есть еще заведующий домом, встают невольно

тельности. Вот эта конечная цель и дает тот стимул, который устанавливает организационную спайку друг с другом, устанавливает общие положения для совместной работы, чтобы уничтожить всякую рознь друг с другом. И вот поэтому организация внутренней жизни, невозможна без того, чтобы ребята не почувствовали бы связи с какой-нибудь общественной организацией, чтобы они не участвовали в общественно-необходимых мероприятиях, своего района, окружающих пролетарских организаций. В этом и секрет внутренней дисциплины в будущем пионердоме, в этом и секрет пионерской сплоченности.

В фабричных отрядах, мы к этому уже подошли практически и можем сказать, что дело сейчас в смысле общественной работы на фабриках для ребят есть. Когда, товарищи, некоторые педагоги, работающие совместно с нами, пытаются узнать, что нужно делать, то оказывается, что на фабриках находится колоссальнейший материал для общественной работы, который служит прекрасным толчком к образовательной работе.

Общественная работа пионеров.

В фабричных отрядах мы установили, примерно, 9 пунктов, вокруг которых организуется общественная работа ребят. Пункты эти следующие: клуб, библиотета-читальня, культкомиссия, фабзавком, общежитие, ячейки РКП и РЛКСМ, женотдел, столовая, шефская комиссия. Я кратко перечислю, что могут конкретно делать ребята в той или иной организации. Работая в клубе, пионер сможет украшать его, вести регистрацию посещаемости, оказывать техническую помощь по проведению вечеров, проводить технический учет кружков, устраивать пионерские уголки, производить выдачу игр и т. д.

В библиотеке-читальне пионерами учитывается посещаемость, устанавливаются папки вопросов и ответов, в которых рабочий записывает интересующий его вопрос и на следующий день получает на него ответ, добытый пионерами. Пионер подбирает книги в порядок, наклеивает ярлыки на них, устраивает пионерские уголки, выставляя в них литературу детдвижения, составляет рекомендательные списки, газету „роста“, подбирает в порядок старые газеты, учитывает правильное возвращение книг после прочтения.

Культкомиссия тоже может дать пионерам работу, как, например: устройство уголков: „Безбожника“, „Профдвижения“, „Ленинского“, закупка разных материалов, заполнение статистических анкет, разноска газет по общежитиям, собирание сведений о пострадавших от интервенции и т. п.

Фабком знакомит пионеров с профессиональной работой, путем вовлечения их в комиссии, как, напр., охрана труда: пионеры смотрят за тем, чтобы была всюду кипяченая вода, вентиляция в мастерских и служебных помещениях, наблюдают за чистотой, производят обследования быта детей, помогают кассе взаимопомощи путем устройства: лотерей, вечеров и т. д. Кроме того, пионеры помогают рабочему в его общежитии, путем устройства красных уголков, занимаясь с остальными детьми (громкое чтение, игры), следят за чистотой, помогают зимой дворнику в очистке тротуаров, общежития от снега и т. д.

По заданиям ячейки пионер выполняет ту или иную работу, которая не требует особых познаний (участие в кружках: ОДВФ, Доброхима, об-ва „друзья детей“, вербуя в них членов, разрисовывая плакаты, и т. д.

Много работы находится в женотделе: ясли, детсад даст практическую работу по подготовке „октябрят“, которых можно организовать, принимая активное участие в посильной трудовой помощи детучреждениям,

сти и проводниками коммунистического влияния на взрослые трудящиеся массы, что детские дома должны быть в производственном окружении и т. д. Мы, правда, очень далеко стоим сейчас от этого, и когда встает вопрос практически о будущей работе, мы наталкиваемся на множество препятствий. Сейчас мы имеем такое положение, когда детские дома, даже находящиеся в производственном окружении, не связаны никакими своими частями органически с жизнью производственных учреждений. В большинстве случаев это так, к сожалению, и поэтому у нас тут имеются колоссальные препятствия. Мы организуем пионеротделы в детских домах. Мы свяжем с пролетариями детские массы в наших отрядах. Это будет оживлением жизни детских домов. Но большинство свидетельств практики говорит о том, что нужна коренная ломка всей установки детского дома.

Сейчас однако мы не можем говорить о полном переустройстве жизни детского дома. Мы не можем сейчас в массовом масштабе перейти на строительство пионеркоммун. Это для нас будет являться перспективой, только путеводным маяком, на который мы должны будем держать курс. Мы не сможем дать этого до тех пор, пока не будет органической связи детского дома с производственной базой. Сейчас мы должны перейти к пионердомам.

Пионеркоммуна и пионерский дом.

Что же представляет собой пионеркоммуна и пионерский дом?

Пионеркоммуна должна, мы говорим, отличаться от обычного детского дома тем, что она является организацией, именно организицией, а не учреждением, которая охватывает все стороны жизни детей—и трудовую, и бытовую, и учебно-воспитательную. Она войдет в систему культурно-образовательных и культурновоспитательных учреждений данного предприятия. Вот на что мы будем держать курс. Мы должны изжить старые организационные принципы построения детских домов и порядок приема в эти дома. Мы должны будем притти к тому, чтобы в детские дома принимались не только сироты, но и дети рабочих, связанных с предприятиями, чтобы через них просачивался здоровый пролетарский дух, который так силен в рабочей массе и который вносит новую трудовую струю. В этом и смысл строительства новых и пионеркоммун из отрядов юных пионеров при фабриках и заводах переустройства детского дома в пионеркоммуну. Мы должны добиться того, чтобы пионеркоммуна стала органической составной частью культурно-образовательных учреждений данного предприятия, чтобы она стала составной частью общественного быта трудящихся данного района.

По этому пути мы будем итти, но сейчас практически масса детдомов не имеет такой возможности. Что же мы будем делать теперь? Мы начнем с организации детской среды, по принципу пионерской организации, внутри этих детдомов и постараемся поломать стены этих детдомов, не в буквальном смысле слова, конечно, а в смысле связи с окружающей жизнью, в том смысле, чтобы эти стены не служили бы препятствием к участию в этой общественной жизни. Что же конкретно мы можем предложить, когда ребята будут прорывать те рамки, которыми их окружили. Конкретно это выразится в том, что ребята будут выполнять общественно-политические задания вне этих детдомов, по плану пионерорганизации. Конечно, придется вначале, как мы сейчас практически и подходим к этому, начать с внутренней организации, но с новым подходом. У нас дисциплина должна быть не как дисциплина для дисциплины, а как дисциплина для проведения тех или иных общественных мероприятий. В этом и смысл пионерской дисциплины. Ребята у нас видят конечную цель—они знают, что они пойдут в комсомол, в партию, видят в себе будущих активных участников революционной действи-

стоит конкретный вопрос о пополнении знаний наших ребят. Мы не можем пройти мимо школы, мы должны, несмотря на некоторую косность наших работников, дать им указания, что нужно сейчас же начать работу и в школе и в детском доме. И если на местах раскачка мала, мы постараемся приложить все силы к тому, чтобы на эту работу потратить минимум 50% всех наших усилий. Вопрос углубления содержания нашего детского движения есть серьезнейший вопрос и если мы не разрешим его зимою, то летом мы будем иметь кризис детского движения. Вот почему Надежда Конст. была вполне права, когда говорила о том, что „если бы пионердвижение провозгласило „долой школу",—оно перестало бы быть, несмотря на всю свою красочнось, прогрессивным, передовым, оно объективно играло бы реакционную роль, внешней красочностью прикрывая прежнее духовное рабство". Мы с этим совершенно согласны и мы выдвигаем пионерские форпосты, как практическую форму работы в школе, мы выбрасываем лозунг: „Ни одного детдома без пионер. отряда!"

Наши детские дома.

Что представляет собой детский дом? Я прочту маленькую выдержку из статьи одного беспартийного педагога, который работал среди детей в детском доме в Москве, который почувствовал неувязку этой работы с детским движением и выразил свои мысли в следующих словах:

„Тысячи детей-сирот, детей также рабочих и крестьян замкнуты в четырех стенах детского дома, оторваны от общественной жизни. В них есть порывы, стремления, интересы к совершающимся событиям, есть желание быть участниками этих событий. Как это осуществить?..

Мы устраиваем спектакли, приглашаем к себе детей других детдомов, ничем не отличающихся от наших, устраиваем общие игры и беседы и воображаем, что этим развиваем социальное чувство.

В революционные праздники, сдавленные толпами народа, в конце колонны, проходим через Красную площадь—это наши общественные выступления. Наконец, устраиваем экскурсии на завод фабрику, мельком разговариваем с рабочими—это знакомят с трудом и бытом.

При такой постановке дела полноты связи с жизнью не получится. Нашими педагогическими подходами никакому пролетарскому классовому чувству, революционному мировоззрению, коммунизму не „научим".

В стенах детского дома детского движения не создадим.

Только жизнь рождает движение".

Но некоторые товарищи, может-быть, скажут: зачем усиливать это классовое пролетарское чувство у ребят в то время, когда мы идем к бесклассовому обществу. Надо ли выпячивать этот вопрос, создавать рознь, вражду между различными слоями детей и т. д. На это очень крепко, очень хорошо ответил тов. Ленин: „Чем более культурно было буржуазное государство, тем более оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом. Мы говорим: наше дело в области щкольной есть так же борьба за свержение буржуазии, мы открыто заявляем, что школа вне жизни вне политики—это ложь и лицемерие". Поэтому мы считаем совершенно не нужным сейчас доказывать, что необходимо приступить к такой работе по классовому воспитанию. К этому мы идем, мы имеем уже некоторые результаты.

Как же подойти педагогу к вопросу об увязке жизни детских домов с детским движением? Перед нами стоят некоторые препятствия, которые сейчас в процессе практической работы будут излечиваться, ибо общая линия Наркомпроса не расходится с общей нашей линией, ибо она говорит о том, что детские дома должны стать организаторами окружающей общественно-

зни, а не просто придатком, который воспитывают, о котором заботятся, но который не имеет права слова сказать о своей жизни.

Вот эти четыре основных положения в работе по организации детства нам кажутся наиболее ценными и правильными для всей воспитательной работы с детьми.

Организация детей детдомов.

Теперь несколько слов относительно того, почему мы сейчас перешли к работе по организации детей детдомов, почему мы раньше не подходили к этому вопросу и почему дошли до этого только сейчас.

Прежде всего я должен сказать, что нам неизбежно пришлось бы, хотим мы или не хотим, приступить к организации всего детства, что если мы начали с пролетарских детей на фабриках и заводах, то неизбежно через некоторое время проникновение революционного влияния пролетариата во все слои населения заставило бы нас проникнуть в широкие детские слои и прежде всего, именно, в детские слои, чтобы здесь заложить фундамент будущего человеческого материала, который будет строить новую общественную жизнь. Вот почему мы неизбежно должны будем захватить всех детей трудящихся Советской республики и по возможности подойти к организации жизни всех детских учреждений.

Почему мы именно не с этого начали, почему первые наши группы мы организовывали при фабриках и заводах, объединяя только детей рабочих? Потому, что мы взяли жизнь пролетарского ребенка как таковую, мы должны были сразу охватить всю его жизнь, как он живет вне круга школы или детдомов, как он живет на пролетарской улице, в семье, рабочем клубе. Мало того, нам нужно было сразу связать организацию детей с организациями взрослых, а это нельзя сделать, вне пролетарских организаций фабрик и заводов. И теперь всем товарищам, которые пытаются строить детские организации и учреждения изолированно, мы твердо заявляем, что нельзя таким путем правильно разрешить все вопросы коммунистического воспитания. До тех пор мы не будем иметь положительных результатов в этом деле, пока у нас не будет органической увязки между детскими группами и взрослыми организациями. Поэтому мы сначала перешли к организации детей на фабриках и заводах и тут увязали практически работу детских групп с работой взрослых, а затем стали развивать организацию дальше, чтобы охватить детские учреждения, которые примыкали бы к этим основным центрам производственной и политической жизни страны. Вот почему мы сейчас после 2 лет детского движения, после того, как в каждой организации мы имеем значительный процент детей детских учреждений, приступаем к организации детской жизни в детдомах. Но среди наших товарищей, это нужно прямо сказать, до сих пор часто наблюдается такое явление: „давайте сначала,—говорят они,—охватим всех пролетарских детей при фабриках и заводах, а затем уже перейдем к детдомам".

Это неправильная точка зрения, с которой мы сейчас боремся. Свою линию мы будем проводить жестко, твердо, ее мы призываем проводить на местах. Мы выбрасываем лозунг организации всех детей детских домов в отряды юных пионеров. Мы можем выбросить этот лозунг потому, что мы имеем 700.000 детей в организации, а детские дома объединяют 260.000 детей, из которых больше половины уже пионеры. Мы переварим эту детскую массу, она войдет в русло пролетарского детского движения и мы можем с уверенностью сказать, что достигнем некоторых результатов в смысле коммунистического воспитания. Вместе с тем мы подошли вплотную к тому, чтобы расти не в ширь, а в глубь. Первая форма организации, которую мы имели вначале, достигла известных результатов, но требуется углубление этой работы и

„Выписка из протокола деревенского отряда. Слушали п. 1.—О детском саде. Постановили—мальчикам делать кубики и шарики, а девочкам шить платья для кукол и куколки".

„Слушали—о кулацких замашках. Постановили—всем пионерам-торговцам срок три недели, и на 4-ю неделю не стоять и не торговать, и разделений чтоб на совхозских и сельских не было".

Какое здоровое классовое чутье, правильный подход к разрешению жизненных вопросов!

Наконец, стоит вопрос о Тришкиной.

Тришкина—это взрослая деревенская девушка, которая себя нехорошо вела. Ребята постановили: „сделать замечание, взрослым не ругаться, по чужим огородам не ходить".

Вот вам проникновение пионеров уже в жизнь взрослых.

По вопросу о работе в школе пионеры также выносят очень характерные замечания. Между прочим у этих же деревенских ребят есть свои заповеди; я прочту вам некоторые. „Если не знаешь урок, то и говори, что не знаешь, не обманывай себя и учителей, наверстаешь пропущенное". „Не хулигань в школе, потому что ты должен здесь не глупостями заниматься, а пить знания, как воду, после долгого похода". Как вы видите, охват жизни идет довольно всесторонне. Если привести несколько примеров работы вне отрядов, то и тут есть очень характерные и показательные. Я хочу привести пример, который может быть уже московские товарищи знают, но его следует привести для большей характеристики. В Туле есть организации октябрят для малолетних ребят (8—10 лет). В одной из групп октябрят проводились беседы о работе в семье. И вот через несколько времени после этих бесед один октябренок пришел и жалуется вожатому отряда: „Не дают работать в семье". Что же оказалось? Он начал дома (!) выпускать стенную газету (!), выпустил 3 номера, был редактором, издателем и писателем (!), привлек к этой работе окружающую детвору и стал „протаскивать". Сначала брата „протащил" за то, что он курит, а затем отца, что пришел домой пьяным. Когда отец это увидел, сказал: „довольно, голубчик, закрывай газету" и выпорол как следует, а октябренок пришел жаловаться, что не дают „работать в семье". Как видите, пионерское движение проникает буквально во все поры общественной жизни. Я не хочу приводить вам все примеры, о которых говорил т. Бухарин на 13 съезде партии, но очень характерен пример, когда ребята отсиживали перед пасхой на Трехгорной мануфактуре по три дня, чтобы не видеть освещения пасхи, не быть окрапленными „святой водой". Когда они просидели трое суток, то это произвело колоссальное впечатление на фабрике. Правда, дома этим ребятам попало, но зато они чувствовали колоссальную ответственность и пробили брешь в смысле понимания старых обрядов и новых бытовых форм жизни.

Третьим основным положением детдвижения мы представляем себе то, что не существует никаких противоречий между стремлениями, интересами и общими целями взрослых рабочих, трудящихся и интересами пролетарских детей. Это основной смысл всего воспитательного процесса, ибо пролетарские ребята чувствуют свою органическую связь с взрослым пролетарским движением и благодаря этой связи научаются быть общественными работниками, научаются подготовляться к будущей общественной и политической жизни.

Четвертое положение—это то, что детдвижение имеет громадный размах, оно охватывает не только детей одного города или одного детдома, оно охватывает не только целую страну, но охватывает целый мир, и как международная борьба взрослых рабочих, так и международная организация пролетарских детей дает единое мировое движение под единым коммунистическим руководством. Это тот стимул, который дает возможность каждому из пролетарских ребят почувствовать себя составной частью жизни, куском жи-

Второе положение воспитательной работы детских групп—это то, что мы охватываем все стороны жизни детей, а не отдельные его кусочки. Я считаю, что нужно давать фактический материал и поэтому я приведу вам снова пример. Я приведу вам немного длинную, но характерную выписку из дневника одного деревенского отряда пионеров, которые все, как вам известно, ведут работу в ужасно трудных условиях. Я приведу выписку, из которой вы увидите, что ребята делали в течение одного месяца:

„Какую работу провел Яропольский отряд ю. п. Волоколамского уезда Московской губернии за май сего года. Выписка из дневника:

1-го мая—днем была поставлена пьеса для детей. Игры.

2 „ „ —ничего не было, т. к. вожатый уходил в город.

3-го и 4-го мая—политсуд.

5 „ и 6 „ „ —репетиция пьесы „Накануне".

7 „ мая—совет отряда разбирал сл. вопросы: выявление постоянного подбора звеньев, отчеты вожатых звеньев, руководителей кружков и комиссии по проведению пионерской пасхи и 1-го мая, о кружке юных натуралистов, дальнейший выпуск стенгазеты, план работы, разные.

8-го мая—общее собрание пионеров.

9 „ „ —в 7 час. утра физкультура. В $4^1/_2$ дня совет отряда. Общий сбор отряда (разбивка по звеньям, репетиция).

10-го мая—трудработа—уборка сада.

11 „ „ —первая весенняя вылазка в Ильинский лес. Ребята установили связь с окружающим населением. Проведена „беседа о пионерах".

12-го мая—ничего не было.

13 „ „ —утром трудработа в саду. Общее собрание пионеров (о неисполнении законов, о приеме, разное).

14-го мая—утром трудовая работа в саду; вечером — репетиция „Накануне".

15-го мая—с 6—8 час. утра и с 6—8 вечера трудработа в саду.

16 „ „ —работа в саду.

17 „ „ —репетиция.

18 „ „ —День Леса. Посадка детской площадки пионерами, а также и аллеи около пожарного сарая. Поливка.

19-го мая—репетиция.

20 „ „ —трудработа в саду (посадка). Репетиция; совет отряда.

21-го мая—общее собрание пионеров.

22 „ „ —уборка нардома. Работа в саду. Дежурства. Прививка. Репетиция.

23-го мая—принесение торжественного обещания. Доклад пионера о работе отряда, затем приветствия от ячеек РКП (б) и КСМ, кооперации, населения, уездбюро пионеров, педагогов и др.

24-го мая—выборы на уездный съезд. Поливка сада.

25 и 26 мая—участие некоторых ребят в уездном съезде КСМ.

27-го мая—спевка. Репетиция.

28 „ „ —занятия с новой группой. Беседа—„кто такие юные пионеры". Физкультура. Разбивка на звенья.

29-го мая—экскурсия в детгородок. Вечер смычки с другими пионерами.

30-го мая—совет отряда.

31 „ „ —общее собрание пионеров. Организация пионерами отряда при совхозе „Федоровское".

Вот какая разнообразная работа, какой всестороннийй охват жизни детей. А вот примеры внешней работы отряда:

чае можно добиться желательных результатов в массовом масштабе. И нам кажется что лучшим примером того, как нужно вести работу в смысле массового охвата детей, в смысле этой ставки на систему, на организацию, на то, как организовать детвору вокруг конкретных понятных им вещей,—является детское коммунистическое движение. Детское коммунистическое движение отличается новым подходом к организациям детства, новым подходом, который характеризуется не только новыми работниками среди детей—молодежью, но и тем, что в основу всей работы кладутся новые вехи, которые сейчас уже обозначены во всех тезисах, во всех положениях, на этом съезде. Все эти положения выдвинуты самой жизнью и детское движение подготовило почву, практический путь, по которому эти положения должны быть проведены в жизнь.

Мы сейчас подошли к такому моменту, когда детская жизнь не может быть вне детского движения. Тот кто думает не так, скоро убедится, и не через год, а через месяцы, что без детского движения нельзя организовать детскую жизнь целиком, нельзя охватить всей работы с детьми. Поэтому сейчас надо подходить к вопросу об организации детей с точки зрения того, как применить тот подход, который был выставлен самой жизнью в образе детского движения, как использовать тот материал, который подобран детскими группами в процессе их практической работы. Надо сказать, что мы подходили к этой работе с голыми руками, и все-таки мы охватили 700.000 детей. За нами дети идут, идут не потому, что мы просто хорошие ребята, а потому, что мы предложили хорошую работу, мы сумели сорганизовать на этой работе детей. Это основное достижение, которое надо запомнить, с которым надо считаться.

Сущность детского движения.

Я хочу остановиться на том, что мы понимаем под сущностью детского движения, в чем состоят главные наши новшества по отношению к организации детской среды. Нам кажется, что 4 основных положения играют здесь большую роль: во-первых—то, что эта организация не для детей, а организация самих детей. Я хочу привести пример, как ребята чувствуют свое положение в организации, как они понимают, что они ответственны за эту организацию. Я прочту вам выписку из одного заявления, которое было сделано Калужским отрядом пионеров и послано в губернское бюро и затем попало к нам в Центральное бюро. Дело в том, что у этих ребят сменили вожатого, взяли вожатого и перебросили его на другой отряд. Ребята были глубоко возмущены и написали следующее заявление: „Мы пионеры второго отряда, выражаем свой протест, мы из тех, которых до сих пор свободно учили выражать свои мысли не желаем молчать. Если нам дают месяц для того, чтобы мы привыкли к новому руководителю, то мы, со своей стороны даем 15 дней для того, чтобы нам вернули нашего старого вожатого". (Подписи 21 пионера). Как видите чувство собственного достоинства достаточно сильно. Вполне понятно поэтому когда Надежда Константиновна в последней своей статье пишет: „Мы не рабы, мы свободные граждане,—говорят пионеры". И там, где есть пионеры в школе, они не позволят не только бить и наказывать себя, но они не позволят никакой воркотни и окриков, не только по отношению к пионерам, но и по отношению ко всем ученикам.

Это само собою подразумевается. Там, где в школе есть еще грубое отношение к ученикам, пионеры поведут с ним отчаянную борьбу. Эта борьба законна и необходима, она помогает строить новую школу, в которой немыслимы никакие другие отношения между учителями и детьми, как чисто товарищеские.

и закреплено все ценное и правильное в этой работе и отмечено все старое, отжившее с чем надо было покончить; даны ответы на многие выдвинутые жизью вопросы; намечены перспективы и вехи для дальнейшей работы в этой области.

Съезд выдвинул основную задачу—поднять на должную высоту работу по социально-правовой охране детства и поставил вопрос о разрешении этой задачи в плоскость привлечения и организации широкого и активного участия всех партийных, профессиональных и общественных организаций, всей советской общественности.

Несомненно, съезд знаменует собой в области социально-правовой охране детей, и борьбы с детской беспризорностью переход к плановой систематической работе, в корне увязываемой с плановыми и хозяйственными органами республики и ее общественно-политическими организациями.

Окончательную же оценку своей работы съезд получит в дальнейшей практической работе по осуществлению намеченных им задач.

О составе съезда по материалам мандатной комиссии.

В работе съезда принимало участие всего 686 человек (зарегистрированных). Из них с правом решающего голоса 306 человек, совещательного 154, гостей—226. Прислали своих делегатов — 38 губ. всей европейской части РСФСР. 6 автономных областей и 3 союзных республики. Из 460 активно участвующих, с правом решающего и совещательного голоса,—50,5% практических работников-педагогов, 40,5% из аппаратов Губоно, 4% врачей и 5% от организаций. Членов РКП—21%, РЛКСМ—8%, кандидатов партии—1,5% беспартийных — 62%, невыясненных — 8%. По социальному происхождению: рабочих — 9,7%, крестьян — 21,5%, трудовой интеллигенции — 54,8, невыяснено—9,7%. По полу—мужчин—48,3%, женщин — 51,7%. По возрасту: до 20 лет—2,7% 20—30 лет—42,3%, 30—40 лет—37,6%, 40—50 лет — 13,3% свыше 50 лет — 3,4%, не указано — 0,6%. Образовательный ценз: низшее образование—7,8%, среднее—32,1, высшее—26%, спец. педагогич.—34,1%. Педагогический стаж: до 3-х лет—9,7%, 3—5 лет—13,3%, 5—10 лет—22%, свыше 10 лет—42,2%, невыяснено—14,8.

Детдома и детское коммунистическое движение.

(Доклад ЦК РКСМ на Всероссийском съезде по соц.-прав. охране).

Зорин.

Новые вехи в работе среди детей.

В настоящее время можно и уже практически должно поставить вопрос о том, „как“ организовать и труд, и быт, и учение, и всю жизнь детей, чтобы воспитать подлинных строителей нового общества. Вместе с тем нужно брать сейчас ставку в значительной степени не на работников среди детей, а на систему работы, на организацию работы и только в этом слу-

знания и органическую связь с социальной жизнью—таковы ближайшие практические задания в этой области. Съезд выразил надежду, что вопросы воспитания дефективных детей будут поставлены на широкое общественное и научное обсуждение и будут решены в нашей республике прежде чем в остальном мире.

Лицом к деревне.

Съезд не мог не поставить в центре своего внимания вопрос о работе в деревне. К этому обязывали не только директивы XIII партсъезда, но и самое существо работы по борьбе с детской беспризорностью и по охране детства.

Если внешне детская беспризорность наиболее резко проявляется в городских центрах, то фактически деревня в значительной мере является поставщиком беспризорных ребят. Детское бесправие и детская беззащитность имеют особо благоприятную почву в культурно-отсталой деревне. Из деревни бегут ребята, не находящие себе там пристанища, хлеба и ребята, ищущие освобождения от эксплоатации, ищущие заработка, учебы или более „легкой" жизни в городе.

Съезд указал, что деревня особенно нуждается в той профилактической работе, о которой говорилось в основных докладах.

Необходимо взять на учет всех сирот и беспризорных детей в деревне, надо добиться установления над ними опеки или патроната; надо следить за недопущением эксплоатации маленьких пастухов, работников, батраков; надо организовать в волостях детские юридические консультации, организовать деревенскую детвору в пионерские отряды, комсомольские ячейки, вокруг детского клуба при избе-читальне, вокруг детского дома, школы и т. д.

И опять-таки эта задача посильна только организованной вокруг этого дела советской общественности. Культурные работники деревни—избач, учитель, врач, вместе с ячейкой комсомола, вместе с комитетом крестьянской взаимопомощи, вместе с делегатками отдела работниц и крестьянок должны включить работу по социально-правовой охране крестьянских детей в круг своей деятельности, разрешая эту задачу в общей цепи задач по поднятию культурного уровня деревни. При чем работники и детучреждения социально правовой охраны должны занять в этой работе не последнее место.

Детдом, трудовая сельскохозяйственная коммуна детей и подростков должны свою работу строить на основе активной связи, активного участия в общественно-трудовой жизни в деревне, способствуя повышению ее культурного уровня.

Надо помнить, что работники-педагоги детучреждений только тогда смогут выполнить задачи коммунистического воспитания, когда вся их педагогическая работа будет строиться на основе личной активной общественной работы в районе, в деревне, где сейчас особенно нужна и ценна эта работа. Дети же будут учениче ствовать в общественной работе своих учителей, постепенно сростаясь с общественно-трудовой жизнью окружающего населения.

В докладе тов. Гайлиса—„О переподготовке и подготовке работников СПОН"—намечались пути, по которым должен итти общественник-педагог в своей педагогической и общественной работе, сливая свою деятельность с общей работой советской власти и коммунистической партии по строительству новых форм жизни, нового общества, нового быта...

Итак, смысл и значение II Всероссийского съезда социально-правовой детства в том, что пересмотрены теория и практика предшествующего периода; учтена огромная работа, проделанная в центре и на местах; отмечено

Большая потребность существует также в издании особого закона о борьбе с детской беспризорностью. Работа комиссий по делам о несовершеннолетних должна выражаться в оказании социальной помощи несовершеннолетним, путем устройства их на работу, направления в коммуны, надзора обследователей-воспитателей на дому и т. д. Такая работа осуществима лишь при широком участии всех партийных, профессиональных и общественных организаций. Необходимо, привлечение представителей этих организаций в работу комиссий, особенно в практическую работу в качестве обследователей—воспитателей, социальных детских инспекторов и т. д. Здесь в первую очередь должны притти на помощь женотделы и комсомол.

Совещание указало дальше ряд конкретных мероприятий, которые необходимо провести в жизнь для улучшения и углубления работы комиссий.

В области опеки необходимо усиление внимания в сторону осуществления опеки над личностью ребенка и одновременно охватывания его имущественных интересов.

Опека есть профилактическая мера в борьбе с детской беспризорностью и должна быть тесно связана со всей областью работы по беспризорности и правовой защите детей.

Оказание юридической помощи детям и подросткам, интересы коих нарушены, широкое ознакомление населения, родителей, педагогов с существующими нормами детского права—задача юридических детских консультаций. Такие юридические консультации должны быть организованы в ближайшем времени не только в губернских и уездных центрах, но и в волостных. К широкой помощи в этом деле съезд призывает педагогов, народного учителя, работника с беспризорными и всю организованную советскую общественность, которая должна быть глубоко заинтересована в охране прав детей советской республики.

Социальное воспитание физически-дефективных и умственно-отсталых детей.

Третья область работы, захваченная вторым съездом СПОН,—это воспитание физически-дефективных и умственно-отсталых.

До сих пор дело воспитания этих детей находилось в крайне неудовлетворительном состоянии, как в материальном и организационном, так и в педагогическом отношении. Более острые, злободневные вопросы отодвигали его на задний план и только в данный момент, в связи с общим укреплением дела народного образования в республике, в связи с экономическим усилением государства, эти вопросы привлекли к себе должное внимание, которое выразилось в чрезвычайно продуктивной, проведенной с большим подъемом, работе специальных секций съезда. Эта работа, наметившая основные вехи дальнейшего развития дела воспитания физически-дефективных и умственно-отсталых детей является залогом несомненного сдвига в этой области в ближайшие годы.

Основное положение, дающее направление всей организационной и методической работе, заключается в признании необходимости постановки и решения вопросов обучения и воспитания этих детей, как проблемы социального воспитания. Задача воспитания физически-дефективных и умственно-отсталых детей заключается в приобщении этих детей к общественно-полезной трудовой деятельности.

Широкое развитие детского и юношеского коммунистического движения, общественно-политическое воспитание, тесное сотрудничество и связь с нормальными детьми; переход от ремесленных кустарных форм труда к высшим его формам, обеспечивающим и общий фундамент политехнического

отдельные доклады о формах и методах организации труда, об общественно-политической работе и о половой проблеме в детучреждениях—доклады, проработанные в методической секции съезда. По этим докладам съезд вынес решения, обязывающие НКП разработать более детально эти вопросы и дать в ближайшее же время местам серьезные руководства в области методики детского и подросткового труда, общественно-политической работы, физического и полового воспитания, и т. д.

Организационно-педагогическая секция съезда обсудила предложенные Главсоцвосом и п/секцией социально-правовой охраны детей Научно-Педагогической секции ГУС'а проекты положения о детском доме и о первичных учреждениях, приняв их, как закрепляющие и организационно-оформляющие новые принципы работы детских учреждений.

Правовая защита детей.

Существенному пересмотру подверглась на съезде и вторая основная область работы социально-правовой охраны детства—правовая защита детей.

Для обсуждения вопросов о детском праве, о комиссиях по делам о несовершеннолетних, об опеке и о детских юридических консультациях было организовано на съезде особое совещание.

Признав правильно и широко организованную работу по защите прав и интересов ребенка в современных условиях огромной профилактической мерой в борьбе с беспризорностью, в предупреждении беспризорности, съезд в то же время отметил, что состояние этой работы до настоящего момента нельзя признать благополучным. У нас нет кодифицированного детского права, в наших существующих законодательных нормах, как уголовном и уголовно-процессуалном, так и гражданском, детские интересы еще недостаточно ограждены; работа комиссий по делам несовершеннолетних не достигает цели, не оказывает ребятам действительной социальной помощи, так как до сих пор комиссия не располагала почти никакими возможностями профилактического характера, подходила к несовершеннолетним с точки зрения „моральной дефективности", злоупотребляла передачей нес-х в нарсуды или ограничивалась такими мерами, как внушение, замечание и т. д.; опека осуществляется слабо, особенно в части охранения имущественных интересов подопечных детей; детские юридические консультации не везде организованы, хотя потребность в них в силу юридической, правовой неграмотности населения, очень велика. Кроме того, в этой области до сих пор неурегулированы взаимоотношения между юстицией и органами народного образования. Требование НКЮ передачи опеки в органы Наркомвнудела есть результат неправильного понимания задач опеки.

Совещание выдвинуло следующие очередные задачи в области правовой защиты детей: необходимо в кодексы уголовный и гражданский внести ряд изменений и поправок, направленных в сторону большего ограждения интересов детей. Так, в уголовном кодексе, применяемом к подросткам 14—16 л., передаваемым комиссиями в народные суды, нет особой системы педагогических мер воздействия для несовершеннолетних — к ним применяются общие уголовные наказания, хотя и сокращенные наполовину; затем необходимо внести в уголовный кодекс особую главу, предусматривающую охрану детства от эксплоатации, жестокого обращения, от многообразных случаев нарушения детских интересов; необходимо также изменить порядок производства дел о несовершеннолетних — ограничить гласность, изменить порядок допроса, создать особые камеры в нарсудах по делам о несовершеннолетних.

Также необходимо внести существенные поправки в кодекс законов об актах гражданского состояния, семейного брачного и наследственнного права.

ясность целевой установки каждого отдельного детдома, отсутствие производственной трудовой базы, оторванность от общественной жизни, неопределенность методов воспитательной работы с детьми,—все это вызвало острый кризис детского дома, как педагогического учреждения.

В докладе т. Крупениной—„Основные принципы педагогической работы детского дома" были вскрыты и проанализированы больные стороны в работе детдома и намечены основные принципы и методы, приемлемые в дальнейшей педагогической работе детских домов. Основные задачи детского дома были освещены в докладе т. Швейцер.

Детский дом должен стать центром, организующим участие детей в окружающей жизни, организующим их труд и помогающим им найти свое место в общей жизни трудящихся.

Общественно-необходимая и общественно-полезная работа детей и подростков вне детдома должна определять содержание образовательной работы трудовую деятельность детей и быт детского дома, должна дать детям необходимую трудовую квалификацию, закрепить трудовые навыки и уменья и вооружить подростка настолько, чтобы по выходе из детдома он был практически приспособленным человеком к тем или иным видам труда или общественной работы.

Необходимо в основу строительства детских домов положить твердый организационный принцип, заключающийся в следующем:

1) существующие детские дома должны установить организационно-оформленную связь с тем или иным производственным коллективом своего района, должны войти в систему культурно-просветительных учреждений фабрики, совхоза, волости; в своей производственной работе детдома должны осуществить органическое вростание в производство своего района, через него связываясь с хозяйственной жизнью страны, как определенная экономическая единица;

2) вновь открывающиеся детдома могут возникать лишь в производственном окружении, как составная ячейка общественного быта фабрики, совхоза, волости.

Огромным фактором, ускоряющим переход детского дома на новые пути жизни и работы является детское коммунистическое движение, представляющее собою организацию не для детей, а организацию самих детай, охватывающую все стороны детской жизни, отвечающую интересам пролетарских детей — интересам, сливающимся со стремлениями, интересами и общими целями рабочего класса. Курс на слияние детского дома и пионердвижения должен стать перспективной линей, опредляюшей практику сегоднешнего дня.

РЛКСМ идет в этом отношении навстречу.

Тов. Зорин, делавший доклад о детдоме и пионердвижении, заявил, что ЦК РЛКСМ выбросил лозунг—„Ни одного детдома без пионеротряда". И этот лозунг должны подхватить работники детских домов, работники с беспризорными.

Завершенной формой объединения детдома с пионердвижением является пионеркоммуна. Однако в настоящих условиях пионеркоммуна не может стать массовым типом. Переходящим этапом к нему является пионердом, в котором активно развертывает работу пионеротряд.

В целях наибольшей продуктивности работы, а также охраны здоровья детей, следует установить органическую увязку в работе трудовой, образовательной и общественной детского дома и пионеротряда. Не параллелизм, который наблюдался до сих пор между работой пионерорганизации и детучреждения, а взаимное сотрудничество. „Рабочий день ребенка" — вот тот призыв, который раздался на съезде и которым съезд предложил в дальнейшем руководствоваться при планировании всей работы с детьми.

В дополнение к этим общим докладам о детдоме съезд заслушал еще

детучреждений явилось бы препятствием к дальнейшему развитию первоначальной грамотности в стране. В то же время эти учреждения охватывают лишь незначительную часть детского населения. Нужно притти как-то на помощь беспризорным детям и не только беспризорным, но и безнадзорным, так же нуждающимся в социально-культурной помощи. Надо не только развертывать борьбу с существующей беспризорностью, надо обратить серьезнейшее внимание на предупреждение беспризорности. Нужна борьба с беспризорностью в самый момент ее зарождения в разрушающейся семье, на фабриках и заводах, в деревне, путем осуществления в жизни действительной защиты прав и интересов детей, юридической и трудовой помощи, путем оказания материальной и социально-культурной помощи на дому, путем установления опеки, патроната, путем организации открытых клубов, мастерских, ночлежек и т. д. Этого нельзя сделать силами и средствами только отделов народного образования. В эту работу, требующую огромного напряжения общих усилий, требующую общей заинтересованности, надо широко вовлечь советскую общественность. Лишь с помощью партийных, проффесиональных и общественных организаций возможна ликвидация огромного социального зла — детской беспризорности — „издержки" советского государства — возможно разрешение проблемы охраны, защиты детства, создания организованного детства.

Тов. Тизанов, делавший доклад об итогах и перспективах социально-правовой охраны детства указывал на эти два главные момента — профилактическую работу и роль советской общественности — как на исходные моменты во всей дальнейшей работе по социально-правовой охране.

Мощным фактором в предупреждении беспризорности и средством организации неорганизованного детства является так же детско-юношеское движение и задача вовлечения широких детских масс в это организованное русло должна стать первоочередной задачей РЛКСМ и органов народного образования.

Вопросу о роли советской общественности, и роли женотдела, комсомола и деткомдвижения на съезде были посвящены два доклада — т. Лилиной, т. Зорина от ЦК РЛКСМ и доклад т. Швейцер — „Об организационных формах участия партийных, профессиональных и общественных организаций в работе детских учреждений".

Активное участие общественности уже находит значительное применение в практике, не только в форме материальной помощи, но и в форме активного участия в работе, в проведении мероприятий социально-правовой охраны, в деле организации общественно-трудового воспитания. Нужно только организовать это участие, развивать и углублять его, вовлекая все более широкие массы трудящихся, оформляя это участие, согласовывая с общим планом работы. Это ближайшее дело органов народного образования и детских комиссий по улучшению жизни детей.

Пересмотр содержания работы детского дома.

Детские дома вошли, как составная часть, в систему работы и учреждений социально-правовой охраны детей и подростков. Это слияние есть прежде всего — отказ от разделения детей на различные группы по признаку нормальности и дефективности и это есть в то же время признание дела социально-правовой охраны частью общих задач социального воспитания.

Но содержание и методы работы детского дома в том виде, как они существовали до сих пор, должны быть пересмотрены.

Строительство детских домов, обслуживающих фактически беспризорное детство, было все эти годы стихийным, хаотичным. Отсутствие плановой работы, несоответствие содержания ее с запросами беспризорных ребят, не-

ничего из этого не выйдет, мы 7 лет уже перестраиваем свою работу, а вы опять выступаете с новыми предложениями. Мы будем резко, открыто выступать против таких педагогов, мы скажем, что если он хочет итти на строительство новой детской жизни, он должен будет отказаться от старых традиций и он должен будет переучиться снова. Тем товарищам, которые все-таки будут хныкать и говорить, что мы не можем итти таким путем, потому что это новый путь, т. Бухарин хорошо ответил.

Он сказал: „Чья бы корова мычала, а твоя молчала,—у тебя выходит гораздо хуже. У нас есть перспектива, у нас виден выход, есть воля, желание, мы видим перед собою путь, а у вас ничегошеньки, а вы плачете, хнычете, обращаетесь к боженьке, вы сделались стариками, никуда негодными, жалкими, дряхлыми, сопливыми. Мы должны сказать: вот мы промучились, мы видели, как трудно все это делается, мы лучше вашего видим, какие опасности стоят на нашем пути. Черт возьми, старых богов расколотили, дверь знания открыли, новых людей делаем и не так, как делали раньше, но и по другому делаем. Это не нужно забывать".

Я думаю, ни одного педагога не найдется здесь, который пойдет за этими старыми педагогами.

Беспризорный, как объект изучения.

(Из доклада на съезде СПОН).

С. Моложавый.

Вопрос об изучении беспризорного не может быть поставлен особняком, независимо от нашего принципиального подхода к беспризорности, независимо от тех задач и целей, которые мы себе ставим при этом изучении. Пока корни беспризорности мы искали в индивидуальных особенностях того или иного беспризорного, в его свойствах порядка биологического или психологического, у нас методы изучения беспризорного были одни. Теперь, когда мы рассматриваем беспризорность, как социальную проблему по преимуществу, методы изучения беспризорного у нас будут другие. Пока в подходе к беспризорному мы ставили себе целью обезвредить его, обезопасить общество, главным образом в лице имущих классов, от „правонарушителей", мы искали в беспризорном одни черты, одни свойства. Теперь, когда мы стремимся вернуть беспризорного в ряды строителей жизни, в ряды работников нашего общественного строя, мы ищем в нем иных черт, иных свойств, базируясь преимущественно на жизнеспособных, творческих моментах. Если наша практическая работа с беспризорными уже сумела подняться на высоту революционного творчества, на высоту широкой пролетарской общественности, то и методы изучения беспризорного, очевидно, должны постепенно приближаться к этой высоте и к этой широте.

Как явление социальное, беспризорность выростает на основе определенной производственно-классовой структуре, и чтобы подойти к беспризорному вплотную, необходимо учесть все как экономические, так и идеологические моменты того общественного строя, в условиях которого беспризорный существует. Для этого недостаточно только констатировать экономическую

несостоятельность соответствующего общественного класса или семьи беспризорного, так как экономическая несостоятельность сама по себе еще не мотивирует факта беспризорности. Мы знаем эпохи общественной жизни, мы знаем структуру экономических отношений, когда голодные дети умирали у своего логовища, не думая переходить в ряды беспризорных. Мелко-буржуазный класс в период своей производственной устойчивости, пока у него сохранялись твердо установившиеся нормы и прочно сложившийся уклад, не пополнял рядов беспризорности своими детьми, хотя отдельные семьи и находились в чрезвычайно тяжелых материальных условиях. Пока крупная буржуазия принимала участие в производительности страны, хотя бы лишь регулируя и направляя производство, беспризорность в ее среде была совершенно немыслима. Переход же буржуазии на положение паразитического класса поколебал ее внутренний уклад, подорвал ее жизненные нормы и отношения, и в кадрах беспризорных мы стали встречать представителей и этого материально мощного класса. Из крестьянства в свою очередь только тогда потянулись дети и подростки в ряды беспризорных, когда крестьянство поколебалось в своих устоях и произошел значительный сдвиг как в экономическом, так и в бытовом его положении.

Отсюда ясно, насколько важно углубиться в социологический анализ, в анализ производственно-классовых условий и отношений среды, чтобы проложить себе путь к пониманию беспризорного. Прежде всего анализ этот подводит нас к тем формам жизни, к тем средствам борьбы за существование, к тем коллективным организациям, которыя вырабатывает себе определенная группа беспризорных взамен вытолкнувшей их производственно-общественной среды. Но это не все: он подводит нас к личности отдельного беспризорного, к тем навыкам и установкам, которые приносит он с собою в свою новую среду, к запасу его опыта, к его ориентировочным представлениям, понятиям, нормам, он раскрывает характер восприятий беспризорного, степень развития отдельных его сторон, направленность его интересов, а главное, соотношение, корреляцию всех функций и навыков беспризорного, слагающуюся в систему его поступков и поведения. Беспризорный из разлагающейся мелкой буржуазии, беспризорный из пошатнувшихся слоев крестьянства, беспризорный из невыкристализовавшихся еще групп пролетариата, беспризорный из деклассированных слоев интеллигенции—все это различные по своей „психике" подростки, которых условия беспризорности не приводят к одному знаменателю. В этих условиях они, конечно, накопляют новый опыт, приобретают новые навыки, обостряют иные чувства, вырабатывают иные интересы, но роль этих условий в свою очередь вскрывается путем анализа социально-производственной обстановки, в которой беспризорные строят свою новую жизнь.

Поскольку мы, непосредственные, практические работники с беспризорными, должны найти ключ к поступкам и поведению беспризорного, к его подлинным жизненным навыкам и установкам, для нас путь социального анализа—преимущественный путь подхода к беспризорному. Для нас не приемлемы те приемы и методы экспериментально-лабораторного характера, которые и сейчас и нередко имеют место в нашей практике (методы Бинэ и Симона, Россолимо и др.). Для нас не приемлемы и те выработанные укладом буржуазно-классовой жизни нормы, подведением под которые часто стремятся исчерпать личность беспризорного, чрезвычайно сложную и не укладывающуюся в эти рамки. Все эти приемы и методы основаны на словесных раздражителях или раздражителях иллюстративного характера. Они предлагают испытуемому ряд вопросов, задач, картинок, головоломок, рассказов и др., и соответствующая реакция подростка, при том тоже по преимуществу речевая, вербальная, считается достаточной для того, чтобы охарактеризовать отдельные стороны его личности и все поведение в целом. Мы перестали верить в воспитательную силу слова, картинок и других искусственных

символов жизни и деятельности, через них мы уже не расчитываем глубоко проникнуть в личность и направить ее поступки и поведение, мы строим школу на производительном труде и подлинных жизненных интересах детей. Но если мы не верим в слово, как в орудие воспитания, мы не можем верить в него и как в орудие испытания, как в средство выявления тех или иных сторон личности, а тем более целостной личности подростка. Характерен в этом отношении один случай. Исследование умственного развития беспризорных по Бинэ и их комбинаторных способностей по Россолимо в одном учреждении дало низкий результат, когда же этим беспризорным надо было раздобыть кокаин, они проявили необычайную находчивость, остроумие, творчество, предусмотрительность, сумели обойти бдительность и разрушить все расчеты руководительского и технического персонала.

Получая на предлагаемый нами словесный или иллюстративный раздражитель от нашего испытуемого чисто словесную, речевую реакцию, мы не должны забывать, что речевое поведение не совпадает с поведением вообще, что оно есть особый вид поведения. Особенно у беспризорного слово далеко не всегда есть выражение действительной его установки, подлинного жизненного отношения к вещам и людям. Он привык пользоваться словом, как орудием экономической борьбы, как средством обеспечения своего жизненного положения, и те речевые реакции, те ответы, которые мы получаем от беспризорного при наших испытаниях, мало показательны для характеристики его поведения, его навыков, его установок.

Помимо того, у нас нет никакого основания результаты, полученные нами при строго-определенных условиях нашего опыта, распространять на поведение и поступки беспризорного при иных условиях и при иной обстановке, часто диаметрально противоположной. Мы не можем предполагать у беспризорного постоянных, раз навсегда данных свойств, однообразных, неизменных функций, независимых от характера воздействующей среды. Это значило бы оставить почву реальных фактов и вернуться к теории способности, все равно, на биологической или психологической основе. Функция сосредоточения, которую даст беспризорный при прокалывании кортона по методу Россолимо, и функция сосредоточения, которую выявить он на „стрёме" это весьма различные функции, и на основании одной мы не можем заключать о другой. Если же мы хотим иметь общий вывод о функции сосредоточения у того или иного беспризорного, мы обязаны учесть ряд разнообразных случаев ее проявления. Действительная жизнь разбивает выводы даже таких испытанных эксперментаторов, как Мёдэ и Пиорковский: принятые на основании их исследований в школу одаренных дети дали значительный % отставших, третью часть их пришлось из школы удалить. Только тогда, когда эти экспериментальные исследования стали проверяться непосредственными наблюдениями руководителей за детьми, когда при характеристике ребенка получил большее значение наблюдательский листок руководителя, % отставших понизился до 4,6.

Затем, экспериментально-лабораторные методы основаны на изолировании, на дифференцировке отдельных функций и сторон личности беспризорного, но беда в том, что изолированные „способности"—память, внимание, воображение, мышление, воля—никак не складываются в поступки и поведение. Практика, особенно углубленная, осознанная, уже пришла к заключению, как мало методы дифференциального изучения беспризорного дают для понимания и регулирования его поведения, так как последнее не есть простая сумма, простой агрегат отдельных его функций и сторон. Это, конечно, не значит, что изучение беспризорного должно быть каким-то расплывчатым, должно превратиться в неразбириху, в винигрет. Весь вопрос в том, откуда мы исходим, на чем базируемся и что ставим своей целью. Мы берем какой-либо конкретный поступок, какой-либо подлинный акт поведения беспризор-

ного, берем его в диалектическом процессе, в связи, взаимозависимости, сплетении, возникновении и уничтожении, и отсюда начинаем свой анализ, который поэтому никогда не теряет непосредственного отношения к живому и действующему подростку; в результате такого анализа получается не лабораторная память, не лабораторное внимание или мышление, а жизненная память, жизненное внимание, действительное уменье ориентироваться и комбинировать условия. Если мы понаблюдаем беспризорного на улице, в ночлежке, в мастерской, в процессе клубной работы, в одиночку, в коллективе, в момент общения с новыми сторонами жизни и работы, в момент привычных ему жизненных процессов и способов борьбы за существование,—перед нами вскроется не только подлинная живая картина поведения беспризорного, в целом но и подлинная, живая картина отдельных функций и сторон его личности.

Далее, экспериментально-лабораторные методы недооценивают или даже совершенно игнорируют среду, как фактор, определяющий поведение беспризорного. Это вполне понятно, раз среда рассматривается лишь как фон для проявления и раскрытия индивидуальных способностей. Между тем среда постоянно спутывает все расчеты экспериментатора. Когда Де-Кроли и Де-Тан стали применять тесты Бинэ в Бельгии, в новых условиях и новой обстановке, они получили неожиданные результаты: из 45 детей школы только 9 детей дали норму, 13 оказались выше нормы на 1 год, 17—на два года, а 9 даже на три. Тогда и Бинэ стал учитывать среду, но учитывать ее суммарно, допуская, что принадлежность детей к тому или иному классу, к той или иной национальности должна дать определенные количественные отклонения от нормы. Однако, этого далеко недостаточно: необходим не суммарный учет среды, а ее анализ с точки зрения воздействия ее на подростка и развития его навыков. Дети беднейших классов, которые дали очень низкие нормы по всем тестам, по тестам, связанным с навыками в счете денег, дали неожиданно для Бинэ чрезвычайно высокие нормы. Это и понятно, так как этим детям постоянно приходилось иметь дело со счетом денег, выполняли поручения своих родителей.

Как самые тесты, так и устанавливаемые возрастные нормы в рассматриваемых методах непосредственно связаны с условиями, обстановкой, укладом жизни буржуазного класса. Правда, они применялись и проверялись на широких массах детей различных общественных группировок, но построены они на основе определенной производственно-классовой среды. Нельзя поэтому подгонять под эти нормы детей различных классовых группировок, так как разница здесь не количественная, а качественная. В самом деле, разве личность беспризорного не является качественно особой, не укладывающейся в обычные рамки и привычные психологические категории? В личности беспризорного мы находим сочетание контрастирующих моментов: в одних случаях он проявляет чрезвычайную выдержку, устойчивость, а в других—легко поддается всякого рода возбуждениям, в одних отношениях он обнаруживает необычайную приспособляемость к среде, а в других—полную беспомощность. Все тесты, а потому и нормы рассчитаны на определенный жизненный опыт—на развитие восприимчивости, на развитие речи, на развитие абстрагирующих и комбинаторных навыков, и все это по преимуществу в разрезе теоретическом, но условия жизни и борьбы за существование накопляют у беспризорного совершенно иной опыт и развивают в нем совершенно иные навыки.

Наконец, экспериментально-лабораторные методы по природе своей индивидуалистичны. Они применяются к детской массе, но массовость и коллективность далеко не одно и тоже. Между тем беспризорный коллективист по преимуществу, он полностью живет и действует в коллективе. Если поэтому мы возьмем беспризорного одновременно со всем коллективом

и будем наблюдать его в условиях и обстановке коллектива, мы получим подлинное, реальное представление о нем. Если же мы его изолируем и будем изучать в одиночку, наши выводы будут нереальны и ничего не дадут нам для нашей педагогической работы. Стоит просмотреть ряд индивидуальных характеристик, даваемых беспризорным психологическими лабораториями и специальными кабинетами, с одной стороны, а с другой—прочесть коллективный дневник трудовой коммуны, чтобы нам стало ясно, где подходим мы ближе к беспризорному, к действительным корням его поступков и поведения.

Потребность подойти вплотную к поведению беспризорного вызвала на практике ряд новых методов изучения личности беспризорного. Прежде всего нередко имеет место метод обследования круга представлений беспризорного с целью проникнуть в его жизненный опыт, разобраться и ориентироваться в его действительных навыках и установках. В самом деле, разве то, что беспризорный знает об общественных отношениях, о социальных группировках, о труде, его формах и орудиях, о бытовой обстановке, о природе ее явлениях и законах, разве все это не показательно для того, чтобы судить об условиях прошлой жизни, а отсюда и о самой личности беспризорного? Однако поскольку обследование круга представлений проводится путем опроса, оно не может дать действительной картины опыта беспризорного. В одной трудовой коммуне беспризорный при обследовании дал очень ограниченный объем представлений в отношении производства, но когда началась работа в мастерских, он поразил руководителей богатством, широтой, точностью своих знаний в области производства, его техники его материалов. Но даже если бы мы получили правильную картину представлений беспризорного, мы этим не установили бы еще их психологической значимости, той роли, которую те или иные представления играют в поступках беспризорного в их мотивировке, в их регулировании. Представление, как субъективный момент, само по себе не раскрывает того сложного объективного процесса поведения, в котором оно имеет место. Для этого нам необходимо знать, при каких условиях и в каких реальных соотношениях возникло то или иное представление, что ведет нас к изучению среды.

Ближе к жизненной установке методы, обследующие эмоции беспризорного. Они стремятся вскрыть преобладающие чувствования, охарактеризовать эмоциональные переживания, установить оценки беспризорного и на основании этого делают вывод о том, как будет вести себя беспризорный в определенных жизненных условиях, в определенной жизненной обстановке. Проф. Бельский, вслед за Якобсоном, предлагает ряд соответствующих текстов в форме опроса, бесед, оценки поступков в рассказах, содержания картинок, выбора книг из каталога, которые должны установить характер эмоциональной жизни испытуемого. Не будем говорить о том, что и при этом методе раздражитель, вызывающий эмоциональную реакцию, остается чисто словесным или иллюстративным. Не будем также говорить и о том, что обстановка опыта остается здесь искусственной, как бы не старались мы приблизить ее к условиям интимной беседы, беспризорный испытывается в кабинете, а не за его дверьми, в гуще текущей жизни, в коллективе товарищей. Главное то, что от эмоций к действию нет прямого мостика, что предпосылки, лежащие в основе этого метода и опирающиеся на теорию Петражицкого об обусловленности акций эмоциями, не могут считать правильными. Если беспризорный в ответ на наш вопрос скажет нам, что воровать нельзя, потому что „засыплют", у нас не будет еще никакой уверенности в том, как поступит он при действительной жизненной обстановке.

Итак, методы словесно-иллюстративного испытания беспризорного, методы дифференциального изучения его „способностей" методы индивидуального подхода к пониманию его личности не достигают цели. Часто они лишь усыпляют бдительность и наблюдательность практических работников в про-

цессе их непосредственной живой работы. Взамен их необходимо выдвинуть систематическое плановое наблюдение за поступками и поведением беспризорного в обычных условиях его жизни и деятельности и в самой тесной связи с анализом окружающей производственно-классовой среды. Пока школа вообще была словесной, и методы изучения детей оставались чисто словесными. Когда школа стала иллюстративной, такими же стали и тесты, испытывающие ребенка в целях его изучения. Переход иллюстративной школы в школу действия вызвал и потребность в соответствующих тестах действия. Теперь мы воспитываем детей через труд, через труд производительный, через труд коллективный, потому что только таким путем мы считаем возможным проникнуть в личность ребенка и воздействовать на нее. Естественно, что и все наши тесты должны стать тестами работы и жизни, работы и жизни не индивидуальной, а коллективной, не искуственной, а подлинной, обусловленной воздействием окружающей среды. Вся суть вопроса в том, чтобы установить разделы, через которые мы будем наблюдать жизнь, работу, поступки и среду ребенка, и найти наиболее целесообразные приемы, посредством которых эти наблюдения фиксировались бы и обрабатывались.

Основные моменты, которые в воспитательных целях нам необходимо вскрыть в личности беспризорного это следующие: а) социально-классовая ориентированность, навыки и установки беспризорного, б) производственно-трудовая ориентированность, навыки и установки беспризорного, в) жизненно-бытовая ориентированность, навыки и установки беспризорного, г) богатство накопленного беспризорным опыта, обилие и разнообразие его реакций; д) характер реакций беспризорного, их простота или сложность, непользование прежнего опыта, умственные навыки, регулировка поступка; е) активизм беспризорного, его возбудимость и отзывчивость на воздействие среды, устойчивость и длительность его реакций, ж) органические и унаследованные моменты в поведении беспризорного, его физическая сила, выносливость, развития мускульно-двигательного аппарата, развития аппарата восприятий. С этих точек зрения и должен быть произведен анализ как среды, поставившей ребенка в условия беспризорности, так и среды, в условиях которой он ведет ожесточенную борьбу за свое существование, а также среды, которую мы создаем для него в соответствующем учреждении в воспитательных целях. С этих же точек зрения должно производиться и наблюдение над поведением беспризорного в повседневной его работе и жизни, используя для этого все возможности и все материалы в виде протоколов детских, собраний, протоколов детских комиссий, учетных табелей работы, трудовых карточек, конкретных результатов детского труда и др. Практика выработает более конкретные формы и приемы как наблюдений, так и фиксирования и обработки материала по изучению беспризорного, необходимо только, чтобы практические работники всецело прониклись этим подходом к вопросу.

Вот тот путь, тот подход к проблеме изучения беспризорного, который выростает с одной стороны, на основе нашей современной, революционной, пролетарско-классовой практики в отношении к беспризорности, а с другой— на основе новой марксистской революционно—классовой педагогики. Уверенность в правильности этого пути основывается не только на том, что по этому пути идут самые новейшие достижения современной научной мысли, но и в том, что на этом пути мы все дальше и дальше будем уходить от системы решоток и все успешнее будем направлять тысячи и десятки тысяч подростков в кадры строителей нового коммунистического общества.

Вопросы труда и производства в детских учреждениях СПОН.

К итогам II Всероссийского Съезда по соц-прав. охране несов.-летних.

С. М. Шабалов.

Большинство вопросов 2-го съезда по СПОН как пленарных заседаний так и секционных работ, в том или ином объеме отвели место проработке трудовой и производительной части строительства и жизни детских учреждений. Такая полнота обхвата этих вопросов понятна. Труд в детских учреждениях всех видов и типов от трудового процесса, каковым он представлялся нам в период строительства детских учреждений на основах „свободного воспитания ребенка", эволюционизировал к пониманию его как формы и базы для участия ребят в жизни и строительстве рабочего класса.

Организация трудовой деятельности детских учреждений охватывающих возраст до 12 лет ставится в целях рационализации и наилучшего налаживания жизни детского учреждения. Для детей же с 12-ти летнего возраста вообще, а в особенности для тех из них, которые рано вынуждены вступить на путь самостоятельной борьбы за существование, труд организуется уже вокруг производства детучреждений. Это производство должно придать детскому дому характер хозяйственной экономической единицы, участвующей в борьбе за свое существование. Конечно, нельзя сказать, что до настоящего времени производственной деятельности в детдомах не было, но в массе своей она ни практически ни идеологически не отвечала задачам детского дома. Мастерские внутри детских учреждений принимали мелко-кустарнический облик и вследствие этого не смогли выйти из рамок непосредственного самообслуживания с одной стороны, и подготовить ребят к выпуску в жизнь—с другой. Таким образом производство для ребят всех возрастов, включая даже 17—18-ти летних, неизбежно шло по тем самым принципам рационализации потребления, которые сейчас считаются приемлемыми лишь для организации труда детей до 12-ти летнего возраста,

В результате создавшихся производственных отношений в этих детучреждениях, ребята имели среду, отгораживающую их от связи с жизнью „стенами" детдома. Бессознательный, но совершенно здоровый протест ребят против этих „стен" приводил и еще приводит их к многочисленным конфликтам со своим детучреждением. Это подтверждается вдвое большим процентом ребят вступающих в конфликт со средой в детских домах, нежели детей живущих у родителей и родственников [1]) и клиентуры детей в комонесах из детских домов, доходящих до 23% общего числа детей прошедших через Комонес (Донская Область). Попытки некоторых детдомов изжить эти противоречия шли по линии наименьшего сопротивления и выливались в подавление этих протестов и личности ребят прямо и открыто или замаскированно. Все это вело к разладу внутри дома, к побегам ребят, наказаниям и т. д.

Пересмотр содержания жизни и работы детучреждений показал необходимость преодоления замкнутости детдома и органического врастания его в

---

1) По данным Череповецкого ГУБОНО. Степень серьезности конфликта и в том и в другом случае определяется наличием оснований для передачи дела в Комонесы С. Ш.

производство окружающей учреждение действительности, т. е. в производственно-хозяйственную жизнь своего района, и через него в хозяйство страны.

Производственно-экономические связи детучреждения со своим окружением безусловно предопределяют характер организации жизни, быта и воспитания в нем. Детучреждения, вступившие на путь экономических связей с окружающей действительностью, будут втянуты и в общественную жизнь, что раньше не удавалось. Силою вещей они вынуждены будут играть известную роль в общественно-политической жизни района. Далее: налаженное производство повлечет известную доходность мастерской, сельхоза, предприятия и пр.; использование которой идет в двух направлениях: на улучшение производства и на частичное возмещение затрачиваемых на содержание учреждения средств. Определение размеров этого возмещения, коллективная и личная заинтересованность ребят в этом, властно повлечет их по пути самоорганизапии.

Экономическо-хозяйственные связи детских учреждений согласно постановлений съезда могут быть в виде и форме сотрудничества с производством или в виде обслуживания производства в известной его части. Сотрудничество с производством нужно понимать таким образом, что мастерские детских учреждений связываются с производственными предприятиями района, или их объединениями на основе выполнения подсобной роли к этому крупному производству с выработкой и поставкой определенного продукта нужного ему в процессе работ. В этом случае мастерские детдомов выполняют работы, которые входят в круг функций одного из цехов предприятия и в этом виде осуществляют врастание в производство. Такое положение должно относиться главным образом к роли детских учреждений в промышленном окружении. Несколько иначе обстоит дело в сельскохозяйственном районе. Здесь с.-х. коммуны и артели подростков, ведущие свое хозяйство, или имеющие мастерские для выработки и ремонта орудий с.-х. производства и предметов быта и обихода деревни, могут и должны при правильной самоорганизации влиять на ход и способы крестьянского труда (работа агрикультурного порядка). Таким образом производство детских учреждений играет роль „дочерних" предприятий в промышленном районе и роль организующего центра в деревне.

Здесь необходимо упомянуть, что намеченной роли в производстве никоим образом не выполнят те мелкие мастерские детского учреждения, которые имеются до настоящего времени в большинстве детдомов. Это соображение чисто практического характера лишний раз подтверждает необходимость замены таких мастерских центральными, обслуживающими ряд детских домов и детей окружающего населения.

Что касается хозяйственно-экономической связи с производством т. к. обслуживания его, то ее следует понимать как выполнение в предприятии коллективом детей известных работ, посильных для их возраста и требующих незначительного, а иногда и не требующих вовсе какого-либо оборудования. Кэтой роли наиболее приспособленными окажутся артели подростков, организуемые при предприятиях фабрично-заводской, кустарной, коммунальной, сельскохозяйственной и пр. промышленности. Здесь, как мы видим, имеется иной подход к созданию самого детского учреждения. До сих пор мы говорили: сначала коллектив детей и затем труд при нем в том или ином виде, а теперь наоборот говорим; тот или иной вид производства рабочих, а затем только детский коллектив составленный из ребят, имеющих тягу именно к этому виду трудовой деятельности. Вполне понятно, что такой коллектив неразрывно со своей производственно-трудовой работой поведет и образовательную и всякую иную общественно-полезную деятельность. Кроме соображений в пользу этого рода связи с производством, выше подчеркнутых, надо учитывать еще

два чрезвычайно существенных момента: намечающуюся возможность удешевления детских учреждений и перспективы более легко разрешить вопрос с индивидуальными тяготениями ребят к тому или иному виду труда путем простого подбора детских коллективов для различных предприятий.

Каждому из нас ясно, что под намеченную реформу детских учреждений необходимо подвести твердую материальную основу. Об этом говорится давно, и сейчас время, перейти от слов к делу. Действительное состояние детских учреждений и практика мест выдвигает вопрос о создании специальных производственных фондов детских домов.

До сего времени мы имели довольно странное положение. Сметы отделов народного образования имеют соответствующие статьи на питание ребят, одежду обувь, учебную часть и т. д. Каждая из них предусматривает определенный в целом и количественном отношении расход и для передвижения средств из одной статьи в другую нужны весьма серьезные мотивы. Все это создает известную устойчивость и реальность ассигнований на нужды обеспечения потребительской и учебно-воспитательской части детского учреждения. Совсем иначе обстоит со сметными предположениями на производственную часть детдома. Включаемые в общие с расходами на хозяйственную часть статьи, они реализируются обычно слабее, чем все остальные части смет. Причина этого заключается в том, что расходы на организацию и правильную постановку мастерских и предприятий детского учреждения требуют единовременного отпуска значительных сумм, что не всегда совпадает с возможностями местного бюджета. Отпускаемые же в незначительных суммах, эти средства тем легче рассасываются на удовлетворение потребительских нужд детучреждения. Этому положению должен быть найден предел. Твердый производственный фонд, составленный из сметных ассигнований, средств деткомиссии ВЦИК, отпускаемых на производственную помощь, субсидий местных деткомиссий, шефских сумм, целевых кредитов хозяйственных органов и т. д., и явится материальной основой детских учреждений. Использование этого фонда должно итти исключительно на организацию производственной части, без права расходования его на другие нужды детдома. В связи с этим будет весьма рационально если ОНО откажутся от распределения, поступающих на организацию мастерских и предприятий средств, несмотря на их количество, сразу по всем учреждениям „поровну—без обиды". Из такого субсидирования учреждений, получающих мизерные подачки, обычно ничего толкового не выходит. Несравненно более целесообразным окажутся план и очередность в постановке производства детучреждений, в первую очередь таких детучреждений, которые имеют материальные предпосылки для успешного развития дела.

Не надо кроме того забывать, что в резерве у нас имеется еще далеко не вполне использованная широкая советская общественность, организованная в обществе „Друг детей". Сама она вне конкретных форм к нам не придет. Наша задача—организовать ее для помощи детству, отнюдь не в плоскости филантропии и сердоболия. От нее в области детского труда мы должны ждать как частичной денежной помощи, так и серьезного содействия производственным шефством над мастерскими и предприятиями детских учреждений, над артелями и коммунами детей и пр.

Таким образом постановка труда в детучреждениях на принципах проработанных II Всероссийским съездом по СПОН должна нам дать ряд достижений, в деле оздоровления учреждений, удешевления их и осуществления квалификации ребят, нужной им для борьбы за свое существование и важной для возрождающегося хозяйства СССР.

Такая постановка вопроса о производстве в детучреждениях выдвинула много других еще вопросов требующих своего разрешеаия. Мы имеем в виду вопросы методики трудового воспитания, программ учебной части, азбуки

труда (термин резолюции съезда) вопросы корреляции производственных задач, ставящихся перед детучреждением, с психофизическим организмом ребенка и подростка, вопросы комплексирования материала трудовой деятельности для образовательной работы, гигиены и санитарии труда, необходимость учета факторов влияющих на детали в организации труда и жизни детучреждений, особенностей беспризорных, в социальном смысле дезорганизованных и ложно организованных ребят. Эти вопросы на очереди, они ждут разрешения от мест и центра [1]).

Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью.

(По материалам с мест).

Н. Деянова.

Борьба с детской беспризорностью с первых дней Октябрьской революции являлась одной из первостепенных задач государственных органов. К помощи детям государственной властью была призвана Деткомиссия ВЦИК, которая объединяла в борьбе с детской беспризорностью ряд правительственных органов, и около которой группировались общественные силы; к помощи детям привлекались также широкие организованные группы населения, которые вносили свой труд и участие во время проведения „субботников", в „дни и недели помощи детям". Но, так как периоды эти были кратковременны, то и помощь беспризорной детворе со стороны общественных организаций носила эпизодический и случайный характер. В связи с тем, что беспризорность количественно не уменьшалась, органы государственной власти в истекшем 1924 г. призвали на планомерную борьбу с детской беспризорностью широкие общественные массы, с тем, чтобы при их близком и непосредственном участии, при их организованной помощи изжить детскую беспризорность.

Когда призыв к организованной советской общественности докатился из центра до периферии, он нашел там горячий отклик. Население начало быстро проявлять активность: инициативные группы при предприятиях и учреждениях, делегатки Женотделов устраивали собрания, на которых заслушивались доклады о том, как помочь беспризорным детями.

В мае и июне прошлого года губернские Органы Нар. Образования на страницах периодической печати проводили большую кампанию по ознакомлению населения с вопросами детской беспризорности и мерами помощи детям.

В различных местах начали организовываться Общества помощи детям, под лозунгом „Ни одного беспризорного ребенка". Эти Общества ставили своей задачей содействие государственным органам в физическом и психическом оздоровлении беспризорных детей и в борьбе с детской беспризорностью.

Первые сведения об организации Общества „Друг детей" относятся к

---

[1]) В порядке проработки этих вопросов и использования опыта мест редакц. будет дан ряд статей.

маю—июню 1924 г. Общества были организованы в Москве, Вологде, Ташкенте, Немкоммуне, Пскове и Вятке. В большинстве других городов в это время велась большая агитационная работа. В течение августа—октября большая часть территории РСФСР начинает покрываться сетью Обществ помощи детям; Общества организуются в Орле, Гомеле, Самаре, Рязани, Ростове на-Дону и пр. городах, тогда как Общества, организованные раньше, начинают расширяться, умножают количество своих членов и захватывают в сферу своего влияния все организованные круги советской общественности—служащих, рабочих, студентов и жителей сельских местностей.

На предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях организуются ячейки Об-в „Друг детей"; по губ. городам число ячеек доходит до 70, в Москве организовано 939 ячеек.

На 1-е сентября 1924 г. имеются сведения об организации Об-в помощи детям по следующим 31 губерниям и республикам, при чем сведения о числе членов дают только 17 мест.

Вологда—членов 20.000, Вятка—14.000, Владимир—2.000, Воронеж—свед. нет, Брянск—свед. нет, Гомель—свед. нет, Иркутск—2.500, Крым—свед. нет, Ленинград—свед. нет, Москва—219.000, Москов. губ. по 10 уезд.—13.227, Нем республика—234, Орел—свед. нет, Псков—2.000, Пенза—3.600, Рязань—2.250, Ростов-на-Дону—свед. нет, Смоленск—1.278, Саратов—6.872, Самара—свед. нет, Тамбов—свед. нет, Тверь—свед. нет, Ташкент—3.000, Томск—свед. нет, Тула—свед. нет, Омск—свед. нет, Череповец—свед. нет, Царицын—5.953, Усть-Сысольск—370, Ульяновск 7.000, Ярославль и Яросл. губ.—(Рыбинск и другие уезд. города)—7.180. Всего членов 310.964 по 17 губ., давшим сведения о количестве членов.

Для того чтобы оценить пользу участия советской общественности в работе по борьбе с детской беспризорностью за небольшой период ее организованной деятельности необходимо отметить т-е пути, по которым направляется работа, и те результаты, которые в конечном итоге должны от этого проистечь.

Деятельность Об-тв помощи детям проходит в тесном сотрудничестве с органами народного образования и Детком иссией ВЦИК.

В деле борьбы с детской безпризорностью должны стоять на первом месте: 1) учет беспризорных 2) вовлечение беспризорных в производственную работу, 3) организация учреждений для беспризорных и оказание им материальной поддержки, 4) проведение культурно-просветительной работы среди беспризорных и 5) общественное и политическое воспитание беспризорных.

Работа обществ. организ. по учету беспризорных.

Прежде всего, учет того материала с которым органы на местах имеют дело. Отделы Народного образования уже приступили к учету беспризорных при непосредственном участии общественных организаций.

В городе Москве—учет беспризорных произведен добровольцами студентами.

В Вотской области учет по городу и волостям произведен при участии РЛКСМ.

В Воронежской губ.—учет произведен по всей губ. лицами, командированными партийными организациями.

В Вятской губ.—учет производился детской социальной инспекцией при помощи Женотдела, РЛКСМ и школьных работников.

В Иркутской губ.—учет произведен по городу при помощи Женотдела, РЛКСМ и кварткомов.

В Псковской губ.—учет производился представителями РЛКСМ, Женотдела и Комететов крестьян Взаимопомощи.

В Смоленской губ.—учет производился силами Женотдела, РЛКСМ, студенчества и школьных работников.

В Тамбовской губ.—учет ведется Об-ом „Друг детей".

Даже такой короткой перечень убеждает нас в том, что общественные организации ведут работу по учету беспризорных, без которого нельзя составить правильный план работ по борьбе с детской беспризорностью.

Конечно, учет этот не точен, но уже приближение к нему, удержание в поле зрения того живого материала, который учтен, несомненно, будет иметь большое значение в определении размеров и форм необходимой помощи общественных организаций.

Участие обществ. организаций в агитационной кампании.

Об-ва помощи детям продолжают агитационную кампанию по привлечению внимания к вопросам детской беспризорности, начатую органами Народного Образования и Деткомиссиями.

С этой целью членами Об-в делаются доклады, помещаются статьи в периодической печати.

„Профессиональные организации ведут пропаганду в широких массах тех идей и задач, которые лежат в основе помощи беспризорным детям",— пишет Владимирский Губсоцвос.

В Немкоммуне ячейки О-ва помощи детям делают доклады по вопросам детской беспризорности.

В Псковской губернии при участии членов Об-ва сделано 24 доклада на тему „беспризорность и ее последствия".

В Тамбове, Об-во помощи детям ведет агитационную работу путем чтения докладов, помещения статей в газетах, устройства „недель" помощи беспризорным.

В Ярославле Об-во помощи детям ведет агитацию на рабочих собраниях.

В результате такой агитационной кампании, проводимой „Об-ми помощи детям" число членов их увеличивается, охватывая многочисленными ячейками учрежд ениями предприятия, а вместе с тем увеличиваются и метериальные ресурсы.

Материальные источники.

Материальные ресурсы Об-в составляются от членских взносов, продажи жетонов, добровольных пожертвований и отчислений, сборов от концертов, лотерей, лото и от торговли киосков (Царицын).

Естественно, что крупными средствами могут обладать Об-ва; организованные в больших городах, в густо населенных пунктах или в фабрично-заводских районах. Как-раз в этих-то местах и скопляются, главным образом, большие группы беспризорных, здесь-то и нужна организованная работа по оказанию им помощи.

Так как Об-ва работают в тесном сотрудничестве с Отделами Нар. Образования и Губдеткомиссиями, то и средства их чаще всего расходуются через эти органы.

Об-ва помощи детям в Пскове, Тамбове, Царицыне, Уралоно расхо-

дуют свои средства через Органы Нар. Образ., в Ярославле, Коми, Смоленске—через Губдеткомиссию, и в очень немногих местах средства расходуются непосредственно Об-вами помощи детям—Иркутск, Череповец.

Организация учреждений для беспризорных и др. виды помощи беспризорным.

Материальные средства Об-в расходуются на организацию учреждений для разного типа беспризорных детей, от приемников до ночлежок включительно; на организацию производственных артелей из беспризорных, мастерских, на частичную материальную помощь беспризорным и на помощь уже существующим детучреждениям.

В Москве на 1-е марта было организовано 9 клубов для беспризорных и 12 трудкоммун. В настоящее время имеется 18 трудкоммун и 5 вагонов—ночлежек для беспризорных.

В Вятской губ. открыто 7 столовых на 1.000 чел., дом беспризорного ребенка в г. Вятке на 50 чел. и дворец Ильича на 300 чел., столовая при союзе Всемедикосантруд на 50 чел.

15% детей, прошедших за четыре месяца через дом беспризорного ребенка (270 чел.) устроены на работу при содействии общественных организаций.

В Гомеле функционирует столовая для беспризорных на 100 чел.

В Орле при содействии хозорганизаций устроена Об-вом пакетная артель из беспризорных подростков на 17 чел. и организуется корзиночная мастерская.

В Ленинграде „Об-во помощи детям" передало средства, вырученные от продажи карточек „Друг детей" для организации в Ленинграде дома имени т. Ленина.

В Ленинграде, кроме того, имеются рабочие организации для помощи беспризорным детям—так-называемые „Рабочие патронаты" организованные при райисполкомах; в их задачи входит оказание материальной помощи в борьбе с детской беспризорностью и вовлечение трудящихся в активную работу; они значительно способствуют улучшению материального положения детских учреждений.

В Тамбове открыта столовая для беспризорных на 200 чел.

В Самаре Об-во „Друг бесприз. ребенка" оганизовало 2 детдома на 140 чел. и приемник, которые содержит исключительно на свои средства.

В Череповце организована комиссия помощи беспризорным при профессиональных союзах и с ее помощью удается помещать на предприятия беспризорных детей.

В Омске общественные организации взяли на свое иждивение 2000 детей.

В некоторых уездах Московской губернии общественные силы также оказывают существенную помощь беспризорным детям: союз текстильщиков принимает беспризорных в производство.

В Дмитровском уезде Укомиссия помощи детям при помощи Об-ва „Друг детей" организовала трудкоммуну на 30 чел. беспризорных подростков, подобранных на станции, приобрела инвентарь для сельскохозяйственных работ, оборудовала завод сухой перегонки дров и вовлекла в работу детей трудкоммуны.

Участие членов общественных организаций в работе Детской Соц. Инспекции.

Для оказания социальной помощи, для учреждения опеки над беспризорными, наконец, для наблюдения за деятельностью опекунов требуется обследование условий жизни беспризорных, которое обычно должно производиться органами Дет. Социальной Инспекции. Но в виду того, что штат Д. Соц. Инспекции в силу недостаточных материальных средств Губ. Отд. Нар. Образов, по большей части, очень мал, помощь общественных организаций в этом деле необходима. И прежде, до привлечения широкой общественности в работу с беспризорными члены РЛКСМ и делегатки Женотдела приходили в этом случае на помощь органам Народного Образования, но они оказывали помощь не постоянно и далеко не повсеместно. Теперь к работе Детской Социальной Инсцекции привлекаются не только РЛКСМ и Женотделы, но и члены „Об-ва помощи детям".

Особенно широкое участие в работе Детской Социальной Инспекции приняло студенчество города Москвы, которое составляет дружины ДСИ. Число дружинников доходит до 2.000 человек. Дружинники ведут работу с беспризорными на улице, организуют их в трудкоммуны, ведут работу в клубах.

В г. Владимире члены Об-ва уделяют несколько часов в неделю для производства обследований по делам опеки и комонес.

В Ленинграде штатных работников детской социальной инспекции нет совершенно, и всю работу по обследованию выполняют работники советской общественности.

В Смоленской губ. к работе детской соц. инспекции привлечены делегатки Женотдела, РЛКСМ и студенты университета.

В Тамбовской губ. Дет. Соц. Инспекции помогают члены Об-ва помощи детям.

В Иркутске 250 челов. активных членов Об-ва, из них 16 чел. работают в качестве Д. Соц. Инспекции.

Из приведенных примеров видно, что работа детской соц. инспекции не чужда советской общественности. Углубление работы общественных организаций в этом направлении позволит органам народного образования производить обследования беспризорных, наблюдение за опекаемыми и развить деятельность Комиссии по делам несовершеннолетних, отдавая правонарушителей под ответственный надзор органов советской общественности.

Углубление в работу с беспризорными приведет общественные организации и особенно рабочих к необходимости коллективного опекунства и патронирования над беспризорными детьми. В настоящее время такие случаи единичны: рабочие Гусь-Хрустального завода учредили коллективную опеку над группой беспризорных детей, в Вятке, в Череповце члены профсоюза приняли патронирование над несколькими беспризорными.

Культурно-просветительная работа с беспризорными.

Культурно-просветительная работа с помощью общественных организаций ведется как с детьми, организованными в детучреждения так и с беспризорными детьми улицы.

С первыми она выражается в установлении шефств над детучреждениями в снабжении их книгами, газетами и журналами и в постановке спектаклей, как напр. в Ярославле, Владимире. В последнем шефство над детучреждениями приняли рабочий факультет и совпартшкола.

Культурно-просветительная работа с беспризорными проводится в Москве, Пскове, Гомеле, Омске и Ленинграде.

В Москве студенчество ведет работу в трудкоммунах, клубах и ночлежках.

В Псковской губернии для беспризорных организовано 2 клуба, где ведут просветительную работу члены общественных организаций и РЛКСМ.

В Гомеле открыта школа для беспризорных подростков на 140 чел., организован совместно с пионерами клуб для беспризорных, и в течение лета работали 2 площадки.

В Омске работу в ночлежке с беспризорными ведут студенты ВУЗ'ов.

В Ленинграде организовано студенческое Об-во „Друг детей", которое борьбу с детской беспризорностью ведет, главным образом, мерами просветительного характера.

Весной при рабочих клубах, на фабриках и заводах и при ВУЗ'ах студенты начали устраивать детские уголки, куда привлекались дети улицы и проводились с ними чтение, игры и пение. Работа эта с наступлением летнего времени продолжалась на площадках, которых было организовано 32. За короткое время деятельности студенческое Об-во „Друг детей" открыло 8 детских уголков в разных районах и организовало 30 кружков для 2.000 детей. В плане работ студенческого Об-ва постановлено распределение частных домов между членами Об-ва для культурного руководства детьми, живущими в этих домах.

Как видно из обзора, культурно-просветительная работа со стороны общественных организаций среди беспризорных еще не получила должного развития. Может-быть, это объясняется организационным периодом, сосредоточением внимания на вопросах агитации и накопления материальных средств, но во всяком случае, надо надеяться, в недалеком будущем она займет подобающее место в деятельности органов советской общественности, и особенно по этому пути пойдут члены Об-ва „Друг детей"—студенты ВУЗ'ов, которые на примере Москвы и Ленинграда могут видеть, куда лучше всего приложить свои силы в работе по борьбе с детской беспризорностью.

Участие общественных организаций в общественно-политической работе с беспризорными.

Политработе среди беспризорных, вовлечению их в пионердвижение и общественно-политической работе с беспризорными начал уделять внимание РЛКСМ.

Если работа РЛКСМ и юных пионеров среди детей, организованных в детучреждениях, уже имеет прочное основание и если там они имеют мощные ячейки, то работа их среди беспризорных детей улицы только еще в своей начальной стадии, поскольку только-что призваны к существованию учреждения для беспризорных—клубы, столовые, ночлежки.

РЛКСМ ведет работу в клубах г. Царицына.

Уралоно и Владимирская губ. отмечают работу РЛКСМ с беспризорными детьми.

В Псковской губ. РЛКСМ ведет работу с беспризорными в клубе при столовой, организованной в г. Пскове для 80 ч. беспризорных детей. 50 ч. столующихся детей втянуто в отряд юных ленинцев и с ними ведется работа по плану, разработанному РЛКСМ. Псковский Губсоцвос отмечает чрезвычайно благоприятные результаты работы.

В Тамбове РЛКСМ ведет работу среди беспризорных подростков.

В Гомеле РЛКСМ ведет работу в клубе, и в результате работы 400 ч. беспризорных вовлечено в пионердвижение.

Кроме того, РЛКСМ повсюду является непременным участником при проведении всякого рода кампаний по оказанию помощи беспризорным детям.

В заключение следует отметить, что деятельность советской общественности в каждой отдельной губернии не охватывает всех видов помощи беспризорным детям; работа ее сосредоточивается то в одном, то в другом направлении, но в общем на основании материалов с мест можно сказать, что все виды работы с беспризорными затронуты деятельностью общественных организаций.

Перед ними стоит громадная работа как по важности ее, так и по объему. Остается только ее развивать и углублять как в сторону повсеместного охвата всех видов помощи, так и усовершенствования методов и приемов борьбы с детской беспризорностью.

Принципы воспитания физически-дефективных детей.

(Доклад на Всероссийском съезде по соц.-правовой охране несовершеннолетних).

Л. С. Выгодский.

Резолюция, перестроившая нашу общую школу сверху донизу, почти не коснулась специальной школы для дефективных детей. В школах, воспитывающих слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей, все сейчас обстоит почти точно так же, как обстояло до революции, если не считать некоторых несущественных изменений, которые возникли механическим путем. Работа, таким образом, остается до сих пор не связанной ни теоретически, ни практически с общими основами социального воспитания и с системой народного просвещения нашей республики.

Наша задача состоит в том, чтобы связать педагогику дефективного детства (сурдо-тифло-педагогику и т. п.) с общими принципами и методами социального воспитания, найти такую систему, в которой удалось бы органически увязать педагогику дефективного детства с педагогикой детства нормального. В этом отношении нам предстоит большая творческая работа по перестройке нашей школы на новых началах. Наш съезд должен наметить основные линии, или, вернее говоря, отправные точки для этой работы.

При всех достоинствах, наша специальная школа отличается тем основным недостатком, что она замыкает своего воспитанника—слепого, глухонемого или умственно-отсталого ребенка—в узкий круг школьного коллектива, создает отрезанный и замкнутый мирок, в котором все приноровлено и приспособлено к дефекту ребенка все фиксирует его внимание на его телесном недостатке, усиливает в нем изолированность и сепаратизм и не вводит его в настоящую жизнь. Наша специальная школа, вместо того чтобы выво-

дить ребенка из изолированного мира, обычно развивает в нем навыки, которые ведут его к еще большей изолированности и усиливают его сепаратизм.

Благодаря этим недостаткам, парализуется не только общее воспитание ребенка, но и его специальная выучка иногда сводится почти на нет. Так, например, речь у глухонемых. Несмотря на высоко поставленное преподавание устной речи, речь у глухонемого ребенка остается в зачаточном состоянии, потому что замкнутый мир, в котором он живет, не создает потребности в этой речи.

Такая замкнутая система воспитания слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей перешла к нам из Германии, где она достигла высшего расцвета. Там она развилась до своих логических пределов и поэтому с первого взгляда может служить приманчивым примером в этом отношении. Если вы почитаете описание немецких специальных школ, то вы увидите, что эта немецкая школа представляет из себя далеко не обычную школу. На ней нарос целый ряд очень сложных учреждений, имеющих своей конечной задачей расширить и вынести несколько вперед те особенные приспособления для слепых и глухонемых детей, к которым они систематически приучаются в школе и обойтись без которых уже не могут.

Количество этих учреждений превышает часто несколько десятков. Если вы поинтересуетесь узнать, какие учреждения сюда входят, то вы откроете, что некоторые хорошо поставленные школы имеют даже небольшие банки, цель которых—открывать кредит слепым и глухонемым в дальнейшей их жизни для торговой и ремесленной деятельности. Все прочие учреждения служат той же цели—социального призрения. Таким образом создается особая крепость, прочно отвоевавшая себе кусочек во внешнем мире, но все же создающая особые позиции в жизни для дефективного ребенка даже после того, как он выходит из школы.

Даже университетское образование для слепых в Германии до сих пор еще часто выделяется в особую систему, в том числе и знаменитые Марбургские университетские курсы для слепых, которые гостеприимно приглашают слепых из СССР продолжать там свое высшее образование. Предполагается, что слепые, желающие специализироваться в области высшего образования, тоже должны быть выделены из общей массы нормального студенчества и поставлены в какие-то особые условия.

Именно благодаря тому, что Германия располагает незначительным числом дефективных детей, с одной стороны, и, с другой стороны, благодаря тому, что Германия до максимума довела изолированность этих учреждений, изъятие таких детей из жизни создает у многих мнение об особой могущественности и ценности этой германской системы.

Эта система в корне дает ложное направление для нашей педагогической практики. У нас обучение и воспитание слепых и дефективных детей должно быть поставлено, как проблема социального воспитания, потому что и психологически, и педагогически это и есть проблема социального воспитания.

В самом деле, чрезвычайно легко заметить, что всякий телесный недостаток, будь-то слепота, глухота или умственная отсталость, вызывает как бы социальный вывих. Слепой ребенок с первых дней рождения, как только замечается в нем этот недостаток, даже в своей собственной семье попадает на какую-то особую социальную позицию. И его сношения с окружающим миром начинают протекать по иному, чем у нормальных детей, руслу. Можно сказать, что слепота и глухота означает не только нарушение соотносительной деятельности ребенка по отношению к миру физическому, природному, но прежде всего разрыв, смещение тех систем, которые определяют все функции общественного поведения ребенка.

Что это действительно так, станет, вероятно, совершенно ясно, если мы до конца разъясним эту точку зрения. Само собой разумеется, что сле-

пота и глухота суть факты биологические, а ни в коей мере не социальные. Но дело все в том, что воспитателю приходится иметь дело *не столько с этими фактами самими по себе, сколько с социальными последствиями этих фактов.*

Когда мы имеем перед собой слепого ребенка, как объект воспитания, то тут приходится иметь дело, в качестве объекта, не столько со слепотой самой по себе, сколько с теми конфликтами, которые возникают у слепого ребенка при вхождении его в жизнь. При вхождении ребенка в жизнь происходит смещение тех систем, которые определяют все функции общественного поведения ребенка, и поэтому совершенно последовательно, мне кажется, будет, если скажем, что с педагогической точки зрения воспитание такого ребенка сводится к тому, чтобы эти социальные вывихи как-бы выпрямить совершенно.

Дело обстоит совершенно так же, как если бы перед нами был физический вывих руки, вышедшей из сустава. Надо вправить больной орган. Задача воспитания заключается в том, чтобы ввести слепого ребенка в жизнь и создать компенсацию его физического недостатка. Задача сводится к тому, чтобы нарушение социальной связи с жизнью было бы налажено каким-то другим путем.

Я не стану вдаваться в научный анализ психологических понятий глухонемоты или слепоты. Позволю себе остановиться только на общепринятых мыслях, которые обычно можно найти в литературе по этому вопросу. *Слепота или глухота, как факты психологические, не существуют для самого слепого или глухого.* Мы напрасно себе представляем, что слепой как-будто погружен в мрак, что он ощущает темноту, будто попал в какую-то черную яму. Достаточно авторитетные исследователи свидетельствуют о том (как это показывает и объективный анализ, и субъективное свидетельство самих слепых), что такое представление совершенно ложно. Слепые не ощущают непосредственно своей слепоты, так же, как и глухие не ощущают гнетущего безмолвия, в каком они пребывают.

Я хотел-бы показать, что и для педагога, для человека, подходящего к слепому ребенку с намерением воспитать его, существует не столько слепота, как непосредственный физиологический факт, сколько социальные последствия этого факта, с которыми приходится считаться.

Надо сказать, что в научной литературе и в общественном мнении очень твердо укоренилось ложное представление что существует некоторая биологическая компенсация дефекта. Полагают, будто бы природа, лишая нас одного из чувств, как-бы вознаграждает нас необычайным развитием остальных чувств, что слепые осязают необычайно остро, что глухонемые отличаются необычайной силой зрения. В зависимости от этого ложного убеждения задачи педагогики формулируются, как задачи развития оставшихся чувств, как задачи медицински-лечебного характера. Слепота и глухота при этом понимались узко органически, и педагогика подходила к этим вопросам также с точки зрения биологической компенсации—на манер того, как если в организме вырезать одну почку, то другая почка принимает на себя ее функцию. Иначе говоря, вопрос о дефектах ставился всегда грубо физически.

Отсюда вся наша специальная педагогика—лечебная или лекарственная педагогика в точном смысле этого слова. Между тем, ясно для всякого педагога, что слепой ребенок и глухонемой ребенок есть в первую очередь ребенок, а во вторую линию, как говорят немецкие психологи, уже ребенок особенный, ребенок слепой. Если вы возьмете добросовестно составленный психологический анализ переживаний, связанных со слепотой и глухотой (я сошлюсь на самую основательную в этой области работу по психологии слепых, Бирклена, вышедшую в этом году), вы сумеете, глава за главой, показать, что психика слепого возникает *не первично* из самого физического

дефекта, но возникает вторично из всех социальных последствий, которые вызывает этот физиологический дефект.

Поэтому задача в этой области заключается в том, чтобы эта лекарственная педагогика, лечебная педагогика, не подрывала у ребенка нормального питания, потому что плох был бы тот врач, который, прописывая больному лекарство, позабыл бы, что больной должен и нормально питаться и что жить одной микстурой нельзя. Когда воспитательные процессы такой педагогики затягиваются на долгие годы, то мы получаем воспитание, ориентирующееся на инвалидность с самого начала,—как на принцип, и получаем нечто в корне противоречащее социальному воспитанию.

Специальное воспитание—его место в системе общего воспитания чрезвычайно легко и просто определить, если исходить из его положения по отношению к воспитанию в целом. Всякое воспитание в конечном счете сводится к установлению некоторых новых форм поведения, к воспитанию условных реакций или условных рефлексов, как говорят сейчас физиологи. Но со стороны физиологической, со стороны наиболее опасной в этом отношении для нас, не существует принципиально никакой разницы между воспитанием дефективного ребенка и воспитанием ребенка нормального. Слепота и глухота, с физической точки зрения, означают просто отсутствие одного из органов чувств, как говорили мы прежде, или одного из анализаторов, как говорят физиологи теперь. Это означает, что один из путей, при помощи которых замыкается связь с внешним миром, отсутствует, и что этот отсутствующий путь может быть в огромной мере компенсирован другими путями.

Одно из важнейших для педагогики положений нынешней экспериментальной физиологии гласит, что условные формы поведения завязываются принципиально одинаковым путем с различных совершенно органов чувств, с различных анализаторов.

Условный рефлекс может быть воспитан с глаза так же, как с уха, с уха—как с кожи и, следовательно, когда в воспитании мы имеем замену одного анализатора другим, одного из путей—другим путем, мы вступаем на путь социальной компенсации этого дефекта.

Важно, ведь, не то, чтобы слепой видел буквы, важно, чтобы он умел читать. Важно то, что слепой читает совершенно таким же образом, каким читаем и мы, и обучается этому так же, как нормальный ребенок. Важно, чтобы слепой умел писать, а вовсе не водить пером по бумаге. Если он научается писать, прокалывая бумагу шилом, мы опять имеем тот же принцип и практически мы имеем тождественное явление. Поэтому формула Куртмана, гласящая, что слепого, глухонемого и слабоумного нельзя мерить той же мерой, что и нормального, должна быть заменена как раз обратной. К слепому, глухонемому ребенку, с точки зрения психологической и педагогической, должно и можно подходить с той же мерой, что и к нормальному.

По существу нет разницы ни в смысле воспитательного подхода, ни в смысле психологической организации личности у ребенка дефективного и нормального. В этом смысле известная у нас книга Трошина заключает в себе одну чрезвычайно важную мысль, именно ту, что по существу между нормальным и ненормальным ребенком нет разницы. Ошибочно то, что мы видим в ненормальности только болезнь. В ненормальном ребенке мы усматриваем только дефект, и потому наше учение и подход к ребенку ограничиваются констатированием, что „у ребенка столько-то слепоты, столько-то глухоты, столько-то извращений вкуса". Мы останавливаемся на золотниках болезни и не замечаем пудов здоровья. Мы подмечаем крупицы дефектов и не замечаем колоссальных областей богатых жизнью, которыми обладают дети, страдающие этими ненормальностями.

Эти азбучные истины, которые, казалось бы, трудно сейчас оспаривать,

идут коренным образом вразрез с тем, что мы имеем в области теории и практики нашей специальной педагогики. У меня в руках листовка, изданная в Швейцарии в этом году. В ней мы читаем положения, которые звучат для нашей педагогики большим и очень важным откровением. В этой листовке, не рассчитанной на специалиста-учителя мы читаем, что со слепым ребенком надо обращаться так же, как со зрячим, надо учить его ходить тогда же, когда и зрячего, как можно больше давать ему играть со всеми детьми.— Там считается это совершенно азбучной истиной, но приравним это к тому, что утверждается у нас тут истины друг с другом идут вразрез. Мне кажется мы имеем здесь два направления в специальной педагогике—одно, ориентирующееся на болезнь, другое—на здоровье.

Мне представляется, что и данные нашей практики, и данные научной теории одинаково заставляют признать ложной эту первую точку зрения в нашей специальной педагогике Я мог-бы сослаться на некоторые последние данные в этой области, но ограничусь ссылкой на отчеты последнего конгресса в Штутгарте, имевшего место в этом году, по вопросам воспитания и обеспечения слепых. Здесь столкнулись система немецкая с системой американской. Одна система говорит за то, что воспитание слепого должно ориентироваться на недостатки ребенка; с другой стороны мы имеем систему, ориентирующуюся на оставшееся здоровье в этом ребенке. Эта встреча двух систем, хотя происходила в Германии и имела защитников очень сильных, оказалась сокрушительной для немецкой системы. Эта система не имеет оправдания в жизни.

Я позволю себе иллюстрировать на одном пункте специального обучения тезис, который я выдвигаю. Его можно формулировать так: всякий вопрос специального обучения есть в то же время вопрос социального воспитания в целом. Позвольте мне показать это на примере обучения глухонемых устной речи. У глухонемых поражен орган слуха, все же остальные органы остаются здоровыми. В виду того, что поражен слух, ребенок, как глухой, не может научиться человеческой речи. Глухих удается обучить устной речи, считывать с губ, различные представления связывать с рядом движений, иначе говоря—„слышать глазами“. Так удается научить глухих говорить не только на каком-нибудь одном языке, но и на иностранных при помощи кинэстетических ощущений (двигательных), которые у них вызываются при произношении. Обучение это (немецкий метод) имеет все преимущества перед другими методами, перед методом мимики (французский метод), перед методом ручной азбуки (дактилология, письмо в воздухе), потому что такая речь делает возможным общение глухого с нормальными людьми и служит орудием выработки сознания и мышления. Для нас нет никакого сомнения в том, что именно устная речь, чистый устный метод должен быть поставлен во главу угла при воспитании глухонемых.

Но как только вы обратитесь к практике, вы сейчас же увидите, что этот специальный вопрос, есть вопрос социального воспитания в целом. На практике оказывается, что обучение устной речи дает чрезвычайно плачевные результаты. Это происходит от трудности обучения. Это обучение отнимает очень много времени, не научает обычно логически строить фразы, дает произношение взамен речи, ограничивает словарь небольшим количеством слов. Таким образом, получается чрезвычайно трудный и запутанный вопрос, который в теории разрешается благополучно одним методом, а на практике дает как-раз противоположные результаты.

В немецкой школе вы находите, что там, где имеется наибольшее распространение этого метода обучения глухонемых устной речи, там наблюдаются и наибольшие извращения научной педагогики. Благодаря исключительной жестокости и насилию над ребенком, его удается обучить устной речи, но личный интерес ребенка идет по другому пути. Мы узнаем, что

мимика в этих школах запрещается, преследуется, но у педагогов нет способа изгнать мимику. Знаменитое училище для глухонемых знаменитого Иоганна Фатера отличалось наилучшими успехами в этом деле, но уроки устной речи проводились там с такой жестокостью, что учитель для того, чтобы заставить усвоить трудный звук, не останавливался перед тем, чтобы выбить зуб у ученика, и, отерев кровь с руки, перейти к другому ученику или к другому звуку. Таким образом, жизненная практика расходится с методом. Педагоги-практики утверждают, что устная речь для глухонемого является противоестественной, что этот метод противоестественный, так как противоречит природе ребенка.

В таком случае, вы убеждаетесь в том, что ни французская, ни немецкая, ни итальянская система, ни комбинированная метода не могут дать выхода из положения, что только социальное воспитание может дать выход. Если у ребенка есть потребность в устной речи, если устранена потребность в мимике,—только тогда вы можете быть уверены, что устная речь разовьется. Мне приходилось говорить со специалистами на эту тему, и они находят, что лучше всего устный метод проверяется жизнью. После окончания школы, через несколько лет, когда ученик приходит в школу, оказывается, что если устная речь была условием существования для него, тогда можно быть уверенным, что этой устной речью он овладевал вполне, а если он не имел нужды в этой устной речи, тогда вы можете быть уверены, что он вернулся к своей немоте, которой он страдал при поступлении в школу.

Вопрос, оказывается, решает не тот или иной метод, а жизнь. В наших школах для глухонемых все направлено против линии детских интересов. Все детские инстинкты и стремления не союзники наши в деле воспитания, а наоборот,—враги. Проводится специальный метод, который заранее направлен против ребенка, заранее хочет изломать ребенка, чтобы привить немому речь. И этот насильственный метод на практике оказывается неприемлемым, силой вещей обрекается на отмирание. Отсюда я не делаю того вывода, что устный метод неприложим в школе. Я хочу сказать только, что ни один вопрос о специальном методе сам по себе не может быть поставлен в узкие рамки специальной педагогики. Вопрос обучения устной речи не есть вопрос методики артикуляции. К нему нужно подойти с неожиданной стороны.

Если вы обучаете глухонемого труду так, что он научается делать тряпичных негров и продавать их, если он делает „сюрпризы" и потом разносит их по ресторанам, предлагая посетителям купить, это не является трудовым воспитанием, но воспитанием нищенства, потому что удобнее притти с чем-нибудь в руках просить милостыню, и глухонемым в таком случае быть выгоднее чем говорящим, потому что скорее купят у него. Но если бы жизнь подсказала необходимость устной речи, если бы, вообще, нормально ставился этот вопрос трудового обучения, тогда можно было-бы быть уверенным, что создание устной речи в школе глухонемых не представляло бы такой трудности. Всякий метод может быть доведен до абсурда. Это и случилось с устным методом в нашей школе. Правильно разрешен этот вопрос может быть только тогда, когда мы поставим его во всей широте, как вопрос социального воспитания в целом. Вот почему мне представляется, что вся работа наша должна быть пересмотрена с начала до конца.

К тем же выводам приводит и рассмотрение постановки трудового воспитания у слепых. Мы замечаем, что труд преподносился детям в искусственно препарированном виде, т. е. из труда исключаются его организационно-коллективные элементы, эти функции принимают на себя зрячие, а слепой только исполняет работу в одиночку. Какие же результаты могут быть, когда ученик является только исполнителем, за которого организационная работа исполняется другим, который не привык к сотрудничеству в труде, который оказывается инвалидом по выходе из школы. Если бы была такая

школа, которая вводила бы в жизнь слепого труд производственно-профессиональный, из которого не был бы изгнан самый ценный в воспитательном отношении социально-организационный момент, тогда мы имели бы совсем другой эффект в области трудовой выучки.

Поэтому мне представляется, что широчайшая ориентировка на нормальных детей должна служить исходной точкой нашего пересмотра социальной педагогики. Вся проблема чрезвычайно проста и ясна. Никто и не вздумает отрицать необходимости специальной педагогики. Нельзя сказать, что нет специальных знаний для слепых, для глухих. Но эти специальные знания и выучку нужно подчинить общему воспитанию, общей выучке. Специальная педагогика должна быть растворена в общей деятельности ребенка.

На этих примерах вы ясно видите, что такие специальные вопросы, как обучение глухонемых устной речи или трудовое воспитание слепых,—да и решительно все остальные вопросы специальной педагогики,—получают свое правильное решение только на почве социального воспитания в целом. Нельзя решать их в одиночку.

Мне думается, что развитие нашей школы представляет собой чрезвычайно отсталую форму по сравнению с западно-европейской и американской практикой. Мы отстали на добрый десяток-другой лет по сравнению с техникой и приемами западно-европейской школы, и нам нужно выравнять нашу школу с западно-европейской и американской. Но если спросить, в чем заключаются успехи, в которых опередила нас Европа и Америка,—вы узнаете, что они чрезвычайно двойственны.

С одной стороны, они заключают такие моменты, которые необходимо привить нашей школе, с другой стороны, они сделаны в таком направлении, от которого нам нужно самым категорическим образом отказаться. Эти достижения, если остановиться на примере работ в Германии со слепыми (я остановлюсь на этом факте, потому что он освещен в только вышедшей книге проф. Головина), нашумели на весь мир. Работа эта связана с именем инженера Перльса. Это может быть формулировано в одной фразе: введение слепых, в виде опыта, и очень успешного, в крупную индустрию. Слепые в первый раз в истории человечества приступили к работе на сложных машинах, и этот первый опыт оказался чрезвычайно плодотворным. Оказалось, что, вместо того узкого круга профессий для слепых, который только и знали, когда готовили слепых музыкантов, певчих, ремесленников, часто беспомощных, Берлинская комиссия по исследованию профессий, годных для слепых, установила 122 профессии для слепых, большей частью, связанных с работами в крупной индустрии, для которых слепые вполне пригодны. Иначе говоря, высшая форма труда, в смысле политехнических знаний и в смысле социально организационного трудового опыта, оказывается для слепых совершенно доступной.

Нечего говорить о том, какую колоссальную ценность для педагогики заключает такое утверждение. Оно равносильно той мысли, что возможно преодоление дефекта полным вхождением слепых в трудовую жизнь. Надо учесть, что указанный опыт был поставлен над ослепшими во время войны в Германии, и при переходе к слепорожденным, мы, конечно, будем испытывать некоторые новые затруднения в этом деле, но нет сомнения в том, что теоретически и практически этот опыт в своей основе окажется приложимым и к слепорожденным.

Если обратимся к этому опыту, то можно отметить два важнейших принципа, на которых эта работа строилась. Первый заключается в том, что слепые работают в перемежку со зрячими. Ни в одном предприятии слепые не работают изолированно сами по себе, но непременно вместе и в сотрудничестве со зрячими. Развивается такая форма сотрудничества, при которой легче найти приложение для работы слепых. Второй принцип:—слепые не спе-

циализируются на одной машине или на одной только работе, они из педагогических соображений переходят из одного машинного отделения в другое, они меняют одну машину на другую, потому что общий политехнический фундамент общего умения необходим для участия в производстве в качестве ознательного рабочего. Я не стану цитировать, но советую прочитать только несколько строк из работы проф. Головина, где перечислены те машины на которых работают слепые: „Это—прессы, штамповальни, строгальные фрезы, винтовые нарезки, сверлильные бор-машины, электрические токарные станки и т. д.".

Следовательно, в крупной индустрии оказывается вполне применимым этот труд слепых. Это и есть то здоровое, сильное, что есть в европейской и американской специальной педагогике, и на что я ссылался. Это—необходимо усвоить и нашей специальной школе.

Но надо сказать и то, что при всем том, все эти достижения направляются до сих пор во всех странах по линии глубоко чуждой нам в самой своей основе. Вы знаете, под каким резким углом стоит наше социальное воспитание к воспитанию американскому и немецкому, и в зависимости от этого общего направления, использование этой новой педагогической техники, должно пойти по совершенно иному пути, оно должно быть повернуто на 180°. Я не стану сейчас намечать конкретно, в чем этот путь будет заключаться, потому что пришлось бы повторять известные азбучные истины общей социальной педагогики, на основе которых строится и утверждается вся наша система социального воспитания. Я позволю себе только указать, что единственным принципом здесь остается преодоление или компенсация соответствующих дефектов, и что педагогике приходится ориентироваться не столько на недостаток и болезнь, сколько на норму и на здоровье, сохранившееся у ребенка.

В чем же наше самое коренное расхождение с Западом в этом вопросе? Только в том, что там до сих пор это вопросы—социального призрения, для нас же это вопросы социального воспитания. Там это вопрос помощи калеке и социальная страховка от преступника и нищего, у нас это общий закон трудового воспитания. Изжить этот филантропически-инвалидный взгляд крайне трудно и даже в тезисах, представленных к этому съезду, в одном из докладов мы читаем, к сожалению, что „биогенные случаи представляют интерес не столько для социального воспитания, сколько для социального призрения". В этом и заключается коренная неправда прежней постановки вопроса.

Заканчивая настоящий доклад мне хотелось бы указать, что вопросы здесь на пленуме ставятся не зря. Предстоят еще отдельные работы в секциях по вопросам воспитания глухонемых, слепых, умственно-отсталых, где эти проблемы будут выдвинуты более детально и более точно, чем я смог это сделать, где они будут обсуждены со стороны научной, принципиально. Предстоит после съезда огромная работа, но я считаю необходимым выдвинуть на пленарном заседании съезда ту основную мысль, что вопрос воспитания дефективных детей не есть вопрос специальный, рассчитанный только на педагогическую дефектологию.

К сожалению, в этой области чрезвычайно много консервативного отношения к вопросу. Достаточно сказать, что в нашей высшей школе на специальные отделения сурдо-педагогики и тифло-педагогики записываются 1—2—3 студента в Ленинграде и Москве, в единственных в республике высших институтах, и в лучшем случае мы можем иметь десяток — полтора десятка педагогов в этой области. Никто не хочет итти по этой отрасли работы, все считают эту область неинтересной, узко медицинской, к которой никогда не лежала душа педагога.

Вопрос воспитания физически-дефективных детей находился до сих

пор в загоне, главным образом, потому, что более спешные вопросы в первые годы революции требовали нашего внимания. Сейчас настало время поставить этот вопрос самым широким образом в поле общественного внимания. Но для этого необходимо предварительно пересмотреть принципы. Указанием на это я позволю себе закончить настоящее сообщение.

Из заключительного слова.

Я прошу не понять меня в том смысле, что я сделал нападки против существующих учреждений. Моя мысль имела в виду только одного противника—это педагогические предрассудки. Они существуют, их надо вскрыть, против них надо всячески бороться, но это ни в какой мере не означает пенять на работника, на учителя, к которому мы все относимся с величайшим уважением и трудом которого мы все пользуемся.

Я хотел бы отметить приятный для меня факт, что все возражения против моего доклада были как-будто сделаны лично против меня. С такими возражениями мириться очень не трудно. Самое отрадное то, что против выдвинутых мною положений существенных возражений не было сделано, и это дает мне надежду, что мы договоримся относительно работы.

„Мы нищие люди и некультурные люди. Не беда. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения „пользы“ и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь“.

(В. Ленин XVIII—II—19. 1922 г.).

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД ПО РАБОЧЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Общественно-политическое воспитание в школах фабзавуча.

(Доклад на Всесоюзном съезде по рабочему образованию).

Н. К. Крупская.

Я бы хотела остановиться на том, как необходимо построить школы ФЗУ для того, чтобы сама организация школы помогла бы фабзаучнику стать сознательным и умелым рабочим.

Первое, основное, что должен осознать каждый учащийся—это то, что невозможно создать социалистический строй, если не будет базы под ним, если страна не развернет широко промышленности, не поднимет сельское хозяйство. Только при широко развитой, технически высоко стоящей промышленности, только при действительно высоком развитии сельского хозяйства возможно будет построить социалистический строй. Это основное положение марксизма и ленинизма, и поэтому необходимо, чтобы каждый фабзавучник проникся сознанием того, что ему надо быть умелым рабочим, таким рабочим, который вносит свою долю труда, вносит свою долю инициативы в поднятие промышленности, в развитие промышленности. Зажечь фабзавучника желанием сделать все от него зависящее, чтобы поднять производство—это имеет громадное значение, и поэтому школы ФЗУ должны быть построены так, чтобы эта задача всегда стояла перед глазами учащихся. Конечно, если перед его глазами будет стоять задача поднятия производства, он будет относиться к своим занятиям, своей учобе совершенно иначе, чем раньше относился наемный рабочий, которому не было дела до того, как будет развиваться промышленность и будет ли она развиваться. При капиталистическом строе рабочий не хозяин производства, ему нет дела до того, получит ли промышленность широкое развитие. Ему дело только до того, каков уровень заработной платы, каково положение рабочего. Тут изменяется вся психология, и чрезвычайно важно, чтобы занятия в школах ФЗУ, вся учеба в школах ФЗУ была построена таким образом, чтобы эта цель—быть квалифицированным, умелым рабочим, который может способствовать поднятию промышленности, всегда была перед глазами учащегося. Конечно, с этим неразрывно связаны и вопросы НОТ'а и вопросы производительности труда. Необходимо, чтобы школы ФЗУ, вся ее организация была такой, чтобы она учила юношу, девушку, которые учатся в школе ФЗУ, всю свою работу строить как можно более производительнее, не затрачивая зря излишней энергии и силы, организуя всю свою работу таким образом, чтобы при минимальной затрате сил достигнуть максимальных результатов. Это, конечно, не достигается простым введением в курс нового предмета НОТ'а.

Но всю работу ФЗУ мы должны поставить таким образом, чтоб она

была как можно лучше организована, чтобы сама организация школы ФЗУ учила бы фабзавучника, что такое эта разумная научная организация труда—НОТ.

Предмет этот отдельно должет быть введен в курс, но и он должен быть своеобразным заключением того, что в течение всей своей работы и в учебной части и в практической своей работе уяснил себе фабзавучник, учась каждодневно разумно организовывать работу.

Затем, еще одна сторона дела. Необходимо, чтобы школа ФЗУ подготовила такого работника, который нужен в производстве. Готовя умелого квалифицированного работника, школа ФЗУ должна ориентироваться не только на сегодняшний день, но и на завтрашний.

Мы знаем, что нашей промышленности предстоит развиваться широко и подняться на гораздо высшую ступень техники и поэтому мы не можем готовить в школах фабзавуча только такого квалифицированного рабочего, который нужен промышленности в данный момент. Мы должны иметь в виду потребности промышленности завтрешнего дня. Без этого мы рискуем, что обучающиеся в школе фабзавуча будут годны для сегодняшней промышленности, но не смогут приспособиться к условиям работы, которые предъявит им промышленность завтрешнего дня.

Мы знаем, что в общем и целом технический уровень нашей промышленности довольно низок и в настоящее время требуется рабочий еще полуремесленник. Между тем, как более высокая стадия технического развития требует от квалифицированного рабочего меньшего объема технических навыков, но зато требует гораздо большего развития, гораздо больше теоретической подготовки. Без этой теоретической подготовки квалифицированный рабочий вполне пригодный, вполне приспособленный к промышленности сегодняшнего дня, может оказаться совершенно неприспособленным к реформированной промышленности, к промышленности, которая стоит на более высокой ступени развития. Поэтому все занятия, все программы школ фабзавуча должны быть организованы таким образом, чтобы они имели в виду не только сегоднящний день, но и день следующий, день завтрешний.

Задача, программа школ фабзавуча заключается в том, чтобы с одной стороны дать фабзавучникам специальные навыки, иногда даже навыки полуремесленного характера, которые от них требует промышленность сегодняшнего дня, но вместе с тем дать такую теоретическую подготовку, которая дала бы возможность им приспособиться к меняющимся условиям производства. Этого, конечно, не следует упускать из виду и это должны сознавать не только руководители школы, но необходимо, чтобы каждый из учащихся школы фабзавуча понимал, что промышленность не стоит на месте, что она постоянно растет, развивается, и сознавал тенденцию этого развития, понимая куда идет техническое развитие, брал бы эту промышлнность не как нечто постоянное неизменное, а изучал бы промышленность в развитии. При составлении программы фабзавуча на эту сторону необходимо обратить должное внимание. Необходимые навыки должны даваться в школе фабзавуча параллельно с теоретической подготовкой.

Теперь мы подходим к другому вопросу: можно быть квалифицированным рабочим и в то же время мало сознательным рабочим. Можно очень хорошо уметь обращаться с машиной и с инструментом, но этого мало. От теперешнего квалифицированного рабочего требуют еще нечто другое — требуется сознательность. Ему необходимо стать не только хорошим исполнителем, но в то же время и хозяином производства. Одно из основных завоеваний Октябрьской революции заключается в том, что рабочий из наемного рабочего превращается в рабочего, который становится хозяином производства. Но для того, чтобы стать хозяином призводства, надо не только обладать техническими навыками, уменьем обращаться с машиной, с материалом и т. д., надо

еще нечто другое, надо понимать организацию производства, надо понимать тот план, по которому производится работа на фабрике или на заводе.

Мы знаем, что в Германии в целом ряде профессиональных школ, например, в железнодорожных школах, уже само производство требует того, чтобы учащийся, ученик постепенно переходил из одной мастерской в другую, чтобы он знал не только маленький уголок своего завода, уголок предприятия, но чтобы он видел предприятие в целом и понимал связь той работы, которую он делает с производством всего предприятия в целом.

Капиталистические государства принуждены на это итти, сам характер крупного производства толкает их на это, но мы это должны ввести в нашу школу фабзавуча не только потому, что этого техника требует, но так же потому, что требует и развитие рабочего. Требуется поднятие его сознательности. Без этого он не может стать хозяином предприятия.

Каждый фабзавучник должен знать не только свой станок, он должен понимать, как организована вся работа в целом на предприятии, и поэтому ему чрезвычайно важно следить за работой таких учреждений, как фабзавкомы, следить за работой всех тех организаций, которые существуют на заводе за производственными совещаниями, которые проливают свет именно на эту сторону дела, освещают организацию, план всего предприятия в целом.

Уже сами условия труда на крупном предприятии воспитывают в ребенке понимание плановости, понимание необходимости плановой организации труда, и поэтому рабочий класс в целом лучше и быстрее всякого другого понимает, что общественное развитие неизбежно идет от капитализма, где царит хаос, где царит свободная конкуренция, частный интерес, к иному строю, где место хаоса займет плановость, место растраты производительных сил—их разумное плановое пользование.

Социализм будет отличаться от капитализма именно тем, что при капитализме нет единого хозяйственного плана, а каждый отдельный капиталист планирует только свою работу, не сообразуясь с интересами целого. И рабочий, который у себя на фабрике, у себя в производстве, видит необходимость этой плановости, необходимость единой организации, особенно легко усваивает то, что все хозяйство в целом, должно вестись по единому плану.

Владимир Ильич на 8-м Съезде Советов, когда делал доклад об электрификации, особенно подчеркнул значение такого единого хозяйственного плана. И вот фабзавучник должен от понимания плановости на фабрике, на заводе, переходить также к пониманию плановости, во всем народном хозяйстве.

Эту речь Владимира Ильича, которая говорилась на 8-м Съезде, фабзавучнику надо постараться понять. Надо постараться понять ее смысл и значение, потому что вопрос о плановости хозяйства—это вопрос базы социализма и коммунизма. И это чрезвычайно важно понять. Без понимания основ коммунизма, теряют смысл многие лозунги, так часто повторяемые. А это одна из основ коммунизма—плановость производства. И на эту сторону дела должно быть обращено большое внимание в программах фабзавуча.

В программах фабзавуча необходимо, чтобы были введены такие предметы, которые дают понимание роли каждой отрасли промышленности во всем народном хозяйстве.

Важно, чтобы фабзавучник знал не только свой завод, чтобы он знал и все отрасли своей промышленности, чтобы он понимал, какую роль эта промышленность играет во всем хозяйстве страны, какое она там место занимает. Вот на эту сторону дела так же необходимо в программах обратить больше внимание. Нужно понять взаимозависимость всех сторон хозяйственной жизни. В этой своей речи на 8-м Съезде Советов т. Ленин говорил много об едином хозяйственном плане, о том, что этот план должен строиться на базе высокой техники, на базе электрификации. „Коммунизм—это электрификация, плюс Советская власть“—говорил Владимир Ильич. Электрифи-

кация—это единый хозяйственный план, на базе развитой техники, это одна из основ социализма, одна из основ коммунизма. Фабзавучник должен понимать значение высоко-развитой техники, но необходимо, чтобы он понимал также, что такое Советская власть. Мы постоянно употребляем эти слова—Советская власть,—но фабзавучник должен не только уметь употреблять эти слова, но он должен понимать смысл их. Что значит — Советская власть? В советской конституции говорится о том, что право выборов имеют не все, а имеют только трудящиеся, только рабочие и крестьяне. И вот смысл этого должен осознать каждый фабзавучник. Он должен ясно представлять себе классовое строение капиталистического общества; представлять себе, как при капитализме, благодаря тому, что власть в руках господствующих классов, в руках капиталистов, вся жизнь строится на таких основах, что трудящиеся во всей государственной жизни занимают лишь место наемных рабочих, место угнетенного класса, и осознав это, фабзавучник должен понять, каким громадным шагом от одного строя капитализма к другому—к социализму является Советская власть, которая охраняет от власти эксплуататоров и дает всю полноту власти в руки рабочего класса и крестьянства, в руки трудящихся. Во все программы входит изучение конституции Советской власти. Но важно нашу конституцию изучать именно с этой точки зрения. И еще другую сторону необходимо, чтобы фабзавучник понял во всем своем значении. В нашей конституции, советской конституции закреплена смычка между рабочим классом и крестьянством. Опять-таки, мы очень многое говорим о смычке, но чтобы с полным сознанием говорить об этом, необходимо понять ту экономическую смычку, которая существует между промышленностью и между сельским хозяйством, необходимость связи между этими двумя сторонами производства, двумя типами производства. Затем необходимо понять, что из себя представляет рабочий класс, почему он сознательнее, почему он видит дальше вперед, чем все другие классы, и отдать себе отчет в том, за что борется международный пролетариат, какие цели он себе ставит. Затем необходимо уяснить, что представляет из себя в настоящее время крестьянство, что такое представляет собой мелкий собственник, и что представляет он собой в данный момент общественного развития; необходимо отдать себе отчет в том, что само хозяйственное развитие толкает мелкие производства на путь объединения, кооперирования. Это естественный путь к крупному производству в области сельского хозяйства, к тому производству, на базе которого возможно только построить социализм. Что представляет из себя крестьянство в данное время, в каком направлении пойдет его развитие и как в процессе этого развития оно изменит свою классовую сущность, необходимо, чтобы это осознал каждый фабзавучник. И тогда, уже ясна будет связь, которая соединяет воедино рабочий класс и крестьянство, которая делает все ближе и понятнее крестьянству, задачи и цели рабочего класса. Сейчас, может-быть, оно не понимает этих задач, но в своем развития, если оно пойдет по пути кооперирования, оно поймет лучше эти задачи рабочего класса и будет верным его союзником. Надо все это показать учащемуся в школе фабзавуча и тогда из него выростет сознательный ленинец. Одно то, что школа фабзавуча неразрывно связана с фабрикой, с заводом, где все рабочие связаны в некий коллектив, где у них коллективные чувства развиваются благодаря самим условиям производства, является порукой тому, что фабзавучник будет пропитан тем сознательным чувством коллективизма, которое развивается у рабочих на фабриках и заводах. Если школа фабзавуча будет тесно связана с производством, будет давать возможность фабзавучнику изучить организацию предприятия в целом, если так она построит свою программу, то эта программа даст возможность изучить хозяйство страны в целом, подготовляя из него умелого работника и в то же время хозяина производства, тогда он выполнит ту большую задачу, которую на него возлагает текущий момент.

Рабочее профтехническое образование и профсоюзы.

(Доклад на Всесоюзном съезде по рабочему образованию).

Сенюшкин.

Поднятие производительности труда.

Профессиональные союзы придавали всегда огромное значение делу проф. технического образования и образования рабочих. Все наши Всероссийские профессиональные съезды в продолжении нескольких лет этот вопрос выпячивают, и понятно, почему. После Октябрьской Революции, на протяжении ряда лет перед профсоюзами стоит одна из важнейших задач—поднятие производительности труда, организация промышленности. Еще на 5 съезде Владимир Ильич обратился к съезду профсоюзов с письмом, в котором он указывал, что сейчас перед страной стоит главнейшая задача поднятия производства, организации промышленности. Он писал, что сейчас у нас нет основных капиталов, которые бы позволили разрушенные наши машины обновить, а из-за границы нам нечего ждать, что иностранцы дадут денег.

Поэтому надежда сейчас на живую рабочую силу, на поднятие производительности труда. Понятно, что это поднятие производительности труда, интенсификация труда, не может быть в полной мере проведена, если наши рабочие в достаточной мере не будут квалифицированными, если в достаточной мере они не будут профессионально технически образованы.

Таким образом, главнейшая задача поднятия производительности страны теснейшим образом связана с задачами проф. технического образования и с задачами подготовки квалифицированной силы.

Эта задача большая и мы должны рассматривать ее не как узко ведомственную задачу Наркомпроса, а как задачу, в разрешении которой заинтересована вся наша страна, Это дело не одного только Наркомпроса, это дело всего рабочего класса в лице профсоюзов, комсомола, хозорганов и т. д.,—почему все силы должны быть здесь объединены.

В деле проф. технического образования мы сейчас выделяем образование низшее и среднее. Вы знаете, что наше низшее проф. техническое образование во многом еще не соответствует потребностям страны. И наша задача заключается не только в том, чтобы через школу фабзавуча подготовить квалифицированную рабочую силу из молодежи, но также и в том, чтобы поднять квалификацию взрослых рабочих и молодежи, которая не охвачена школой фабзавуча.

Здесь мы придаем огромное значение делу профтехнического образования через посредство кружков, поднятию квалификации через различные вечерние курсы, профтехнические школы, кружки по поднятию квалификации и т. п. Этому внешкольному профтехническому образованию Главпрофобр должен помочь.

Основные задачи школы фабзавуча.

Переходя к основным задачам школы фабзавуча, я должен отметить, что у нас в этих школах есть ряд недостатков, на которые мы должны обратить серьезное внимание. Первый недостаток это то, что школа не готовит

нам квалифицированных рабочих, хотя школа уже существует фактически у нас около четырех лет. До сих пор мы еще не получили того квалифицированного рабочего, который требуется для производства. Это зависит, конечно, от многих причин и в первую очередь от того, что у нас программа школ недостаточно еще разработана, что педагогическим руководящим персоналом школа не обеспечена, что теория с практикой у нас не увязаны и что часть школ фабзавуча оторвана от производства и готовит или старого типа ремесленника, или стремится дать развитую всесторонне личность, но не квалифицированного рабочего, который нам нужен.

Затем я еще укажу на недостаток увязки с потребностями нашей промышленности. У нас готовят очень много квалифицированной силы металлистов, которых у нас много и мало таких профессий, которых нам крайне необходимо. Мы знаем, что сейчас у нас тяжелая промышленность развивается гораздо медленнее, чем другие отрасли промышленности, для нее требуется и меньше квалифицированных сил. Нам известно, что текстильная промышленность развивается гораздо быстрее, но вместе с тем она требует и больше квалифицированной рабочей силы. Однако, удовлетворить потребность в квалифицированной рабочей силе для текстильной промышленности, мы не можем, и очевидно, нам еще долго в дальнейшем придется переживать кризис в рабочей квалифицированной силе. Таким образом, задача увязки профессионально-технического образования с потребностями нашей промышленности стоит перед нами во весь рост, и должна быть разрешена в текущей нашей деятельности.

О программах фабзавуча.

Я знаю, что тт. металисты резко выступали и будут выступать в защиту того, что им нужны просто хорошо подготовленные квалифицированные рабочие. Им не нужно теоретически развитого и с большими познаниями политграмоты, профдвижения, общественных наук и т. д. работника. Я нахожу, что нам необходим такой работник, который все таки был-бы несколько общественно развит, и политически подготовлен. Мы полагаем, что прежде всего нужно дать такого квалифицированного работника, который был бы знаком с основными положениями нашей страны. Нам придется в дальнейшем выработать такую программу, которая не создавала бы перегрузки теоретическими предметами. Этот вопрос здесь на съезде будет разрешен и разрешен, очевидно, в том смысле, что квалифицированный рабочий должен обладать минимумом общественных знаний.

Как союзы помогали и помогают в этом деле вообще?

Прежде всего, мы должны сейчас ясно и твердо сказать, что профсоюзы должны отойти от методического руководства. До сих пор у нас при профсоюзах находились центры методического образования. От этого необходимо отойти. Методическим центром должен быть Наркомпрос в лице Главпрофобра и его организаций на местах. Вся методическая работа должна проводиться органами Наркопроса при помощи профсоюзов.

Очевидно, когда это дело будет налажено, оно целиком и полностью перейдет к Наркомпросу. В настоящий переходный момент, нам еще приходится помогать Наркомпросу в этом деле как силами, так и материальными средствами.

Методы ЦИТ'а.

Затем второй вопрос, относительно увязки теории с практикой. Здесь необходимо поставить вопрос о применении в школе фабзавуча методов ЦИТ'а. Методы ЦИТ'а вызывают очень большие споры среди работников на

сметах. Некоторые работники говорят, что эти методы не дают тех результатов, которых от них ожидали. Однако, большинство практических работников указывают на чрезвычайную ценность их и настаивают на их использовании. Очевидно, методика ЦИТ'а и будет использована по мере возможности.

О материальной базе фабзавуча.

В установлении сети школ фабрично-заводского ученичества мы будем принимать самое живейшее участие, стремясь уничтожить основные недочеты в деле увязки сети с потребностями нашей промышленности.

Главнейшей нашей задачей остается также и наблюдение за материальной базой. До сих пор, материальная база была крайне слаба. Школа ФЗУ и профтехнические курсы имеют недостаточно твердую поддержку со стороны хозорганов. Хозорганы получают задание всячески сокращать накладные расходы, распространяя это и на фабзавучи. Здесь нужно твердо и определенно сказать, что дело подготовки квалифицированной рабочей силы есть одна из основных задач хозорганов, и поэтому хозорганам нельзя подходить к профтехническому образованию с точки зрения накладных расходов. Хозорганы кровно заинтересованы в поднятии квалификации рабочих. Задачей профсоюзов является постоянное напоминание об этом; вместе с тем они должны следить за выполнением хозорганами соответствующих договоров и соглашений. Каким образом можно это сделать. Прежде всего через коллективные договоры. Мы в коллективных договорах всегда вставляем пункты о профтехническом образовании, о полном содержании школ фабзавуча за счет хозорганов.

Вопросы профтехнического образования необходимо ставить в заседаниях руководящих хозяйственных органов, в правлениях, трестов, совнархозах и т. п. Вопрос о материальном содержании школ фабзавуча и профессионально-технического образования—это есть самый основной вопрос в порядке нашего дня.

Затем вопрос об использовании сил инженеров и технических сил, он стоит перед нами в практической плоскости. Мы должны будем мобилизовать через секцию инженеров, технические силы, и соответствующий педагогический персонал. Очевидно, использование этих сил и подбор педагогического персонала чрезвычайно сложный вопрос, и еще долгое время Главпрофобр будет опираться на инженерно-технические силы, которые объединяются нашими профессиональными союзами.

Бригадное ученичество.

Вопросу о бригадном ученичестве, мы придаем большое значение. Но есть ряд указаний с мест, которые говорят, что формы бригадного и индивидуального ученичества неудачны и не дают тех результатов, которых мы ожидали.

Нам этот вопрос необходимо изучить детально, так как школой фабзавуча охвачено не более 60% тех подростков, которые имеются в предприятиях, а нам необходимо охватить всех подростков, которые работают. Таким образом, вопрос о бригадном ученичестве стоит перед нами еще не разрешенным и мы всячески будем способствовать его правильному разрешению. Вопрос об окончивших школы также очень сложен. Правда, у нас только состоялся первый выпуск и в незначительном количестве. Но и этот выпуск показал нам, что у нас не все благополучно: нам чрезвычайно трудно распределить по местам тех учеников, которые окончили школу. В следую-

щем году, когда выпуск увеличится, распределить учеников будет еще труднее. Это в отношении низшего профтехнического образования, а в отношении среднего и низшего, дело обстоит еще сложнее. Мы знаем, что наши красные спецы, которые кончают высшие технические учебные заведения, частенько не находят места, и остаются безработными, несмотря на то, что у нас недостаток техников. Вопрос о рациональном распределении окончивших школы фабзавуча может быть разрешен только при активной поддержке профессиональных союзов.

Бесплатное ученичество.

Сейчас вопрос о бесплатном ученичестве разрешен в том смысле, что мы боремся и будем бороться против допущения бесплатного ученичества. Но этот вопрос будет все время выплывать под тем или другим соусом. Мы, добиваемся, что если даже будет снята с хозорганов забота об оплате учеников, то оплата их из других источников была бы не меньше того заработка, который они сейчас имеют. Этот заработок и сейчас у них недостаточный, минимальный и нужно стремиться не к его уменьшению, а к его увеличению.

О культработе.

Вопрос о культработе среди учеников сейчас, конечно, нам не нужно понимать таким образом, чтобы тащить ученика в клуб, кружок и т. д.

Иначе это будет картина, когда до трех часов ночи наши подростки толкаются в кружках, в клубах, устают, подрывают свой организм и т. д. Но вообще культработа учеников должна проводиться через клубы и кружки для поднятия квалификации, через кружки по изучению производства и т. п.

Поднятие квалификации работниц.

Чрезвычайно сложный вопрос о поднятии квалификации женщины-работницы. Под всякие сокращения в настоящее время, как вы знаете, попадает прежде всего работница, потому что она не квалифицирована, идет по низшим разрядам. Вопрос о поднятии квалификации женщины является чрезвычайно важным, между тем он трудно разрешим, потому что ряд работ не подходит для женщин, да и помимо того у нас школу фабзавуча рассматривают, как школу, в которой обучаются только мальчики.

Мы ставим себе практическую задачу постепенно повышать процент женщин в наших профтехнических заведываниях и в наших школах фабзавуча. Мы не можем сказать, чтобы процент женщин был определенным, скажем 15—20%, этого нельзя установить. Необходимо просто себе поставить задачу постепенно повышать здесь процент женщин.

О работе среди нацмен.

Работа среди национальностей пока стоит пред нами в плоскости поднятия каалификации этих национальностей и вовлечения их в производство. Это сейчас как политический, так и экономический вопрос. Правда, на местах его чрезвычайно трудно разрешить, в особенности среди тех национальностей, где промышленность слабо развита, но у нас есть ряд мест, где уже сейчас приступили к его разрешению.

О пролетарской общественности.

Все указанные вопросы не будут благополучно разрешены, если мы не мобилизуем вокруг вопроса профтехнического образования нашу пролетарскую общественность. А как мы ее можем мобилизовать? Возьмем вопрос о поднятии производительности труда. Сейчас он служит темой обсуждения на так называемых, производственных совещаниях. Вот, по моему, путь, через который мы можем мобилизовать нашу пролетарскую общественность и получить поддержку во всех начинаниях по профтехническому образованию. На этих производственных совещаниях необходимо будет ставить доклады о профтехническом образовании, о состоянии школ фабзавуча, о вопросах школы, которые требуется разрешить и т. д. в этом деле. Небольшой, правда, опыт уже показал, что при надлежащем умении поставить вопрос на производственных совещаниях, действительно можно получить могущественную поддержку.

Необходимо ставить доклады не только на производственных совещаниях, но и в низовых профес. органах, на фабзавкомах.

Профтехническая пропаганда.

Пропаганда идеи проф. технического образования, должна проходить через клуб. Клуб мы еще использовали очень мало. Мы сейчас знаем только одну форму использования клуба,—эта выставка изделий школ фабзавуча, но этого не достаточно. Правда, это хорошее средство и его придется в дальнейшем развивать. Но не только выставки, необходимо помимо них ставить специальные доклады на общих собраниях, читать лекции и вести собеседования на тему профтехнического образования, здесь мы должны использовать наших инженеров.

На докладах нам нечего пробавляться старыми сказками о том, что заграницей этому делу уделяют мало внимания, ничего подобного, заграницей делу профтехнического образования придают большое значение и отпускают большие средства.

Нам нужно догонять Европу и Америку, мы должны развить свою промышленность больше, чем в капиталистических странах.

Чтобы перегнать Америку или Англию придется работать многие годы. Может быть десятки лет. Значит для этого нужно соответствующе готовиться и подготовлять квалифицированную рабочую силу.

Вот какие доклады надо читать перед рабочей аудиторией, разъясняя перед ней задачи, которые стоят перед рабочим классом нашей страны. Для указанной цели могут служить и экскурсии на другие предприятия.

Для пропаганды профтехнического образования должны быть использованы и стенгазеты. Сейчас стенгазета используется в очень малой степени, между тем это могучее средство для того, чтобы популяризовать наши задачи.

Другой вопрос о так называемом внешкольном профтехническом образовании. Здесь, товарищи, мы должны всячески помочь самодеятельным кружкам по поднятию квалификации, советом, педагогическим руководством, оборудованием, мастерской и т. п. Кроме того у нас есть вечерние специальные курсы по электро-технике, черчению и т. д. Этим курсам органы Главпрофобра должны также помочь. В этом отношении Главпрофобр делает пока очень немного, почти что ничего. Курсам помогают хозорганы и союзы.

Основная задача профсоюзов.

Таким образом у нас вполне отчетливо намечается основная наша задача—помочь Главпрофобру, как со стороны методической, так и со стороны материальной, через хозорганы и, главное, помочь ему в организации общественного мнения вокруг вопросов профессионально-технического образования.

Ма считаем, что если это общественное мнение будет мобилизовано, что если мы действительно сумеем обратить надлежащее внимание на дело профтехнического рабочего образования, если мы сумеем действительно подвести под него материальную базу, то тогда только Главпрофобр справится с задачей, которая перед ним стоит. Здесь не только профсоюзы, но комсомол, хозорганы должны принять активное участие.

Если Главпрофобр сумеет с этими организациями установить тесный контакт, то школа даст нам действительно квалифицированную рабочую силу и Главпрофобр будет способствовать выполнению одной из главнейших задач, которую нам поставил 5 и 6-й съезды профсоюзов, и о которой говорил Вл. Ильич Ленин: „поднять производительность труда". Это задача при активном участии всех местных работников и всех тех организаций, о которых я говорил, будет выполнена.

Новые формы Вечерних Рабочих Техникумов.

Из доклада на Всесоюзном съезде по Рабочему Образованию.

С. Купидонов.

Изучение вопроса о Вечерних Рабочих Техникумах показывает, что структуру их, а в подавляющем большинстве случаев и характер работы следует признать неудовлетворительными—не отвечающими целям и задачам профессиональнаго образования рабочих

Конструктивные формы этих учебных заведений спроектированы местами без учета способностей рабочей аудитории, ее подготовки, запаса практических навыков и той громадной загрузки, которая получается от совмещения дневного производственного труда с вечерним обучением.

Если обратиться к действующим учебным планам Техникумов, то сразу же бросается в глаза буквально устрашающая многопредметность их—заранее обрекающая все дело на полный неуспех, чему в немалой степени способствует также и то обстоятельство, что с количеством часов учебного времени в плане не стесняются. Это количество выводится не из необходимости рационального и максимально-полезного использования времени студента, а совершенно из других побуждений—стремлений сообщить как можно больше чисто формальных знаний, стремлений добиться ненужной в практике виртуозности в вычислениях и разделки в графических работах и т. п. В результате рабочего загружают 5 и даже 6 часами ежедневных вечерних учебных занятий.

Учебная работа к тому же оказывается оторванной от производства и ведущейся старыми методами, причем мел и доска заменяют собой всю необходимую Техникуму учебно-вспомогательную обстановку лабораторно-производственного характера.

Все указанные дефекты в значительной степени объясняются тем, что целевая установка и структура Вечерних рабочих техникумов в самый момент их возникновения не были достаточно четко выявлены, а план, объем и характер работы их не были увязаны с потребностями промышленности.

Эта неопределенность и невязка существуют и сейчас. Рабочие Техникумы до настоящего времени не имеют ни Положения, подробно и резко очерчивающего их структуру, характер и район работы, ни соответствующих их задачам примерных учебных планов, программ и методики преподавания.

Задачей настоящей статьи является оформление, рассматриваемого вопроса и внесение определенности в этот раздел профобразования квалифицированных рабочих.

Вечерние Рабочие Техникумы должны предназначаться исключительно для наиболее способных, занятых в производственных предприятиях, квалифицированных рабочих с целью подготовки из них, подобно дневным Техникумам, техников—т.-е. руководителей-специалистов высшей квалификации в узкой отрасли народного хозяйства.

Опираясь в своем, основании и всей своей учебной работе на производство и тесно увязываясь с ним Рабочие Техникумы должны представлять собой учебные заведения дающие вполне законченное образование, преимущественно практического характера, достигающее по узкой специальности высшей формы учебно-практической квалификации. Следует всегда твердо помнить, что над Техникумом, в смысле его узкой специализации, никакой высшей ступени учебного заведения не существует и переход окончившего Техникум во ВТУЗ должен рассматриваться не как дальнейшее восхождение по лестнице профобразовиния, а как специальная задача—расширение функций, охват процесса целой отрасли народного хозяйства и его взаимоотношения с другими квалификациями (организаторские функции).

Квалификация и стаж студентов-рабочих, а также непрерывное повышение этой квалификации путем совмещения дневной производственной работе с вечерним обучением придают Рабочим Техникумам особую ценность. И это совершенно естественно, ибо при наличии таковой обстановки работы легче всего достигается та необходимая связь процессов производства с теорией техники, которая одна только в полной мере и обеспечивает выпуск специалистов непосредственно с школьной скамьи пригодных к серьезной практической деятельности, специалистов, которые не нуждаются ни в каком дополнительном стажировании.

Учитывая все эти основные моменты, а также подготовку, практические навыки и способности поступающих рабочих, Вечерние Рабочие Техникумы должны ставить себе единой целью—подготовку техников располагая в соответствии с этим и свой учебный материал по всему учебному плану. Однако расположение указанного материала может быть таково, что в достижении своей цели Техникум сможет попутно выполнить и другие задания. Таковых можно наметить два. Первое—сообщение общеобразовательной с техническим уклоном подготовки тем из квалифицированных рабочих, кои имеют способности получить техническое образование но не обладают достаточными сведениями для серьезного изучения специальных технических предметов. И второе—сообщение ограниченной технической подготовки мастера тем из рабочих, кои по тем или иным мотивам не в состоянии пройти полный курс Техникума.

Однако, необходимо резко подчеркнуть, что такая постановка вопроса отнюдь не предусматривает концентричности учебной структуры Вечерних Рабочих Техникумов. Осуществление этих двух попутных заданий достигается не повторным прохождением одних и тех же отделов курса в различном объеме, а лишь соответствующим расположением учебного материала по триместрам учебного плана.

Намеченные основные линии достаточно четко указывают на то обстоятельство, что Вечерние Рабочие Техникумы отнюдь не могут являться учреждениями массового профобразования. Эти учебные заведения должин предназначаться исключительно лишь для способнейших из квалифицированных рабочих. Структура Рабочих Техникумов мыслится при этом в виде следующих форм.

Продолжительность обучения в них устанавливается в 4 года (12 триместров по $3^1/_2$ месяца каждый) при пятидневной учебной неделе с 20 академическими часами недельных занятий.

Первые три триместра Техникума должны давать студентам вполне законченную теоретическо-практическую подготовку, необходимую для серьезной проработки и усвоения специальных технических предметов. Весь теоретический материал этих триместров должен базироваться исключительно на прикладных технических знаниях, характера соответствующего специальности данного Техникума. Материал связи с техникой не имеющий изучению при этом не подлежит.

Эти же триместры вместе с четырьмя последующими, (I—VII включительно), должны включать в себя знания отвечеющие квалификации мастера.

Полный объем знаний даваемых этими триместрами, конечно, выше того, который отвечает фактической квалификации мастера и это вполне естественно при отсутствии концентричности в структуре Техникума. Однако никакой особой беды в этом нет, ибо выпуск мастеров не является для Рабочего Техникума целью его устремлений, а происходит в виде случайного выпадения студента-рабочего из стен учебного заведения.

Необходимо отметить, что в расположении учебного материала по триместрам Техникум вообще все время должен учитывать особенности своей рабочей аудитории и возможности таких выпадений в любой стадии обучения. Вследствие этого планировка учебного материала на протяжении всего учебного плана должна быть такова, чтобы каждый покидающий техникум до окончания курса, уносил с собой тот или иной багаж вполне конкретных, приложимых на практике, технических знаний.

Восьмой и девятый триместры Техникума должны сообщать студентам дополнительную теоретическую и практическую подготовку одинаково необходимую всем техникам данной специальности, независимо от их окончательной специализации.

Последние же три триместра должны давать эту окончательную специализацию в одной из ограниченных областей данной специальности, а так как таких специализаций в районе каждой специальности может быть несколько, то каждой из них на этих триместрах должен отвечать самостоятельный учебный план.

Специальность Вечерняго Рабочего Техникума и специализации по ней должны устанавливаться в полном соответствии с характером и потребностями обслуживаемого Техникумом промышленного района. В случаях необходимости допустимо, конечно, существование в Техникуме и нескольких отделений различных специальностей с отдельными специализациями на каждом.

Превращение квалифицированного рабочего за 4 года в техника является задачей чрезвычайной сложности. Причины этого кроются и в низком общеобразовательном уровне рабочих, и в их суммарной суточной загрузке работой и обучением. Вследствие этого подход к работе Вечерних Рабочих Техникумов должен быть особенно серьезным, а условия их комплектования и конструкции учебных планов, программ и методики преподавания должны быть совершенно своеобразными и резко отличными от форм и методов дневных Техникумов.

К поступлению в Рабочие Техникумы могут допускаться, по соответствующим командировкам профорганизаций лишь такие занятые в производ-

ственных предприятиях квалифицированные рабочие и работницы, которые имеют способности к изучению техники и дальнейшему в ней усовершенствованию, по своей специальности вполне отвечают специальности Техникума, обладают не менее чем трехлетним производственным стажем и квалификацией не ниже 6 категории, имеют подготовку в объеме программ нормальных профкурсов предварительной квалификации и обладают вполне удовлетворительным состоянием здоровья.

При этом совершенно категорически следует установить, что поступающие в Техникум рабочие должны подвергаться при приеме тщательной поверке в отношении удовлетворенния их всем приемным требованиям. Степень способностей их к усовершенствованию в вопросах техники должна поверяться не только путем общей оценки, получаемой из приемных испытаний, но еще и на основании отзывов технической администрации и фабзавкома предприятия обязательно прилагаемых к союзной командировке.

В части увязки техникума с профшколами, школами фзу и профкурсами необходимо отметить следующие моменты.

Квалифицированные рабочие, окончившие курсы повышения квалификации, школу фзу или профшколу, при наличии у них не менее чем четырехлетняго производственного стажа и удовлетворения приемным требованиям, в части способностей соответствия специальности и состояния здоровья, могут допускаться к приему на IV триместр Техникума при условии сдачи ими поперочных испытаний в объеме программ первых трех триместов.

Мастера, окончившие профкурсы III типа, при наличии у них не менее чем пятилетнего производственного стажа и удовлетворения тем же пунктам приемных требований, кои указаны выше могут, допускаться к приему на VI триместр Техникума при условии сдачи поверочных испытаний в об'еме программ первых пяти триместров.

На прочие триместры техникума прием со стороны допускаться не должен, а может разрешаться лишь перевод из соответствующих по специальности других Рабочих Техникумов.

Как следствие современного особо низкого уровня подготовки рабочих при Вечерних Рабочих Техникумах, ввиде временных учреждений, можно разрешать открытие подготовительных курсов. С повышением этого уровня они естественно должны прекратить свое существование. Однако и в настоящий момент такие курсы можно разрешать лишь в тех местах, где нет нормальных профкурсов I или II типа.

Учебная работа курсов должна ориентироваться не только на Техникум, при котором они состоят, но и на возможность ухода части рабочих по окончании их обратно на производство. Вследствие этого такие курсы должны строиться по планам и программам нормальных профкурсов предварительной квалификации.

Для открытия подготовительных курсов каждый раз должно испрашиваться особое разрешение Главпрофобра. Приемные требования их должны быть те же что и Техникума с изменением, конечно, требований в части подготовки. Взамен последних следует ввести требование основ грамотности и отчетливого знакомства с первыми четырьмя действиями над целыми числами.

Все дисциплины учебного курса Вечерних Рабочих Техникумов должны составляться по принципу частного комплексирования— путем объединения родственных предметов. Независимо от отделений Техникума они могут быть разделены на две основных группы. К первой следует отнести дисциплины общеобязательные, которые проходятся на I—IX триместрах включительно и в полном объеме своем имеют задачей дополнительную общеобразовательную и основную научно-техническую подготовку для студентов всех специальностей данного отделения, частично же, в объеме семи триместров, дают познания, соответствующие квалификации мастера. Число таких частных комп-

лексов в учебных планах. Техникумов отнюдь не должно превышать 10—13.

Вторую группу должны составлять дисциплины специализацией—не более 4—5 на каждую. Эти дисциплины имеют своей задачей окончательное техническое развитие лиц, заканчивающих полный учебный курс и выполняющих научнотехническую самостоятельную работу в ограниченной ими избранной области техникки.

Независимо от такого подразделения на две группы, все частные комплексы учебного курса Техаикума могут быть сгруппированы в три цикла: общеобразовательный, общетехнический и специальный.

Оставляя в стороне вопросы детального конструирования учебных планов Вечерних Рабочих Техникумов, как не помещающиеся в пределах журнальной статьи, следует все же отметить те основные средние данные, которые освещают эти планы.

Нормальное распределение времени в учебных планах техникумов между циклами частных комплексов и видами занятий по ним может быть охарактеризовано некоторыми ориентировочными цифровыми данными, полученными опытным путем.

Общеобразовательный цикл частных комплексов должен занимать в плане около 10% всего учебного времени, общетехнический—около 40% специальный—около 50%. При этом упражнением—расчетам и проектированию следует отводить до 55% всего учебного времени, лекциям—беседам—около 30% и лабораторным работам—не свыше 15%.

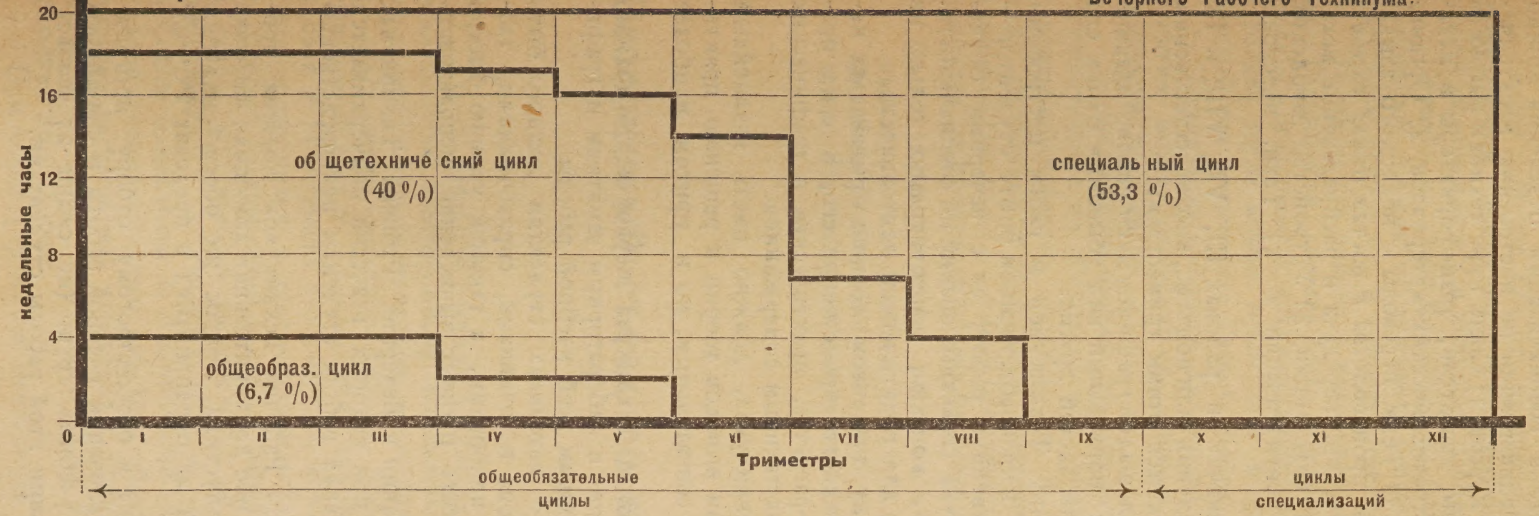
Характер рекомендуемаго расположения всего материала и распределения способов его проработки по триместрам легче всего уясняется из следующей графической характеристики примерного учебного плана электротехнического отделения Техникума:

В состав трех основных общеобязательных циклов расматриваемого отделения входят следующие частные комплексы:

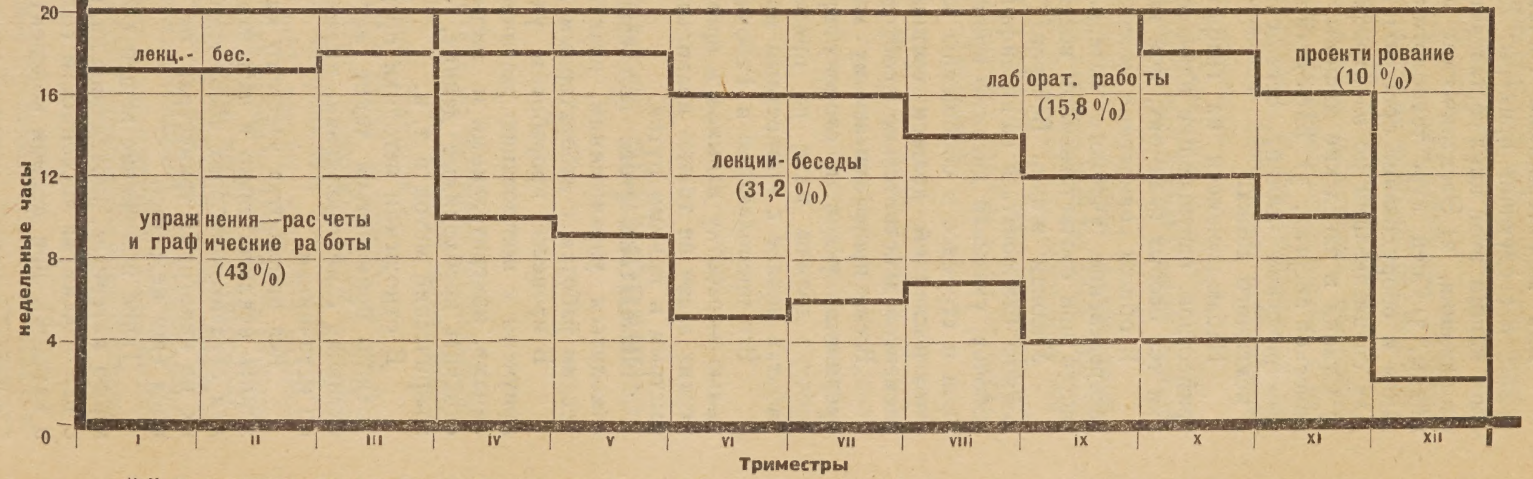
Общеобразовательный цикл.	Общетехнический цикл.	Специальный цикл.
1. Родной язык.	1. Техн. математика.	
2. Обществоведение.	2. Техн. механика.	
	3. Машиноведение,	
	4. Технол. стр. мат.	
	5. Электротехника. (вводный курс)	1. Электротехника. (Теория пост. и пер. токов, энциклоп. электротехники).
		2. Электрические измерения
	6. Основы строит. иск.	3. Спец. курс. } эти курсы различны для каждой специализ. и прорабат. на X, XI и XII тримест.
	7. Графика.	4. Тоже.
		5. Тоже.
		6. Организ. произв. и работ и техн. отчетн.
		7. Профгигиена и техника безопасн.
		8. Техн. перев. с немецк. языка.

Учебный план электротехнического отделения Вечернего Рабочего Техникума.

А. Распределение учебного времени по циклам частных комплексов.



Б. Распределение учебного времени по видам занятий *).



*) Характеристика составлена для специализации по производству электрических машин.

Для характеристики состава циклов специализаций отделения можно привести следующие примеры. Для специализации по построению электрических машин этот цикл составляется из курсов: 1) Спец. курс техники высокого напряжения, 2) Электрические машины, двигатели, трансформаторы и механизмы, 3) Спец. курс технологии электротехнических материалов, 4) Организация и оборудование производства и 5) Техн. переводы с немецкого языка. Для специализации по электрофикации производства в состав цикла входят: 1) Станки и заводские машины, 2) Электр. передача и распределение механической энергии, 3) Блок-станции и подстанции, 4) Устройство заводских электрических линий, освещения и сигнализации и 5) Техн. переводы с немецкого языка.

Наблюдающиеся на графиках скачки в районах III, VII, VIII, и IX триместров, нарушающие плавность падения или подъема, вполне естественны при тех особых заданиях, кои выполняются этими триместрами.

В общем совместные изменения площадей графиков дают вполне плавное распределение учебного материала и нормальный вид убывания одних его частей при соответственном возрастании частей других.

Учебная жизнь Вечерних Рабочих Техникумов в своем построении должна базироваться на квалификации и производственном опыте студентов—рабочих, увязывая дневную производственную работу их с вечерним обучением и стремясь к сообщению максимума серьезных знаний по специальности. Этот последний должен составляться, конечно, исключительно только из элементов действительно необходимых для практической деятельности.

Всему прорабатываемому материалу при этом должен придаваться непрерывный уклон в сторону практического приложения его, а сама проработка должна идти на примерах—расчетах, практических и графических работах вполне с конкретным производственным содержанием.

Все преподавание в Рабочих Техникумах, должно иметь главнейшей целью выработку навыков в применении выводов теории к решению практических задач не только правильным и сознательным, но и притом наиболее быстрым и прямым путем.

Вследствие этого во всех занятиях Техникума первое место должно отводиться упражнениям, практическим и лабораторным занятиям и графическим работам с лабораторным характером всей учебной работы.

В процессе проработки учебного материала студентам должны быть приучены к пользованию различного рода источниками, справочниками, таблицами, измерительными и счетными приборами, а также к умению быстро отыскать необходимые данные, сократить процесс вычислений, использовать графический метод и т. п.

В отношении методики преподавания в Вечерних Рабочих Техникумах должны применяться такие методы, при которых всячески подчеркивается активная самостоятельная, индивидуальная работа студенты непосредственно по источникам.

Вся проработка учебного материала Рабочих Техникумов должна проходить исключительно в часы занятий, ибо дополнительная домашняя нагрузка для студентов-рабочих абсолютно недопустима, вопрос же обосвобождении их на некоторых триместрах от работ на предприятиях в пределах РСФСР пока еще не решен.

Такое положение вещей обязывает к особо-строгому отбору программного материала, проведению индивидуализации учебной работы и связанного с ней максимума численности состава учебных групп (не свыше 25 человек в каждой), при полном конспектировании этой работы студентами.

*) В УССР. студенты Рабочих Техникумов освобождаются от работ на предприятиях на III, VII, X, XI и XII триместрах и расматриваются в течение их как находящиеся в в учебном отпуску.

Особенности целей, конструкции и характера работы Вечерних Рабочих Техникумов требуют для их организации значительных средств, серьезного оборудования, высококвалифицированного педагогического персонала и особой осторожности в вопросах планировки их сети.

Строясь на учете фактических потребностей промышленности Рабочие Техникумы должны обслуживать целые промышленные районы, располагаясь в крупном центре их, в непосредственной близости к предприятиям.

Потребность района в высококвалифицированных работниках, выпускаемых Техникумом, должна быть предварительно детально обследована, освещена и согласована с соответствующими хозорганами и профорганизациями и только тогда можно приступить к формированию Техникума, испрашивая каждый раз разрешение Главпрофобра на его открытые.

Организация Рабочего Техникума для обслуживания отдельного предприятия может допускаться лишь в исключительных случаях—при особой мощности последнего.

Таковы общие формы строительства Вечерних Рабочих Техникумов. Осуществление их обеспечивает правильность постановки работы этих ценных учреждений рабочего образования, в которых органическое сочетание техники, экономики и общественно-политических знаний на базе конкретного производства несет за собой правильную организацию производства и труда, поднятие их производительности и техническую культуру.

Примечание редакции. Выдвинутые автором новые формы структуры и методики учебной работы Вечерних Рабочих Техникумов приняты Главпрофобром и I Всесоюзным съездом по рабочему образованию. На основе их действующая сеть Техникумов будет реорганизована.

Всесоюзный съезд по рабочему образованию.

С. Купидонов.

15—21 декабря состоялся Всесоюзный съезд по рабочему образованию, посвященный всестороннему освещению вопросов строительства школ фабзавуча, профшкол, профкурсов и вечерних рабочих техникумов.

От имени организационного бюро открыл съезд и приветствовал его Замнаркомпроса т. Ходоровский, который кратко обрисовал цели и задачи съезда и подчеркнул роль партии, комсомола, профсоюзов, хозорганов, педагогов и учащихся в деле строительства рабочей школы. Отметив наличие некоторых расхождений в схемах рабочего образования отдельных республик и указав, что таковые расхождения не должны иметь места, ибо требования предъявляемые к квалификации и профнавыкам рабочей силы повсюду в Союзе одинаковы, т. Ходоровский высказал пожелание об установлении единой всесоюзной схемы рабочего образования. В заключение т. Ходоровский выразил уверенность, что съезд с полным успехом справится с возложенными на него задачами, направленными к укреплению социалистического строительства всего Союза.

При конструировании президиума в состав почетных членов его съездом были избраны тт.: Сталин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Рыков, Дзержинский, Крупская, Луначарский и Чаплин.

Встреченный аплодисментами съезда А. В. Луначарский сделал доклад о международном и внутреннем положении Союза, связав его с ролью и значением народного просвещения вообще, и с делом развития рабочего образования в частности. Рядом ярких примеров т. Луначарский выявил значение нашей индустрии в вопросах смычки города с деревней, укрепления мощи Красной армии, поднятия производительных сил страны и пр., подчеркнув при этом важность повышения квалификации рабочих подростков, рабочего юношества и взрослых рабочих.

Считая, что задачи рабочего образования, как чрезвычайно существенные, должны быть в центре работы Наркомпроса и внимания всей общественности, т. Луначарский сообщил, что все постановления съезда будут приняты Наркомпросом с должным вниманием.

В заключение т. Луначарский отметил почетную и вместе с тем тяжелую роль педагога в деле рабочего образования.

После заслушания ряда приветствий от Союзных республик, партийных и профессиональных организаций, а также отдельных областей, съезд перешел к деловой работе.

Первым были заслушаны доклады т. Гастева о постановке научной организации труда в рабочей школе и об установочном методе ЦИТ'а, а также доклад т. Мандрыки (УССР)—НОТ в педагогике.

После детального обсуждения затрагивавшихся докладчиками вопросов и оживленных прений по ним съезд вынес ряд постановлений по вопросам НОТ'а и методики ЦИТ'а.

Применение НОТ'а к делу рабочего профобразования должно итти, по мнению съезда, в направлении воспитания у учащихся навыков точно рассчитанной и рационально организованной работы и должно осуществляться в следующих конкретных формах: 1) рационализация методики производственного обучения, 2) упорядочение всей организации школьной жизни и 3) введение НОТ'овского материала в учебные программы соответствующих дисциплин. При этом должна максимально выявляться активность и инициатива самих учащихся. НОТ в педагогике должен основываться на научном изучении и рационализации всех условий и элементов педагогического процесса. К этой области должны быть отнесены вопросы исследования: 1) общей и специальной одаренности учащихся, 2) профподбора педагогов, 3) точной характеристики методов педагогической работы, 4) точного учета успешности, усвоения и количества учебного материала и т. д. Вступление современной педагогики на путь НОТ'а выражается, в частности по мнению съезда, введением в школу реального труда и организационно-расчетного принципа, т.-е. так-называемых „инициативы" и „самостоятельности" учащихся.

Наилучшим полем для внедрения НОТ'а съезд счи тает школу ФЗУ, где НОТ выливается прежде всего в форму специальной методики трудового обучения, строго рассчитанной как в биологическом, так и в организационном смысле, в каковом направлении особое значение имеет установочный метод ЦИТ'а.

Внедрение НОТ'а далее должно итти, по мнению съезда, с одной стороны в направлении воспитания навыков точного учета работы—производственной аналитики и других организационно-производственных установок, и с другой—в направлении выявления практического рационализирования учащихся в области улучшения различных организационных, инструментальных, биологических и других элементов работы, дающих повышение производительности труда.

Общим же моментом, ускоряющим внедрение принципов НОТ'а в систему народного образования должно являться включение в школу, во всем ее разрезе, от начальной школы до ВУЗ'а, практического овладевания основными трудовыми процессами.

Разработка конкретных мероприятий и организация массовых экспериментов в направлении использования принципов НОТ'а в деле профобразования поручены съездом методическим органам Главпрофобра и соответствующим организациям и учреждениям, которые путем совместной работы и должны провести эти задания.

По докладу о методике ЦИТ'а съезд констатировал, что ЦИТ, в результате исследования основных производственных операций в области металлообработки, разработал методику трудовых установок, рационализирующих труд и обучение труду, и дающих подготавливаемому школой работнику навыки в точной и рациональной работе.

Учитывая опыт ленинградских школ профобра, школ транспорта и некоторых других, где применение методики ЦИТ'а оказалось вполне успешным, съезд признал необходимым, чтобы местные органы профобра поставили в достаточном количестве школ планомерные опыты по внедрению методики ЦИТ'а, причем весь соответствующий опыт должен учитываться Главпрофобром и ЦИТ'ом.

Одновременно съезд отметил, что для успешной постановки применения методики ЦИТ'а необходимо обладать достаточным кадром инструкторов, прошедших курсы ЦИТ'а, без чего эта методика проводиться не может, а также указал на необходимость методического объединения на местах работы указанных инструкторов.

В заключение съездом была подчеркнута необходимость проработки методов ЦИТ'а за пределы металлообработки в области других производств, причем заинтересованные хозорганы, профорганизации и органы профобра должны оказать ЦИТ'у в этой работе свое полное содействие.

Доклады Главпрофобров НКП РСФСР (т. Аникст), УССР (т. Березов) и БССР (т. Абрамович) о состоянии и перспективах рабочего образования вызвали также ряд оживленных прений, в результате каковых съездом вынесена общая по СССР резолюция, подробно фиксирующая современное состояние рабочего образования и его перспективы.

В деле строительства рабочего образования за последний его период съездом констатированы большие организационные достижения, каковые дают возможность перейти к углублению внутреннего содержания работы в школе.

Одновременно съездом отмечено, что работа центральных органов профобра в области рабочего образования все еще, однако, не занимает в общей работе Наркомпросов и их местных органов должного места, соответствующего громадной роли рабочего образования в деле советского строительства.

Съездом указано, что в дальнейшем рабочее образование должно занять одно из главных мест в практической деятельности органов Наркомпросов.

Кроме того съездом признано также необходимым фактическое сосредоточение всего руководства делом рабочего образования в руках органов Наркомпросов с укреплением и упорядочением структуры госорганов руководящих рабочим образованием как в центрах отдельных республик, так и на местах, где руководство особенно слабо. Теснейшая увязка работы госорганов рабочего образования с хозорганами, профсоюзами и комсомолом признана съездом настоятельно необходимой.

Одновременно съездом указано на необходимость установления полной увязки в строительстве школьной сети с потребностями промышленности в квалифицированной рабочей силе. Каждое учебное учреждение рабочего образования должно подготавливать рабочих только тех специальностей, которые нужны данному предприятию или хозяйственному объединению.

Под этим углом зрения вся сеть рабочего образования должна быть, по мнению съезда, пересмотрена и соответственно перепланирована и реорганизована, причем должно быть обращено особое внимание на подготовку квалифицированных рабочих для горячих и вредных цехов.

Одна из очередных задач—поднятие хозяйственной ценности школы, должна быть разрешена путем увеличения увязки программы производственного обучения с производственными заданиями предприятий.

Неотложной практической задачей признано также повышение общеобразовательной подготовки подростков, поступающих в школу ФЗУ, причем съездом подчеркнута необходимость строительства школ семилеток, как базы для ФЗУ.

В качестве важнейших моментов работы настоящего времени съездом выдвинута задача максимального усиления методической работы со стороны руководящих органов профобра, и со стороны самой школы, а также подтверждена необходимость органической связи теории с практикой и полная своевременность постепенного перехода школ к более совершенным методам производственного и теоретического обучения и полной увязки последнего с общественно-политическим воспитанием рабочей молодежи. В части профобразования взрослых рабочих и рабочего юношества съезд указал на необходимость уделения большего внимания этой работе, а также на существующие потребности в смысле расширения и укрепления сети профкурсов.

Не менее серьезное внимание съезд рекомендовал уделить также и вопросам рациональной постановки бригадного и индивидуального ученичества предназначенного для подростков занятых в производстве, но не охваченных школой ФЗУ. В отношении профшкол, имеющих особо исключительное значение в национальных республиках, съезд указал на необходимость увязки их сети с потребностями народного хозяйства, главным образом по линии мелкой и кустарной промышленности, а также на необходимость усиления внимания к этой школе как со стороны руководства, так и со стороны материального обеспечения. В качестве одного из очередных вопросов ближайшего строительства рабочего образования съездом выдвинуты вопросы о подготовке квалифицированной рабочей силы для крупного советского сельского хозяйства, наилучшей формой для которого признана школа сельхозуча. К развертыванию сети таких школ, по мнению съезда, следует приступить немедленно.

По вопросу о подготовке производственного комсостава в вечерних рабочих техникумах съезд рекомендовал Наркомпросам Союзных республик обратить самое серьезное внимание как на улучшение положения этих техникумов в смысле усиления их материальной и организационной базы, так на необходимость проведения ряда мер, облегчающих условия вечерних занятий студентов-рабочих.

Придавая вопросам переподготовки педперсонала и подготовки новых кадров его серьезнейшее значение, съезд указал на необходимость усиления внимания и поддержки работам института им. Карла Либкнехта, Академии Коммунистического воспитания, ЦИТ'а и др. учебных учреждений как со стороны органов профобра, так и общественных организаций.

В части создания нового учебника для рабочей школы, являющегося одним из условий успешности ее работы, съездом также отмечена необходимость усиления этой работы со стороны Наркомпроса и Госиздата.

Учитывая крайне низкий процент девушек и женщин, вовлеченных в рабоче образование, съезд указал на необходимость обеспечения им наибольших возможностей в этом отношении.

Считая крайне важным строительство рабочего образования в национальных окраинах, национальных республиках и областях, съезд высказался за срочность практической и решительной постановки вопроса об обслуживании школой национальной молодежи с укомплектование школ местной молодежью и национальными педагогами, об обучении на родном языке, издании книг и пособий на национальном языке и т. п.

В вопросе о материальной базе рабочей школы съезд указал на необ-

ходимость установления определенного порядка планомерного снабжения и финансирования школ и курсов рабочего образования путем включения их сметы в бюджет предприятия или хозяйственного объединения. Руководящие органы, по мнению съезда, должны дать при этом местным хозорганам четкие директивы и постоянно следить за их выполнением.

Заслушав информационные доклады т. Долгова (ВСНХ)—о состоянии и перспективах народного хозяйства и т. Базарова (Госплан)—о потребности в квалифицированной рабочей силе, съезд констатировал значительные достижения в хозяйственном строительстве СССР и подчеркнул, что дело подготовки квалифицированной рабочей силы является одним из основных в вопросах дальнейшего развития промышленности.

Правильное и систематическое обслуживание потребностей промышленности квалифицированной рабочей силой возможно, по мнению съезда, лишь при наличии детально разработанных заданий со стороны промышленности, основанных на перспективном плане развития народного хозяйства.

Разработка заявки на квалифицированную рабочую силу признана съездом неотложной задачей, которая должна быть в ближайшее же время разрешена органами ВСНХ и Госплана при совместном участии профорганизаций.

По заслушании докадов т. Купидонова (РСФСР) и т. Мандрыки (УССР) о профобразовании рабочего юношества и взрослых рабочих съезд признал, что действительное осуществление повышения производительности труда возможно лишь при достаточном развитии дела профобразования взрослых рабочих и рабочего юношества, на что должно быть обращено особое внимание хозяйственных, профиссиональных и партийных органов.

Считая, что особых расхождений в схемах профкурсов РСФСР и УССР не имеется, съезд указал, что полное согласование этих схем должно быть произведено Наркомпросами Союзных республик. Однако, наиболее приемлемой, по мнению съезда, является схема, предусматривающая три основных момента работы, а именно: 1) сообщение основных профнавыков, 2) повышение квалификации и 3) подготовку производственного комсостава.

Основные линии в отношении методических вопросов учебной работы профкурсов представленные докладчиками (изложены для РСФСР в № 9—10 нашего журнала за 1924 г.) признаны съездом вполне правильными и лишь требующими некоторой детализации.

Активное проведение комплексирования родственных дисциплин поставлено съездом перед профкурсами как одна из главнейших задач ближайшей работы.

Продолжительность обучения на профкурсах, в зависимости от их специальности и типа, установлена в пределах до 2-х лет.

Констатируя случаи невыполнения хозорганами приказов ВСНХ о принятии на их содержание профкурсов, съезд постановил просить ВЦСПС и ВСНХ дать дополнительное категорическое подтверждение этих приказов предприятиям и установить на местах через свои органы наблюдение за их выполнением.

Вопросы общественно-политического воспитания в школе фабзавуча были освещены съезду в докладе Н. К. Крупской, встреченной долго несмолкавшими аплодисментами всего пленума (доклад см. на стр. №).

Огромная роль РЛКСМ в общественно-политическом воспитании рабочей молодежи и пути этого воспитания были очерчены съезду докладом т. Тарасова (ЦК РЛКСМ).

По вопросу об установлении системы рабочего образования (доклады тт. Ряппо—УССР и Шохина—РСФСР) съезд выдвинул в качестве основных принципов ее построения следующие положения: 1) установка каждого типа учеб-

ного учреждения должна производиться на подготовку вполне законченных работников для народного хозяйства, 2) вся работа должна строиться на основе производительности труда и общественно-практической работы учащихся и 3) вся работа должна проводиться при активном участии самих учащихся.

В систему рабочего образования, по мнению съезда, должны быть включены все те учебные организации, которые обслуживают лиц, занятых производственным трудом и повышающих квалификацию в трудовом процессе производства.

В качестве первых и нормальных форм рабочего образования съездом признаны: школа фабзавуча в промышленности, школа сельхозуча в крупном сельском хозяйстве и школа конторгуча в сфере обслуживающего труда, причем эти школы могут быть трех видов: 1) при фабрике, хозяйстве, учреждении, 2) школа—фабрика, школа—ферма, школа—хозяйство и 3) районная школа фабзавуча, сельхозуча, конторгуча. Под все эти виды школ должна быть подведена основная общеобразовательная 7-летняя база.

Установка профшколы, по мнению съезда, должна быть направлена в сторону подготовки квалифицированных рабочих для мелкой и кустарной промышленности, а также работников индустриального земледелия.

Помимо указанных школ в систему рабочего образования должны входить профкурсы для взрослых рабочих и рабочего юношества, а также вечерние рабочие техникумы.

По докладам т. Купидонова (РСФСР) и Мандрыки (УССР) о вечерних рабочих техникумах съезд признал их учреждениями особой практической ценности, требующими к себе исключительного внимания и подлежащими включению в систему рабочего образования.

Принятые съездом основные линии структуры и методики учебной работы техникумов изложены в отдельной статье настоящего № журнала.

Достигнув в части структуры техникумов полной договоренности между РСФСР и УССР, съезд не нашел общей линии в вопросе о квалификации лиц их оканчивающих. Оканчивающие техникумы РСФСР получают, по мнению съезда, квалификацию техников, Украина же рассматривает свои Техникумы как ВТУЗ'ы и дает оканчивающим их квалификацию инженера узкой специальности.

Значительное внимание было уделено съездом вопросам материальной базы рабочего образования (доклад т. Каменского—ВСНХ).

Отметив значительную пестроту и неустойчивость в действующей системе финансирования и снабжения учебных учреждений на основе приказа ВСНХ за № 107, съезд высказался за необходимость твердого установления совершенно точной школьной сети, основанной на учете потребностей промышленности в квалифицированной рабочей силе, причем принципы определения этой потребности должны быть установлены ВСНХ совместно с Главпрофобром и ВЦСПС. Наряду с этим, по мнению съезда, должны быть установлены правильные формы содержания и снабжения сети.

В качестве же временной меры, впредь до установления школьной сети и указанных норм, съездом рекомендовано разработать инструкцию к приказу за № 107 с временными нормами.

Особенно важное значение придал съезд вопросам обеспечения школьных мастерских оборудованием, инструментами и, материалами. В резолюции по этому пункту съезд категорически подчеркнул, что снабжение таких мастерских всем необходимым должно производиться на одинаковых основаниях с производственными заводскими цехами.

Весь этот вид материального снабжения школы должен строго учитываться и расцениваться, не входя, однако как и зарплата подростков и их продукция в школьную смету.

В собственно бюджет школ и курсов, по мнению съезда, следует вводить

расходы на содержание учебного и инструкторского персонала, снабжение учебными пособиями, оборудование и содержание учебных кабинетов и лабораторий, содержание школьных помещений, библиотек и пр.

В этих пределах бюджет должен быть твердый и в таком же виде должен подлежать выполнению.

Все финансирование должно производиться на основе предварительной сметы составленной школой с отзывом на ней заводоуправления. Эта смета, по согласовании ее с профобром и профсоюзом, должна быть утверждена соответствующим хозяйственным объединением. Исполнительная смета должна составляться к концу учебного года и служить основанием к составлению предварительной сметы на будущий учебный год.

Принимая во внимания, что некоторые отдельные предприятия и даже объединения в настоящее время не несут никаких расходов по рабочему образованию, пользуясь квалифицированной рабочей силой извне, съезд высказался за необходимость привлечения их через ВСНХ к указанным расходам, путем регулярного выделения ими определенных сумм на профобразование рабочих. Эти суммы по совместному усмотрению ВСНХ, Главпрофобра и ВЦСПС должны обращаться на поддержку учебных учреждений тех предприятий, которые в этом нуждаются.

В резолюции по докладу тов. Сенюшкина (ВЦСПС)—Рабочее профтехническое образование и профсоюзы, (доклад см. на стр. №), съезд признал огромное значение чение работы профсоюзов в деле строительства рабочей школы и указал, что одним из основных условий дальнейшего укрепления и развития школы является активное участие всех профорганизаций в ее работе, начиная от завкомов и кончая высшими органами.

Одобрив основную линию работы профсоюзов в области рабочего образования, съезд указал, что руководящим и методическим центром этого образования должен быть Наркомпрос. При этом профсоюзы не должны создавать своих методических центров, а должны принимать активное участие в работах методических ячеек и органов Главпрофобра и самих учреждений рабочего образования на местах.

По мнению съезда профсоюзы должны активно принимать участие: 1) в установлении сети учебных заведений, 2) в наблюдении за правильностью хозяйственного и финансового снабжения их, 3) в подборе руководящего состава рабочего образования, 4) в надзоре за надлежащим и рациональным использованием контингента окончившего курс, 5) в организации на предприятиях бригадного и индивидуального ученичества и 6) в привлечении к делу профобразования инженерно-технических сил.

В области методического руководства по рабочему образованию профсоюзы, по мнению съезда, должны перейти от непосредственной и самостоятельной разработки планов и программ к участию в этой области в работе профобров, причем вся методическая работа в дальнейшем должна проводиться на средства органов Наркомпроса.

Одновременно съездом указано на необходимость: 1) постановки через профсоюзы вопросов рабочего образования в заседаниях руководящих хозорганов, 2) вовлечения через профсоюзы в профобразование женщин—работниц и 3) организации через профсоюзы пролетарского общественного мнения широких рабочих масс вокруг вопросов рабочего образования.

Вопросы физического воспитания и профгигиены в рабочей школе были детально освещены съезду Наркомздравом тов. Семашко, встреченным овациями делегатов.

В резолюции по докладу тов. Семашко съезд обращает внимание на необходимость усиления мер по охране здоровья рабочих подростков и считает особенно важным проведение следующих основных предупредительных мер по охране труда и быта подростков в школе: 1) прикрепление

к школе врачей, по возможности педагогов, с целью оздоровления среды и быта подростков и проведения путем их самодеятельности санитарной грамотности, 2) проведение предметов гигиены и физкультуры через учебный план школы и 3) урегулирование общей нагрузки подростков таким образом, чтобы число их рабочих часов соответствовало их психо-физическим особенностям.

В целях улучшения социально-бытовых условий жизни рабочих подростков съезду признано необходимым организовывать совместно с хозорганами дешевые столовые для горячих завтраков или обедов, устрыивать общежития с внедрением в них коммунистического быта и т. п.

Вопросам детализации основных докладов сделанных пленуму съезда, а также вопросам методики учебной работы школ, курсов и техникумов был посвящен ряд заседаний соответствующих секций и выделенных съездом специальных комиссий.

Секций работало две—курсовая (вместе с техникумами) и школьная.

Вопросы работы первой достаточно уже освещены, как материалом настоящей статьи, так и материалами двух специальных статей, помещенных на страницах этого журнала. Из вопросов же детально рассматривавшихся и обсуждавшихся школьной секцией следует отметить, два: 1) доклады Главпрофобров РСФСР—т. Донников,—УССР (т. Зарецкий), Ленинпрофобра и Москпрофобра—(т. Розенталь) по вопросам учпланов, программ и методики работы в школе ФЗУ и профшколе и 2) доклады Главпрофобра РСФСР (т. Рождественский) и Ленинпрофобра (т. Гиттис)—о подготовке преподавателей школ ФЗУ и профщкол, и о работеш кольных советов и предметных комиссий.

Обсудив результаты работ секции по этим докладам, съезд подтвердил правильность действующего основного принципа учебной работы школы—органического соединения производственного труда с работой по общему образованию и политическому воспитанию.

В качестве имеющихся дефектов школьной работы съездом отмечены следующие: 1) учебный материал еще не сгруппирован вокруг работы определенного производства, 2) содержание каждого из основных элементов учебной работы (производственное обучение, теоретическое образование и политическое воспитание) развертывается все еще обособленно, 3) работа педагогов различных специальностей недостаточно еще объединена, и не достигнута еще коллективная проработка учебного материала, 4) программы перегружены излишним балластом, мешающим увязке теории с практикой и конкретности в методе работы, 5) методы работы в значительном количестве школ остаются старыми и не базируются на активности учащихся, 6) политическое образование недостаточно связано с изучением определенного предприятия, как общественной единицы, а общественно-практическая работа учащихся не увязана с политическим воспитанием, 7) в клубной работе имеются неправильные уклоны; в некоторых школах она понимается как продолжение и дополнение школьных занятий—в других являясь же, формой общественно-политического воспитания, совершенно изолируется от учебной работы и 8) учащиеся недостаточно вовлечены в программно-методическую работу.

Основными вопросами ближайшей методической работы школы являются, по мнению съезда: содержание учебного материала, система организации его, форма организации школьной работы и методы работы преподавателя и учащегося.

Основой учебного плана должна являться общественно-политическая и производственная деятельность учащихся, которая с первых же шагов обучения развертывает перед ними достаточно вопросов и проблем, чтобы изучая их получить полную подготовку общественного работника—коммуниста—организатора, обладающего практическими профнавыками.

Стремясь в будущем к системе единого стройного комплекса съезд при

современной учебной обстановке рекомендует вступить на путь переходных форм организации учебного материала.

Ближайшим этапом по пути к комплексу съезд считает групповое объединение учебного материала вокруг основных моментов общественной и производственной деятельности учащихся.

Предметное преподавание должно уступить место системе комплексирования родственных дисциплин (частные) комплексы, а затем связи в одно целое всего преподаваемого материала.

Отвергая предметную систему съезд считает необходимым отвергнуть также и старые методы преподавания, не обеспечивающие активной работы учащихся и выдвигает лабораторно-исследовательский метод, как обеспечивающий активную проработку учащимися учебного материала

Дальтон—план, измененный исходя из учета особенностей советской школы, признан съездом одной из форм организации работы учащихся, удовлетворяющей условиям развития их исследовательской деятельности.

Применение Дальтон-плана, по мнению съезда, должно иметь место лишь при достаточной предварительной подготовке. Весь процесс работы учащихся должен осуществляться как в лабораториях, так и в групповых занятиях. При этом, чем выше тип школы и чем более развит учащийся, тем меньше должно быть в занятиях руководства и регламентации и тем большее значение приобретают самостоятельные занятия.

По вопросу о подготовке и переподготовке преподавателей для школ фзу съезд высказался за необходимость усиления в этом направлении работы Наркомпроса и его местных органов, с выделением для этого специальных средств.

Преподаватели специальных групп дисциплин должны, по мнению съезда, готовиться на специальных технико-педагогических курсах продолжительностью обучения в 1—2 года, с приемом на них лиц окончивших ВУЗ'ы или Техникумы и обладающих производственным стажем, или же на технико-педагогических факультетах.

Преподаватели неспециальных групп дисциплин должны подготавливаться на таких же курсах или в педагогических ВУЗ'ах.

Подготовка руководителей практическим обучением должна производиться из достаточно квалифицированных рабочих на специальных курсах, поднимающих их общественную, производственную и педагогическую квалификацию со включением методики мастерства (учитывая и методы ЦИТ'а)

Переподготовка преподавателей должна вестись на систематических курсах переподготовки в течение учебного года по одному—два вечера в неделю, по отдельным групповым объединениям учебного материала. При невозможности организации таковых курсов—допустимы и курсы краткосрочные.

Переподготовка инструкторов должна также вестись на длительных или краткосрочных курсах с недельной нагрузкой до 10 часов, охватывающих, кроме вопросов обществоведения и технологии, также и методику обучения мастерству.

Кроме того переподготовка должна осуществляться и в процессе работы самой школы—путем систематичееког участия в работе школьных советов и методических комиссий, которые являются основными формами организации объединения работников школ.

Школьный совет, по мнению съезда должен рассматриваться как орган оформляющий участие хозорганов, профсоюзов и РЛКСМ в работе школы.

Для обеспечения влияния совета необходимо ввести регулярные отчетные доклады совету заведующего школой и ее отдельных работников, с директивными указаниями совета о работе, а также привлечь совет к активному участию во всех вопросах подбора работников школ.

В части вопроса о методических комиссиях съездом признано целесо-

образным для школ средней величины иметь две таких комиссии: одну объединяющую вопросы практических работ, специальных и общетехнических дисциплин и близких к ним дисциплин общеобразовательных, и вторую— объединяющую вопросы обществоведения, родного языка, географии и вопросы клубной и общественно-политической работы. Участие заведующих производственным обучением в работах всех комиссий признано безусловно необходимым.

В число заданий этих комиссий должны быть включены также и вопросы переподготовки преподавательского персонала.

В качестве ряда мероприятий, обеспечивающих успех дельнейшей работы по этим вопросам, съездом намечены: 1) включение минимума работ по переподготовке преподавателя в его нормальное учебное время и нормирование в отдельных школах минимума обязательной работы этого порядка и ее учет, 2) борьба с гастролерством и решительно взятый курс на „прочность" преподавателя в школе, 3) курс на активную роль школьного совета и 4) курс на вовлечение учащихся в активную работу в методических комиссиях.

Кроме секций при съезде работали отдельные комиссии: металлистов, текстильщиков, полиграфистов, химиков, горняков, конторгуча и сельхозуча, а также общественно-политическая комиссия и комиссия по выработке резолюций.

В этих комиссиях были подвергнуты детальному обсуждению вопросы типизации школ, методики производственного обучения, бригадного и индивидуального ученичества и ряд других тем школьного строительства. Резолюции этих комиссий, как материалы детализации резолюций пленума и секций были также проведены через пленум и приняты последним.

Кроме приведенного материала съездом был заслушан доклад Госиздата, по вопросам издания учебных пособий для рабочей школы, и работа его в этом разрезе признана ударной а также заслушан доклад Главпрофобра РСФСР по вопросу об целесообразности организации постоянной Всесоюзной выставки школ рабочего образования и, превращения в нее существующей выставки при центральном доме коммунистического воспитания рабочей молодежи, организованной Главпрофобром к съезду. По последнему докладу съезд поручил Главпрофобру совместно с заинтересованными хозяйственными, профессиональными, и партийными органами изыскать необходимые средства и дать соответствующие директивы для ближайшей работы.

В конечном результате недельной работы пленума, секций и комиссий съезду удалось разрешить и уточнить ряд существеннейших вопросов строительства школ фзу, профшкол, профкурсов и вечерних рабочих техникумов.

Чрезвычайно интересны и показательны данные характеризующие состав делегатов съезда.

Всего на съезд прибыло 429 делегатов, из них: 286 с правом решающего и 143 с правом совещательного голоса. 51% делегатов—члены РКП (б) и комсомола; 41%—с высшим образованием, 30% делегатов спроизводственным стажем; 25% делегировано профобрами; 52% школами, 15% профсоюзами и парторганизациями и 4%—хозорганами. От РСФСР присутствовал на съезде 331 делегат, от УССР—79 от БССР—14 и от ЗССР—5 делегатов.

Первый всесоюзный съезд еврейских культработников.

М. Тайтш.

Маленькая историческая справка: до сего времени съезды еврейских культработников, которых в пределах союза состоялось всего три, происходили только в масштабе отдельных республик. Должно было пройти несколько лет, пока работа среди еврейского нацменьшинства настолько упрочилась, что появилась необходимость в согласовании еврейской культработы в пределах всего СССР. Для установления этого контакта и был созван Первый Всесоюзный съезд еврейских культработников, который состоялся 25 ноября—1 декабря с. г. в Москве.

Повидимому места достаточно прониклись настоятельной необходимостью этого съезда и все без исключения дружно отозвались на призыв участвовать в нем: на съезд прибыло 120 делегатов с правом решающего голоса и 36 с правом совещательного голоса. Для характеристики перелома, происшедшего за последнее время в настроениях еврейского учительства в сторону Компартии и Соввласти, нелишне указать, что среди делегатов оказалось 56 членов РКП и 6 членов РЛКСМ.

В почетные члены президиума съезда были избраны: тт. Крупская, Луначарский, Шумский, (Наркомпрос Украины), Игнатовский (Наркомпрос Белоруссии), Чемеринский (секретарь ЦБ Евсекций при ЦКРКП),. Литваков (редактор газеты „Дер Эмес“—„Правда“—органа ЦБ Еьсекций при ЦКРКП) и недавно приехавший из Америки „дедушка еврейского революционного движения“ член РКП т. М. Винчевский.

Тов. Луначарский приветствовал съезд от имени ЦКРКП и от имени Наркомпроса РСФСР, и сделал доклад. о внутренней и внешней политике Соввласти, подробно остановившись на национальном вопросе.

После речи тов. Луначарского съезд единодушно принимает предложенное группой делегатов обращение к ЦКРКП.

В этом обращении, между прочим, сказано: „Только благодаря правильной Ленинской национальной политике, культработа среди еврейских трудящихся масс за последние годы значительно возросла. Большие достижения во всех областях еврейской культработы красноречиво говорят о том, что только в условиях диктатуры пролетариата, которая освободила страну от национального гнета, еврейская культура имеет возможность свободно развиваться. В то время, как в капиталистических странах культура нацменьшинств приходит в окончательный упадок, в Советском союзе все внимание Партии и Соввласти обращено на развитие культуры трудящихся всех наци-

ональностей на их родном языке. Еврейские культработники прекрасно сознают, что развитие национальной культуры находится в тесной зависимости от развития социалистического хозяйства нашей страны. Еврейское учительство будет всеми силами способствовать проведению в жизнь Ленинских заветов".

Среди приветствий съезду, которых было так много, что часть их пришлось оставить незаслушанными, интересно отметить приветствие, произнесенное от имени присутствовавшего в зале пионерского отряда двенадцатилетней Фрейдой:

„Мы почти все—дети еврейских рабочих. Вы, старшие товарищи наши, спасли нас от всех тех бедствий, которыми обрушились на нас белогвардейские банды. Вы избавили нас от пыток хедера. Мы отдаем себе полный отчет в том, что освобождение нам принесло единственно Советская власть. Мы даем клятвенное обещание довершить дело, которое начато старшими товарищами. Пионеры! к исполнению заветов Ленина будьте готовы!

— Всегда готовы!—как один воскликнули все пионеры. Пионерам ответил почетный член пионерского Борисовского отряда тов. М. Винчевский.

„В стране Советов я вижу—сказал он,—с одной стороны Красную Армию, а с другой стороны Красную Детармию. Каждый пионер есть будущий солдат Красной Армии, которая призвана защищать Союз Социалистических Республик. Приветствую вас, как будущих строителей Советского Союза всего земного шара".

Повестка дня съезда была очень обширная. Кроме заседаний Пленума, которых было 8, по отдельным вопросам работали специальные секции и комиссии.

С большим интересом были заслушаны обзоры деятельности еврейских центральных Бюро при Наркомпросах РСФСР (Левитан) Украины (Мац) и Белоруссии (Мешковский). Перед съездом была выявлена полная картина роста еврейской культпросветработы, также как и ее недостатки, которые являются, по удачному выражению тов. Левитана, следствием именно этого быстрого роста. На первом месте во всех трех республиках идет работа по социальному воспитанию, за ней следует политпросветработа и профобразование.

Сеть еврейских учреждений в РСФСР, Белоруссии и Украине.

I. По соцвосу.

	Школы I ступени и семилеток.			Школы II ступени.			Детдомов.		Детсадов		Детклуб.		Детдрамкружков.	
	Число школ.	Число комплектов.	Число учащихся.	Число школ.	Число комплектов.	Число учащихся.	Число учрежд.	Число учащихся.	Число учрежд.	Число учащихся.	Число учрежд.	Число участников.	Число учрежд.	Число участников.
РСФС	62	209	6.383	11	44	1.450	9	1.123	12	278	—	—	—	—
Белоруссия . .	126	—	17.920	18	—	—	67	2.855	38	2.812	11	432	6	110
Украина . . .	358	—	54.600	—	—	—	213	2.329	18	613	9	610	1	—
Итого . .	546	209	78.903	29	44	1.450	289	6.307	68	3.703	20	1.042	7	110

II. По политпросвету.

	Отделении совпарт-школ.	Веч.школ. II ст.		Библиотек.		Клубов.		Изо-читален.	Пунктов ликвидации.	Политкружков.	Драмкружков.	Кружков искусства.	Дома молодежи.
		Учр.	Групп.	Самостоятельн.	Отделений.	Самостоятельн.	Отделений.						
РСФСР . . .	1	2	8	30	10	1	—	1	—	—	—	—	—
Белоруссия . .	2	5	—	—	—	7	3	7	—	—	5	—	—
Украина . . .	1	15	—	45	20	3	—	2	89	18	—	56	19
Итого . .	4	22	8	75	30	11	3	10	89	18	5	56	19

III. По профобру.

	Педтехникумы.	Отделения при Вузах.	Профтехнические школы.	Драмстудии.	Музыкальные школы.
РСФСР	1	—	4	2	—
Белоруссия . .	2	—	10	1	—
Украина . . .	3	1	30	1	1
Итого . .	6	1	44	4	1

В резолюции принятой по докладам Центральных Бюро съезд констатирует, что за последний год еврейская культработа шагнула далеко вперед в смысле органического срастания с общей работой. Общие органы Наркомпроса все более и более проникаются сознанием, что еврейское культурное строительство составляет весьма важную составную часть общей культурной работы. За последний год в сеть еврейских политпросвет. учреждений удалось втянуть широкие массы рабочих евреев. Усилилась работа, ведущаяся на еврейском языке как в специально еврейских клубах, так и в общих районных и профсоюзных. Значительно возросло число политкружков, школ взрослых и т. д.

По линии профобра съезд отметил значительные успехи в области подготовки еврейских педагогов: за последний год возросло не только количество курсантов, но и число педучреждений как самостоятельных, так и еврейских нацотделений при общих педучреждениях.

Вместе с тем съезд считает необходимым указать, что по линии политпросвета и профобра до сих пор еще мало сделано как в смысле расширения сети учреждений, так и в смысле проведения принципов родного языка.

Съезд с удовлетворением констатирует выросшую педагогическую и политическую активность еврейских учителей в духе коммунизма; съезд приветствует рост пионерского движения среди еврейских детей, но он констатирует слишком слабые достижения в области методического руководства со стороны бюро и находит необходимым принять все меры к повышению уровня этой работы.

Для углубления методической работы необходимо создать Высший педагогический Институт в общесоюзном масштабе.

Что касается издательской работы, то ее достижения значительно отстали от обшего развития еврейской культработы. Съезд находит необходимым поставить перед соответствующими органами вопрос о значительном усилении ассигнований на еврейскую издательскую работу.

Интересы разросшейся культработы на еврейеком языке властно диктуют потребность координировать ее во Всесоюзном масштабе. Съезд уполномачивает Центральные Бюро выработать конкретные формы согласования этой работы.

Доклад о политпросветработе делала т. Фрумкина (Эстер) Т. Фрумкина отметила, что в этой области работы нет у нас точных статистических сведений. Тем не менее достижения отдельных мест явно дают себя чувствовать. Как на яркий пример в этом отношении тов. Фрумкина указывает на бывший центр руссификации евреев—Одессу, где еврейская политпросвет работа долгое время никак не налаживалась. В настоящее время Одесса требует все новых и новых еврейских политпросветработников. Таких примеров не мало. Но гораздо больше работы предстоит впереди: ленинское воспитание, втягивание еврейских трудящихся масс в Советское строительство, повышение производительности труда и работа по внедрению в массы форм нового быта—вот те задачи, которые стоят на очереди перед еврейскими политпросветработниками.

Для того, чтобы вернее подойти к массам, необходимо политпросвет работу проводить, главным образом, через низовые ячейки профсоюзов. Во всех предприятиях, где имеется большое количество еврейских рабочих, работа с ними должна вестись на родном языке. Для руководства политпросветработой среди еврейских рабочих Культотделы профсоюзов должны вы елять специальных уполномоченных.

Еврейскую культпросвет работу приходится, кроме городов, вести как в еврейских колониях, так и в местечках, которые разнятся друг от друга по своим бытовым условиям, поэтому резолюция, принятая съездом по этому докладу, несколько различно подходит к этим двум типам еврейских поселений.

По отношению к еврейским колониям должны применяться все те формы методической работы, которые уже получили право гражданства в общей деревенской работе. А что касается местечек, то по отношению к ним директивы съезда сводятся в главных чертах к следующему:

Политпросвет работа в местечках должна прежде всего охватить рабочих и рабочую молодежь местечка, втягивая их в профессиональную жизнь и советское строительство.-Что касается всего остального трудящегося населения местечка, то работа с ним должна концентрироваться вокруг нардома (сельбуда), дома крестьянина, дома—читальни, клуба. Самым главным в этой работе должен быть момент смычки с крестьянством. Местечко очень часто является административным центром волости—надо стремиться превратить его в культурный центр для всей волости. Местечковый клуб должен связаться с деревенскими красными уголками, домами-читальнями и т. д. При нем должно быть организовано Информбюро. Он должен принимать у себя приезжающих крестьян, организовать экскурсии своих членов в окрестные деревни.

В тех местечках, где имеются нардома, вокруг них должна быть сконцентрирована вся работа ликпунктов, библиотек, кружков, лекций и т. д. Всей работой руководит Совет, который выдвигает для еврейской работы национальную секцию.

Съезд считает также необходимым, чтобы Еврейские Бюро Наробразов выделяли для еврейской культпросвет работы в местечках специальных упол-

номоченных, которые работают в контакте с местными органами Наробразов.

Резолюция по ликвидации неграмотности предлагает внедрять в сознание профработников, комсомола, пионеров и т. д., что ликвидация неграмотности только на родном языке может достигнуть своей цели.

Так как в программу еврейского ликпункта, кроме родного языка, должен быть включен и местный язык, то продолжительность работы в евр. ликпунктах должна быть увеличена.

В ближайшем будущем необходимо издать букварь для взрослых.

Видное место в работе по ликвидации неграмотности должна занять работа среди евр. крестьян и переселенцев.

Работа по ликвидации неграмотности на родном языке не должна ограничиваться ликпунктом; но она должна быть продолжена в школах для малограмотных.

Все евр. культработники должны принимать активное участие в работе общества „Долой неграмотность".

С докладом о программах ГУС'а выступил Замнаркомпрос РСФСР и Председатель Государственного Ученого Совета тов. Покровский.

Вкратце охарактеризовав все те препятствия, которые Наркомпросу пришлось преодолеть на пути к новой трудовой школе, тов. Покровский указал на то, что основа всякой науки лежит прежде всего в труде. На этом принципе базируются ГУС'овские программы. Если учитель является неучем в производстве, то он для нас опаснее, чем мало знающий грамматику. Если учитель деревенской школы не знаком с земледельческим трудом, то он совершенно для нее не пригоден. ГУС'овские программы требуют начинать работу с учениками с ближайшего, постепенно переходя от ближайшего к более отдаленному. Плохо то, что многие учителя всё еще никак не могут отвыкнуть от учебников. Применение земледельческих знаний должно иметь место не только в деревенской школе, но и в городской. Для городских школ надо использовать хотя бы суррогаты земледелия в виде садоводства, огородничества и т. п. Этим путем будут достигаться не только задачи смычки города с деревней, но и физическое оздоровление учащихся.

29 декабря с приветствием от имени Президиума ЦИК'а СССР выступил член Президиума ЦИК'а и председатель „Комзета" (комитет по земельному устройству трудящихся евреев) тов. Смидович. После приветствия тов. Смидович сделал краткое сообщение о задачах и планах Комзета, которые сводятся к тому, чтобы приобщить к земледелию еврейские трудовые и полупролетарские массы и в ближайшее время наделить землей сто тысяч семейств трудящихся евреев.

Доклад тов. Смидовича нашел свое дальнейшее развитие в интересных докладах секретаря ЦБ Евсекций при ЦК РКП тов. Чемеринского и члена ЦБ Мережина.

Посвятив начало своего доклада общему обзору деятельности ЦБ Евсекций, тов. Чемеринский приходит к заключению, что „Евсекция", которая была создана еврейскими коммунистами в противовес национально-персональной автономии еврейских меньшевистских партий, в настоящее время объединяет вокруг своих лозунгов всех еврейских рабочих. Секция оправдала себя в полной мере. Еврейская работа в настоящее время органически срощена с общей партийной и советской работой.

„Я не хочу сказать, что мы практически уже решили все вопросы. Но я хочу сказать, что основные принципиальные вопросы нами уже решены полностью. Вопрос о языке в его практическом применении там и тут еще имеет свои проблемы, но принципиально он у нас уже решен, не в резолюции, которая может остаться на бумаге, а в форме фактов и прецедентов. Имеем ли мы много судебных камер на еврейском языке? Нет. Но вопрос жизненно

решен. Никаких правовых ограничений нет, и весь вопрос сводится в дальнейшем лишь к тому, имеем ли мы достаточное количество работников. То же и по вопросу о еврейском советском аппарате: то тут то там врямя от времени появляются новые еврейские сельсоветы.

„В чем же заключается вся трудность проведения нашей системы? В том, что в течение веков между нацменьшинствами СССР накопилось много недоразумений. Наша задача заключается в том, чтобы вводить новый быт не комиссарскими приказами, а вводить его постепенно, в процессе самой обновляющейся жизни.

Каковы реальные результаты работы секции? Не менее 27 тысяч еврейских членов РКП (б.), не менее 20 тысяч молодежи в РЛКСМ и около 15 тысяч пионеров, что составляет свыше 60 тысяч организованных членов трех поколений. Если принять количество еврейского населения в СССР за $2^1/_2$ миллиона, то число организованных составляет $2^1/_2$ процента, что вовсе не так мало.

Количество еврейских членов в профсоюзах насчитывается не менее $337^1/_2$ тысяч. Если принять средний состав семьи в четыре человека, то это составит 1350 тысяч душ, живущих наемным трудом. К этому нужно прибавить не менее 120 тысяч душ еврейских крестьян. Получается, таким образом остаток, в 800—900 тысяч душ, которые живут кустарничеством и торговлей. Но кустарничество имеет на ближайшее время значительные перспективы, и хоронить приходится только торговлю. Вот тут-то и является вопрос: имеем ли мы возможность переселить на землю 600.000 душ? На этот вопрос тов. Чемеринский отвечает категорически: эту возможность мы имеем.

На этом же злободневном вопросе останавливается и тов. Мережин. Он напоминает о том, что вопрос о переселении евреев на землю имеет уже свою длинную историю. Тем не менее его до сих пор никак не удавалось разрешить. Почему? Не потому, чтобы не было свободной земли—свободные земли на земном шаре имеются и сейчас; также не потому, чтобы нехватало средств: денег истрачено уймы. Но дело в том, что для разрешения этого вопроса до сих пор не было необходимых объективных предпосылок. Евреи из России всегда эмигрировали, и главным образом в Америку, но эмигранты шли не на землю, а направлялись по путям наименьшего сопротивления — в производство и торговлю. Планы о переселении на землю оказывались просто не реальными. У нас же все необходимые предпосылки в настоящее время налицо, и это является лучшей гарантией полной выполнимости нашего плана.

Некоторые еврейские филантропические буржуазные о-ва и в настоящее время, в противовес нашему плану, выставляют свой собственный—организовать евреев на земле в Мексике или в Бразилии. Из этого, конечно, опять ничего не выйдет, так как подобные планы реальны только в наших Советских условиях.

Вопрос о возможностях приобщения еврейских трудящихся масс к земледельческому труду носил на этом съезде только информационный характер. Центр тяжести работ съезда лежал в текущих вопросах конкретной культработы, которые были развернуты перед съездом во всем их многообразии, и не осталось ни одного уголка этой работы, куда бы съезд не бросил своего взгляда

Интересный доклад на тему „Новые программы ГУС'а и еврейская школа" сделал тов. Шульман.

Старая школа стремилась к тому, чтобы оторвать детей от окружающей действительности и вывести их в „высший" свет. Новые программы ГУС'а ориентируются, наоборот, именно на окружающую детей действительность и стремятся к тому, чтобы питомцы школы по окончании ее вернулись бы в свою среду с тем, чтобы служить ей приобретенными знаниями.

Поскольку мы имеем дело с еврейским селом, для нас ясно, что там школа должна строиться по общей системе сельских школ, т.-е. с сельскохозяйственным уклоном. Городская школа в крупных промышленных центрах должна иметь индустриальный уклон. Гораздо сложнее вопрос о еврейском местечке. Тут принцип окружающей среды и возвращения к ней по окончании школы уже не может быть применен в полной мере, так как еврейское местечко находится в специфически-неблагоприятных условиях: процент рабочих, занятых в госпромышленности, незначителен; значительное число местечковых рабочих находится в зависимости от частных предпринимателей; большая безработица, которой местечко особенно подвержено; большое количество кустарей-одиночек; слабая связь с сельским хозяйством; сравнительно большой процент не производящих элементов, идеологическое влияние которых прорывается в школу; большое количество разоренных, благодаря развитию, госторговли и кооперации недовольство которых использовывается различными сионистическими группировками, которые прорываются в школу в виде сионистических объединений детей и молодежи—все эти моменты крайне затрудняют работу местечковой школы. Где же выход? Он будет найден тогда, когда еврейское население ироникнется сознанием необходимости перехода на здоровый и земледельческий труд. Выход заключается в том переломе, происшедшем в еврейском населении местечка по отношению к переходу к здоровой производительной жизни и к земледелию.

Но в настоящее время еще не может быть речи для местечковых школ ни о сельско-хозяйственном уклоне, ни об индустриальном. Отсюда тов. Шульман приходит к заключению, что программы ГУС'а должны применяться в местечковых школах несколько иначе. Несмотря на то, что по общему духу этих программ, ребенок прежде всего должен научиться наблюдать жизнь окружающей его действительности, местечковая школа должна начать с более отдаленного, но доступного наблюдению школьника, с тем чтобы к окружающей действительности подойти несколько позже, когда ребенок сумеет в ней разобраться более критически.

Одновременно руководители еврейской советской школы должны всемерно стараться окружать детей лучшими представителями местной революционной общественности. Последние должны быть постоянными членами школьных организаций и частыми гостьми в школе. С другой стороны школа должна принимать постоянное и деятельное участие в жизни местных рабочих, партийных, комсомольских и пионерских клубов и др. революционных организаций.

Что касается языка, то в еврейской школе приходится иметь дело кроме родного языка, еще с местным языком (украинским, белорусским и русским). Среди еврейских масс прочно держится традиционное мнение, что если ребенок не овладеет русским языком, то он не сумеет практически приспособиться к жизни. С этими пережитками руссификации следует покончить. Русский язык должен изучаться как часть комплекса на 4-м году обучения, а местный язык должен проходиться начиная со 2-го или 3-го года, в связи с изучением и участием в местной жизни.

Доклад тов. Шульмана вызвал оживленные дебаты, которые велись, главным образом, вокруг вопроса об уклоне местечковых школ и о месте русского языка в еврейской школе. После прений доклад принимается за основу внутренней работы еврейской школы. Съезд признает необходимым развить общественную кампанию за расширение сети дошкольных учреждений. По отношению к детдомам необходимо положить конец существующим ликвидаторским тенденциям и усилить точку зрения, которая рассматривает детдом, исключительно, как учреждение социального обеспечения. Вся работа в детдоме должна быть тесно связана с пролетарской общественностью и с производством. Опыт создания больших детколлективов, как городков,

колоний и т. д. в большинстве своем себя не оправдал ни в педагогическом, ни в организационном отношениях. Но в тех случаях, когда такие большие коллективы все-таки создаются, съезд признает необходимым вести работу в них на родных языках детей. Переросших детей детдомов необходимо втягивать в производство и в учреждения профобра. Не устанавливая общего типа массовой школы для всего союза, съезд, однако, считает необходимым сохранить и укреплять уже существующую сеть 7-ми и 9-ти леток. При комплектовании школ необходимо строго проводить принцип родного языка. Русские школы, в которых большинство учащихся говорит на еврейском языке, должны в плановом порядке переводиться на родной язык. Вторым языком в еврейских школах признается местный язык; отклонения могут быть допущены в зависимости от местных условий.

Столь же оживленные дебаты велись и по вопросу о пионерском движении. На эту тему были прочитаны два доклада: о необходимости контактирования пионерского движения с работой школ (Бриль—ЦК РЛКСМ) и о пионерском движении с педагогической точки зрения (Ривес).

Пионерское движение, которое стало усиленно распространяться за последние два года в советском союзе, имело два больших недостатка: дети переобременены работой, и все движение оторвано от школы. Шестой съезд РЛКСМ вынес постановление об установлении контакта между пионерским движением и школой. Этот вопрос по отношению к еврейской школе съезду предстояло разрешить практически.

Обстановка для этой назревшей работы в настоящее время самая благоприятная: еврейское учительство проявляет большой интерес к работе среди детей и само напряженно ищет контакта с комсомолом.

Как же этот контакт установить? В каждой школе, где имеется не менее трех пионеров, организовывается форпост, который руководит внутренней жизнью учеников, содействует организации самодеятельных кружков и т. д. Для установления необходимого контакта, форпост и должен постоянно работать совместно с учителем. А для того, чтобы контакт был взаимным, учитель должен знакомить руководителей пионерского движения с задачами школы и методами ее работы. Учителя должны посещать пионерские собрания, педагогический совет должен выделять представителя в форпост, а в работе педагогического совета должны участвовать руководители пионерского движения—комсомольцы.

Во многих городах дети евр. школ находятся в отрядах с разговорным языком русским. Тов. Бриль считает необходимым организацию отдельных отрядов и звеньев, в которых работа велась бы на родном языке учащихся.

С точки зрения педагогической, пионерское движение является не только объектом нашего воспитательного влияния, но оно есть в то же самое время и субъект, т.-е. самостоятельный социальный фактор с известным влиянием на окружающую среду. Отсюда и выводится основной метод работы среди пионеров, заключающийся во втягивании их в конкретную общественную работу, в пролетарскую борьбу. Как перед пионерским движением, так и перед школой стоят одинаковые задачи: тесный контакт в их работе необходим. Но организационно они никоим образом не могут быть слиты.

Съезд подчеркивает необходимость ведения работы среди пионеров на родном языке и приветствует циркулярное письмо ЦК РЛКСМ, которое дает по этому вопросу необходимые директивы. Съезд призывает учителей в полной мере содействовать деятелям пионерского движения в их работе.

На тему „Ленинское воспитание среди еврейской трудящейся молодежи“ сделал доклад секретарь ЦБ Евсекции при ЦК РЛКСМ тов. Монин.

В настоящее время для молодежи, говорящей по еврейски, существует 200 политкружков, 15 коллективов пропаганды, свыше 120 ячеек ведут свою работу на еврейском языке. Но эта сеть политпросветучреждений еще

не достаточна и ее нужно развить. Тут нужна помощь партии, Евсекции, Наробразов и коммунистически настроенных учителей и культурников. Особенно необходима помощь в деле подготовки руководителей для комсомольских кружков.

Каковы возможности еврейской массовой культуры в советском союзе? Эту тему обстоятельно осветил тов. Литваков. До октября под еврейской культурой подразумевалась, главным образом, литература, как мы это имеем возможность наблюдать и по настоящее время в Польше, Америке и др. буржуазных странах. При диктатуре пролетариата вопрос о языке, как таковом теряет свое господствующее и исключительное значение. При диктатуре пролетариата на первый план выступают те конкретные жизненные явления, которые получают свое органическое выражение на том или ином языке, и, таким образом, язык из самоцели в буржуазном обществе превращается в наших условиях в средство выражения определенных конкретных культурных ценностей. Поэтому к вопросу о еврейской культуре в советском Союзе приходится подходить совершенно с другим масштабом. Еврейские трудящиеся массы постепенно втягиваются в государственное строительство. Создаются еврейские национальные центры, сельсоветы, судебные камеры, уголки и секции в сельбудах, рабочие клубы, детдома, школы всех ступеней и типов, театры и везде мы имеем дело с конкретным, полнокровным содержанием, одетым в соответствующую языковую форму. Не созидание учреждений во имя того или иного языка, как это имеет место в буржуазных странах, но создание учреждений во имя внутренней смычки еврейских трудящихся масс с трудящимися массами других национальностей — таков наш лозунг. Вопрос о родном языке для всех этих учреждений у нас является само-собой разумеющимся.

Не забыты были и вопросы театра. Руководитель государственного еврейского театра тов. Грановский указал на достижения театра в области формы. Мешает работе театра отсутствие нового репертуара. Современные драматурги просто не в состоянии охватить всех грандиозных событий нашей эпохи. Массы же настолько созрели политически, что властно требуют революционного репертуара. К этому вопросу государственный еврейский театр уже подошел.

Кроме того тов. Грановский предложил съезду проект конкретного разрешения всех вопросов, связанных с удовлетворением театральных нужд еврейских трудящихся масс.

Два члена филологической комиссии отсчитались перед съездом в ее работах. На очереди стоит вопрос о коренных реформах в области еврейской орфографии; готовятся к печати грамматика и словарь. По вопросам реформ в области орфографии съезд постановил открыть в еврейской прессе предварительную дискуссию.

Из остальных вопросов необходимо остановиться хотя бы на резолюции о подготовке еврейских учителей. Еврейским педучреждениям приходится работать в тяжелых условиях: работа новая, квалифицированных учителей мало, педагогическая литература на родном языке почти полностью отсутствует. Для поднятия работы этих учреждений необходимо принять целый ряд мер. Периодически должны созываться конференции и совещания евпедучреждений. Первая конференция должна быть созвана в Москве не позднее марта 1925 года. Для поднятия квалификации работников педагогических учебных заведений необходимо еще в текущем году часть из них командировать в соответствующие академии на срок не менее одного года. Работникам педучреждений должна быть предоставлена возможность более длительных экскурсий в Центральные опытно-показательные учреждения.

На последнем заседании единогласно принимается обращение съезда ко всем еврейским учителям и культработникам в буржуазных странах.

Лучшие еврейские культработники ведут в буржуазных странах не-

устанную борьбу за право на культуру, за право на родной язык. Эта борьба не приносит желанных результатов. Почему? На это дает ответ принятое съездом обращение: „Дорогие товарищи, для вас должно быть ясным, что еврейские трудящиеся массы Польши, Румынии, Литвы и др. буржуазных стран не сумеют развернуть своей культуры вплоть до того момента, пока они, совместно с рабочими и крестьянами своих стран, не свергнут буржуазно-дворянской власти и не утвердят власти рабочих и крестьян".

Последнее слово на съезде имел беспартийный учитель, который от имени всех беспартийных делегатов указал на коренной перелом, происшедший за последнее время в массе еврейского учительства в сторону партии и советской власти. „Съезд может быть спокоен—сказал оратор—съезд передает свои постановления в надежные руки".

Каковы же итоги работ съезда? Об этом в заключительном слове сказал тов. Левитан: на предыдущих съездах беспартийные обыкновенно обвиняли коммунистов в том, что они уделяют слишком много внимания политике, и очень мало времени уделяют практической работе. На данном съезде ничего подобного не наблюдалось: съезд был насквозь политическим и в то же время исключительно плодотворным в практическом отношении. „Наши успехи стали возможными только на почве диктатуры пролетариата, который освободил страну от всякого национального гнета, и об этом мы громогласно заявляем перед всем буржуазным миром.

Этот первый всесоюзный съезд еврейских культработников положил начало еврейской культработе согласованной в масштабе всего СССР.

„В школах старого типа ребенку неминуемо внушаются национальные предрассудки, развивается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии. Чувство ненависти к другим национальностям буржуазия, как нельзя лучше, использует в своих целях именно во время войны, которая дает ей колоссальные барыши. Мы говорим, что и наша школа будет классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения."

(В. Ленин XIX—80; 1923).

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ.

Всесоюзная конференция по краеведению.

Н. Рыковский.

С 9 по 14 декабря в Москве происходила Всесоюзная конференция по краеведению, собравшая около 300 делегатов со всех концов нашего Союза, среди которых были академики: Ольденбург, Марр, Ферыман и ряд других крупных ученых, работающих в области краеведения.

Почетными членами конференции были избраны тт. Калинин, Рыков, Луначарский, Крупская, Покровский, Петров и академик Павлов.

Нарком Просвещения РСФСР тов. Луначарский приветствовал конференцию от имени ЦК РКП.

Затем, им был сделан подробный доклад „о международном и внутреннем положении СССР". В своем докладе тов. Луначарский констатировал сдвиг вправо всей международной буржуазии и попытку создать с ее стороны единый фронт борьбы против роста влияния на пролетарские массы коммунистических партий и надвигающейся рабочей революции.

Перейдя к характеристике нашего внутреннего положения, Нарком по Просвещению отметил значительные успехи на хозяйственном фронте и рост покупательной способности нашего крестьянства, что заставляет советскую промышленность значительно развернуть свое производство в целом ряде отраслей.

Говоря далее о третьем фронте—фронте просвещения—тов. Луначарский указал на значительное укрепление материальной базы Наркомпроса, бюджет которого в текущем бюджетном году достиг 85 миллионов рублей.

Касаясь же задач краеведческого съезда, он выразил пожелание, чтобы краеведческое дело было тесно связано с общегосударственной работой, и указал на необходимость связи краеведения со школой, так как с проведением в жизнь новых программ ГУС'а, школа, как никогда, стала нуждаться теперь в помощи краеведов.

Заведующий Главнаукой тов. Петров в своей приветственной речи точно так же выразил пожелание, чтобы краеведческое дело шло рука об руку с работой по восстановлению производительных сил страны и основывалось на твердой связи с широкими рабоче-крестьянскими массами.

Тов. Петров высказал мысль о необходимости привлечения к краеведческой работе студенчества и учительства.

Деловая работа съезда выразилась в заслушании около 50 докладов по всем вопросам организационного и теоретического характера так или иначе связанным с краеведческим движением.

Были организованы секции: общего краеведения, музейного, школьного и др. Из докладов, заслушанных на пленарных заседаниях съезда отметим отчет о деятельности Ц. Б. краеведения при Российск. Академии Наук, сообщенный С. Ф. Ольденбургом.

Прежде всего им была отмечена громадная организующая роль Ленинградского и Московского отделений Ц. Б. Краеведения. Связь с краеведческими учреждениями на местах поддерживалась, между прочим, рассылкой научной литературы, при чем через одно московское отделение краеведческим учреждениям было разослано свыше 15000 экземпляров книг и брошюр.

Касаясь путей по которым работа должна пойти в дальнейшем, С. Ф. Ольденбург указал на намеченную общую работу в 1925 году—подготовку всего Союза к переписи населения, которая должна явиться базой для всех областей работы Союза и показать чем мы богаты и чего у нас недостает. Эта перепись укажет и краеведам на что они должны будут впредь обращать особенное внимание.

По вопросу о национальностях в краеведной работе сделал доклад академик Марр, указавший, что перспективы краеведческой работы по отдельным нашим республикам весьма широки и что эта работа имеет большое значение не только для жизни самих республик, но и важна как научный метод для ученых.

Ак. Марр высказал также мысль, что центром изучения языковедения Восточной Европы должен быть Кавказ, так как он сохранил древние, так называемые, яфетические языки, с которыми связаны и язык басков на Западе, чувашей—на Волге и даже языки Индии.

Сама же краеведческая работа в инородческих республиках, по мнению академ. Марра, может быть налажена только при национальном подходе, для чего необходимо национальным меньшинствам предоставить на местах широкую возможность ведения краеведческой работы.

С докладом о структуре краеведческого аппарата выступил академик А. Е. Ферсман.

Он прежде всего указал на то, что рост краеведческаго движения требует планомерности и стройности самой научно-исследовательской работы. Краеведческое движение должно быть тесно связано с местными бытовыми условиями. Сами организационные формы должны предусматривать необходимость тесной связи между краеведческим движением и живыми силами страны, хозяйственным строительством, просветительными организациями и советской общественностью.

Схема краеведческих организаций должна строиться на трех элементах: местных краеведческих организациях, областных организациях или местных бюро съездов и центрального бюро краеведения, как органа всесоюзных съездов.

Значительное количество докладов было сделано на заседаниях секции общего краеведения.

И. М. Гревс говорил о городе, как предмете краеведческаго исследования, и высказал мысль, что город является лучшим конкретным объектом синтетического восстановления процесса создания культуры, так как он представляет собой самый богатый и славный очаг ее в истории человечества.

В виду этого задачей краеведа должно служить реальное воссоздание истории своего города в его индивидуальности и типичности.

И. М. Гревс считает необходимым организовать издание серии исторических монографий, посвященных замечательнейшим городам России, с привлечением к составлению их опытных краеведов под общим руководством Центрального Бюро Краеведения.

На тему „об организации работ по составлению библиографии областей СССР" выступал Н. В. Здобнов. По его мнению краеведение не может успешно развиваться без научно-разработанной краевой литературы.

Работа по краевой библиографии производилась до сих пор случайно и разрозненно, и здесь необходимо ввести планомерность, организованность и упорядочение в научном отношении. В последнем случае нужно стремиться к безусловной точности и возможной полноте описания материала.

Н. В. Здобнов считает, что успешное выполнение библиографических работ может быть обеспечено при условии, если их будут производить специалисты по отдельным отраслям знания, но обладающие научно-библиографической подготовкой. В виду же недостатка библиографических сил, необходимо учреждение специального высшего учебного заведения—Библиографического Института.

Из работ этой же секции отметим еще доклад „Очередные задачи в деле изучения живого языка"—Д. Н. Ушкова, который заявляет, что краеведам необходимо поспешить со включением в план своих работ-изучение местных говоров, что представляет собой большую важность в деле изучения истории языка.

Собирание местной бытовой номенклатуры может оказать неоценимую услугу для диалектологии, для истории быта и материальной культуры.

Из докладов, заслушанных в Секции школьного и экскурсионного краеведения отметим: „Очередные задачи школьнаго краеведения" М. Я. Феноменова, выдвинувшего такие задания в области школьного краеведения в связи с введением новых программ Гус'а во-первых: конкретизацию и дальнейшую разработку новых программ в целях их практического проведения в жизнь. Для этого необходимо широко популяризировать в учительской среде лежащие в основе этих программ принципы: краеведение, исследовательский метод, трудовое начало. Затем расшифровать программы, путем конспективно-поурочной разработки тем-комплексов по годам обучения, снабдить школы необходимым для краеведческой работы общими пособиями, а также изданиями по местному краю и, наконец, выработать и издать новые учебники и руководства применительно к программам Гус'а.

Вторым заданием является установление делового контакта между школой и местными ОНО, с одной стороны, и научно-краеведными организациями—с другой. В этих целях желательно, чтобы вся научно-исследовательская работа школ велась под руководством местных научно-краеведных обществ и учреждений.

Затем, заслуживает внимания доклад М. В. Базилевича—„Краеведческие историко-культурные экскурсии", он говорит, что тесная связь краеведения и школы, краеведения и экскурсионного дела установлена и легла в основу новейших программ трудовой школы. Школьные экскурсии начинают служить для исследовательской работы учащихся и получают самодовлеющее значение. При организации экскурсий следует отказаться от исследования исключительно „достопримечательностей", но надо приучить школьников к умению и в обыденном находить полезное и любопытное для работы.

На ряду с экскурсиями, связанными систематической школьной работой, должны быть проработаны экскурсии для внешкольников и для приезжих экскурсантов.

Положительные моменты историко-культурных экскурсий заключаются: в наглядной связи прошлого с настоящим, в близости объекта исследования, в возможности самостоятельной и систематической обработки материала и т. п.

Н. А. Гейнике в своем докладе, касаясь вопросов краеведения и комплекснаго метода, утверждает что практика современной школы показала, как труден для рядового учителя комплексный метод. Причиной этого является малый запас краеведных знаний у рядового учителя и слабое уменье работать по изучению своего края. Поэтому развитие научных краеведных кружков и обществ, организация краеведных музеев являются насущной потребностью для построения новой школы.

А. И. Дзенс-Литовский, говоря о „Краеведных научных обществах и школах" настаивает на необходимости самого глубокого и широкого сотрудничества между школой и местными обществами краеведения. Чтобы резуль-

таты самостоятельных школьных работ и изысканий по местному краю имели не только педагогическую но и научную ценность, необходимо материалы, собранные школой и имеющие научную ценность передавать в целях научной обработки в местные общества краеведения и в музей местного края в свою очередь обслуживающий школы целого района.

Г. С. Шапошников в докладе об ученических исследовательских экскурсиях как методе школьно-краеведческой работы", считает необходимым культивировать краеведческие экскурсии типа ученических экспедиций, носящих научный характер. Успех таких экспедиций находится в прямой зависимости от степени понимания учащимся производимых им работ, поэтому необходимо обращать особое внимание на критическое рассмотрение добытого материала. С этой целью должно во время хода работ периодически устраивать общие отчетные собрания работников всех отрядов под председательством начальника экспедиции.

Правильно сорганизованные ученические экскурсии, связанные с работой школьно-краеведческих кружков, по мнению докладчика, могут явиться подготовительной школой для воспитания сознательных краеведов.

А. Е. Шейнберг, выступая на тему: о „Производственном краеведении и школе", высказывает мнение, что краеведение должно принять яркий общественно-прикладной уклон. Изучение форм и способов производства и общих условий этого производства в городе и деревне является насущнейшей задачей нашего времени, в разрешении которой краеведение должно сыграть свою роль и найти свое место в общей работе по подъему производительных сил страны, по подготовке социалистического строительства В виду этого задачей школы является тщательная разработка вопросов о том, как ввести в обиход школы приспособляясь к интересам ребят, материал, подготовляющий их к участию в этом громадном процессе общественно-производственного творчества.

Беспомощность сельского учителя в подходе к основным хозяйственным проблемам, ограниченность его кругозора делают совершенно анемичной и бездушной его школьную работу, а его самого—ненужным и бесполезным для населения в хозяйственных затруднениях или начинаниях последнего. Необходимо поэтому помочь учителю овладеть прежде всего знанием экономики своего края, своей деревни и города.

А. А. Лазарис в своем докладе о „Пролетарском студенчестве и краеведении" заявляет, что пролетарское студенчество может дать государству целую армию энергичных, активных исследователей края, работников для привлечения населения к краеведческой работе. Студенчество является естественной сменой краеведов на местах, оно является носителем и распространителем краеведческих идей в широких массах населения.

В виду этого дальнейшая работа Центрального Бюро краеведения по отношению к студенчеству должна заключаться в привлечении организаций и использовании студенчества в краеведной работе. Для обеспечения этого необходимо дать место представителям студентов в ЦБК. При этом работа студенческих краеведных организаций должна проводиться в полном контакте и под руководством организаций пролетарского студенчества в лице ЦБ и Губбюро Пролетстуда, а в Вуз'ах—под руководством Исполбюро академических секций.

Наконец, остановимся в кратких чертах на докладе Н. Ф. Познанского—„Школьные краеведческие музеи".

Он считает, что в школьной работе по краеведческому принципу—школьный краеведческий музей является незаменимым подсобным средством.

Школьный краеведный музей должен строиться, главным образом, руками самих учащихся в процессе плановой образовательной работы школы и быть средством возбуждения исследовательской активности учащихся. Пла-

нировка материалов в школьном краеведческом музее должна соответствовать планировке образовательной работы, т.-е. принципам построения программ ГУС'а. Взрослое население также необходимо привлекать в меру возможности к строительству школьного краеведческого музея.

На заседаниях Музейной секции был заслушен доклад: „Тип краеведного музея СССР"—А. Я. Тугаринова.

По его мнению, каждый краевой музей является органической функцией краеведческой деятельности. Задачами краеведнаго музея являются: накопление и обработка материалов, характеризующих природу, человеческое население, его труд и хозяйство, затем демонстрирование этих материалов в целях распространения знаний о крае среди населения и, наконец, привлечение к своей работе всех интересующихся.

На ряду с просветительным значением, каждый краеведный музей должен явиться энциклопедией знаний о крае для вопросов практики.

Выставочные помещения музея должны быть организованы так, чтобы содержание их давало наиболее целостное яркое и типические представление об иллюстрируемом понятии и крае в целом. В виду этого выставленные собрания не должны загромождаться деталями и содержать серии однотипных предметов.

Размещение коллекций и обзор выставок должны происходить в определенной логической последовательности: поверхность и ее история, климат, воды, органическая жизнь, человек в его прошлом и настоящем, хозяйство, экономика и культурная жизнь.

Художественный отдел, состоящий из произведений искусства, не связанных с краем, не может составлять прямой задачи краевого музея, но при условии отсутствия в городе художественного хранилища, краевой музей не должен отказываться от возможности иметь у себя картинную галлерею, как единственное средство эстетическаго воспитания масс.

Кроме перечисленных выше докладов на съезде были затронуты вопросы о значении краеведных музеев в деле собирания и изучения материалов по революционному движению, затем об очередных задачах фольклорного изучения СССР и др.

По первому вопросу доклад делал В. И. Пичета. Он считает, что необходимость собирания и изучения материалов по революционному движению является очередной задачей исторической науки вообще и краеведческой исследовательской работы в частности.

Краеведческие организации должны взять на себя инициативу обращения к тем лицам, какие принимали участие в революционном движении, с просьбой приступить к составлению записок и воспоминаний о революционном 1905 годе, так как собирание материалов по истории 1905 года требует к себе самого внимательного отношения со стороны краеведных организаций. Последние должны дополнить официальный материал в процессе своей работы.

По второму вопросу были сделаны доклады Б. М. Соколовым и Ю. М. Соколовым, при чем А. М. Соколов говорил об „Очередных задачах фольклорного изучения СССР", а Ю. М. Соколов об „Основных приемах и методах собирания фольклорного материала".

— В связи с постепенным исчезновением различных видов устного творчества собиратели-краеведы должны,—говорит Б. М. Соколов,—поспешить с записью таких видов фольклора, как былины, произведя, особенно в северном районе, перепись всех сказателей известнаго им репертуара. Точно также должны быть продолжены работы по систематическому собиранию народных сказок различных районов. Такой краевый принцип собирания сказок может дать богатый и ценный материал для изучения местных отражений в сказках историко-культурных взаимоотношений, географических путей распространения сюжета и т. п.

Исключительно важное значение имеют собирание и изучение произведений устнаго творчества многочисленных национальностей СССР.

Докладчик высказал также пожелание, чтобы было ускорено напечатание накопленных фольклорных материалов и возобновлен выход прежних научных журналов: как „Живая Старина". „Этнографическое Обозрение" и др.

Для объединения и согласования научных работ по собиранию и изучению фольклора докладчик считает необходимым созыв в ближайшее время общесоюзного съезда фольклористов.

Что касается методов собирания фольклорного материала, то докладчик на эту тему Ю. М. Сололов считает наиболее желательным и плодотворным методом стационарный. Стационарная работа должна объединяться вокруг местных краеведческих организаций, начиная с низовых, постепенно восходя уже к уездным, губернским, областным и центральным.

Обширность задач, выдвигаемых современностью в изучении фольклора на ряду со стационарным методом выдвигает и другой—экспедиционный или эксурсионный.

Вся многообразная деятельность по собиранию современного фольклора должна координироваться центральными фольклористическими научными обществами, составляющими программы, инструкции и т. п.

Заведующий Главнаукой тов. Петров, подведя итоги работам конференции, указал что прежде краеведение было в руках узких специалистов, работающих вне связи с новой советской общественностью, что привело краеведение к захирению и отрыву от культурного строительства Советской России.

Теперь же краеведение реформируется, путем вовлечения партийных, профессиональных, просвещенских и хозяйственно-планирующих органов.

Тов. Петров отметил также, что Главнаука при поддержке Академии Наук полностью провела свою идеологическую и организационную программу по вопросам краеведения.

Было отмечено также, что новое бюро состоит почти наполовину из партработников, в то время как раньше в нем не было ни одного представителя партии. В состав нового Бюро вошли представители науки, Госплана, Экосо, Главнауки, ВСНХ и ряда других производственных и культурных наркоматов.

В общей резолюции, вынесенной съездом, констатируется огромная роль Рос. Академии Наук в развитии краеведения в СССР и признания необходимым самое широкое вовлечение в краеведческие учреждения трудящихся масс.

Новому составу ЦБК поручена разработка организационной схемы краеведческого движения. При чем краеведческие организации должны строиться в зависимости от бытовых особенностей края, тесно и организационно связываясь с соответствующими хозяйственными, профсоюзными, правительственными и общественными учреждениями.

Съезд обращает внимание на необходимость возобновления издания журналов: „Этнографическое обозрение" и „Живая Старина" и всецело высказывается за утверждение Комитета по изучению деревни СССР.

Съезд обращает также внимание на необходимость издания серии монографий о замечательнейших городах СССР.

По вопросу об охране природы, между прочим, признано необходимым привлечь подростающее поколение к этому делу, путем включения в программу школьного краеведения вопросов об охране природы и организации школьных заповедников.

По вопросу об изучении обычного права постановлено создать при краеведческих организациях комиссий обычного права. При ЦБК необходимо создание Центральной Комиссии по изучении обычного права.

По вопросу о музеях конференцией постановлено считать необходимым сохранение твердой музейной сети, при чем устойчивость ее всецело может быть обеспечена лишь при условии сохранения ее на госбюджете. Вместе с тем конференция поддерживает все предположения Наркомпроса о сохранении существующей сети государственных музейных учреждений.

По вопросу об охране памятников материальной культуры, конференцией признана необходимой организация учета научного исследования и широкой популяризации памятников, проводимых краеведческими организациями в тесном контакте с отделом музеев Главнауки и Академии Наук.

Далее конференцией признано недостаточно поставленным дело учета и охраны книжных коллекций, являющихся в результате революции народным достоянием, а поэтому необходимым призвать местных научных деятелей к живому участию в работе образованных Главнаукой при ОНО комиссий по учету и охране старых и редких книг.

Съездом избран новый состав Центрального Бюро Краеведения, в которое вошли 23 человека: академики Ольденбург, Ферсман, Марр, проф. Семенов-Тяньшанский, Здобнов и др.

Первым собранием членов нового Бюро избран временный Президиум в составе С. Ф. Ольденбурга—председателя, Ферсмана и Пинкевича—заместителей председателя, Виленского-Сибирякова и Семенова-Тяньшанского—членов, Томашевского и Святицкого—секретарей.

„Победить свою дезорганизаторскую мелкобуржуазную распущенность—это самое трудное, это в миллионы раз труднее, чем подавить насильника-помещика или насильника-капиталиста, но это в миллионы раз плодотворнее для создания новой организации, свободной от эксплоатации. Когда пролетарская организация разрешит эту задачу, тогда социализм окончательно победит. Этому надо посвятить всю свою деятельность школьного и внешкольного образования".

(В. Ленин. XVI—224; 1919).

В КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА.

Постановления Коллегии и Президиума Коллегии Наркомпроса

с 20 ноября по 15 декабря 1924 года.

В связи с возбужденным Кирнаркомпросом вопросом об установлении более тесных форм связи с Наркомпросом РСФСР, установлены следующие формы связи: на организуемые Наркомпросом РСФСР съезды руководителей народного образования или отдельных отраслей наробразования, предоставлять Кирнаркомпросу количество мест по числу губерний, с правом совещательного голоса; за счет Кирреспублики по возможности предоставлять ее губерниям, на общих основаниях, места на курсах по переподготовке работников и на конференциях; Наркомпрос РСФСР принимает участие в съездах, проводимых Кирнаркомпросом путем делегирования представителей с правом совещательного голоса; признано целесообразным посещение Кирреспублики ответственными работниками Наркомпроса в целях взаимной информации и инструктирования; Кирнаркомпрос включается в район инспектуры Наркомпроса РСФСР, которая проводит свою работу в пределах Кирреспублики, с ведома и согласия Кирнаркомпроса. Все установленные коллегией формы связи с Кирнаркомпросом представить на усмотрение всех автономных республик РСФСР, на предмет возможного распространения этих форм связи и на них (24/XI—1924).

Утверждено положение об Организационно-Консультационном Бюро Наркомпроса в системе организационно-инспекторского отдела (8/XII—1924).

Решено создать в Административно-Организационном Управлении небольшой аппарат для предварительной проработки финансово-хозяйственных вопросов, касающихся предприятий, находящихся в ведении Наркомпроса. (1/XII—1924).

Коллегия Главпрофобра на 1924—1925 уч. год утверждена в составе: тт. Ходоровский, Касаткин, Некрасов, Челяпов, Клейнштейн, Вихирев, Аникст, Бушинский, Броннер, Хохлов, Мирославский (20/XII—24).

По вопросу о культурной связи с заграницей, признано нецелесообразным ломать аппарат, имеющий налаженную связь с заграницей, каковым является Объединенное Бюро Информации. Культурная связь с заграничными организациями не должна распыляться по отдельным учреждениям; должна быть сохранена централизация этой работы, придав ей внешне-общественный характер. Филиальные отделения этого аппарата должны быть организованы во всех союзных республиках. Вопрос о культурной связи с заграницей поднять на предстоящем партсовещании (11/XII—1924).

Постановлено прекратить печатание отдельных циркуляров и распоряжений главков НКП и впредь помещать их только в еженедельнике НКП. (1/XII—1924).

Проредактированы и утверждены резолюции совещания завгубоно центрального района (15/XII—24).

Одобрен в основе производственный план Главполитпросвета на 1924—1925 гг. Вычеркнут пункт об организации всероссийского общества самообразования. Поставлен на очередь вопрос об экскурсионной работе Наркомпроса по всем управлениям (20/XI—1924).

Утвержден состав Научно-Художественной секции ГУС'а на 1924—25 гг. и ее подсекций: театральной, музыкальной, изобразительных искусств и литературной. Председатель А. В. Луначарский, зам. председателя П. Л. Коган. (1/XII—24).

Утвержден состав подсекции массовой работы со взрослыми, научно-политической секции ГУС'а. Председатель Н. А. Попов, зам. председателя З. П. Кржижановская (1/XII—1924).

Поручено составить докладную записку в директивные органы об организации пенсионного дела для учителей и ассигновать для этого необходимые средства (15/XII—1924).

Утвержден проект устава Академии Наук. Признано необходимым включить положение, что Академия является учреждением общесоюзного значения, при условии, что это не повлечет за собой изъятия ее из ведения Наркомпроса. Признано необходимым, чтобы члены Академии утверждались Совнаркомом РСФСР. Президент Академии выдвигается конференцией Академии из числа ее членов и утверждается Совнаркомом по представлению Наркома просвещения. (15/XII—1924).

Поручено составить докладную записку о мерах для поднятия культурно-просветительной работы нац'мен крайнего севера (24/XI—1924).

Возбуждено ходатайство об отпуске средств на издание научных трудов с представлением соответствующей сметы. (15/XII—1924).

Постановлено объединить 3 Ленинградских педвуза: Педагогический Институт им. Герцена, Педагогический Институт дошкольного образования и Педагогический Институт педологии и дефектологии—в единый Педагогический Институт многофакультетного типа. Вопрос о Ленинградском Педагогическом Институте политпросветработы выделен, впредь до согласования с соответствующими организациями. (4/XII—1924).

Постановлено созвать междуведомственное совещание по определению типа социально-экономического вуз'а, соответствующего требованиям хозяйственных предприятий (8/XII—1924).

Признано возможным включение в сеть учреждений Главнауки Клинического института функциональной диагностики при 1 МГУ и Северо-Кавказского Комитета по изучению языковых культур. Развертывание Угро-Финского Комитета отложено до следующего бюджетного года. (8/XII—1924). Признано необходимым включить в названную сеть биологическую станцию в Севастополе. (15/XII).

Удовлетворено ходатайство ВХУТЕМАС'а о признании скульптур Врубеля государственным достоянием. (11/XII—1924).

Постановлено создать при Наркомпросе комиссию по подготовке к кампании „Дня леса" и поручить ей проработать вопрос об издании сборника на эту тему (8/XII—1924).

За студенческими клубами закреплено 36.000 р. в год (20/XI—24). Признан необходимым постоянный контакт в работе между заинтересованными Главками Наркомпроса и ЦБ при ЦК РКСМ по руководству работой С. Х. кружков (24/XI—1924).

Признано, что льготы кустарям в оплате за обучение должны предоставляться в порядке решений Комиссий, предусмотренных в положении о платности в школах (24/XI—1924).

Разрешено Губоно заключить договор с отделениями Всероссийского Меннонитского С. Х. Общества по вопросу о материальном поддержании школ I и II ступени. Все средства должны вноситься в Губоно; управление школами производится в обычном порядке (24/XI—1924).

Признан целесообразным созыв на территории СССР международного съезда лимнологов и возбуждено ходатайство об отпуске на созыв этого съезда 5000 р. (8/XII—1924).

Директору Театрального музея А. Бахрушину присвоено звание пожизненного почетного председателя Совета музея (24/XI—1924).

„Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременялась безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическми выводами и заучить коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество".

(В. Ленин. Из речи на 3-ем Всероссийском Съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи).

В СОЮЗЕ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Пятый пленум Цекпроса высказался за перевод всех работников просвещения на единый тариф, при непременном условии неснижения заработной платы (Р. П. 1924,23).

Опубликована инструкция Цекпроса и Наркомпроса о проведении единого тарифа союза работников просвещения в культурно-просветительных учреждениях. Единый тариф союза обязателен к проведению для всех центральных и местных учреждений по народному образованию, как состоящих в непосредственном ведении НКП и его местных органов, так и подконтрольных им в части учебно-воспитательной, а также и для всех местных организаций Союза. Работа по проведению тарифа должна вестись с известной постепенностью, без резкой ломки существующего положения и должна быть закончена, примерно, к 1 января 1925 г. Никакие изменения или дополнения к тарифу, без согласия на то Цекпроса и ВЦСПС, производимы быть не могут. Проведение новой тарификации ни в коем случае не должно повлечь за собой снижения средней реальной зарплаты работников по учреждению, существующей или намечаемой на предстоящий бюджетный год по губернии или области. (Р. П. 1924,22).

Заключено соглашение Центрального Комитета Союза работников просвещения СССР с Наркомпросом РСФСР о введении единого тарифа союза в культурно-просветительных учреждениях. По соглашению, квалификация работников, разбивка по разрядам и нормирование рабочего времени с 1 октября 1924 г. производится в точном соответствии с единым тарифом союза. (Р. П. 1924,22).

Опубликован примерный устав кассы взаимопомощи союза работников просвещения СССР. Касса есть добровольная организация лиц, занятых по найму в области народного просвещения, ставящая целью оказание мтериальной товарищеской помощи особо нуждающимся своим членам в постигших их бедствиях и в других случаях острой нужды, когда помощь не предусматривается социально-страховым законодательством или же она оказывается в недостаточном размере. Касса организуется при культурно-просветительных учреждениях и союзных организациях, как по инициативе правления союза, так и по заявлению членов союза. В сельских местностях, при наличии не менее 100 членов, организуются районные кассы; в волостях с меньшим числом членов, работники просвещения входят в межсоюзные кассы. Участниками кассы могут быть все работники просвещения, постоянно работающие в учреждениях и организациях района, имеющие право быть членами союза. Средства кассы составляются из вступительных взносов в размере не свыше $^1/_2$ дневного заработка, ежемесячных членских отчислений не свыше 1%, разных других доходов и отчислений. (Р. П. 1924,23).

Опубликован циркуляр Цекпроса об уголках работы в деревне при уездных и губернских домах работников просвещения. Задача уголка дать приходящему в дом полное и наглядное представление о местной деревне, ее жизни и работе, а также и наиважнейшие сведения, касающиеся деревни вообще. В губернских домах, на ряду с уголком работы в деревне для ближайшего уезда, необходимо группировать суммарные материалы о деревне данной губернии, или области. В уголке необходим справочник-сводка важнейших декретов и распоряжений правительства и местной власти, касающихся деревни. К циркуляру приложен примерный инвентарный список уголка по работе в деревне с сбъяснительной к нему запиской. (Р. П. 1924,24).

Опубликовано обращение Цекпроса к учителям Китая с предложением установить взаимную дружескую связь на почве общих культурных и профессиональных интересов. (Р. П. 1924,22).

Срок созыва V всесоюзного съезда Работпроса назначен на 11 февраля 1925 г. В повестку дня съезда включены вопросы организационного строительства, тарифно-экономической работы, культурно-просветительной работы, доклады наркомпросов РСФСР, Украины и Татреспублики (Р. П. 1924,22).

Постановлено слить с 1925 г. журналы: „Работник Просвещения" и „Московский Просвещенец" (Р. П. 1924,22).

Учреждена особая комиссия для подробной разработки вопроса о плане и методах производственной работы союза. (Р. П. 1924,24).

Президиум Цекпроса признал необходимым организовать курортный фонд, составленный на основе добровольных отчислений с членов союза. (Р. П. 1924,24).

Президиум Цекпроса признал, что работа представителей РЛКСМ в союзе требует уточнения общих задач и установления определенных методов. Признано необходимым дать директивы, регулирующие взаимоотношения комсомольских ячеек и учительства в деревне. (Р. П. 1924,24).

По поводу постановления Енисейского Губпроса о выпуске 2-недельной просветительной газеты, Цекпрос указал на нецелесообразность издания такой газеты при наличии еженедельной „Учительской Газеты". (Р. П. 1924,24).

Цекпрос признал, что основными задачами издательства „Работник Просвещения" являются удешевление изданий и организация широкого кредита союзным организациям и отдельным членам союза. План издательства на 1924—25 г. утвержден в 50 милл. печатных листов. Предложено разработать план издания литературы на языкам нацменьшинств. (Р. П. 1924,22).

Функции редакционной комиссии издательства переданы коллегии культотдела ЦК. Координирование работ периодических изданий ЦК поручено редакционным совещаниям в составе редакций названных органов и членов коллегии культотдела. (Р. П. 1924,23).

Утверждена выдача субсидии домам работников просвещения гг. Пскова, Калуги, Самары и Переяславль.—Признано необходимым усилить клубную работу Домов. (У. Г. 1925,1).

Всем отделам Рабпроса предложено принять участие в работе по ликвидации неграмотности. При отделах, в домах просвещения и при школах соцвоса должны быть организованы уголки по ликвидации неграмотности. (У. Г. 1924,11).

Президиумом ЦК утвержден циркуляр о работе среди женщин. (Р. П. 1924,23).

На культработу студенческих профсекций постановлено отпускать ежемесячно по 100 р. (Р. П. 1924,22).

ЦК признал необходимым переход редакционно-издательских предприятий на 8-часовой рабочий день и производственный тариф. (Р. П. 1924,22).

Местам предложено организовать при домах просвещения кружки по изучению жизни и работы юных ленинцев. (У. Г. 1925,1).

Цекпрос возбудил вопрос о распространении субвенции и на работников просвещения договорных школ. (У. Г. 1925,1).

Утверждено новое положение о секции научных работников; введена организация республиканских, областных и губернских бюро секции; введена организация квалификационных комиссий при местных бюро. (Р. П. 1924,24).

Состоялся третий пленум секции научных работников. Признано необходимым: проводить настойчивую работу по увеличению фонда зарплаты научным работникам, принять экстренные меры к обеспечению пенсиями престарелых ученых и их семей, усилить влияние секции на всю работу Цекубу, а также во всех государственных органах, ведающих административно-организационной и методической работой Вузов и научных учреждений, урегулировать вопрос о заграничных командировках, принять меры к возрождению издательства научных трудов. Пленум приветствовал установление тесного, взаимного делового контакта организаций пролетарского студенчества с организацией научных работников. (Р. П. 1924,24).

„С безграмотностью бороться должно, но одна грамотность также недостаточна, а нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками. Это такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить. По сути дела эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним подъемом культуры“.

(В. Ленин. XVIII—I—383).

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ.

Совещание директоров учреждений Главнауки.

А. М. Коноплянцев.

20—22 ноября состоялось совещание директоров научных, научно-художественных и музейных учреждений [1]). Это было не только первое совещание за время существования Советской власти, но что особенно важно—первое совещание вообще в истории нашего научного и музейного дела.

На этом совещании впервые в России встретились представители различных научных и музейных учреждений и в живой беседе совместно с центральным административно-организационным и научно-методическим государственным органом—Главнаукой выявили свои насущные нужды и потребности.

На совещании принимало участие до 160 человек делегатов. Состоялось два пленарных заседания, в промежутке между которыми работали четыре секции: научная, музейная, охраны природы и художественная. Кроме того выделены были еще комиссии: финансовая и по издательству.

20 ноября на пленуме были заслушаны следующие доклады: 1) тов. Петрова—об общем состоянии Главнауки, 2) тов. Пинкевича—о научном издательстве, 3) тов. Зылева—о финансах и штатах Главнауки и 4) тов. Григорьева—о формах хозяйственной структуры и спецсредствах.

Тов. Петров в своем докладе остановился прежде всего на задачах Главнауки, которая с точки зрения государственных задач, с точки зрения единого государственного плана ставит себе целью государственную организацию в стране научного исследования. За границей наука тесно связана с индивидуальной культурой, почему исследовательские работы там шли анархическим путем и не были скоординированы между собой. У нас же наука имеет то преимущество, что исходя из основных задач, стоящих перед той или иной научной дисциплиной, она осуществляет контакт, связь с хозяйственным планом развития всей страны. Роль Главнауки заключается в том, чтобы организовать научные исследования на принципе тесной связи исследовательской работы с общими задачами советского строительства, с хозяйственными задачами и с восстановлением советской культуры. Исходя из этой основной мысли, т. Петров в дальнейшей части своего обширного доклада подробно остановился как на деятельности Главнауки за последний год по отдельным линиям ее работы, так и на перспективах на 1924—25 год, а вместе с тем и на задачах настоящего совещания.

Заслушав доклад т. Петрова, совещание признало административно-организационную работу Главнауки, проделанную за последний год, и намеченный Главнаукою план работы отвечающими жизненным интересам развития науч-

---

[1]) За недостатком места отчет не мог быть напечатан в предыдущем номере.

ной работы в стране и приветствовало инициативу Главнауки в созыве 1-го совещания руководителей научных и музейных учреждений.

Предметом доклада тов. Пинкевича был большой и крайне серьезный вопрос о научном издательстве. Действительно, дело научного издательства в учреждениях Главнауки, фактически обнимающей большую часть научной работы в стране, находится в крайне неудовлетворительном состоянии. Это издательство ни в какой мере не отвечает ни уровню развития научной мысли в стране, ни ее природным богатствам и наличности активной творческой научной силы, ни престижу, каким русская наука по справедливости пользуется на Западе и Востоке. Научное творчество без выявления в печатном слове гибнет бесплодно и теряет свою общественную ценность, а вместе с тем гибнет и огромное производство первостепенной важности как с точки зрения культурных интересов Советской России, так и с точки зрения ее международных отношений. Отсутствие возможности печатать научные труды соответственно понижает нормальное органическое коллективное научное творчество в стране, так как только через книгу научная мысль и все ее творческие достижения становятся достоянием широких трудовых масс и вместе с тем родят собой новые научные открытия и достижения, будят творческую мысль научного коллектива и стимулируют научную работу ученого.

В виду почти полного прекращения издательской деятельности научных и музейных учреждений за послевоенное время, образовались залежи научных трудов, ждущих опубликования в количестве, превышающем 30,000 печатных листов первоочередной важности.

Учитывая все эти обстоятельства, Совещание, заслушав доклад т. Пинкевича, избрало специальную делегацию к Председателю СНК т. Рыкову для доклада ему о мерах к возрождению издательского дела научных и музейных учреждений Республики, о необходимости срочного отпуска на то кредита в сумме одного миллиона рублей по смете Главнауки. В один из ближайших дней после съезда эта делегация посетила Председателя СНК т. Рыкова и встретила у него сочувственный прием.

По докладу т. Зылева о финансах и штатах Главнауки Совещание констатировало общее улучшение финансового положения учреждений Главнауки в сравнении с прошлым, но в то же время признало, что оно все же далеко недостаточно, гораздо ниже чем в учреждениях других Наркоматов и настоятельно требует улучшения.

Научная Секция Совещания в своих заседаниях подвергла детальному, рассмотрению производственный план Главнауки по научной линии, нашла что он разработан с необходимой полнотой и всесторонностью, охватывает все стороны организации и развития научной работы в Распублике и согласован с производственным планом отдельных научных учреждений. Большое внимание секцией было уделено вопросу о научных сотрудниках 2-го разряда. Вопрос о подготовке научных работников и преподавателей высшей школы имеет огромную важность. От количества подготовляющихся к научной и преподавательской деятельности всецело зависит будущее развитие наук в стране и положение высшей школы. Те двести тридцать стипендий, которые предоставлены в настоящем году лицам, оставленным для научного усовершенствования, являются ничтожным числом, ни в какой степени не обеспечивающим требования развития науки и ее применения к запросам практической жизни страны. Считаясь с этими обстоятельствами, совещание признало необходимым увеличение числа стипендий до соответствующих размеров. Из других вопросов, обсуждавшихся научной секцией, отметим вопрос о централизации научных учреждений в одном управлении. Секция обратила внимание на то, что научные учреждения распылены по отдельным наркоматам и даже в пределах Наркомпроса по разным главкам, почему признала, что в

целях планомерного развития научно-исследовательской работы в стране, необходимой предпосылкой к увеличению продуктивности этой работы является дальнейшее объединение в Главнауке научно-исследовательских учреждений всех ведомств и в первую очередь тех, которые сейчас находятся в двух главках Наркомпроса (Главнаука и Главпрофобр).

Музейная Секция подвергла обсуждению ряд вопросов, касающихся различных сторон жизни и деятельности музеев. По докладу Музейного Отдела Главнауки она признала общие принципы построения сети государственных музеев правильными, а наличную сеть музейных учреждений минимально обеспечивающей как нужды науки, так и просветительные потребности страны. Точно также секция признала правильной общую линию, проводимую Главнаукой, по концентрации музейного материала в соответствии с государственной музейной сетью, а равно филиацию музеев в качестве меры содействующей как усилению научной работы музеев, так и планомерному распределению музейных коллекций. Далее секция коснулась вопроса о связи архивов с музеями.

Со стороны Центроархива наблюдаются попытки изъять из музеев их архивы и библиотеки. Между тем, в деле музейного строительства архивы и библиотеки музеев, в частности музеев-особняков, отдельных памятников и коллекций, усадеб, монастырей и пр. имеют особенное значение в качестве материалов, неразрывно связанных с музейными коллекциями и памятниками, документирующих и обосновывающих их возникновение, историю и состояние. Секция признала изъятие архивов и библиотек научно-необоснованным и наносящим сугубый вред нормальной научно-исследовательской и просветительной работе. Далее секция отметила недостаток в квалифицированных музейных работниках. В связи с притоком нового материала в музеи и ростом их просветительной деятельности такой недостаток становится все более и более ощутительным, почему секция признала необходимым организацию постоянных научно-музейных курсов. Вместе с тем, музейная секция вынесла ряд постановлений и пожеланий по вопросам методического характера, которые встретят всестороннее освещение на предполагаемой в первой половине текущего года музейной конференции.

Секция по Охране Природы не отличалась многолюдством, за небольшим сравнительно количеством соответствующих учреждений, подведомственных Главнауке и делегировавшых представителей на совещание. Она отметила большую работу, проведенную Главнаукой в деле охраны природы, и подробно остановилась на различных нуждах в этом сравнительно молодом деле как материального, так и культурно-просветительного характера. Между прочим Секция чутко отнеслась к не раз поднимающемуся вопросу о передаче заповедников из ведения Наркомпроса в Наркомзем. Работники с мест на основании личного опыта и наблюдений констатируют, что такая передача была бы равносильна полной ликвидации дела охраны природы, как это отчасти осуществляется на примере даже „Аскании Нова“, что, несмотря на широкое содействие делу охраны природы со стороны местных культурных учреждений, управления заповедников неизменно встречают упорное сопротивление со стороны местных органов Наркомзема. В случае передачи органам Наркомзема заповедников, охрана природы была бы вытеснена хозяйственно-эксплоатационными задачами, являющимися основным уклоном деятельности земельного ведомства.

Художественная Секция совещания, которая так же, как и Секция охраны природы и по тем же причинам собрала небольшое количество участников, вынесла ряд пожеланий об увеличении штата научно-художественных учреждений, о дальнейшем приближении работ научно-художественных учреждений к вопросам современности, о созыве в текущем году конференции по вопросам искусства, об организации особых практикумов

для подготовки молодых научных работников, об устройстве в Москве особого помещения для художественных выставок и пр.

Последние три Секции единодушно, как и научная, признали производственные планы, выработанные Главнаукой на 1924—25 год, правильными с внесеннем лишь незначительных поправок.

На последнем пленарном заседании совещания были заслушаны доклады т. Сегаля о съездах и экспедициях и о заграничных командировках.

Совещание протекало все время в дружной деловой работе, затронуло коренные и большие вопросы. „За эти три дня, сказал акад. Ольденбург, нами продумано, проработано столько, что хватит на те месяцы, которые отделяют нас от следующего собрания". Зав. Главнаукой т. Петров в своей заключительной речи отметил полную искренность и простоту отношений между участниками совещания, общий между ними язык, общее стремление возможно полнее и возможно лучше ответить на те задачи, которые ставит советское строительство и советская культура.

Первая всероссийская конференция работников научных библиотек.

(7—12 декабря).

П. Зенкович.

Происходивший в июле 1924 г. первый Всероссийский библиотечный съезд имел в виду, главным образом, задачи политпросветских библиотек, обслуживающих широкие массы населения деревни и города. Уже на этом съезде было признано необходимым увязать работу этих б-к с б-ками научными и академическими (при ВУЗ'ах), поскольку и те и другие должны пользоваться одинаковыми методами работы и осуществлять одни и те же цели—просвещение широких масс трудящихся. Но научные библиотеки кроме того имеют и свои особенности и собственные задачи—это задачи научного исследования. Обсуждение этих вопросов, т.-е. научно-методического характера и путей осуществления связи с б-ками политпросветскими и составило главную задачу конференции. Кроме этих вопросов в порядке дня стояли общие и организационные вопросы. Конференцию открыл почетный председатель конференции заведующий Главнаукой т. Петров, который в своей речи подчеркнул значение продвижения науки в массы. Научные б-ки для этого должны отказаться от дореволюционной замкнутости, предоставив книгохранилища в пользование трудящимся. При этом он осветил значение научно-исследовательской работы научных б-к и указал на определившийся у нас значительный рост б-к, подтверждающий их роль в деле просвещения рабочих масс. Особенно бережное и любовное отношение—подчеркнул в своей речи на одном из последующих заседаний почетный председатель конференции Замнарком М. Н. Покровский—должны обнаружить научные б-ки к запросам и интересам рабоче-крестьянской молодежи, стремящейся к научному знанию, так как эта молодежь призвана заменить старое поколение во всех областях государственного строительства.

Конференция прошла под лозунгом „Науку в массы", получившим свое наиболее яркое выражение в докладе „о методах работы научных б-к."

Научная библиотека старого времени считала себя учреждением, служащим интересам науки и предназначенным для немногих избранных; она мало принимала участия в текущей общественной жизни. Современная же научная б-ка служит интересам науки, связывая свою работу с культурной, экономической и политической жизнью республики. Она стремится обслуживать не только специалистов ученых, но и различные категории практических работников, лиц, подготовляющихся к научной и практической работе и вообще широкие круги читателей, ищущих научных знаний в книгах. Пользование научными библиотеками из привилегии немногих избранных сделалось правом каждого нуждающегося в них. Задача научных б-к не только копить книжные богатства, но и принимать необходимые меры: а) для привлечения к ним всеобщего внимания; б) для выявления их содержания; в) для оказания помощи при их использовании.

В принятой резолюции по указанному докладу подчеркивается, что современная научная б-ка, имея своей задачей содействие изучению и пропаганде марксизма и ленинизма, а также строительству научной, хозяйственной и политической жизни Республики, ориентирует свою работу на реальные потребности рабоче-крестьянского государства. Необходимо особенно отметить важность направления деятельности и оказания помощи хозяйственно-политической работе в деревне. Очередной задачей научной б-ки является создание для трудящихся масс наиболее легких и совершенных условий доступа к ее научным богатствам и оказание помощи при их использовании. Методами такой работы являются: а) библиография отдельных отраслей знания, согласуя ее с другими научными библиотеками, а также с политпросветскими, б) справочная работа, в) выставки и пр.

Эту работу научные б-ки должны согласовать с работой научных обществ и организаций (Испарт, Институт имени Ленина, краеведческие организации, МОПР, ОДВФ, Доброхим и др.). Работа в указанных направлениях, где еще она не велась, должна быть начата немедленно.

Этими положениями достаточно ярко определены роль и значение научных библиотек,

В части научно-методической необходимо отметить резолюцию, принятую по докладу о задачах научных б-к в связи с реформой методов преподавания в ВУЗ'ах. Основная мысль резолюции: в связи с лабораторным планом преподавания в ВУЗ'ах, все существующие в них студенческие, факультетские, семинарские и пед. б-ки должны быть преобразованы в кабинеты-лаборатории или в рабочие студенческие б-ки, организованные в таком количестве, чтобы вместе с центральной академической библиотекой они были в состоянии обслужить все студенчество ВУЗ'а; там, где таковых нет, необходимо организовать их немедленно, при чем книжное имущество должно быть централизовано, т.-е. эти рабочие библиотеки должны рассматриваться, как часть центральной б-ки. Задача библиотекаря в лабораторной работе привить навыки самостоятельного пользования книгой (анализ книги, аннотирование, тематический каталог, конспектирование и т. д.), воспитать читательские интересы и поставить изучение читателя (наблюдение читателя, биография, анкета и т. д.). При этом необходимо направить выявленные читательские интересы в организованное русло общественно-политической работы (ОДВФ, Доброхим, „Долой неграмотность," подшефные организации и т. п.). При лабораторном методе намечается связь библиотекаря с преподавателем: в совместном изучении имеющейся литературы и читательских интересов курсантов, в составлении тематических подвижных каталогов, в ведении библиографической, справочной работы, в совместном подборе книжных выставок и пр.

Из других резолюций нужно отметить резолюцию о предметном каталоге и о централизации каталогизации. Предметный каталог, как известно, группирует книги не по отраслям знания или отде-

лам, а по отдельным вопросам, при чем [1]) книги, освещающие данный вопрос или предмет с различных точек зрения и относящиеся к различным отделам систематического каталога. Так, под рубрикой „лошадь" сойдутся книги по зоологии, коннозаводству, ветеринарии и т. п. (Хавкина Л. Б. „Руководство для небольших библиотек"). По соответствующему докладу конференция признала, что систематический каталог является недостаточным орудием приближения книги к читателю, что каталог предметный более эластичен, более обеспечивает экономию труда и времени читателя и более доступен для широких масс, поэтому он рекомендуется для научных б-к, при чем необходимо таким путем каталогизировать в первую очередь вновь поступившие в б-ку книги.

Научная организация труда в библиотечном деле страны требует централизации каталогизации и печатания карточек. Значение централизации велико: во всех библиотеках СССР десятки тысяч библиотекарей работают над писанием карточек, производя эту работу часто кустарнически, неумело создавая каталоги, которые неудовлетворяют читателей. Печатание же карточек на каждую выходящую книгу и затем рассылка их по б-кам освободит работников от писания, направив их на научную и политико-просветительную работу, а также даст однообразную, научно-составленную (т.-е. правильную) карточку. Хотя осуществление этой централизации связано с довольно крупным расходом, но расход этот компенсируется освобождением большого количества библиотечных сил для непосредственной б-ной работы, что послужит к развитию и подъему дела. Конференция признала необходимым приступить к осуществлению этого проекта, для чего между прочим необходимо выработать единую инструкцию по каталогизации [2]).

Из резолюций по вопросам общим и организационным необходимо указать на следующие:

1. Об охране и распределении книжных запасов.— Признано желательным сохранение книжного фонда в Ленинграде и развитие книжного распределителя в Москве, обратив особое внимание на организованное снабжение из книжных фондов местных научных б-к с целью укрепления культурных книжных центров на местах;

2. Об обязательном экземпляре. Книжная палата получает все выходящие книги в определенном количестве экземпляров и затем распределяет их по б-кам—признано нецелесообразным увеличение количества столичных экземпляров за счет провинциальных; желательно дробление экземпляра по специальности для направления в соответствующие б-ки. В целях предохранения этих экземпляров, составляющих архивный фонд в книгохранилищах, от быстрого изнашивания и исчезновения книг необходимо возбудить вопрос об издании декрета о печатании обязательных экземпляров на лучших сортах бумаги.

3. Об обмене международном и внутрисоюзном. Для обмена с заграницей необходимо создание центра (книжная палата), что не должно препятствовать отдельным научным учреждениям и обществам самостоятельно осуществлять обмен своими изданиями с заграницей. В целях облегчения внутреннего и международного книгообмена, конференция постановила просить Главнауку включить научные б-ки всех типов в список учреждений, пользующихся льготами по пересылке и перевозке книг, предусмотренных тарифом, опубликованным в № 210, сборник тарифов НКПС за 1924 г.

4. О постановке статистики научных билиотек. Нужно регламентировать обязательность регистрации научных б-к всех типов в Главнауке, выработать статистический бланк обследования, по согласованию с

[1]) Под предметной рубрикой могут собираться.

[2]) Примечание: Российская Центральная Книжная Палата уже предпринимает практические шаги для осуществления печатания карточек.

б-ками политпросветскими. Работу по статистике вести совместно с ЦУС и Статотделом НКП,

5. О положении для научных библиотек и уставах—признано необходимым:

а) усилить центральный библ. орган при Главнауке; б) распространить его влияние на различные типы научных б-к, а именно: 1) национальные книгохранилища, 2) библиотеки ВУЗ'ов, 3) научных учреждений и обществ, 4) самостоятельные научные библиотеки, 5) научно-ведомственные; в) выработать по соглашению с ведомствами формы объединения деятельности научных б-к в одном центре; г) желательно образовать при библиотечном п/отделе Главнауки консультационное бюро из библ. деятелей для разрешения вопросов обще-библиотечных; д) выработать типовые уставы б-к при соблюдении принципа открытых дверей научных библиотек для всех нуждающихся в научной книге.

6). О библиотекаре. По докладу члена правления Губпроса—отмечена необходимость введения для научных б-рей 24 часов недельной работы, для прочих работников сокращение ежедневной работы на час, в виду особо вредных условий работы (пыль, нервная и физическая напряженность и др.), и приравнение научн. б-рей к преподавателям в деле отпусков (2 месяца вместо одного в год).

Рамки статьи не позволяют остановиться на других вопросах конференции—пришлось остановиться лишь на некоторых наиболее интересных. Но неослабевающее в течение недели внимание к работам конференции ее участников (около 300 человек) заставляет считать и другие вопросы не менее интересными. Это подтверждается высказанным пожеланием о напечатании трудов конференции (есть надежда, что это будет осуществлено) и об обязательном ежегодном созыве подобных же конференций. Здесь необходимо также отметить, что на конференции приняли участие представители таких отдельных уголков нашей республики, как Томска, Иркутска, Владивостока, а также представители автономных, и союзных республик: Украины, Белоруссии, Узбекистана, Туркестана. На ней были представлены не только б-ки, подведомственные Наркомпросу, но и представители б-к других ведомств. Таким образом конференция способствовала объединению всех научных библиотек разных типов, всех ведомств в одну дружную семью, связав их работу с Главнаукой под лозунгом „Науку в массы".

1-й Всероссийский библиографический съезд

(2—8 декабря).

П. Зенкович.

Этот съезд является для нашей страны первым библиографическим съездом. В дореволюционное время такие съезды не созывались. Между тем, потребность в библиографическом съезде назрела давно, что признано всеми библиографами, так как в библиографическую работу необходимо внести организованность и стройность и ясно формулировать задачи разных областей библиографии. Характерно, что старая, возникшая еще до революции школа библиографов хотела оставить за собой свободу „научной" работы, обособившись в группу теоретиков библиографии в противовес практиков б-фии, с которой она не находила контакта. Были сделаны попытки обосновать правильность такого разделения б-фии. Съезд в этом во-

просе обнаружил ошибку „теоретиков", приняв соответствующую резолюцию о разделении б-фии на описательную и рекомендательную. Уже это одно решение, исправившее длительную ошибку и направившее работу по одному руслу, следует поставить в громадную заслугу съезду. Точно также в заслугу ему надо поставить и принятое решение о связи б-фии с библиотековедением, о децимальной системе классификации и др.

Известное значение для решений съезда имело то обстоятельство, что он был приурочен к конференции научных библиотек, которая открылась в последние дни съезда, при чем первое заседание конференции происходило совместно со съездом библиографов. На съезде присутствовало около 200 делегатов, в том числе представители Союзных республик.

Из принятых решений необходимо отметить следующие.

1. О координации научно-библиографических работ различных учреждений. Необходима исчерпывающая информация о работе разных учреждений, учет работы, что может быть достигнуто путем создания Научно-библиографического центра, в лице Ученого Совета Российской Центральной Книжной Палаты; для б-фии, преследующей политико-просветительные цели, считать желательными создание такого же Центра при Главполитпросвете. Эти два центра должны находиться между собой в контакте.

2. О связи практической и теоретической библиографии.—Принято, что по существу никакой грани между так называемыми научной библиографией и б-фией практической нет; что б-фия (как описательная, так и рекомендательная) должна в своих заданиях руководиться потребностями жизни и запросами, предъявленными к ней наукой и практической деятельностью и в первую очередь, просвещением широких масс.

3. О связи б-фии с задачами научно-библиотечного строительства.—Наряду с библиотеками массового пользования современная научная б-ка перерастает устаревшее понятие библиотеки-книгохранилища, поэтому она должна быть организована по типу активных вспомогательных или самостоятельных научных учреждений, охватывающих все виды библиологической практики, в том числе библиографию, как метод организации литературного материала, подлежащего изучению и научному обобщению.

Организация активных библиографических органов стоит непосредственно в плане развертывания библиографической работы, вышедшей из стадии индивидуализма и нуждающейся в соответствующих мощных аппаратах организованной коллективной работы. Этими органами предпочтительно должны быть не оторванные от книжной базы обособленные учреждения, но наделенные соответствующими функциями научные библиотеки, одновременно являющиеся хранилищами и проводниками книги.

В отношении академического преподавания постановка академических библиотек в качестве активных научных институтов могла бы быть плодотворной в смысле придания новых методов и форм работы самому преподаванию.

Резолюциями по этим трем докладам намечено разделение работы и взаимоотношение между отдельными видами библиографии.

В двух дальнейших резолюциях даются решения по теоретическим вопросам б-фии: так по докладу.

4. О децимальной системе.—Признана некоторая устарелость системы и затруднительность ее проведения в нашей практике, поэтому необходимо просить Главполитпросвет не считать эту систему единственно обязательной, но до переработки ее, допустимой там, где она применяется. Принять меры к ее пересмотру, поручив это Книжной Палате в лице ее расширенного Совета. Журнал „Книжная Летопись", применяющий эту систему, должен уже теперь отказаться от слишком последовательного и полного ее применения, воспользовавшись сокращенными классификационными таблицами.

5. Об унификации каталографии.—Необходимо немедленно приступить к выработке проекта нормальной общероссийской инструкции по библиографическому описанию произведений печати, так как отсутствие таковой приносит большой ущерб как библиографии, так и библиотековедению: каталожные карточки составляются всеми по разному, со многими ошибками. Книжной Палате поручено организовать компетентную комиссию для выработки проекта.

Дальнейшие доклады касаются вопросов библиографической практики. Так по докладу об исчерпывающей регистрации печатного материала в „Книжной Летописи"—признано желательным сократить поступающий материал, исключив из регистрации материал, не имеющий научного значения. Зато необходимо в „Летописи" выделить печатный материал на языках национальных меньшинств, в виде особого приложения к „Книжной Летописи".

О титульном листе—признано необходимым издание инструкции для установления единообразия при печатании титульного листа (обязательно в нем—указание времени издания, количества тиража и др).

О статистике печатных изданий.—Необходима статистика печати, (а также книгораспространения), так как в настоящих условиях поступления в Книжную Палату всей печатной продукции страны создались особо выгодные условия для статистики печати, каких нет в других государствах.

Из работ отдельных секций нужно подчеркнуть следующие постановления.

В Секции „История Книги" между прочим принято постановление о необходимости приведения в известность всех изданий, вышедших в пределах СССР за годы гражданской войны и революции. Для инвентаризации изданий за 1917 — 20 гг., представляющих огромного значения историческую ценность, организовать особое бюро при Книжной Палате, обратиться к библиографическим, библиотечным и краеведческим организациям с предложением организовать указанную работу, пригласив к тому же и Союзные Республики.

В Секции Издательской—признано необходимым образовать при Книжной Палате особое библиографическое издательство. Оно должно в первую очередь издать труды съезда и приступить к систематическому изданию ежегодников, а также ежемесячного научно-библиографического журнала, чем будет устранен параллелизм в работе и устранены с рынка малополезные, а иногда и вредные работы, вводящие в заблуждение читателя.

В этой же секции принято пожелание о необходимости массового и регулярного издания оттисков статей и библиографических отделов, помещаемых в периодических изданиях и коллективных трудах, и регулярного библиографического учета и описания этих оттисков, с изданием каталогов оттисков по отдельным отраслям знания.

Перечисленные решения по целому ряду вопросов достаточно характеризуют объем и содержание работы съезда в области организационной, научной и текущей практики, поэтому нет надобности останавливаться на других менее существенных постановлениях. Необходимо еще раз подчеркнуть значение съезда: он создал мост между различными видами библиографии, а также б-фии и библиотековедения, он заставил научно-теоретическую б-фию пойти по тому же пути, по которому пошли научные библиотеки—по пути обслуживания нужд и интересов широких трудящихся масс, он разрешил целый ряд неотложных вопросов библиографической теории и практики,—и приходится лишь пожалеть, что этот съезд не был созван раньше. Это значение съезда и достигнутые им результаты дают надежду, что созыв библиографических съездов сделается регулярным у нас.

ОБЗОРЫ

Первый год плановой работы.

(Ликвидация неграмотности в 1923/24 уч. году).

В. Бобрышев

Идея борьбы с неграмотностью, декларированная правительством 26 декабря 1919 года, в самые тяжелые дни гражданской войны встретила на местах живой и активный отклик.

Первый же год стихийно развернувшейся работы дал к осени 1921 года 4800 тысяч обученных—цифру, в полной мере соответствующую поставленной на очередь задаче. Но с этого момента работа срывается со своего стихийного темпа, сделав резкий скачок вниз, обусловленный новой экономической обстановкой—переходом к НЭП'у.

В связи со снятием с Госбюджета всей политико-просветительной работы сеть ликпунктов катастрофически быстро начинает сокращаться. Вместо 37170 ликпунктов на I/X—21 г. ровно через год остаются всего—845, т.-е. 2,4% всей действовавшей сети, т.-е. меньше чем год тому назад приходилось в среднем на одну губернию.

И только с весны 1923 года, вместе с начавшимся хозяйственным возрождением страны, вопрос о ликвидации неграмотности снова ставится в порядок дня. Разрушенная нэпом сеть медленно, но восстанавливается. К 1 апреля 1923 г. на каждую губернию в среднем приходится по 93,4 ликпункта, к I/X—23 г.—по III, в то время как I/X—23 г. там же приходилось по 20 ликпунктов (приблизительно).

Но огромное политическое значение ликвидации неграмотности требовало более быстрого темпа. Нужен был тот размах, который придал кампании II Всероссийский съезд по л. б., введя ее в русло единого производственного плана, в материальной основе своей ориентированного на местный бюджет

В соответствии с этим планом в 1923/24 уч. году предполагалось обучить 1200 тысяч неграмотных для чего ВЦИК'ом и СНК была установлена сеть в 17.600 ликпунктов и 5.800 школ малограмотных.

Но первые же месяцы работы показали, что сложившаяся на местах обстановка далеко не благоприятствовала развитию положенного в основу работы планового начала.

Неустойчивость и слабость материальной базы, отсутствие (частичное или полное) аппарата, недостаток опытных работников и, наконец, не всегда полное понимание задач кампании со стороны низовой советской общественности—вот основные недостатки, характеризующие эту обстановку,

Материальная база.

Наиболее существенное значение в качестве источника средств имеет местный бюджет; являясь основной базой ликвидационной кампании, он не справился в истекшем году с принятыми на себя расходами.

Утвержденные годовой сметы по 15 губерниям обеспечивали план ВЧКлб. всего на 88,4%: вместо уетановленных для обучения одного неграмотного—3 р. 6 к., дали—2 р. 70 коп. В отдельных губерниях обеспеченность плана снижается: в Нижегородской губ.—до 51%; в Новгородской—до 40%, Владимирской—до 45,6%, Ульяновской—до 41%; в Вологодской—до 25,5% и только в Царицынской губ. и Чувашской области превышает 100%: в первой—158, во второй 226%.

Фактически же в большинстве случаев этот % оказался гораздо ниже, так как выполнение смет осложнялось разного рода обстоятельствами, сводившими используемые на работу суммы до минимума возможного.

Степень реализации кредитов доходила до 27 (Новгородская),—30 (Царицынская) процентов. В некоторых уездах Нижегородской губ. выполнение смет снижается до 5,3% (Сергачский) и даже до 2,6% (Баковский). Еще хуже положение на экономически маломощных окрайнах. Достаточно сказать, например, что Марийская область, в течение 1-го квартала получила из местных средств на ликвидацию неграмотности – 21 рубль.

Но ни одна из мер, направленных к укреплению материальной базы л. б. не принесла существенных результатов, ибо у каждой из них были свои отрицательные стороны. Так, инспекторское обследование в Уральской области, где на-ряду с другими губерниями, практиковалось бесплатное обучение в порядке культшефства, обнаружило полную незаинтересованность в усилении кампании со стороны учительства. Такая же пассивность со стороны крестьян сказалась в губерниях, перенесших часть раеходов на средства населения путем договоров (Вятская, Уральская).

Единственно оказавшийся реальным путь—это мобилизация общественности через организацию общества „Долой неграмотность" (см. соответств. раздел настоящего обзора).

Состояние аппарата (спецработники).

Опыт истекшего года показал, что наибольший % реализации плана ВЧКлб падает именно на губернии, имеющие во всех своих уездах спецработников. Таковы—Алтайская губ., выполнившая задание на 221% и Курская—на 600%; в то же время при отсутствии аппарата Архангельская губ. реализовала план на 38,6%, Северо-Двинская—на 41,5%. Несмотря, однако, на всю очевидность такой зависимости, несмотря на данные центром, неоднократно подтверждавшиеся директивы борьба за выделение спецработников не увенчалась в прошлом году успехом.

Оказалось, что к концу года мы имеем меньше того, с чем эту борьбу начали.

	Число губерний.	Число уездов.	Выделено работников.	% выделения.
На 1 января 24 г. . .	41	317	158	50
„ 1 апреля „ . .	52	400	178	44,5
„ 1 июня (по годовым отчетам).	58	467	187	40

Таким образом % уездов, обеспеченных работниками уменьшается последовательно от 50 до 40, придавая самому аппарату подверженный колебаниям, неустойчивый характер. Особенно болезненное, если судить по отдельным фактам, отражение получили реорганизация ОНО и районирование.

Практика некоторых губерний дает примеры, когда в силу этих причин с трудом достигнутые результаты сводились на нет. Так, в Ставропольской губернии с 1 октября 1923 г. в тяжелой материальной обстановке удалось провести спец-работников во всех 5 уездах. Но в результате последовавшего затем упразднения Уоно (ноябрь) и нового районирования (январь) они были сокращены, и все 12 районов остались без работников.

В то время как в I квартале насчитывалось 11 губ., не имеющих спецработников в уездах, на 1-е июня их стало 21. Т.-е. в течение года уездный аппарат оказался ликвидированным в 10 губерниях, оставшихся, т.-е. у разбитого корыта и вынужденных начинать борьбу сначала.

Еще большее значение имеет вопрос о работниках в губернском центре. Разрешен он более удовлетворительно, нежели в отношении уездов, но все же требует некоторых коррективов. Есть еще губернии где зав. ликнеграмотностью или совместительствует с другой работой — школьно-курсового инструктора, зам. зав. Губ. П. П. (Вятская, Псковская, Иркутская, Смоленская), или же он не входит в штат Губоно, оплачиваясь либо за счет ОДН (Иркутская), либо из средств губ. инструктивной школы (Нижегородская).

Меры вовлечения неграмотных.

Явное несоответствие между процентом реализации плановой сети (97,5) и степенью охвата неграмотного (55%) в значительной мере объясняется непосещаемостью ликпунктов неграмотными, косность которых и упорное нежелание обучаться, ослабляли и без того слабую сеть. При средней нагрузке в 28,5 человек на ликпункт посещаемость в отдельных случаях доходила до 5—6 человек (Гомельская губ.). „Были единичные случаи, когда из-за упорства деревенского населения приходилось закрывать ликпункты". (Владимирская губ.).

Это обстоятельство, являющееся серьезным препятствием к развитию планомерной работы, поставило места перед задачей самой широкой кампании за привлечение неграмотных к обучению всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

В смысле использования этих средств, она может быть разделена на два этапа.

Первый этап—до III Съезда по ликвидации безграмотности—характеризуется мероприятиями чрезвычайной пестроты и отсутствием строгой систематичности. Некоторая система имеет место только в порядке применения тех или иных мер воздействия на неграмотного. В первую очередь использовалась агитация и пропаганда, затем—меры морального воздействия и поощрения и наконец, как последняя ступень—меры принуждения и репрессий, находившие себе применение, главным образом, в отношении допризывников, обучавшихся в военном порядке: наложение нарядов и штрафов, аресты, привлечение к судебной ответственности и т. д. Здесь, как и в разряде мер морального воздействия, не было никаких строго установленных норм, вследствие чего на местах некоторое время наблюдалась известная растерянность С одной стороны—необходимость для успешного проведения кампании ряда решительных принудительных мер, с другой—естественное опасение перед перспективой отпугнуть от себя массу, придав самому обучению характер тяжелой повинности.

В таком положении дело оставалось до III съезда по ликвидации не-

грамотности, директивы которого вместе с увеличивающейся ролью ОДН характеризуют второй этап в борьбе за посещаемость ликпунктов. Съезд подтвердил принцип добровольного обучения и центром кампании за привлечение неграмотных сделал средства агитации, рекомендуя также меры, направленные по линии экономической заинтересованности учащихся. Данные в этом смысле директивы к концу минувшего года начали проникать в практику мест, вытесняя вредные или в лучшем случае бесполезные меры принуждения и репрессий. Даже считавшие в начале кампаний, что „с неграмотностью можно бороться только, имея в одной руке букварь, а в другой винтовку" (Новгородская губ.) отказались от принуждения неграмотных, перейдя к премированию и снижению налогов.

В смысле премирования интересен путь на который стали Губполитпросвет и ОДН Гомельской губернии, расширившие указания III съезда распространением заинтересованности не только на учащихся, но и на ликвидаторов. Из сумм ОДН выделено 2500 руб. в губернский фонд для выдачи премий близко стоящим к работе лицам и организациям при наличии благоприятных результатов по укомплектованию школ и аккуратному посещению их. Распределение фонда предположено произвести следующим образом: 40% для премирования учительства, 40%—для успешно закончивших обучение и 20%—организациям, проявившим активность в проведении ликвидационной кампании.

Стремление заинтересовать ликвидатора, сделав из него не только преподавателя, но и вербовщика, агитатора находится в полном соответствии с опытом прошлого года. Учитывая его, ряд губерний (Гомельская Вятская, С.-Двинская) перед началом кампании 1924/25 года подняли вопрос о переводе ликвидаторов на своего рода „сдельную" оплату в зависимости от количества обучаемых или обученных.

Насколько директивы III съезда оказались жизненными и верными установить еще не удалось так как этот опыт не мог сказаться во время летней кампании, но если проследить количество учащихся, приходившихся в среднем на каждый ликпункт, устанавливается следующий рост его: на 1 января—24,7 чел. на 1 апреля—25,7 чел. в мае—июне—28,5 чел.

Принимая во внимание, что фактическая посещаемость ликпунктов значительно ниже, задачу нормальной нагрузки нужно считать далеко не разрешенной. С этой точки зрения должны оцениваться и те итоги, которые дала кампания 1923/24 учебного года.

Итоги 1923/24 года.

Нижепомещаемая таблица рисует отдельные фазы постепенного развертывания и наростания работы по периодам с 1-го октября 1923 г. до момента наивысшего ея напряжения, относящегося, примерно, к маю — июню месяцам: (см. табл. на стр. 183).

В течении восьми операционных месяцев сеть ликвидационных учреждений возросла, таким образом, в пять раз против действовавшей к началу года. При этом наибольший рост ея падает на зимний период, к концу которого план ВЧК 1б в отношении учреждений был выполнен на 87,9%. В дальнейшем же, с наступлением весенних и летних месяцев темп работы замедлился, дав к развернутой уже сети всего около 10%. Поскольку же сведения в таблице даны не по равному количеству губерний, более верное представление о росте работы даст сопоставление плотности сети: число учреждений на одну губернию с 111 увеличилось до 367, т.-е в три с лишним раза.

Следующия графы показывает всего 55% охвата, т.-е. немногим больше

	Количество учреждений.	Вовлечено неграмот.	% выполнен. плана.		Число губерний дающих свед.	Число учреждений на 1 губернию.
			Учрежд.	Охват.		
1 октября 23 г. . . .	4.329	133.573	—	—	39	111
1 января 24 г. . . .	12.144	300.234	67,8	31	44	276
1 апреля 24 г. . . .	19.712	505.831	87,9	45	59	334
(Данные с'езда[1]). . .	21.448	600.000	95	53,7	59	363
Май—июнь 24 г. . .	22.048	621.352	97,5	35	60	367

(а фактически, как увидим дальше, даже меньше) половины производственного задания. В число 621.352 человека вовлеченных входит 310.890 чел. обученных по 15.958 учреждениям, в среднем по 20 человек на ликпункт и школу малограмотных, или 40% того, что было намечено планом, предусматривавшем обучить в данном году по 50 человек на ликпункт. Таким образом, 55% охвата неграмотных не дают права заключать о выполнении половины задания, так как значительная часть учащихся к моменту летнего сокращения сети оказалась необученой. При средней нагрузке в 28,5 человек, выпущено 20 человек (70%).

Отдельным губерниям при невероятных трудностях удалось не только выполнить задание центра на 100%, но, и далеко превысив его, довести % реализациии намеченной сети до 300 и даже выше: Брянская — 145, Курская—600, Орловская—365, Алтайская—221, Томская—163, Башреспублика—262, Крым и туркестан—по 201 и ряд других. Но не смотря на эти отдельные достижения в смысле возможного напряжения сил и средств, цифра 440.000 обученных за год говорит за себя. Если сравнить ее с грандиозной задачей обучения 17 миллионов в три года, то современное состояние работы по ликвидации неграмотности нужно признать чрезвычайно безотрадным.

Работа среди отдельных групп населения.

а) Допризывники. Главный контингент неграмотных, охваченных действовавшей в 1923/24 году сетью, составляли допризывники, выделенные наряду с членами профсоюзов, в качестве ударной группы для данного года. Количество ликпунктов для них в общей сети по 10 примерным губерниям[2]): (Псковская, Тульская, Саратовская, Нижегородская, Гомельская, Енисейская, Тамбовская, Область Уральская, Кубано-Черноморская, Марийская) колеблется от 23% (Саратовская, Кубано-Черноморская) до 90% (Тамбовская), составляя в среднем—53%. Кроме того в части губерний специальных ликпунктов для допризывников не создавали, привлекая их к обучению в обще-гражданских школах. (Брянская, Донская, Новгородская, Череповецкая, Воронежская и др.).

---

[1]) Эти цифры взятые из заполненных делегатами съезда анкет дополняют предыдущую строку и фактически обе дают сеть к концу апреля.

[2]) Сведения из анкет делегатов III съезда по ликвидации безграмотности, относящиеся к маю.

Рост охвата неграмотных допризывников по частичным сведениям Информационного Отдела НКП определяется следующими цифрами:

Губернии.	Количество неграмотных на 1 кварт.	Степень охвата в %%.	
		II кварт.	III кварт.
Воронежская.	19.000	54	82
Ив.-Вознесенская.	1.193	52	100
Калужская	945	33	100
Нижегородская	8.427	38	93
Рязанская.	3.448	24	100
Тамбовская	10.277	55	60
Псковская.	4.684	44	92

Обращаясь к итоговым данным [1]), приходится констатировать здесь то же, что дала за год вся кампания в целом: степень охвата не определяет окончательных результатов работы. Из 2606 ликпунктов 15-ти губерний [2]) к июню месяцу выпущено обученными—52.700 допризывников в среднем по 20 чел. на ликпункт (в Куб.-Черноморской области эта норма падает до 10 человек.) Таким образом, несмотря на ударный характер кампании среди допризывников, ее состояние ничем не лучше общего положения, которое мы определили как безотрадное.

б) профсоюзы. Обучение неграмотных этой группы дало несколько лучшие результаты. Сравнивая их с общими данными получаем следующие итоги: по 23 губерниям развернута сеть в 1.065 ликпунктов и 339 школ малограмотных; вовлечено в них—45.000 неграмотных членов профсоюзов, что по отношению к нормальной нагрузке составляет 64%; из числа вовлеченных выпущено обученными—31.147 чел. или 69% обучавшихся. Задание обучить в течение года 50 человек на ликпункт выполнено в размере 44,3%. Превышение общей нормы в 20 человек обученных хотя и небольшое, но есть: в среднем из каждой профсоюзной школы выпущено по 22 человека.

Средний охват неграмотных перед летним сокращением сети в лучших случаях немногим превышал 80% (Владимирская, Брянская), доходя иногда до 100% (Ярославская). В последней уже на 1-ое апреля неграмотность была ликвидирована в союзах: рабиса, нарсвязи, полиграфистов и водников, а к 1 мая закончено обучение у швейников, горнорабочих, совработниках, в рабпросе и всемедикосантруд.

Замедление темпа работы следует отнести. очевидно, на счет самих же союзов, не всегда проявлявших достаточную заинтересованность и активность. Губерниями Тверской, Вологодской, Иркутской Енисейской и Ставропольской

---

1) Сведения из анкет делегатов III съезда по ликвидации безграмотности, относящиеся к маю

2) Псковская, Тульская, Марийская область, Чувашская об., Саратовская, Нижегородская, Урал, Ярославская, Енисейская, Коми область. Куб-Черноморск, Царицинская, Крым, Туркестанская, Немцев-Поволожья.

неоднократно отмечались такие, например неслаженности во взаимоотношениях с Грамчека, как слабая материальная помощь, невыполнение договоров, отсутствие учета неграмотных и т. п. В Калужской губернии профсоюзы не приняли мер к привлечению неграмотных на ликпункты, в результате чего из 50,5% привлеченных обученными оказались всего—27,5%, т.-е. почти в два раза меньше чем % обученного неорганизованного населения (51,6). В то же время там, где союзы выполнили принятые на себя обязательства, охват неграмотных значительно превышает средний % для всей республики, достигая в Туркреспублике, например, 120, в Крыму—114.

в) Сельское население. В силу того, что в задачу 1923/24 учебного года, согласно разработанного II Всероссийским съездом по ликвидации неграмотности плана ликвидации неграмотности к 10-ти летию Октябрьской революции, не входила ликвидация неграмотности среди сельского населения, учет этой работы поставлен особенно слабо. Нет никакой возможности не только дать точные цифры, но даже определить то место, которое она занимает в ряду прочих групп. Можно только предположительно сказать, что в течение года было обучено во всяком случае не больше 300 тысяч человек. Если принять во внимание, что работа в деревне, обнимая собой главным образом крестьянский молодняк, являлась по существу работой среди допризывников, на которых падает больше половины всей действовавшей сети, и учесть ликвидацию неграмотности среди нацмен, охватившей преимущественно крестьянское население, то цифра 300 тысяч обученных окажется более или менее правильной. Представляя из себя крайне ничтожную долю того, что нужно было сделать для приближения к конечной цели нашей задачи, этот итог должен расцениваться с точки зрения условий деревенской жизни.

Чрезвычайная распыленность населения, отсутствие культурных сил и культурной базы, неосознанная необходимость грамоты — такова в основных чертах обстановка, в которой проделан в деревне опыт истекшего года. Опыт весьма ценный, он с полной очевидностью показал, что с городской меркой, с городскими навыками к работе в деревне приступать нельзя.

Несоответствие принципа твердой сети ликпунктов условиям территориальной разбросанности населения заставило органы ликбеза заняться вопросами организации системы индивидуального и группового обучения, как наиболее целесообразного для деревни организационного построения работы. Такая постановка вопроса предрешает и другую задачу, стоящую в тесной связи с намечаемой перестройкой деревенской сети: работу в деревне нужно строить не на ведомственной базе, а на базе общественной, вложив в основу последней ячейки общества „Долой Неграмотность", постепенно внедряющегося в деревню.

Не менее важен для будущей кампании вопрос о руководящем работой и организующем аппарате. Судя по случайным, имеющемся у нас материалам из уездов (Вологодской, Воронежской и Царицынской губерний), волостной аппарат ликбеза конструируется обычно из 3 — 4 человек: 1) председатель ВИК'а или уполномоченный по народному образованию, 2) секретарь ячейки РКП, 3) школьный работник или уполномоченный союза Рабпрос и 4) Зав. избой-читальней. В Воронежской губ. допускаются также сельские комиссии предсельсовета и школьный работник. В некоторых уездах Московскй губернии к каждому члену волкомиссии прикрепляется 2—3 ликпункта, за работой которых он должен наблюдать. В Царицынской губ. в качестве подсобных пунктов из числа авторитетных граждан выделялись комитеты содействия из 3-х человек,—являюшиеся органами по привлечению неграмотных и по улучшению материального положения ликпунктов.

Школы малограмотных.

В области работы с малограмотными кампания истекшего года не носила пока массового характера и не обнимала собой широких слоев малограмотного населения. Контингент привлекаемых в школы составляли, главным образом, члены РКП, РЛКСМ и профсоюзов; из них многие прошли предварительно через ликпункты. „В основу комплектования (школ малограмотных)—,писала Вятская губерния, положен принцип добровольчества; замечается большая тяга в школы со стороны рабочих и служащих. Есть основание думать, что после школы малограмотных они будут продолжать обучение в школах повышенного типа". Такое же стремление отмечает и Вологодская губерния, где школы малограмотных имели тенденцию развиваться в школы повышенного типа. Это явление дает основание думать, что массовая работа с малограмотными не встретит на своем пути одного из серьезнейших препятствий: косности, упорного нежелания обучаться.

Развернутая в течение истекшего года сеть составляет приблизительно 50% намечавшегося производственным планом задания. Темп развертывания ее оказался значительно интенсивнее, чем в отношении ликпунктов. и определяется соотношением 1:2,8:7, цифры которого означают относительное количество школ, приходящихся в среднем на одну губернию по периодам к 1 октября 1923 г., к 1-му февраля 1924 г. и к 1-му июня 1924 г.

	Число губерний вошедших в свед.	Количество школ.	В среднем по 1 губ.
1 Октября 1923 г.	36	213	5,9
1 Февраля 1924 г.	25	412	16,2
1 Июня 1924 г.	39	1.649	41,2

Методическая работа с учительством.

Попутно с организационным ростом ликвидационой кампании, вызывающим потребность все большего количества ликвидаторов, растет и углубляется работа с учительством. Недостаток опытных, подготовленных работников оказался не малым препятствием в работе, так как неумелый и неправильный подход к взрослому неграмотному зачастую отталкивал его от обучения, или, в лучшем случае, не вызывал с его стороны никакого интереса к занятиям. Подавляющее большинство ликвидаторов составляли учителя Соцвоса, насквозь проникнутые старыми методами работы с детьми. Привлечь же лучшие силы не всегда удавалось в силу низкой оплаты, порой доходившей до мизерности (Курская—6 руб., Псковская—3 руб.).

Это заставило поставить задачу подготовки ликвидаторов во всей ее широте и важности.

Как она разрешена на местах?

а) Инструктивные школы. В части наиболее легко поддающейся учету, именно в работе по переподготовке путем постоянного, непрекращающегося инструктирования в опорно-инструктивных пунктах истекший год, ожидаемых результатов не дал. Сеть инструктивных школ. определенная

производственным планом в числе 1072-х, полностью, как это показывают нижеследующие цифры, не была развернута.

Заметный рост их начинается с 1-го октября 1923 года.

К февралю по 19 губ.	должно	быть	открыто	462,	имелось—	142,	выполнено	30,7%	плана.
На 1 апрел. „ 42	„	„	„	„	861	„	281	„	32,6%	„
„ 1 июня „ 51	„	„	„	„	972	„	372	„	39,6%	„

Препятствием к полному развертыванию сети послужило с одной стороны — недостаток работников, с другой — отсутствие достаточных средств, как на оборудование методическими пособиями и руководствами, так и на дополнительную оплату руководителей (Брянская, Донская, Ставропольская, Вятская).

В силу этого и самая постановка работы в инструктивных школах не всегда соответствовала стоящим перед ней задачам, делая их иногда, по отзывам самих же губерний, не нужными или даже вредными, как это было, например, в Рязанскои губернии, где одной из инструктивных школ „заведует старая соцвосница, которая вносит в работу старые методы и не ведет никакого учета". В Вятской губ. из 13-ти инструктивных школ „только 8 являлись действительно опорно-методическими базами, остальные по постановке своей работы фактически не отличались от рядов ликпунктов" (год. отчет).

Практическое значение инструктивных школ умаляется еще тем обстоятельством, что деревню, деревенское учительство, благодаря его территориальной разбросанности, они оставляют вне сферы своего воздействия, которому подвергаются преимущественно учителя города—губернского и уездного (Брянск, Урал, Вятская, Донская). Донграмчека полагает поэтому в будущем взять курс на волостное методическое объединение.

Работа инструктивных школ, протекающая обычно в сфере пропаганды и углубления новых методов преподавания не всегда этим ограничивается.

Есть два момента, когда инструктивная школа выходит из области работы только с учительством своего райна. Это—во-первых, тенденция к руководству методической работой в общегубернском масштабе, осуществляемая или через регулярные расширенные совещания ликвидаторов или же путем рассылки материалов, отражающих работу, как самой школы, так и ее вспомогательных институтов (Тамбовская, Новгородская, Ново-Николаевская).

Во-вторых, стремление расширить сферу своего влияния за пределы исключительно пропаганды методов обучения, включив в круг своей деятельности агитацию за ликвидацию неграмотности. В той или иной степени эта тенденция замечается довольно часто. С наибольшей же силой она выявилась на Урале, где опорно-инструктивные пункты являются центром агитации, выражающейся обычно в формах выставок и вечеров с участием самих учащихся, и в Нижегородской губернии. В последней, губернская инструктивная школа, вступила на путь смычки с деревней через организуемые экскурсии учащихся рабочих.

Переходя к другим средствам и формам методической работы, следует сказать, что система ее строится по двум основным линиям. Одна ее часть соприкасается с деятельностью инструктивной школы, так или иначе увязываясь с ней. Это—уголки, кабинеты, методические совещания и объединения ликвидаторов, кружки и т. д.

б. Кружковая работа. В свою очередь уголки и кабинеты ликвидаторов, развернувшиеся за редкими исключениями, повсеместно, в течение отчетного года проделали значительную эволюцию, из места для выставок методического материала и работ учащихся сделавшись опорной базой, группирующей вокруг себя и учитывающей все, что может быть подведено

под понятие кружковой работы. Судя по годовым отчетам, наибольшим распространением в качестве формы переподготовки пользовались кружки и объединения ликвидаторов (Донская, Новгородская, Ново-Николаевская, Гомельская, Самарская, Уральская область), обнимавшие своим содержанием, кроме изучения методов преподавания, и общественно-политическую подготовку. В указанных выше губерниях проработаны, например, история партии, история материализма, политэкономия; изучение ленинизма в Новгородской губ. кладется в основу кружковых занятий. Эти темы, проработанные в увязке с вопросами педагогическими, преподносятся массовому работнику в виде готового комплекса, облегчая тем самым овладение новыми методами для учителя, особенно сельского, который почему-либо лишен возможности ознакомиться с ними другим путем. На Урале таким путем проработаны комплексы: „9 января", „Смерть Ильича", „8 марта" и проч.

Плановому развитию этой работы препятствует отсутствие организационного руководящего ядра. Попытки некоторых губерний организовать при Научно-Методических Советах ОНО секции по ликвидации неграмотности не увенчались успехом, главным образом (Донская губ.), в виду отсутствия нужного контингента работников. Стремление к созданию объединящего методическую работу звена, замечается также в Донской области, где таким звеном является Президиум всех кружков, включающий в себя руководителей каждого из них и представителя Грамчека, и в Царицынской губернии, создавшей при Губполитпросвете Методическое Бюро в составе—Зав. Инструктивной Школой, инспектора Губоно и Зав. Школьно-Курсовым Отделом Губполитпросвета.

в) Массовая работа. Несмотря на то, что конференционная и курсовая работа, благодаря своей эпизодичности, может быть легче учтена, мы не имеем все таки точного представления о количественном охвате ею учительства. У нас имеются сведения, относящиеся в большинстве к летнему периоду, только по 6 губерниям, в которых проведено 6 губернских и 15 уездных конференции и курсов, давших в общей сложности 770 прошедших переподготовку ликвидаторов (Рязанская, Вятская, Самарская, Тверская, Н.-Николаевская и Туркреспублика).

Попутно с этим довольно широко в истекшем году были использованы курсы Соцвоса (Кубано-Черноморская, Томская, Ульяновская, Владимирская, Новгородская, Костромская, Вятская, Омская, Рязанская), и совпартшколы (Томская, Владимирская, Тверская, Брянская, Рязанская) путем введения в их программы специальных циклов по вопросам, связанным с ликвидацией неграмотности.

Методы.

Практикой прошлого года положительные результаты методической подготовки еще не выявлены, во всей своей полноте они скажутся позднее, в самом ходе дальнейшей кампании, но некоторую гарантию их дает тот общий сдвиг, которым характеризуется новый этап в настроении учительства. В частности, значительно возрос интерес учителя, как к самой идее борьбы за грамоту, так и к новым методам преподавания.

Однако, внедрение этих методов в общем и целом проходит с большими затруднениями, далеко отставая от организационного роста ликвидационной кампании.

Клиентуру инструктивных школ, кабинетов и уголков, методических совещаний и проч. составляют преимущественно учителя и ликвидаторы городских школ. Естественно поэтому, что применение американского метода и комплексной системы имеет место в первую очередь и почти исключительно в городских ликпунктах (Царицынская, Тамбовская, Донская область, Ставро-

польская, Урал), при чем и здесь оно осложняется иногда недостатком подготовки, отсутствием соответствующих пособий (Ставропольская, Царицынская). В некоторых случаях допускались поэтому такие, например, отступления, как соединение метода звукового и целых слов: прежде чем приступить к чтению лозунгов, преподаватель знакомит учащихся со звуками, встречающимися в лозунге (Ставрополь). В деревне же, где учитель даже и не слыхал о новых методах, они проникают только в исключительных, очень редких случаях. Особенно плохо в этом отношении в культурно-отсталых национальных объединениях—в областях: Марийской, Чувашской, Вотской и республиках Башкирской и Киргизской, где попрежнему почти безраздельно продолжает царить „звуковка". Благодаря этому учительство находилось в чрезвычайно затруднительном положении в смысле проработки букваря „Наша сила—наша нива", составленного по американскому методу (Донская область).

Еще с большим трудом прививается комплексная система, требующая, по мнению ликвидаторов Томской губернии, много времени на подготовку к урокам. В полном объеме она применяется только в инструктивных пунктах и школах малограмотных (Вятская, Череповецкая, Ярославская, Урал), очень медленно вытесняя старую предметную систему, к которой учительство привыкло и на которую нередко сбиваются даже прошедшие переподготовку ликвидаторы (Ставропольская, Царицынская, Томская, Ульяновская, Северо-Двинская, Иркутская).

Из сказанного заключаем, что истекший год больших достижений в смысле окончательного овладения учительством новыми методами не дал. Однако, проделанная в этом направлении работа имеет большое значение в качестве стимулирующего начала для углубления приобретенных уже навыков и для дальнейшего их распространения среди широких учительских слоев.

Снабжение учебными пособиям.

Для полноты картины состояния дела ликвидации неграмотности остается сказать несколько слов о снабжении ликпунктов учебными пособиями. В этой области прошедший год дал некоторое улучшение: если к 1 октября 1923 г., % удовлетворения потребности редко доходил до 50, то впоследствии в целом ряде губерний он поднялся (по годовым отчетам) до 100 и выше (Рязанская, Омская, Вятская, Воронежская, Брянская, Владимирская).

Количественно эта обеспеченность в отношении букварей по отдельным, наиболее благополучным губерниям, выражается следующей табличкой:

Губерний.	Количество обучавшихся.	Распределено букварей.	На одного учащегося букварей.
Омская	12.212	12.164	1
Тамбовская	5.103	7.398	1,4
Вятская	12.604	32.968	2,5
Донская	8.839	5.800	0,6
Новгородская	7.350	7.739	1

[1]) Вместе с задачниками.

Наряду с этим в областях: Кубано-Черноморской, Уральской, Кабардино-Балкарской и других даже букварей было не всегда достаточно: на учащегося приходилось от 0,08 (Туркестан) до 0,3 букваря (Каб.-Балкарская). Особенно же остро очущался недостаток учебников для школ малограмотных, в частности, книг для чтения.

В Донской области, например, последних получено всего—331, в Новгородской—661, в Иркутской—их не было вовсе, так же, как и учебников политграмоты.

Вместе с тем, сопоставление разосланной центром учебной литературы с числом охваченных сетью неграмотных, заставляет думать, что такое положение, по крайней мере в отношение букварей, не явилось результатом только недостаточного снабжения.

Разослано: букварей „Наша сила—наша нива"—1.193.851, букварей „Д. Н."—50.000, букварей красноармейца—47.000, разрезных азбук—151.966, газет „Д. Н."—139.000, журналов „Д. Н."—150.000, разной методической литературы—133.400 и проч., всего—2.059.690 экземпляров.

Кроме того, специально для нацмен разверстано букварей: на татарском языке—5.000, на башкирском—25.000, на еврейском—2.800, на польском—2.350, на украинском—14.000 и т. д.

Данное количество могло бы, таким образом, удовлетворить места в норме, значительно превышающей ту, из которой исходила ВЧКлб при своей разверстке букварей. Вместо одного букваря на 2 учащихся разверстано 4 (1.300.000 букварей на 650.000 учащихся). Параллельно с этим места проявляют иногда и собственную инициативу, производя снабжение путем самостоятельных закупок (Новгородская, Томская, Урал) и самостоятельных изданий (ДВО).

Жалобы на недостаточность снабжения первым учебником следует отнести на счет неправильного распределения, основанного на отсутствии точного и строгого учета, о чем в настоящем обзоре упоминалось неоднократно.

Советская общественность в борьбе с неграмотностью

(Состояние и работа местных ОДН).

Тот вывод, который пришлось сделать при свете стоящей перед ликвидационной кампанией задачи, о работе истекшего года делает совершенно ясным, что ни государственный, ни местный бюджет с этой задачей не справятся. Размах, который следует придать кампании, необходимость развертывания сети в количестве многих десятков тысяч ликпунктов, необходимость распространения в миллионах экземляров букварей и всяких других учебных пособий—все это наталкивало на мысль о создании силы, которая пришла бы на помощь государству.

Такая сила теперь найдена и она накопляется и растет вокруг общества „Долой Неграмотность", в лице которого кампания по ликвидации неграмотности приобретает себе могущественного союзника.

Стихийный рост местных отделений ОДН, начавшийся с ноября прошлого года, в настоящее время можно считать в массе законченным. Состав губернских и уездных отделений, связавшихся с центральным правлением, в октябре месяце выражается цифрами: губернских—53 отделения и уездных—254 (по 40 губерниям) против 36 губ. и 39 уездных в мае месяце. Это—сеть, определившаяся уже к июню месяцу,

Количественное наростание ее в отношении губернских отделений по отдельным месяцам расценивается следующим образом:

Создано до января 24 г. 4 отделения, в январе—8, в феврале—14, в марте—18, в апреле—3, в мае—5, в июне—1.

Наибольшеи активностью отличаются, таким образом, февраль и март, в течение которых возникло больше половины всех губернских обществ: 32 из 63 (60%).

Вторым этапом в жизни местных отделений ОДН является широкое насаждение ячеек и привлечение членов. О результатах этой кампании приблизительное представление дают следующие, далеко неполные цифры.

	Количество.	По нескольким губерниям сведения.	Приходится на 1 губ.
Городских ячеек	1189	32	37
Сельских „	877	14	62
Членов Об-ва	142.281	32	4.571

Накопление ячеек шло в первую очередь по линиям: профсоюзы, военкоматы и учащиеся, при чем самый процесс его носил несколько бессистемный характер, регулируясь либо случайным стечением обстоятельств, либо степенью активности той или иной группы.

В Енисейской губернии, например, значительное число в общей сети занимают военные ячейки, в то время, как кампания по профессиональной и комсомольской линиям развертывается слабо.

Советская общественность, на основе которой и должна собственно строиться вся работа ОДН, в целом ряде губерний еще не перешла границ „пассивной доброжелательности“ (Сев.-Двинская губ.) и „благих пожеланий“ (Ульяновская).

Если даже в Москве в борьбе за мобилизацию общественных сил „приходится преодолевать косность профработников“ (ОДН М. К. ж. д.), то на местах эта борьба осложняется еще больше, встречая не только пассивность, но и прямые отказы от вхождения в общество и от оказания помощи (Курская, Енисейская, Иркутская).

В настоящее время в подавляющем большинстве случаев эта помощь выражается главным образом, а иногда и исключительно, в идейной или административно-организационной поддержке (Новгородская, Орловская, Курская, Царицынская, Северо-Двинская, Нижегородская, Ставропольская, Чувашская область и Башреспублика).

Роль организаций в этом случае сводится к выделению докладчиков по вопросам борьбы с неграмотностью, содействию в организации ячеек и привлечении членов.

В остальных губерниях идейная поддержка увязывается с более или менее существенной материальной помощью, выражающейся либо в виде регулярных членских взносов, либо специальных единовременных пособий и пожертвований, имеющих место—преимущественно в первый период существования Общества. Таковы губернии Тверская, Тамбовская, Рязанская, Ивано-Вознесенская, Ленинградская и Кирреспублика.

В некоторых случаях (Тверская, Тульская) даже со стороны партийных органов не чувствуется достаточного напора в деле содействия развитию ОДН, выливающегося в Тульской губ., например, „в лучшем случае в форму постановления о вступлении в ряды Общества“.

Материальную базу ОДН составляют, главным образом, членские взносы, пожертвования, различного рода отчисления и отдельные мероприятия. Мы имеем сведения о состоянии денежных сумм губернских правлений по 27 губерниям, дающим общую сумму в 34.529 р. 44 к.

Если группировать все эти губернии по количеству рублей, определяющих состояние их кассы, то получим следующее:

до 500 руб.—12 отделений, от 500 руб. до 1.000—7, от 1.000 до 3.000—4, от 3.000 до 4.000—2, свыше 4.000—2.

Самыми „богатыми" оказываются отделения: Донское—9.766 руб. 96 к., Тульское—4.276 руб. 34 коп. Гомельское—3.524 руб., и Нижегородское—3.061 руб.

На ряду с ними имеются отделения считающие свои кассы не только десятками рублей,—Ульяновск., Чув. обл., Татреспублика, но и вовсе не имеющие никаких средств,—Ярославская. Тверская, Архангельская, Калужская, Башреспублика.

Из мероприятий в области укрепления и усиления материальной базы, следует отметить используемые в губерниях—Амурской, Ленинградской, Псковской, Н.-Николаевской, Тверской и Республиках: Башкирской и Татарской: вызовы через газету, постановка спектаклей, кружечные сборы, выпуск марок, лотереи, 25% отчислений от продажи пива (Ленинградская), организация Акционерного Общества „за грамоту", устройство выставок.

Трудно судить пока насколько эти меры оказываются действительно оправдывающими свое назначение. Но несомненно то, что едва-ли они соответствуют размаху, который принимает деятельность О-ва на местах, после того, как работа организационного характера уже выполнена.

На первое место здесь следует поставить наиболее насущную непосредственную материальную помощь для обеспечения сети ВЧКлб., которая уже к началу 1925—26 г. оказалось сильно урезанной.

В этом отношении роль ОДН определяется следующими отдельными пока, но характерными фактами. Полностью на средства О-ва предполагается содержать: в Терском округе—45% всей сети, в Тамбовской—17%, в Ленинградской—20%, в Алтайской—26%, в Ульяновской—17%.

ОДН в Омске и Ростове закупили и передали Грамчеке: 50.000 букв., 450.000 тетрадей и 42.800 карандашей.

Там же, где непосредственная материальная помощь не может иметь места, в силу отсутствия у Об-ва средств, формой сотрудничества ОДН с органами политпросвета является борьба за обеспечение надлежащих условий для правильной работы школ. Она обнимает собой в первую очередь урегулирование вопроса о посещение неграмотными ликпунктов, путем привлечения членов общества в качестве вербовщиков. (Ульяновская, Тверская).

Кроме того ОДН выделяет из среды членов ячеек более подготовленных товарищей, которые после некоторой подготовки через обычные курсы, или особые „институты практикантов" при л. п. (Тверская) могут приступить к бесплатному обучению неграмотных. (Гомельская, Иркутская, Смоленская, Тверская).

Надо полагать, что с организационным ростом Об-ва оказываемая им сейчас помощь ликвидационной кампании будет также расширяться, заполняя пустые места, оставляемые сметами местного и государственного бюджетов. Если основные задачи, стоящие перед ОДН будут своевременно разрешены, борьба с неграмотностью получит ту общественную базу, без которой немыслимо обучить 17 милл. неграмотных к 10 летию Октябрьской Революции.

За границей

Отзывы немецкой печати о реформе средней школы в Германии.

С. Марголина.

Реформа Народного образования в Германии, (см. статью Н. Ильина— „Народное Просвещение №№ 9—10, 11—12) вызвала оживленное обсуждение в немецкой педагогической прессе. Особенно много внимания посвящается вопросу реформы средней школы. Hamburger Lehrerzeitung, орган Гамбургского общества друзей отечественного воспитания, пишет: „Новое положение в принципе отказывается от „химерического фантома общего образования, для всех одинакового и охватывающего все области знания" и выдвигает вместо этого тот новый идеал, требующий развития особых склонностей и способностей каждого. Однако, на практике новое положение не решается довести эту мысль до конца и выдвинуть тот новый тип „эластичной единой школы", который пользуется в настоящее время большою популярностью среди германских учительских кругов. Принцип эластичной трудовой школы заключается в том, что предметы обучения разделяются на основные и курсовые, при чем число часов основных, т.-е. для всех обязательных предметов, по возможности сокращается (в Любеке до 22-х), тогда как остальные часы учащиеся занимаются по собственному выбору на тех или иных организуемых при школах курсах. Министр Белиц полагает, что такой всесторонний выбор будет мешать основному преподаванию: он сравнивает списки курсов с закусочными листками ресторанов, которые только возбуждают аппетит ко всему, что попало и выражает опасение, что разнообразный выбор курсов будет только тянуть учеников во все стороны и вовсе не сможет остановить его внимания именно на том предмете, к которому он больше всего способен. Hamburger Iehrerzeitung считает такое мнение глубоко неправильным. Именно эластичная единая школа может дать учащимся возможность испытать себя и установить свои склонности и интересы задолго до того, как он станет перед окончательным выбором своей специальности. Вместо этого новое положение вводит, или, вернее, сохраняет тяжеловесное деление школы на 4 типа: гимназию, реальную гимназию, высшее реальное училище и высшее немецкое училище. Новое положение не смогло выбраться из-под груза исторического наследия и не решилось отказаться от установившихся традиционных форм классического образования, под которое только подводится новое обоснование, очень, впрочем, напоминающее старые схоластические категории. Газета иронизирует над этой искусственной апологией, которая пристегивает особую культурную марку для каждого типа школы. Гимназии должны „сохранить нашему народу романтического человека, который искал бы душою погибшие царства античного мира"; реальные гимназии должны дать нам европейски образованных людей, которые введут нас в европейскую культурную борь-

бу и в ее конечный завершающий синтез, где мы обретем новое углубление нашего немецкого существа"; реальное училище вырабатывает положительного человека, человека настоящего, которого необходимо иметь в каждой профессии, и, наконец, высшее немецкое училище должно воспитать „высокоразвитого культурного человека, который пустил бы глубокие корни в своей родине и претворил в себе все излучения немецкой души". Таким образом,—иронизирует Hamburger Iehrerzeitung, мы имеем немецкого грека, немецкого европейца, немецкого положительного человека и немецкого немца...

„И уже в десять лет,—продолжает газета,—ребенок должен решить, к чему он имеет большую склонность: к идеалу немецкого грека или идеалу немецкого европейца, и уже с первого же года и в реальной и в классической гимназии вводится преподование л а т ы н и в объеме 8 недельных часов. Воистину, здесь совершается человеческие жертвоприношения. Воспитание заменится дрессировкой только потому, что эта дрессировка практиковалась и в прошлом! И гимназия и реальное училище вовсе не являются особыми типами школ, из которых каждая удовлетворяет какой-нибудь особой духовной склонности человека, а принадлежат к одной общей группе языковых школ, школ чужого языка и чужих культур. Разумеется, в прежнее время античная культура питала все наши великие умы, но в настоящее время можно сказать, что мы уже претворили все элементы античного миросозерцания в своей собственной культуре, на которой и должно вестись воспитание"... Что касается иностранных языков, то, по мнению Hamburger Iehererzeitung, изучение английского языка и английской культуры имело бы несравненно больше значения для современной Германии, чем изучение древних языков, ибо немцы должны научиться понимать те культурные силы, которые одолели ее в мировой борьбе, и которые они должны себе усвоить. Во всяком случае, первым иностранным языком, который изучает ребенок, должен быть именно английский язык, а не латынь, и это сохранило бы, между прочим, единую основу средней школы, которая по новому положению, начинает специализироваться уже с первого класса. Но министр опасается, что при утилитаристическом образе мышления большинства родителей, без всяких колебаний отдадут английскому языку предпочтение, и потому на алтарь гимназии приносится также и реальная гимназия: за латынью сохраняется здесь целых 36 часов только для того, чтобы не сделать реальную гимназию слишком соблазнительной и удержать отлив учащихся из классических гимназий. „Что все это было вызвано не столько требованиями жизни, сколько стремлением сохранить существующие типы школы, видно из того, что в более молодых женских школах разветвление школы на отдельные типы начинается не с 10-ти, а с 13-ти лет; но и здесь сказался тот же страх перед отменою существующих форм Так, в новом положении сохранился старый общеобразовательный женский лицей, который давно уже критикуется немецким учительским миром за свою бесхарактерность и пестроту. Те же недочеты нового положения отмечает Эрих Витте в июльской книжке журнала Film (Горные вершины).

„Министр не только не вводит, говорит он, никакого намека на эластическую единую школу, но даже прямо выступает против нее. В старших классах учебных заведений вводится всего только 6 часов для курсов и свободных занятий, в женских учебных заведениях 4.

Кроме того, учащиеся должны вносить особую дополнительную плату, если хотят пользоваться этими курсами. Прусский союз филологов в своем заявлении, поданном в контрольную комиссию Ландтага, требует по крайней мере 16 часов свободных занятий и курсов и протестует против принципа платности курсов, который делает их недоступными для несостоятельных классов населения." Автор протестует также против сохранения девятиклассной школы. „Министр сохраняет все-таки девятиклассную среднюю школу, не смотря

на протест конгресса немецких и прусских городов и не смотря на все финансовые затруднения. А между тем никто иной, как Рейнгард, верный слуга королевского прусского министра, в своей брошюре „Борьба за длительность школы" (Берлин 1921) писал на основании неотразимых исторических данных, что необходимо сократить курс прусских средних учебных заведений, и что девятилетней средней школы не имеется ни в одном культурном государстве.

Еще резче критикует брошюру министерства Зигфрид Каверау в своей статье „Прусские планы школьной реформы", в журнале Tagebuch (дневник) от апр. 1924 г.: „Надо отдать справедливость автору: он умеет мило и интересно болтать, брошюра написана с той живостью и дипломатической тонкостью, какой мы не привыкли встречать в министерских изданиях. Автор высказывает свою полную солидарность со всеми теми течениями, которые восстают против интеллектуалистического характера нашей средней школы; он говорит о „гармоническом развитии всех сил человека, его тела, чувства и воли", об „общественном воспитании", о том, что „наша современная школа учебы должна превратиться в производственную школу, которая будит все силы юношества и одинаково развивает как интеллектуальные, так и технические и художественные склонности ученика, его движения, тела и его социальное сознание!" Но, высказывая все эти прекрасные слова, говоря языком „союза решительной школьной реформы", автор в то же время всячески пытается запутать и затемнить основное требование этого союза и борется против него, как против тайного врага. Эластическая трудовая школа отклоняется вежливым пожиманием плеч; она недоступна по финансовым соображениям она еще не испробована, она противоречит идее органического образования. Во что превращается на практике отказ от интеллектуализма? В старый культ иностранных языков, в старую словесную школу. Автор усвоил себе формулу Момзена: „образованным человеком можно назвать только того человека, который может мыслить на двух иностранных языках",— формулу, которую в свое время с такой горькой иронией перефразировал Паульсен: „Образованный человек—это только тот, кто умеет правильно употреблять иностранныя, слова". В гимназии из 217 недельных часов, посвященных научным предметам, 101 падает на иностранные языки; в реальной гимназии иностранные языкам отводится 86 часов из 213-ти, а в высшем реальном училище 60... А что остается от прокламации цельности человеческой личности, уважения к личным склонностям и дарованиям ребенка? Десятилетний ребенок сразу втискивается в готовую форму, и прекрасные фразы о „трудовом" и „рабочем" „художественном и общественном" воспитании весело плавают в жидком соусе вербализма... Если автор и отказывается от обмана „всеобщего образования, то зато он безнадежно опутывает нас не менее опасною системою, системой, которая дифференцирует людей не по их внутренним склонностям, способностям и волеустремлению, а исключительно по требованиям будущей профессии, общественных задач. Другими словами, реформа 1924 года разбрасывает детей по четырем направлениям и переходит к порядку дня, первый пункт которого гласит: „Тейлоризм образования".

„И находятся еще политики просвещения, находятся еще „социалисты", которые видят в этом новом положении завоевание новых идей воспитания".

Отто Рудерт в статье Ceterum Censeo, в известном журнале Neue Erziehung, „органе радикальной школьной реформы и свободной школьной политики," ноябрь 1924, прямо ставит точку над и. „Когда речь заходит теперь о реформе средней школы, то мы должны раскрыть глаза и настроить свой слух. Мы не должны позволить ослепить себя национальной маской мнимых реформ, под которой хотят спасти гимназии. Мы не должны допустить, чтобы школа пережила ту систему, которая ее создала. Школьная реформа только тогда будет настоящей и действительной реформой, если она окончательно изгонит последнее наследие Вильгельмской Германии: гуманистическую гимназию".

Образовательный ценз американских учителей.

С. М.

Журнал американского „Бюро Просвещения", которые, вероятно, в ближайшее время будет преобразовано в особый департамент просвещения, сообщает любопытные данные об образовательном цензе американских учителей. Оказывается, что число подготовленных учителей в С.-Штатах сильно отстает от спроса, три четверти всех американских учителей народных школ недостаточно подготовлены, и более 11.000.000 детей школьного возраста обучаются у таких учителей. 30.000.000 деревенских детей обучаются в школах, где учителя, не закончили даже своего среднего образования. (Кстати на 1 школу приходится 1 учитель). Многие тысячи учителей обладают только цензом средней школы.

Хуже еще то, что все эти учителя 175.000 сельских одноучительских школ, приступают к своей работе почти без всякой предварительной практики. Но и этих учителей не хватает. Требуется еще около 50.000 подготовленных учителей. Начинающие учителя с цензом средних учебных заведений и нормальных учительских курсов всегда могут рассчитывать на работу.

Отсутствие подготовленных учителей в сельских местностях вызвало целый ряд мероприятий со стороны отдельных штатов. Более полдюжины штатов назначают значительные стипендии и премии для привлечения молодых людей в учительские институты по подготовке сельских учителей. Большинство штатов оказывают будущим учителям поддержку в той или другой форме, напр., в форме освобождения от учебной платы.

Нормальные учительские курсы имеются при средних школах некоторых штатов, это, однако, является, повидимому не совсем удовлетворительною формой разрешения вопроса о подготовке учителей. Три штата, попытавшись ввести эту систему, отказались, от нее; в четвертом—постановлено продолжить только еще один год. В других штатах задачу подготовки учителей взяли на себя государственные нормальные школы.

Самая постановка учреждений по подготовке сельских учителей далеко неудовлетворительна. Программы их совершенно не учитывают особенностей работы в сельских школах. Практическая подготовка будуших учителей также ведется при специальных школах, которые в большинстве случаев носят чисто городской характер. Но при многих учительских институтах совершенно не ведется никаких практических работ. Организация специальных практических занятий в сельских школах сильно затрудняется расходами по переезду и невозможностью наблюдения за ними.

„Бюро Просвещения" выделило недавно специальное лицо для распространения сведений по вопросу о подготовке сельских учителей, и для обследования постановки этого дела в Соединенных Штатах.

Такая работа по собиранию материала и распространению сведений ведется американским „Бюро Просвещения" уже в течение 15 лет. Издано было больше 40 бюллетеней, циркуляров и листков, относящихся к этому вопросу. Около третьей части этой литературы посвящена специально проблемам сельского учительства, кроме того, много других бюллетеней содержат информации по этому вопросу. Ряд бюллетеней рассматривает вопрос о подготовке учителей отдельных предметов, как вопрос о подготовке сельскохозяйственных учителей, учителей математики и естествознания. Другие

бюллетени обсуждает системы практики и наблюдений в различных учительских институтах. Имеются специальные работы по вопросу и подготовке, стаже и окладу учителей и о законодательстве отдельных штатов касающемся выдачи удостоверений. Некоторые бюллетени рассматривают различные типы институтов по подготовке учителей, на средние школы сельские и нормальные школы, а также вопрос об установлении общего нормального типа. В некоторых рассматривается вопрос о подготовке учителей в других государствах.

Тем не менее,—заканчивает автор,—„проблема подготовки учителей стоит не менее остро, чем когда бы то ни было раньше".

Студенчество в Соединенных Штатах.

С. Марголина.

В ноябрьской книжке немецкого журнала Hene Erziehuny (Новое воспитание, напечатана интересная статья Гертруды Бер о студенческой жизни в Соединенных Штатах. Для того, чтобы понять эту жизнь, надо предварительно познакомиться с характером американских высших учебных заведений, так называемых колледжей. Прежде всего, следует указать на то, что все колледжи являются закрытыми учебными заведениями и почти повсеместно разделены на особые женские и мужские колледжи. Только в самых богатых колледжах каждый студент имеет свою отдельную комнату, в остальных студенты пользуются общими дортуарами. В мужских колледжах преподавателями являются мужчины, в женских почти исключительно женщины. В колледжах имеются прекрасные комнаты для отдыха и работы, с толстыми коврами и удобными мягкими креслами, большими письменными столами, прекрасным освещением и первоклассными библиотеками; имеются великолепные парки с лужайками и цветами, спортивные залы, и всякого рода другие приспособления для спорта, бассейны для плаванья, музыкальные залы и т. д. В такой комфортабельной, изнеживающей обстановке живут сыновья и дочери богатых родителей и бедные стипендиаты, которых имеется довольно значительное число. Заботы интересы внешнего мира не проникают сквозь глухие стены интернатов, и все внутренние интересы студентов ограничиваются только спортом и чисто книжным ученьем. Зато учащиеся ежедневно собираются для общих молитв, которые сопровождаются проповедями и хоровым пением. Что касается свободы совести и убеждений, то достаточно указать на то, что, когда один из профессоров американского колледжа Персу Маркс написал книгу, в которой подробно описывал условия жизни в американских колледжах, то вокруг книги его поднялся такой шум, что он вынужден был покинуть свою службу.

Имеются, однако, попытки создать новый тип колледжа, который стремится расширить интересы студентов и теснее связать их с окружающей жизнью. К таким исключениям принадлежит; напр., Антиохский колледж в Огно, который осматривал автор. Это небольшой колледж, в котором обучается 600 студентов и студенток. Учащиеся здесь тоже живут в интернате, но в программу занятий входит обязательная пяти недельная социально-экономическая практика. „Мы забыли развивать в наших колледжах интуицию и

воображение—говорит председатель этого колледжа Артур Морган.—Где мы найдем новое видение, которое даст нам новые нормы жизни, новые идеалы, которые раскроют перед нами всю уродливую дисгармонию и беспочвенность нашего воспитания? Неужели нам сидеть сложа руки и ждать, пока придут к нам новые пророки? Нет, мы полагаем, что человек обладает достаточными способностями и возможностями, чтобы преобразовать не только отдельные практические частности, но и основной фундамент воспитания". Антиохоскую программу можно было бы свести приблизительно к следующим пунктам: отклонение единодержавного авторитета традиции, попытка освободиться от духовных и общественных предрассудков и подвергнуть новой проверке факторы и потребности, определяющие человеческую жизнь, создать новый фундамент, на котором молодые люди могли бы построить новые цели жизни. Но, что нужно для того, чтобы проложить новый путь воспитания? Во первых развитие фантазии, способности видеть дальше того, что есть, видеть то, что д о л ж н о быть. Только тогда настоящее начнет нам представляться мелким и несовершенным, только тогда разовьется в нас творческое недовольство. Окружающей жизнью. Затем, вера в человеческое развитие и постоянно новая проверка существующих духовных и материальных ценностей и опытов, которая в конце концов даст нам синтез для всесторонне законченного развития молодых людей. Но все это может быть осуществлено не через лекции, а через широкое общение с всей окружающей жизнью. Поэтому занятия Антиохских студентов делятся между теорией и практикой, между колледжем и фабрикой. Студенты знакомятся таким образом с методами и техникой различных профессий, изучают образ жизни рабочего и те препятствия, которые стоят на пути его жизни. Кроме того, практические работы почти целиком обеспечивают студентов, а это делает их более самостоятельными и уверенными в себе. Одна из студенток сказала мне: „Моя работа за станком является для меня неиссякаемым источником энергии и душевного богатства, которых совершенно лишены студентки, никогда не знавшие жизни фабрики. Воспитание это пожизненный процесс, который не ограничивается только школой, колледжем и университетом и не заканчивается с окончанием курса".

Как мы видим, и этот новый тип колледжа создал не столько потребность в изменении окружающей жизни, сколько повышенное чувство личной жизни студентов. Соприкосновение с широкими слоями населения используется не для подготовки студентов к борьбе и работе за лучшее будущее этого населения, а просто для расширения их жизненного кругозора, для освобождения их от предрассудков своего класса. Более революционный характер носят антимилитаристические течения американского студенчества.

Недавно вышедшая книга Нормана Томаса „Борьба за совесть в Америке", раскрывает нам много неизвестных до сих пор тайн американской жизни. Оказывается, что во время войны нашлось до четырех тысяч молодых людей, которые отказались итти на военную службу и расплатились жестокими карами за такое сопротивление государственной власти. Их героический пример пробил первую брешь в толстой стене сытости, апатии и равнодушия, которая окружала американскую интеллигентную молодежь, погруженную в теплый мирок обеспеченного образования, обеспеченной профессии и обеспеченного существования. В колледжах началось брожение, которое нашло себе яркое выражение в состоявшейся этой зимою большой студенческой конференции в Индианополисе. При обсуждении вопроса о войне и мире большинство голосов против всякой войны и всякого участия в войне, в какой бы форме это участие ни выражалось. Знали ли они, что они делали? Знали ли они, что утверждение этих простейших и понятнейших идеалов, уважение к жизни и труду ближнего является антигосударственным, противогосударственным делом? Они вернулись в свои колледжи и

университеты и тут они узнали, что значит самостоятельно мыслить и действовать по велениям совести. Во многих американских колледжах и университетах существует еще обязательное военное обучение национальной гвардии или учебного корпуса запасных офицеров. Студент Гитчкук из Стракусского университета, три студента из Броунского университета, студент теологии Дрейфенбахер из государственного колледжа в Пенсильвании вместе с многими другими отказались принимать участие в этом военном обучении. Гитчкук лишился возможности приобрести докторскую степень „но эта потеря, говорит он,—принесет душе моей меньше вреда, чем участие в организации, подготовляющей войну". Дрейфенахер был наказан 5 дневным тюремным заключением. На собрании юношеского союза мира в Нью-Йорке он рассказывает о своем разговоре с военным начальником, как он пытался склонить его к своему взгляду на насилия и войну, как тот сперва выслушивал его, но потом становился все нетерпеливее и, наконец, продиктовал ему его наказание. Он делал то, чего требовал от него закон, а я делал то, что приказывала мне совесть. Последуете ли все моему примеру? Я хотел бы, чтобы все могли это сделать. Я хотел бы чтобы вас так же настоятельно звал за собою новый путь, путь к новому будущему нашего народа, всех народов, путь к полному уничтожению всякого насилия и гнета. Диффенбахер не отделывается 5 дневным заключением. Он должен покинуть государственный колледж, не смотря на то, что он согласился взять на себя особые работы. Самый горячий отклик встретила резолюция с Индианопольской конференции в студентах и студентках Северо-Западного Чикагского университета. Они вернулись из Индианополиса и открыли оживленную дискуссию по целому ряду самых животрепещущих вопросов. Все они единогласно высказались против контроля денежных покровителей университетов над профессорами. (Ибо при легкости и щедрости, с какой в Америке жертвуются деньги, они никогда не жертвуются зря: надо следить за тем, способствует ли это дело сохранению спокойствия порядка в моем государстве, ведет ли оно к благу существующего строя). Большинство студентов голосовало далее за полное уравнение рас,—пункт, тоже чрезвычайно опасный по понятиям американских граждан, и 38 студентов и студенток обязались никогда не соглашаться быть оружием войны или принимать в ней участие. Чикагские газеты забили тревогу о большевистской опасности. Но эти 38 студентов и студенток продолжают делать свое дело, ведут энергичную агитацию на многолюдных собраниях и привлекают все новых последователей в свой круг.

Мы видим, что и эти революционные выступления американских студентов сильно отмечены культом личной свободы, личного самоусовершенствования и личного героизма, тем не менее они показывают, что в Америке далеко не все благополучно, и что недовольство существующей жизнью начинает проявляться в самых разнообразнейших формах и в самых широких общественных кругах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Заветы Ленина в области народного просвещения.

(Библиографический указатель).

А. Подземский.

Говоря о литературе, связанной с заветами Владимира Ильича в области народного, образования необходимо будет, с одной стороны, рассмотреть книги, содержащие соответствующие произведения В. И., и с другой—придется остановиться на работах, посвященных изучению и популяризации этих произведений.

Из литературы, содержащей произведения Владимира Ильича, вполне естественно будет, прежде всего, указать на собрание его сочинений (выпущено Госиздатом). Поскольку в собрании сочинений все произведения В. И. расположены в хронологическом порядке, статьи и речи т. Ленина по вопросам народного образования разбросаны по различным томам, начиная с т. I и кончая т. XIX. На всем протяжении своей жизни Владимир Ильич интересовался вопросами просвещения и неоднократно к ним возвращался. В т. I собрания сочинений мы встречаем датированную 1895 г. статью „О чем думают наши министры", в т. XVIII мы встречаем ряд статей („Странички из дневника" и др.), написанных уже в 1923 году. При пользовании собранием сочинений В. И. лицам, интересующимся в данном случае вопросами просвещения, полезно будет иметь перед собой нижеприводимый указатель соответствующих статей и речей т. Ленина. В скобках мы отмечаем, о чем говорится в той или другой статье В. И.

т. I, стр. 277.	„О чем думают наши министры" (О воскресных школах).
т. II, стр. 283.	„Перлы народнического прожектерства". (О проекте всеобщего среднего образования на основе самоокупаемости средней школы).
т. IV, стр. 20.	„Отдача в солдаты 183 студентов". (О студенческом движении в 1901 г.).
т. V, стр. 108.	„Внутреннее обозрение". „Заря" №№ 2—3. (О студенчестве).
т. XI, часть I, стр. 118.	„Студенческое движение и современное политическое положение".
т. XI, часть II, стр. 123.	„Не начало ли переворота?", стр. 125. „Начало демонстраций", стр. 175. „Начало оживления". (О студенчестве и высшей школе).
т. XII, часть II, стр. 71.	„Возрастающее несоответствие". (О школе и политике).
т. XII, часть II, стр. 166.	„Что можно сделать для народного образования". (О библиотечной работе).
т. XV,	„Речь на 1-м Всероссийск. съезде по просвещению". (О значении народного образования).

т. XVI, стр. 127.	„Доклад о программе на VIII съезде РКП". (О культурном уровне населения).
т. XVII, стр. 326.	„Задача союзов молодежи". (О воспитании и образовании, о школе, о ликвидации неграмотности).
т. XVIII, часть I, стр. 79.	„О работе Наркомпроса". (О деятельности НКП, о библиотеках, о распределении газет и книг).
т. XVIII, часть II, стр. 17.	„Предисловие к книге И. И. Степанова". (О книгах для рабочих и крестьян).
т. XVIII, часть II, стр. 114.	„Странички из дневника". (О грамотности, о народном учителе, о работе в деревне).
т. XVIII, часть II, стр. 99.	„Речь на IV Конгрессе Коминтерна". (О необходимости учиться).
т. XVIII, часть II, стр. 125.	„Лучше меньше, да лучше". (О культуре).
т. XVIII, часть II, стр.	„О нашей революции", стр. 139. „О кооперации". (Революция и культура).
т. XVIII, часть II, стр. 183.	„Речь на 1-м совещании Политпросветов". (О политико-просветительной работе).
т. XVIII, часть II, стр. 198.	„Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии". (О культурности населения).
т. XVIII, часть II, стр. 280.	„Речь на IV сессии ВЦИК'а".
т. XIX.	Статьи по вопросам национальной школы.

Из сборников, статей В. И. Ленина по вопросам народного образования необходимо указать сборник „Социалистическая революция и задачи просвещения", составленный А. Подземским под редакцией Я. А. Яковлева. (В издании „Красной Нови", „Работника Просвещения" и Госиздата). Наиболее полным из всех изданий является издание Госиздата. В сборнике помещены новые тексты речей т. Ленина на 1 Всероссийском съезде по просвещению и 1 совещании политпросветов, которые не были целиком опубликованы в собрании сочинений.

Помимо этого сборника в 1924 году издательством „Октябрь Мысли" под редакцией В. Аптекаря и Н. Майорского выпущен сборник „Революция и Культура". Этот сборник включает, кроме статей по вопросам народного образования, ряд статей по вопросам „социализм и религия", „теория и классовая борьба" и т. д. Затрагивая большое количество вопросов, этот сборник, как и сборник „Социалистическая революция" и задачи просвещения далеко не исчерпывает статей и речей В. И. по соответствующим вопросам. Издание подобного сборника, содержащего полностью все речи и статьи т. Ленина по вопросам народного просвещения, стоит на очереди.

Статьи В. И. по вопросам печати напечатаны в сборнике „Задачи рабочей печати", выпущенном в 1924 году издательством „Красная Новь" под редакцией, К. Новицкого.

Статьи и речи В. И. о студенчестве собраны в сборнике „Революционное студенчество", выпущенном в 1924 году издательством „Молодая Гвардия".

Важно отметить, кроме того, брошюру Н. К. Крупской „Заветы Ленина в области народного просвещения". В этой прекрасной небольшой книжечке, изданной „Работником Просвещения", Надежда Константиновна постепенно развертывает перед читателем мысли В. И. о народном просвещении, его заветы в этой области.

Из статей, посвященных заветам В. И. Ленина в области народного образования и напечатанных большей частью в разных периодических изданиях, укажем:

Луначарский, А. В. „Ленин и просвещение". М. 1924 г. Изд. „Кр. Новь", 77 стр.
Покровский, М. Н. „Ленин и народное просвещение". Журнал „Коммунистическое Просвещение", № 1 (13) за 1924 г.
Покровский, М. Н. „Чем был Ленин для нашей высшей школы". „Правда" от 27 января 1924 г.
Ходоровский, И. И. „Культурное строительство и заветы Ильича". Сборник „К задачам учительства в деревне". М. 1925 г., изд. „Долой Неграмотность".
Потемкин, М. П. „Ленин и просвещение". Журнал „Вестник Просвещения", № 1 за 1924 г.

Плюснин, Б. А.	„В. И. Ленин и наша задача". Журнал „Народное Просвещение", № 2, 1924 год.
Попов, А.	„Ленин—учитель". Журнал „Путь Просвещения", №2 1924 г.
Троцкий, Л. Д.	„Ленинизм и библиотечная работа", „Ленинизм и рабочие клубы". Обе эти речи помещены в сборнике „Вопросы культурной работы", ГИЗ, 1924 г.
Смушкова, М. А.	„Ленин и организационные задачи библиотечного дела". Журнал „Красный Библиотекарь", № 1 (4) за 1924 год.
Модестов, В. А.	„Как я был у Владимира Ильича". „Книгоноша", № 4 за 1924 г.
Покровский, А.	„Директивы Ленина". Журнал „Красный Библиотекарь", №4—5 за 1924 г.
Прозоровская, О.	„Заветы Ленина и библиотека". „Красный Библиотекарь", № 2—3 1924 год.
Аникст, О. Г.	„В. И. Ленин и школа рабочей молодежи". Журнал „Жизнь Рабочей Школы", № 1—2, 1924 г.
Лобода, Н.	„Ленин и учитель". Журнал „Работник Просвещения", № 3 за 1924 г.
Лилина З. И.	„Педагогические методы Ленина". Л 1925 г. Гиз. 68 стр.
Эрде	„Завет Ильича". Сборник „5 лет борьбы с неграмотностью" Л. 1925 г. Изд. „Долой Неграмотность".

Какие пособия по краеведению нужно дать школе.

М. Феноменов.

На 2 всесоюзной конференции по краеведению обнаружилось, что в настоящее время огромное значение школьной работы по краеведению признается всеми — и руководителями дела народного образования, и представителями плановых и хозяйственных органов, и деятелями науки.

Однако, школьно-краеведная работа в массовом масштабе не налажена. В одних местах констатировано было некоторое равнодушие учительства к краеведению, в других большая формальная ретивость в проведении программ ГУС'а. Но и ретивость эта еще не говорит о ценности достижений, так как работать по краеведению с пользой для учеников школа без учителя-краеведа и без известного минимального комплекта пособий не может. Поэтому демонстрировавшиеся на съезде образцы действительно ценной краеведческой работы (экспедиции Шапошникова) представляют сравнительно редкое исключение.

В виду этого главное внимание ГУБОНО и УОНО должно быть направлено на то, чтобы школа была снабжена и квалифицированными учителями краеведами, и известным минимальным ассортиментом пособий. Но так как повышение квалификации учительства обусловлено в значительной степени организацией работ по самообразованию, а для самообразования прежде всего нужны книги и пособия, то в конечном счете задача повышения квалификации учительства опять-таки сводится к обеспечению школы и учительства пособиями. Снабжение, снабжение и еще раз снабжение! Вот что нужно для правильной постановки школьно-краеведческой работы.

Однако, в деле снабжения прежде всего надо предостеречь от некоторых ложных шагов, которые частенько делаются теперь особенно в провинциальном захолустьи.

Приведу пример: в течение последнего учебного года, когда уже стали известны программы ГУС'а, отделы народного образования усиленно принялись за „учебники по краеведению". Краеведы получали заказы, которые приходилось выполнять в „пожарном порядке". Бывали печальные курьезы: так в одном из уездов Воронежской губернии краеведам в виду срочности заказа пришлось для

описания уезда извлечь из Петроградской публичной библиотеки материалы 60 годов, в то время как Воронежский университет уже заканчивает детальное естественно-научное обследование уезда в его современном состоянии. Очевидно, здесь и администраторам, а может быть, и краеведам (я не решаюсь снять с них всякую ответственность) казалось, что без своего уездного „учебника по краеведению" дело никак не может двинуться вперед.

Между тем, с точки зрения методики краеведения, местный учебник или — точнее — местный справочник дробного масштаба играет в процессе краеведческой работы последнюю роль. Без него весьма и весьма легко обойтись. Данные об экономическом состоянии волости школа может собрать сама или может получить их из погубернских статистических сборников; новые данные можно добыть путем заранее подготовленной экскурсии в волостной исполком: 15—20 экскурсий (столько бывает школ в волости) не очень затруднят волстатбюро и волземотдел. Если же школы изъявят желание помогать волстатбюро в собирании сведений, то они станут желанными и дорогими гостями.

Точно также не очень удален от школ и уездный исполком. Если одна из школ волости (школа 2 ступени или семилетка) завяжет постоянные связи с устатбюро или с уземотделом, то она и себе добудет ценный материал, и уездному исполкому окажет ряд услуг, и все школы своей волости снабдит необходимыми сведениями.

В виду этого нет никакой необходимости спешить с изданием уездных справочников.

Справочники и описания местного края дробного масштаба: „Наша волость", „Наш район" и „Наш уезд" должны издаваться скорее в качестве образцов для стимулирования работы на местах, чем в качестве постоянных пособий. Поэтому издание их должно быть фиксацией уже произведенной ценной научной и научно-педагогической работы.

Но что же нужно теперь дать школе, чтобы вести исследовательскую краеведческую работу? В первую очередь школе нужны работы по районированию СССР.

Каждая школа должна быть снабжена руководством по географии с хорошей картой СССР с обозначением экономических районов областей и хорошей картой своей области с обозначением округов. Вот на что должны бросить средства отделы народного образования. Далее, к картам должны быть приложены справочники, обще-союзного, областного и губернского масштаба.

Издание Госплана „Экономическое районирование России" должно быть в каждой школе. Кроме того, каждая область должна выпустить хотя бы краткое статистическое описание своих округов. Так как областные органы не везде функционируют, эта обязанность естественно падает на губернские органы. Подобное издание должно быть в каждой школе.

Далее, в каждой школе или в каждом музее при волостном школьном объединении должны иметься изданные Главполитпросветом таблицы по экономике, а равно учебник Экономической географии СССР (Синицина, Тимофеев, Огановский).

В заключение я дам краткий список пособий по краеведению, которые необходимо иметь в районных передвижных библиотеках и в каждой школе.

I. Для каждой школы.

1. Соколов и Уваров. География СССР по районам Госплана. М. 1924 г. Цена 2 р. 25 к.

2. Б. Всехсвятский. Программа фенологических наблюдений для Центральной Промышленной Области. М. 1924 г. Цена 20 к.

3. Пустовалов-Ланской. Наблюдения над погодой. „Новая Деревня". М. 1924 г. Цена 25 к.

4. Феноменов. „Изучение быта деревни в школе". М. Изд. З. 1924 г. Цена 50 к.

5. Знаменский М. „Математика летом". М. 1918 г. 24 стр.

6. Гербертсон. Человек и его жизнь. СПБ. 1913 г. (Краткое пособие по народоведению, особенно ценно своими рисунками. Во втором издании 1921 г. называется „Земля и труд людей". Цена 1 руб. Дает материал для сравнит. изучения местной природы и быта).

7. Яковлев. Деревня, как она есть. М. 1923 г. Цена 30 к.

8. Алексеев. Опыт монографического описания деревни Курово Московской губ. Цена 30 к. (брошюра Яковлева — образец обследования волости, Алексеева — деревни).

9. „Наша волость". 2 Методическое письмо ГУС'а 1924 г.

10. Описание своей области или губернии в разрезе естеств.-научном, экономич. и историч. [1])

11. Хитрова. „Начальная школа и краеведение.

II. Для районной библиотеки к этому добавить.

1. Вопросы краеведения. Нижн. Нов. 1923 г.

2. „По фабрикам и заводам". М. 1924 г. (Сборник — методика производств. экскурсий).

3. Большаков. „Советская деревня". Ленингр. 1923 г.

4. Феноменов. „Современная деревня" 1—2 т.т. Ленингр. 1925 г.

5. Глуздовский. Родиноведение и учитель. 1924 г.

6. Дыский. Опыт монографич. описания деревни Бурцевой.

7. Программы школьных наблюдений над природой. (Сборник под ред. Глушкова). Ленингр. 1921 г.

8. Всехсвятский. Экскурсия в природу Сокольников (как метод. руков.)

9. Жадовский. Музей местной природы.

10. Краеведение и школа (сборник). 1925 г.

11. Жан-Бограз. Революция в деревне.

12. „ Старый и новый быт.

13. Яковлев. Наша деревня. М. 1924 г.

14. Статистический губернский сборник [2]).

15. Научное описание уезда [3]).

Примечание 1. Стоимость школьного набора без сборника по местному краю около 5 рублей за 9 книг. Стоимость районного набора не менее 30 рублей.

Примечание 2. Кроме указанных книг необходимо, чтобы каждая школа была снабжена компасом (буссоль), часами (карманными), готовальней и матерьялом для черчения. Без такого минимального ассортимента и иструментов и пособий работа по краеведению не может быть налажена как следует.

---

[1]) Образцом описания губернии являются книги „Костромской край" 1924 г.; Самарский край, т. I и II, 1924 г. Образцом описания области—„Центральная Пром. Область". М., 1924 г.

[2]) Образец „Административно-Экономический справочник по Московской губ. Нов. Москва, 1924 г. Цена 10 р.

Образец — работа Шаховской „Природа Дмитровского края".

Детские журналы за 1924 год.

Н. В. Чехов.

Детские журналы существуют у нас почти полтора столетия и, не смотря на это, вопрос о их педагогическом значении остается спорным, а вопрос о том, каковы они должны быть, решается самым различным образом. Революция уничтожила все старые журналы в том числе и детские. На место погибших народились новые, но они очень мало чем напоминают своих старых собратьев: революционное время наложило на них свой яркий отпечаток. Среди них возник целый ряд новых детских журналов.

Нужны ли они? Отвечают ли они каким-нибудь определенным потребностям и запросам детской среды? Отвечают ли они запросам времени? Какова их роль в жизни подрастающего поколения? Чем отличаются они от старых дореволюционных детских журналов?

Старые детские журналы были, в сущности, сборниками рассказов и статей, предназначенных для детей. Периодичность их выхода в свет оправдывалась только удобствами и интересами издателей, которые получали за эти сборники плату вперед в виде подписки. Любой из этих журналов можно было читать через год, три, пять лет и более после его выхода и читатель от этого ничего не терял. Ничего современного и общественного в журнале не было. Да и вопросов о вовлечении детей в современность, прежде не существовало, а детское самоуправление было только в зародыше.

Революция и последовавшие за нею годы гражданской войны и разрухи, а затем годы строительства принесли и новый быт и новую систему социального воспитания. Все это внесло в жизнь детей самую решительную ломку, перестроило их мировоззрение и направило их по новым путям, но самым главным, было вовникновение д тских самоуправляющихся коллективов: коллективы эти порождены современностью и не могут не быть с нею связаны, а для многих из них эта связь является главною задачею их существование.

Зародыши общественности в старой школе почти вовсе не имели ростков. Только в некоторых очень немногих детских учреждениях они получали тогда же некоторое хотя и слабое развитие, но их общественные интересы и там не шли дальше стен своего учреждения: школы, детского клуба или площадки для детских игр.

Теперь существует и детская общественная среда и детское и юношеское политическое движение.

Посмотрим же, насколько новые детские журналы отвечают изменившимся условиям жизни детей и их новым запросам.

Начнем с журналов, предназначенных для детей самого младшего возраста в большинстве еще не умеющих читать. Это собственно не столько читатели, сколько слушатели и зрители своего журнала.

Таких журналов два: „Искорка“ и „Мурзилка“. Редакция „Искорки“ (Б. Волин, А. Насимович и Г. Мериманов) справедливо рассуждают, что в журнале для детей дошкольного возраста „естественно должна преобладать графика“. Картинки и рисунки должны сами „рассказывать“. Рисунки „Искорки“ рассказывают мало и плохо. Бледная и нехудожественная обложка первого номера со второго заменяется новою, более яркою, но затем она повторяется на всех остальных номерах и, следовательно, ничего нового уже не рассказывает. Рисунков много, но за исключением обложки они все черные. Для дошкольников это язык не подходящий; ведь природу они видят в красках, а черный рисунок есть схема или отвлечение. Большая часть этих рисунков или виньетки или от-

дельные фигуры и предметы, иногда силуэты. В них нет необходимого элемента детского расказа: действия и драматизма. Для кого составлен текст журнала? Это—дети детских домов, дети рабочих и интеллигенции большого города, но это—не дети деревни. Впрочем, характер журнала от № 1 до 6 (дальше мы не видали его) заметно изменяется. Если журнал предназначался для одних и тех же детей, то повидимому дети эти растут не по дням, а по часам. Стремясь удовлетворить и дошкольников 5—6 лет и школьников первых 2-х групп от 8—9 лет журнал поневоле дает пестрый материал частью скучный для одних, частью не доступный для других. Современность отражается, но не современность данной минуты, а современность всей революционной эпохи. Рассказы о войне уже не современны для 5—6-ти летних детей 1924 года. Но знакомство с войной и особенно с гражданской войной полезно и необходимо для понимания современности. Из наших дней есть отражение смерти В. И. Ленина и жизни пионеров. В каждом номере рассказ или два или стихотворения дают такой материал. Затем идут рассказы из жизни современных детей и детских домов. Довольно много стихотворений, но удачных мало. Отдел игр и занятий едва развит. В общем материала для чтения даже для малюток маловато и он очень бледный.

Журнал „Мурзилка“ предназначается для еще более младшего возраста а именно для детей от 4 до 7 лет. Как на обложке каждого номера, так и на задней крышке каждый раз новая яркая в красках картина. Кроме того, в каждом номере есть две или три картины в красках во всю страницу. Наконец к каждому номеру приложено 2 или 3 листа для вырезывания и склеивания, тоже цветные. Прочие рисунки серые, но они почти всегда дают действие и будут и понятны и интересны маленьким „зрителям“ журнала. Жаль только, что в последних номерах журнала стали появляться картинки со старых клише и не художественные и плохо выполненные.

„Мурзилка“ это имя щенка, приключения которого играют большую роль в журнале. Название подозрительно напоминает маленьких человечков с круглыми глазами, изобретенных покойным журналом „Задушевное Слово“ М. Вольфа. Журнал, впрочем, гораздо ближе сродни другим старым журналам: повидимому он приходится двоюродным братом или племянником „Светлячку“ и „Дело и Потеха“ А. А. Федорова-Давыдова. Имя Федорова-Давыдова и его alter ego „Ткач Основа“ часто встречаются на страницах „Мурзилки“, есть и другие старые знакомые,—например, Ев. Шведер, но есть и новые авторы.

Признаки современности: рассказы из жизни в детских домах, первое мая, из детства Ильича, картинки из жизни пионеров. Но этот материал прямой связи с моментом выхода того или другого номера не имеет. Остальной материал—сказки про животных и неодушевленные предметы, иногда небольшие научно-популярные статейки, разные известия и, наконец, письма в редакцию. Последнее—прямое наследство от старых родстзенников. Письма пишут дети (повидимому, часто выдуманные), птицы, звери. Странно читать рядом письмо от юных ленинцев Наро-Фоминского отряда и от „Почтовой вороны“ и „Бухарского слона“. В заключение игры, забавы, задачи, загадки—тоже из старых журналов.

Довольно трудно определить социальный состав детей, для которых предназначается журнал. Ясно, что не для крестьянских ребят, а вернее, редакция не по думала хорошенько для кого она создает свой журнал. Ясно одно, что дети 4—7 лет сами журнала читать не будут и что, следовательно, при нем должен быть чтец или учитель или кто либо из старших, имеюший досуг возиться с детьми и читать им. В обоих журналах деревенская среда не отражается вовсе, рабочая очень мало.

Для детей школьного возраста в Ленинграде издается журнал под общей редакцией З. Лилиной. Он назывался сначала „Воробей“, а с № 8-го стал называться „Новый Робинзон“. Это новое название поясняется тем, что теперешняя

жизнь—робинзонская. „Русские крестьяне и рабочие сейчас делают то, что до них еще никогда и никто не делал".

Содержание журнала очень разнообразно. В каждом номере какая-нибудь фантастическая история или история с приключениями. В № 1—история о том, как Володя, собирая коллекцию марок, хотел достать марку с острова Св. Елены и полетел туда на воздушном корабле и там сам Наполеон вручил эту марку (?). Какой то великан, страж острова стреляет в Володю зараз из пулемета, винтовки и револьвера и, разумеется, мимо. Истории с приключениями в следующих номерах умнее. Некоторые очень живо заинтересуют детей. Лучше бытовые повести (например,—„Конокрады" Ауслендера). Из других полубеллетристических произведений отметим: „Тюремные Робинзоны" Новорусского о том, как Шлиссельбургские узники создали у себя в тюрьме садик и огороды. Хорошо ведется отдел: „Лесная газета",—это сезонные новости из области местной природы окрестностей Ленинграда и даже самого города. Это—маленькие известия под интересными заглавиями: „Гостья из под полярных стран", „Долгий сон" (летучей мыши), „Стая птиц под снегом" и т. п. Естественно было бы ожидать при этом отделе заданий для детей, желающих наблюдать явления природы, но к сожалению, этого нет, а вместо того, шутовские объявления в роде следующего: „Сдаются помещения. Приглашаются квартиранты во все скворешники", „Ищут помещения для гнезд воробья", „Ищет своего хозяина черный пудель".

Недурно составлены статьи по технике: „Скорость и дороги", „Как люди работают", „Как делают кинематограф" и др.

Стихи не важные и их не много. Проза талантливее.

Дневник „Воробья", дававший картинки из жизни детей разных школ, детдомов и колоний с переменой названия журнала стал дневником „Нового Робинзона". Прибавился еще более интересный отдел „Бродячий фотограф". Есть еще ребусы и загадки очень немудреные. А современность—ее немного: сезонные явления природы, новости из зоологического сада (у каких зверей родились детеныши) и черты из жизни детских учреждений. На смерть В. И. Ленина журнал дал приложение о нем, очень хорошо написанное. Рисунки недурны. Много клише с фотографических снимков. Для каких детей издается журнал? Для детей интеллигенции, высшего культурного слоя общества. Дети рабочих Ленинграда своего журнала еще не имеют. За пределами Ленинграда и губернии журнал мало пригоден.

Все перечисленные журналы—ежемесячные. Об'ем всех их не велик, обычно 32 стр. номер.

Украинский комиссариат народного просвещения издает двухнедельный журнал с номерами несколько больших размеров. Это „Октябрьские всходы". Журнал сразу вводит читателей в политические интересы момента. Первая статья каждого номера—политическая. Вот некоторые темы: „Минувший год" (1923). 8 Всеукраинский с'езд советов. Шестилетие Красной армии. Почему буржуазные страны признали Советский союз? Февральские дни. Ленинский набор. Затем идет беллетристика. В каждом номере законченный хороший художественный рассказ. Исторические справки преимущественно из истории революции. Статьи о производствах, из истории культуры и др. статьи очень разнообразного содержания. И рассказы и статьи хорошо иллюстрированы. Отметим еще отделы: из жизни юных ленинцев (корреспонденция из разных городов) и беседы о чтении. Наконец и обычный отдел: „Игры и забавы" выгодно отличается от таких же отделов других журналов. Журнал написан хорошим, понятным языком и отличается серьезностью содержания и общего тона. Это, действительно, журнал в настоящем смысле этого слова, а не балаган для забавы и времяпровождения, и все таки журнал для детей, хотя и более старшего возраста 12—14 лет.

„Зернышко" выходит в Твери. Издает его „Тверская учебно-техническая артель". Внешность его довольно серенькая. Рисунки часто старых и даже с очень старых клише (см. стр. 16 № 1). Но для провинциального журнала, которому,

разумеется, гораздо труднее найти и опытного редактора и талантливых сотрудников, журнал ведется хорошо. Небольшие рассказы в перемежку с краткими биографиями, стихотворениями и драматическими сценками. Недурно ведется популярно-научный отдел и отдел „Родной край“ (СССР). Отдел „Ручной труд“ дает интересные задания. Есть и веселая страничка, шарады и загадки. В конце отдел „Для младших братьев и сестер“ странички 2—3 рассказов, стихов, напечатанных крупным шрифтом. Особыми талантами журнал не блещет, но для своих читателей-учеников двух старших групп школы первой ступени будет и интересен и полезен. С современностью связи нет. Журнал можно чнтать с одинаковым успехом и в месяц выхода в свет и через 2 года.

Нам остается разобрать 3 журнала, являющихся органами детского политического движения: „Барабан“, „Пионер“ и „Юный строитель“.

Первые 2, являясь органами определенной организации, гораздо ближе подходят к типу настоящих политических и общественных журналов, чем все предыдущие. Они полны современности, отвечают на лозунги минуты. Но скажем несколько слов о каждом из них.

„Барабан“ ярко отражает жизнь пионеров Москвы не только своим содержанием, но и общим тоном, настроением, и даже языком. Молодое движение бурлит и кипит. Оно идет вперед под звуки барабана, с песнями, криками, быстрыми порывистыми движениями, выпадами. Оно захватывает массу, нервирует ее, дергает то туда то сюда, переносит и часто с быстротой молнии ее внимание с одного предмета на другой, выкрикивает лозунги минуты и немедленно превращает в дело. Все это так естественно, так молодо и живо. Но жить постоянно в этой приподнятой атмосфере утомительно; это треплет нервы, утомляет голову и весь организм. Все это нужно в известные минуты, но рядом с этим нужна и другая ежедневная упорная, но спокойная регулярная работа, работа над собою, над приобретением знаний, приобретением привычки к труду, усидчивому, черному, неинтересному. Журнал „Барабан“ отражает эту нервную живую и утомительную работу пионеров. Материал в литературном отношении очень неровный. Иногда эти серьезные хорошо рассказанные эпизоды из истории революции и рядом примитивные фарсы, с агитационным характером. Исторические памятки иногда по характеру изложения напоминают хронику бойкой (бульварной по старому) газетки. Это еше не беда. Хуже, когда таким же бойким слогом излагается техника какого-нибудь производства. Хорошо ведется отдел „Наша жизнь“. Недурно составлены статьи из жизни природы.

Журнал совершенствуется в своем роде. Последние номера содержат огромное количество мелких заметок, известий, советов, картинок из жизни и работы пионеров. Масса полезных сведений. Есть программа наблюдений природы. Два слова об отделе: „Наша школа“. Это ряд заметок из жизни наших школ. Часто, слишком часто помещаются среди них жалобы на педагогов с точным указанием школы и фамилии учителя. Гласность могучие орудие общественности. Печать имеет право и должна отмечать всякий безобразный поступок, но при условии ответственности за каждое печатное слово и ответственности прежде всего перед той же печатью. Не только дети, но и взрослые часто слишком скоро и опрометчиво судят других. Суд предполагает право защиты. „Барабан“, помещая такие известия, должен в интересах равноправия сторон предоставлять задетым педагогам право печатать опровержения, или он должен поступать так, как поступает, например, „Рабочая Москва“ с такими заметками: она предварительно посылает их для проверки к ближайшему начальству и, если сведения, сообщенные в газету, не подтвердятся,—не печатает. Для пионеров, недовольных чем-либо в школе, есть другой легальный и прямой путь: поднять вопрос в совете школы через своего руководителя, члена совета

„Барабан“ живое отражение современной пионерской работы со всеми ее достоинствами и недостатками. Это настоящий орган общественной организации.

Гораздо спокойнее и серьезнее „Пионер“, в нем гораздо полнее отражается

жизнь пионеров. Встречаются более обширные сообщения с мест. Художественные рассказы трактуют о подвигах подростков, которых не мало можно найти в летописях гражданской войны. Есть номер целиком посвященный В. И. Ленину, другой—Октябрьской революции. „Барабан" преимущественно дает то, о чем говорят пионеры, а „Пионер" рассказывает то, что и как они делают. Может быть, и тот и другой журнал нужны, но полезнее второй".

„Юные Строители" двухнедельный журнал, издается редакциея «Рабочей газеты», редактор Н. И. Смирнов. Каждый номер 16 страниц большого формата состоит из 3-х частей: собственно журнал „Юный Строитель", „Страничка пионера" и отдела для детей младшего возраста (7—9 л.) „Красные маки". Такое об'единение журнала для детей младшего и старшего возраста, которое практикуется и другими журналами, не совсем удобно. Основной журнал, предназначенный для подростков (10—14 лет) немного труден для 10-летних. Может быть дети интеллигентных семей и поймут все это, но не дети рабочих. Для этих последних мало близкого им материала. Это не значит, что этот материал будет для них неинтересен: они с удовольствием прочтут и рассказы и картины из истории революции у нас и на Западе и статьи естественно-исторического и иного научного содержания. Но все это не связано с их жизнью, но мало связано с сегодняшним днем. У журнала немало юных корреспондентов. В № 6 помещена фотография обще-городской Московской их конференции. Во всех номерах их бесхитростные короткие письма, несомненно настоящие. Журнал ведется серьезно и производит в общем хорошее впечатление.

Все три последние журнала взяли хорошую привычки на обложке каждого номера давать новую картину.

Журналы для детей у нас есть. Они дают, хотя и понемногу ценный и интересный материал, но ни один из них не может еще назваться настоящим „журналом" детей и подростков. Очевидно,—эта задача не так легка, но современные журналы неизмеримо ближе к своей цели, чем были их дореволюционные предшественники. Это еще не значит, чтобы они были близки к этой цели. Перед ними задача связать при помощи журнала детей с детским движением и с общей современной политической жизнью, связать органически и в системе. По общепедагогическому принципу надо итти от близкого к более отдаленному. Вот почему нужен не один журнал, а много, соответственно разнообразию условий, в которых живут дети. Должен быть журнал для детей рабочих большого города, для детей ремесленников и трудового населения маленьких городов, для детей железнодорожников, для крестьян, отдельный журнал для детских домов и школ. Журналы могут различаться и по возрасту детей, для которых они предназначаются.

Задача редакции, избрав для себя определенную среду, вникнуть в ее жизнь, уследить биение ее пульса, ее интересы и стремления. Осветить все это для тех же подростков, дать художественное отражение знакомой им жизни и толковое научное об'яснение ее явлений и отсюда перевести их к пониманию связи этих явлений с жизнью своей республики, всего СССР, Европы и всего мира, постепенно расширяя горизонт своих читателей, знакомя их и с родиной и с другими странами, с прошлым, настоящим и с перспективами будущего. Дети активны по природе, поэтому долг журнала для детей дать им возможно больше пищи для этой активности. Отсюда задачи, но не для забавы или гимнастики ума, а практические общественно-полезные задачи. Отсюда широкое привлечение детей к участию в журнале. В будущем мыслим журнал и печатанный журнал, который весь будет наполнен статьями юных сотрудников и взрослому редактору останется почетная роль секретаря редакции, главного сотрудника не журнала, а его редакционной коллегии. Но до такого идеала нам еще далеко. Будем довольствоваться пока первыми шагами по этому пути, а они несомненно уже сделны нашими детскими журналами.

СПИСОК ЗАСЛУЖИВШИХ ВНИМАНИЯ ДЕТСКИХ КНИГ, ВЫШЕДШИХ В 1924 ГОДУ.

(Список составлен по материалам библиографической комиссии б. института детского чтения, ныне отдела института внешкольной работы).

1. Альманах для детей и юношества. Сбор. новых произвед. Я. Тугенхольда. Прил. к журн. „Красная Новь". Изд. «Известий». М. 1924 г. 106 стр.
2. Белые боги. Дж. Лондон. Перев. с англ. Э. К. Бродерсен. Издания „Мысль". Л. 1924 г.—214 стр.
3. Борьба и труд. Новые стихи для детей. Сб. I, составила А. Гелина. Изд. Госмастер. педаг. театра Главсоцвоса. М. 1924 г.—24 стр.—30 к.
4. Будем готовы. Ауслендер С. Рис. Л. Жолткевич. Гиз. М. 1924 г.—447 стр.—25 к.
5. Ванька и Васька. С. М. Маршак. Рис. Вл. Конашевич. Изд. „Время". Л. 1925 г.—14 стр.—75 к.
6. Герои морских берегов. Изд. „Земля и фабрика". Серия „Труженики моря". Сб. № 6 под ред. В. А. Попова. М. 1925 г.—115 стр.—40 к.
7. Гости. Елизавета Полонская. Карт. С. Чехонина. Изд. «Книга». М., Л. 1924 г.—16 стр.—75 к.
8. Демка Лобан. Вс. Рязанцев. Гиз. М. 1924 г.—104 стр.—60 к.
9. Док ор Айболит. Соч. Гью Лофтинг, пересказ К. Чуковского. Рис. Е. Белухи. Гиз. Л. 1925 г.—33 стр.—40 к.
10. Ефимка партизан. П. Голубев. Рис. В. Пшеничникова. Серия „Нов. Дерев. библ." Гиз. М. 1925 г. 49 стр.
11. Жизнь юного пролетария. Повесть Н. Лещинского. Изд. «Новая Москва». М. 1924 г.—190 стр.—60 к.
12. Завтрашний день. Фант. роман Як. Окунева. Рис. В. Артемьева. Изд. „Новая Москва". М. 1924 г.—195 стр.—60 к.
13. За кулисами цирка. Дж. Лондон. Перев. с анг. Н. Ю. Жуковской. Изд. «Мысль». Л. 1924 г.—264 стр.
14. Зарницы. Чтец декламатор для детей. Н. Ашукин. Изд. „Думнов". М. 1923 г.—78 стр.
15. Звери дедушки Дурова. В. Л. Дуров. Кн. I. Гиз. М. Л. 1924 г.—139 стр.—Ц. 1 р. 40 к.
16. Звериный кооператив. Н. Чуковский под ред. К. Чуковского. Рис. англ. худ. Л. Р. Брайтуэлль. Изд. Центросоюза. М. 1925 г.—36 стр. 60 к.
17. Злое море. Б. Житков. Рассказы Изд. „Время". Рис. Черкасова, Утина и Пашкевича. Л. 1924 г.—70 стр.—1 р. 50 к.
18. История одной девочки. Повесть Е. Н. Петровой. Гиз. Л. 1924 г.—184 стр.—80 к.
19. Как ни в чем не бывало. А. Н. Толстой. Рис. В. Замирайло. Изд. „Время". Л. 1925 г.—40 стр. 90 к.
20. Как примус захотел фордом сделаться. Машинная сказочка. Н. Агнивцева. Карт. К. Елисеева. Изд. „Радуга". М. 1925 г.—16 стр.—65 к.
21. Колокольчики. Стихи для маленьких Составила А. М. Калмыкова. Рис. Т. Н. Гипиус. 2-е изд. Начат. Знан. Л. 1924 г.
22. Как Саша стал красноармейцем. Рассказ. Рис. С. Герасимова. Гиз. М. 1925 г.—77 стр.
23. К северному полюсу. Путешествия Нансена и Пири. Серг. Меч. Гиз. М. 1924 г.—150 стр.—60 к.
24. Кот сметанный рот. Толстой А. Н. Сказка. Карт. В. Белкина. Изд. „Брокг. и Ефр." Л. 1924 г.—12 стр.
25. Комар-Комарище. Карт. К. Кузнецова. Гиз. М. 1924 г.—14 стр.
26. К новой жизни. Повесть для юношества. Изд. М. Л. 1924 г.—175 стр.
27. Конец старой сказки. Рассказ. А. Яковлева. Рис. Л. Жолткевич. Гиз. М. 1924 г.—33 стр.—20 к.

28. Красные орлы. Н. Бабаев. Рис. В. Васильева. Гиз. М. 1925 г.—29 стр.—20 к.
29. Красный билет. Сбор. пионерских рассказов. Сост. М. Стремяков. С предисл. С. Тарханова. „Новая Москва". 1924 г.—20 к.
30. Клуб египетских инженеров. Повесть, ч. I. Перев. с англ. Издан. „Образование". Л. 144 стр.—1 р. 40 к.
31. „Листовки". Изд. „Молод. Гвардия" М. 1924 г.
32. Между жизнью и смертью. Морские рассказы. А. Новиков. С рис. Изд. „Нов. Москва". М. 1924 г. –54 стр. 25 к.
33. Митька медвежонок. Рассказы для детей. Карт. В. Белкина. Изд. „Academia". 1924 г.
34. Много впереди. С. Ауслендер. Повесть. Гиз. М. 1924 г.—147 стр. 70 к.
35. На трудовом пути. Повести и рассказы. П. Суражский. Гиз. М. 1923 г.—112 стр.—40 к.
36. Небылицы про Эдварду лису. Прикл. Яола и Яула. С. Маршак. Рис. Б. Кустодиева. Изд. „Брокг. и Ефр." Л. 1924 г.—16 стр.—1 р. 50 к.
37. Необычайные приключения товарища Чумички. В. Волженин. Рис. А. Божерянов. Изд. „Прибой". Л. 1924 г.—40 стр.—70 к.
38. Нини и Чикка против фашистов. Артур Кароти. Перевод с итальянск. М. А. Гершензон. Ред. А. Колтинская. Рис. Н. Вышеславцева. Гиз. М. 1925 г.—182 стр.
39. Один среди дикарей. Путешествие Миклухи-Маклая, изложение Э. К. Пименовой. Изд. „Книга". Л. 1925 г. 130 стр.—1 р.
40. Оливер-Твист (по Диккенсу). Перераб. Ю. Шинберг. Изд. „Молодая Гвардия". М. 1924 г.—70 стр.—40 к.
41. Охиджеза. Истмэн Ч. А. Перевод С. Кублицкая-Тютух. Изд. Девриена. Берлин. 1923 г.—170 стр.
42. Паровоз. С. Григорьев. Гиз. М. 1924 г.—53 стр.
43. Красный Бален. С. Григорьева. Рис. А. Баранского. Изд. „Нов. Дерев. библ." Гиз. 1924 г.—56 стр.
44. Пеленка нового паровоза. Митчель Пер. В. Федяевской. Гиз. М. 1925 г. 46 стр.
45. Петино новое платье. Рассказ Э. Бесков. Изд. „Кр. Новь". М. 1924 г.—16 стр.
46. Рассказы для детей младшего возраста. А. Неверов. Литогр. А. Киселева. „Нов. Дер. библ.". Гиз. М. 1924 г.—32 стр.
47. Пираты, людоеды и краснокожие. Рассказы для детей по Бовжу, Джедду и Стрэнгу. Рис. В. П. Белкина. Изд. „Время". Л. 1924 г.—76 стр.—1 р.
48. Приключения доктора Дулитля. Гаил Офтинг. Перев. с англ. Л. Б. Хавицкой. Рис. автора. Гиз. М. 1925 г.—112 стр.
49. Приключения короля Матюша. Ян. Корчак. Повесть. Пер. с польск. Издан. „Прибой". Л. 1924 г.—250 стр.—1 р.
50. Приключения Пиноккхю. Перев. с итал. Н. Петровской. Пер. и обраб. А. Томтад. Изд. „Накануне". Берлин. 1925 г. Рис. Л. Малаховского.
51. Присказки. Федорченко. Рис. К. Петров-Водкин. Л. 1924 г.—16 стр.
52. Продавец счастья. А. Кожевников. Изд. „Молодая Гвардия". М. 1924 г.—45 стр.—35 к.
53. Путешествие Чарли. Н. Г. Смирнов, Г. Чичагова и О. Чичагова. Гиз. М. 1924 г.—24 стр.
54. Пятьдесят поросят. Детск. и народн. песни. Выбрал К. Чуковский. Рис. Чехонина. Изд. А. Ф. Марск. Л. 1924 г.—24 стр.—1 р.
55. Радужный поясок. Расск. для детей. Н. Колоколова. Изд. М. 1923 г.—105 стр.
56. Рассказы о смельчаках. Дж. Лондон. Пер. В. Азов и А. Горлин. Гиз. Л. 1924 г.—117 стр.
57. Ромка. Сибир. рассказ Ауслендер. С. Рис. С. Герасимов. Гиз. М. 1924 г.—36 стр.—25 к.
58. Семилетка. Кн. для чтения. Н. Аммединген. Изд. Гиз. Л. 1923 г.—120 стр.
59. С мешком за смертью. С. Григорьев. Изд. „Земля и Фабр." М. 1923 г.

60. У героев техники. Бонд А. А. Пер. К. Михайловой. Изд. „Книга“ Л. М. 1924 г. - 231 стр.
61. То же. Пер. под. ред. В. А. Попова. ч. II. изд. Ин. Л. 1922 г.—161 стр.
62. Улита едет. В. Мазуркевич. Карт. Э. Криммер. Изд. „Радуга“. Л. 1925 г.—14 стр.—85 к.
63. Шесть дней в лесах. Формозов. А. Н. Рис. автора с пред. и под ред. А. Ф. Котса. Изд. «Синей Птицы». М. Л. 1924 г.—115 стр.
64. Чудеса. С. Маршак. Карт. Б. Кустодиева. Изд. „Радуга“. 1925 г. 16 стр.—1 р.
65. Чудеса наших дней. Д. Зелинский. Изд. Юго-Вост. Кооп. Р./Д. 1925 г.—35 стр.—20 к.
66. Шалык. Победители бурь. Морск. рассказы. А. Новиковой. „Прибой. Изд. Нов. Москва. М. 1924 г.—45 стр.
67. Шахта изумруд. Вл. Владимирский. Рис. В. Васильева. Изд. Гиз. М. 1925 г.—91 стр.—50 к.
68. Яшка из кармашка. Огнев Н, Сказочка. Авто-литогр. А. Суворова. Гиз. 1924 г.—24 стр.

Н. В. Чехов.

Просвещенская печать.

„Просвещенец“—Орган Забайкальского Губернского Отдела Всероссийского Союза Работников Просвещения № 11, 1924 год.

В задачу журнала входит: освещение вопросов союзной жизни и просвещенской работы, организация живого обмена мнениями по этим вопросам и установление теснейшей связи мест с центром и работников друг с другом.

Надо отдать справедливость—журнал чрезвычайно удачно справляется со своей задачей. Близость к жизни и интересам массового работника, чуткий отзвук на его запросы, насыщенность практическим и живым материалом, своевременность выдвигаемых вопросов и товарищеский тон—вот то впечатление, которое производит журнал, если судить по одиннадцатому номеру.

Этот номер начинается с осведомления учительства о предстоящем (номер ноябрский) Всесоюзном Учительском с'езде, его задачах, значении и о значении и порядке подготовки к нему на волостных и уездных конференциях. Будящий, волнующий призыв.

В следующих статейках, написанных простым языком, бодро и коротко, говориться об очередных задачах ближайшей работы („Наше очередное“), о возможных формах совместной работы учителя и Кресткома („Учитель и Крестком“), об участии в пионерской работе (статья комсомола—„Давайте работать вместе“), в налоговой кампнании, о том, как вести агропропагаду по газете.

Ценно то, что в них есть не только постановка вопроса, но преимущественно практические указания на возможности и пути разрешения намеченных задач в жизни.

Значительная доля внимания уделена вопросу переподготовки работников. Почти все из практики.

Есть в журнале „Страничка—помощь по самообразованию“. Через нее Забайкальское Губернское Консультационное Бюро по самообразованию завязывает связи с одиночками, с кружками и с коллективами просвещенцев, путем статей и бесед по различным вопросам, ответов на возникающие запросы.

В данном номере на этой „Страничке“ помещена статья И. Ребельского о том „Как организовать кружок самообразования без руководителей“, при чем та же статья может послужить руководством учителю и при организа-

ции крестьянского кружка по самообразованию.

В почтовом ящике несколько ответов Бюро на вопросы читателей своего журнала.

К статьям практически-методического характера можно отнести статью учителя Малафеева „Экспедиция, как метод социального воспитания"—описание интересной и длительной экспедиции одной школы с целью ознакомления с сельской жизнью, проведения практикования в общественной работе, организации ребят на увлекательном деле, в увлекательной для них обстановке,— и статью П. Госмера—„О внеклассном чтении" (детей).

В отделе „Из жизни учителя—несколько штрихов жизни и быта просвещенца, умело схваченных, талантливо переданных.

Живет и бьется мысль. Нет жалоб и хныканья. Если бессилие, то временное, пока не перешагнули нагроможденных на дороге препятствий. А шагают с упорством, с напряженностью всех сил.

Пишут из всех углов в свой журнал:

— Открыт уголок просвещенца...

— Была конференция заведующих волостными школами...

— Началась кружковая работа...

— Сделан первый шаг на волостной конференции к работе по программам ГУС'а...

— Надо наверстывать пропущенное за летние каникулы время—усилить профсоюзную работу. И т. д., и т. д.

Из этих писем, заметок (в этом номере их одиннадцать) видно, что работник Забайкалья знает и ценит свой журнал, чувствует потребность и пользу от взаимной связи.

„Далеко от губцентра наш уголок и, очевидно, поэтому так редко приходится видеть на страницах „Просвещенца" хоть одну маленькую заметочку о работе или нашего Упроса или хотя бы какой-нибудь ячейки"—пишет учитель С—н „Из далекого угла".

„Никто не подскажет нам о том, чтобы и наш Упрос и все наши месткомы и союзные ячейки выделили корреспондента для этого, а сами мы вот никак до этого додуматься не можем".

Но многие уже додумались: пишут, спрашивают, делятся опытом и школьной и общественной своей работы (особенно интересно в отделе: „Письма с мест" письмо „Наша летняя работа").

В разделах Хроники, Справочном, За красной гранью, журнал знакомит своих читателей с с'ездами и конференциями Москвы, Дальнего востока, губернии, с последними мероприятиями и циркулярами и инструкциями НКП, Цекпроса, Губоно, Губотдела Союза, с жизнью учительства за-границей.

Есть небольшой библиографический отдел.

К недостаткам журнала надо отнести его полную оторванность от работников политпросвета и профобра. Не слышно также голоса технических работников учреждений народного образования.

И еще: журнал почти не затрагивает общие вопросы политики и советской экономики (по крайней мере, в этом номере).

А между тем на страницах того же журнала нашла себе место заметка практического работника, учителя А. И. Пшеничникова—„Чего мы ждем", в которой он пишет, что многогранная работа учителя на селе налагает на него обязанность изучения всех вопросов советского строительства и в этом ему должны помочь центры, периодически освещая текущие, более важные, события, давая соответствующие практические указания и советы по всем основным вопросам, касающимся работы на селе.

Понятно, черезмерных требований к губернскому журналу пред'являть не приходится.

В отношении же „Просвещенца" можно с уверенностью сказать, что этот журнал имеет все данные стать подлинным органом массового забайкальского просвещенца, объединяющим и слаживающим на коллективной работе и взаимной помощи этот отряд разобщенной до сих пор просвещенской армии.

Еще несколько слов о внешности журнала. Издается вполне удовлетворительно: небольшой размер $3^1/_2$ печатных листа, тщательная корректура, умело вкрапленные между статей ударные

лозунги, выдержки из речей Ильича, из постановлений XIII партс'езда...

Пожалуй, только уж слишком много самостоятельных отделов: некоторые из них совершенно однородны.

И еще: только по об'явлению можно узнать, изданием какой губернии является „Просвещенец".

Так как журнал является больше производственным, чем союзным, то почему бы его не издавать вместе с Губоно?

В. Васильева.

„Листок Просвещенца". Издание Псковского Губернского Отдела Народного Образования. № 1. Ноябрь 1924 г. Год издания первый.

„Только соединенными силами, только дружной коллективной работой псковскому учительству удастся создать свой педагогический орган. Конечно, он никогда не будет в состоянии заменить всему нашему учительству столичные педагогические журналы, но сделаться их необходимым дополнением—в этом скромная задача „Листка Просвещенца".

Так мыслит свою задачу Псковский Губоно, приступая к изданию педагогического органа.

Первый номер чрезвычайно скромен по внешности и еще очень не богат содержанием.

Вначале идет официальный материал (циркуляры и инструкции), потом о состоянии народного образования в Псковской губернии и о „Первоочередной работе Губоно в связи с постановлениями XIII съезда РКП (б.)"—общие очертания производственного плана Губоно.

В Методическом Отделе несколько статеек: „Несколько слов о новых программах и о комплексной системе преподавания" М. Столярова, „План переподготовки сельского учительства Псковской губ. в 1924—25 г." „Учет педагогической работы в школах I ступени. (тезисы)" и „Как может быть проработана в группе А тема „Октябрьская революция"—план, составленный в Псковском педагогическом техникуме.

В качестве материала из непосредственной практики помещена лишь одна небольшая заметка—„Из бесед инструктора". И эти две странички наиболее интересные из всего номера.

К сожалению, отсутствует совершенно бытовой отдел, корреспонденции практических работников мест.

Библиографический отдел состоит из отзывов о книгах, взятых в общем случайно.

Все это способствовало тому, что первый листок вышел сухим и недостаточно интересным. В таком виде его правильнее было бы назвать информационным бюллетенем. Затронутые из разных областей вопросы поставлены слишком обще и совершенно не иллюстрированы. Между тем, в данное время для работника-просвещенца ценна та живая пропаганда, которая построена на конкретном материале, на примере, взятом из действительной практики. Пусть наряду с положительными достижениями будут выявляться и неудавшиеся попытки. Важно пробудить мысль, создать обмен мнений, вызвать общественную, здоровую критику с тем, чтобы общими усилиями добираться до правильных выводов.

Еще одно из условий успеха периодического органа—своевременность помещаемого материала. Давать в ноябрьском номере примерный план для разработки комплекса „Октябрьская революция", разумеется, поздно.

Надо надеяться, что в последующих номерах „Листок просвещенца" сумеет изжить все отмеченные недостатки и постепенно осуществить те задачи, которые он для себя наметил.

В. В.

„Путь просвещенца".—Ежемесячный журнал Шадринских окружных правления союза работников просвещения и подотдела народного образования.

№ 4—ноябрь 1924 г.

Когда в руки работника центра попадает книжка педагогического журнала, издаваемого в провинции, он с нетерпением ищет в ней прежде всего тот отдел, который вскрывал и освещал бы работу массовых учреждений. Это понятно. Из центра исходят общие руководящие указания. На местах, в отдельных учреждениях, часто отдельными работниками эти указания воплощаются и

оживляются в непосредственной работе, применительно к местным условиям и местной обстановке. Иначе говоря новая школа, скажем, создается не центром, а в гуще массовых учреждений — она выявляется и оформляется массовым работником школы. Этот массовый практический опыт как-раз и нужен центру в его общей руководящей работе.

Но этот опыт, эта творческая работа не в меньшей степени необходима и самим местам, самим массовым работникам. Не говоря уже о систематическом учете и планомерном использовании практического опыта, о чем В. И. Ленин говорил в начале 1921 года в статье „о работе Наркомпроса" и чего мы не научились делать еще до сих пор, но даже простая осведомленность массовых работников о состоянии и результатах этого практического опыта имела бы огромное значение: она расширяла бы опытную и творческую работу.

Судить о „Пути просвещенца" в целом по одной только 4-й книжке, понятно нельзя. Но все же некоторые выводы сделать можно.

Судя по „содержанию журнала", о котором говорится в объявлении о нем на обложке, в журнале, должны быть следующие отделы:

1) обще-политические вопросы;
2) Текущие задачи и организация работы просвещенца;
3) участие просвещенца в общественной работе;
4) местная практика работы по народному образованию;
5) из материалов работ окружной и районных методических комиссий.
6) вопросы краеведения;
7) профессиональная жизнь просвещенца.
8) Детское и юношеское коммунистическое движение;
9) беседы на разные темы;
10) жизнь и работа просвещенца;
11) мысли и отклики;
12) справочный отдел;
13) хроника;
14) библиография;
15) почтовый ящик.

Этот перечень говорит о том, что в журнале нет еще достаточной четкости и определенности в задачах, которые он ставит перед собой.

Рассматриваемая книжка имеет следующее содержание:

„Открытое письмо Шадринск. Окр. к-та РЛКСМ к красному учительству и сельской интеллигенции" (письмо исходит из постановлений XIII партийного съезда).

„Задачи, формы и методы переподготовки работников соц. воспитания в текущем году".

„Школьные праздники в системе общественно-политического воспитания" и образования.

„Комсомольское рождество и школа".

„От старого к новому (о школе крестьянской молодежи на основе работы одной из школ в округе).

„Эволюция форм учета знаний учащихся в школе II ступени (из опыта Шадринской школы).

„Физическое развитие детей и задачи школы".

„Опыт работы шадринского опорно-инструктивного пункта Л. Б."

„Работа по переподготовке" (из отчетных писем районных комиссий по переподготовке).

„Жизнь и работа просвещенца" (несколько корреспонденций о конференциях и др.).

Дальше, на трех страницах идут: „мысли и отклики", „хроника", библиография" и „почтовый ящик".

Не трудно заметить, что указанные отделы в этой книжке фактически не выдерживаются. По существу их просто нет. Материал, повидимому, подобран совершенно случайно. Не журнал владеет материалом, а материал владеет им.

О местном же практическом опыте в книжке почти совсем не говорится.

Журнал иногда дает приложения, которые имеются и в данной книжке. Между прочим, здесь имеются 12 примерных уроков по букварю „Наша сила — наша нива" в школах ликвидации неграмотности, разработанных рядом учителей — ликвидаторов. Уроки проработаны живо и интересно.

Такие методические приложения необычны в педагогических журналах и несомненно имеют огромную практическую ценность для работников.

В. Енютин.

О ЖУРНАЛЕ „НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Всем Заведующим Отделами Народного Образования.

Уважаемые товарищи!

В условиях большого оживления нашей просветительной работы и поисков новых форм организации дела НО ежемесячный журнал „Народное Просвещение“ может сыграть огромную роль, выявляя с одной стороны перед местными аппаратами директивы Центра, а с другой—отражая опыт мест.

До сих пор журналу не удалось установить тесную связь с местами. Если известная доля вины падает здесь на Центр, то не в меньшей мере в этом повинны и отделы народного образования, которые никогда не высказывают своих суждений о журнале и не предъявляют никаких требований в смысле его улучшения. Одним из самых серьезных дефектов журнала, по мнению редакции, является отсутствие в нем статей и корреспонденций с мест.

Редакция журнала „Народное Просвещение“ принимает все меры к тому, чтобы журнал оживить сделать его авторитетным для читателя.

Редакция журнала от системы построения очередных номеров на случайном материале преимущественно официального характера, перешла (это в достаточной мере видно из последних номеров) к так называемым целевым заданиям. Каждый номер журнала освещает определенный круг актуальных просвещенских вопросов силами ответственных руководителей Главков и Отделов Наркомпроса, а также научных специалистов. Остается только завербовать в качестве постоянных сотрудников журнала местных работников.

Настоящее письмо эту цель, главным образом, и преследует. Каждый ответственный работник ОНО (Завгубоно и инспектора в 1-ю очередь) должен считать себя сотрудником журнала. Каждый ответственный работник ОНО обязан участвовать в обсуждении тех вопросов, которые выносятся на

страницы журнала, а равно от времени до времени корреспондировать о положении дела народного просвещения в обслуживаемой им губерении.

Круг организаторов народного просвещения в последнее время все больше и больше расширяется. Опорные и районные просветительные учреждения становятся базисными ячейками, организующими дело народного образования в Республике. Редакция журнала считает необходимым привлечь к сотрудничеству также и этот новый командный состав просвещенской работы. Тем самым расширяется круг вопросов охватываемых журналом „Народного Просвещения" и отныне вопросы организации и методической работы на местах как в аппарате, так и в отдельных учреждениях, найдут свое полное отражение в журнале „Народное Просвещение".

Журнал, освещая всесторонне жизнь Наркомпросса в целом, строит свой план на производственном плане Коллегии Наркомпроса и его Главков.

Вопросам культурного строительства деревни в журнале отводится особое место.

Журнал дает исчерпывающие отчеты о всех съездах, совещаниях по народному просвещению. Наиболее ценные и актуальные доклады печатаются в журнале целиком.

В порядке дискуссии на страницах журнала помещаются статьи по вопросам еще не получившим своего окончательного разрешения в Коллегии НКП.

Как уже сказано выше, журнал придает особо важное значение обмену опытом мест. Сюда примыкает также освещение культурно-просветительной жизни Союзных и Автономных Советских Республик.

В разделе „За границей" журнал отражает политику и организацию народного просвещения в Западной Европе и Америке.

Журнал в каждом номере дает ряд отзывов о выходящих в свет учебниках и педагогических руководствах.

Журнал откликается на выходящие в провинции просвещенские журналы, дает о них отзывы и инструктирует их.

Каждый ответственный руководитель народного просвещения, таким образом, где бы он не работал—в аппарате ли ОНО, в районной школе, в ВУЗ'е или Техникуме—может найти соответствующие роду своей работы—раздел в журнале „Народное Просвещение". От самих читателей зависит сделать журнал более содержательным и интересным. Только при дружной поддержке мест журнал выполнит стоящие перед ним серьезные задания.

Каждый Зав. ОНО с получением сего должен выделить

своих корреспондентов для журнала „Народное Просвещение" сообщив их фамилии и адреса в редакцию.

Отдельно стоит вопрос о расширении круга читателей журнала. Здесь последнее слово, конечно, скажет содержательность и ценность самого журнала. Однако в этом должны проявить известную инициативу и ОНО. Необходимо добиться того, чтобы каждое крупное просветительное учреждение выписывало журнал. Читателем журнала должен стать каждый просвещенец, которому близка организация дела народного образования в Республике.

Подписка производится в Госиздате (Москва, Воздвиженка, 10. Периодсектор Госиздата) и во всех его отделениях на местах, а так же и в редакции журнала (Москва, Сретенский бульвар, 6, Наркомпрос). Условия подписки публикуются в общей печати.

Имеющиеся со стороны ОНО конкретные предложения о постановке журнала Наркомпрос просит немедленно направлять в редакцию журнала.

Замнаркомпрос **И. Ходоровский.**
Зав. Админ. Орг. Управлением **М. Эпштейн.**
Зав. Орг. Инспект. Отделом **И. Перель.**

Ответственный редактор **М. С. Эпштейн.**

Редакционная коллегия **М. С. Эпштейн. И. А. Перель. Э. Б. Лунин.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемесячный журнал
Наркомпроса

„НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ“

Журнал ставит своей целью освещение вопросов политики и организации народного образования.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ЖУРНАЛ
„НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ“:

на 1 год—**11** р., на 6 мес.—**5** р. **50** к., на 1 мес.—**1** р.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ЖУРНАЛ „НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ“ С ПРИЛОЖЕНИЕМ К НЕМУ
„ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА НКП“:

на 1 год—**18** р., на 6 мес.—**9** р., на 1 мес.—**2** р.

Подписка принимается Сектором Периодических изданий Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10) и всеми его отделениями на местах, а также и редакцией журнала (Москва, Сретенский бульв., 6, Наркомпрос).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„Еженедельник Наркомпроса“,

выходящий один раз в неделю в объеме от полутора до двух печатных листов.

В „Еженедельнике НКП“ помещаются все официальные распоряжения и постановления Наркомпроса, а также и все постановления и распоряжения Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома Союза ССР и РСФСР и других Наркоматов по линии народного образования.

Подписная цена на „Еженедельник НКП“:

на 1 год—**10** р., на 6 мес.—**5** р., на 1 мес.—**1** р.

Цена отдельного №—**25** коп.

„Еженедельник“ вместе с журналом „Народное Просвещение“:

на 1 год—**18** руб., на 6 мес.—**9** руб., на 1 мес.—**2** руб.

Подписка принимается Сектором Периодических изданий Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10) и всеми его отделениями на местах, а также и редакцией журнала (Москва, Сретенский бульв., 6, Наркомпрос).

Стр.

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ.

Н. Рыковский.—Всесоюзная конференция по краеведению 157

В КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА.

Постановления Коллегии и Президиума Коллегии Наркомпроса 164

В СОЮЗЕ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ 167

СЪЕЗДЫ и КОНФЕРЕНЦИИ.

А. М. Коноплянцев.—Совещание директоров учреждений Главнауки 170
П. Зенкович.—Первая всероссийская конференция работников научных библиотек 173
П. Зенкович.—I-й Всероссийский библиографический съезд 176

ОБЗОРЫ.

В. Бобрышев. — Первый год плановой работы (Ликвидация неграмотности в 1923/24 г.) 174

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

С. Марголина.—Отзыв немецкой печати о реформе средней школы в Германии 194
С. Марголина.—Образовательный ценз американских учителей 196
М С.—Студенчество в Соединенных Штатах 197

БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Подземский.—Заветы Ленина в области народного просвещения 210
М. Феноменов.—Какие пособия по краеведению нужны школе 202
Н. В. Чехов.—Детские журналы за 1924 г. 205
Н. Чехов.—Список детских книг 210

ПРОСВЕЩЕНСКАЯ ПЕЧАТЬ 212

О ЖУРНАЛЕ „НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ".

Всем Заведующим Губоно и Обоно 216

Цена 1 руб. 50 коп.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00029466649